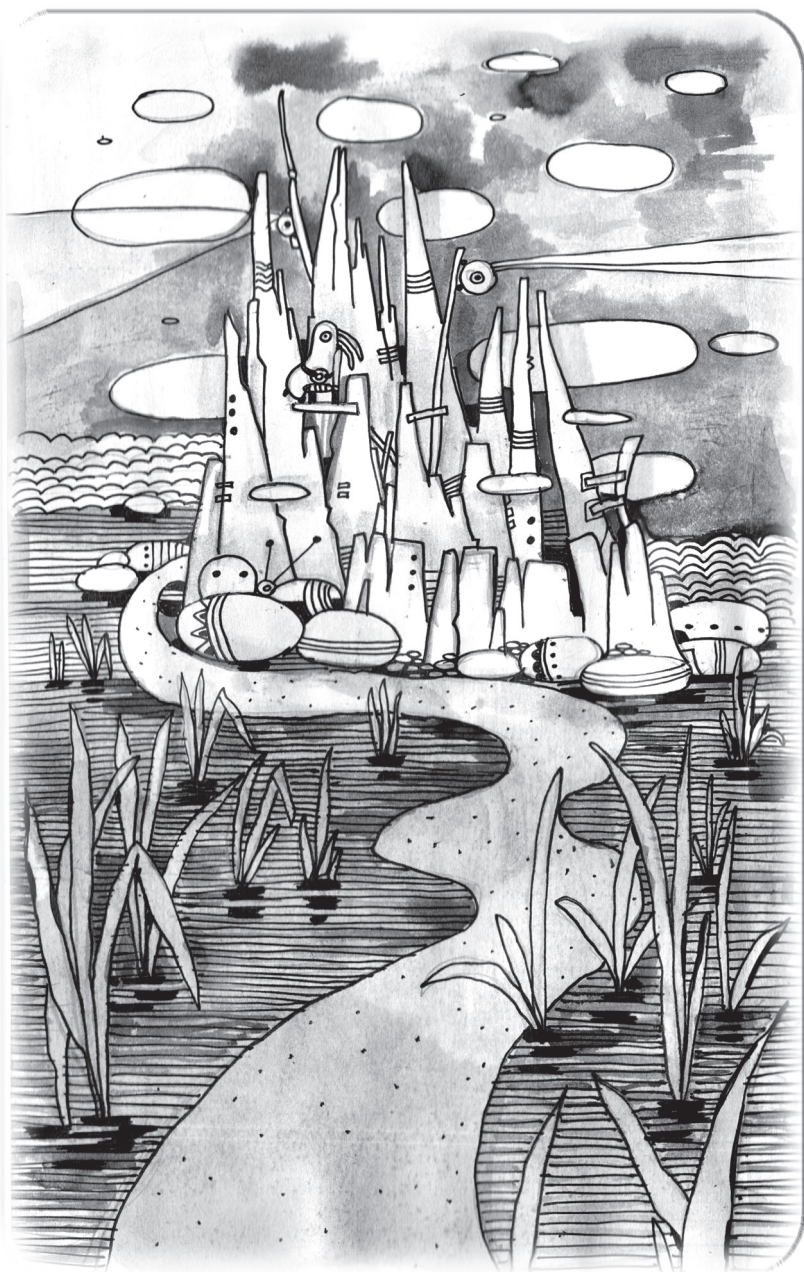

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА

An²⁽⁰⁰⁷⁾
2016

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

А91 **Астра Нова:** альманах фантастики. № 2(007). – СПб.:
Издательство Северо-Запад, 2016. – 308 с.

ISBN 978-5-93835-593-4

Каким бы ни было наше дело – оно всегда правое! А левым оно кажется лишь нашему противнику – и то только потому, что он стоит к нам лицом. Ему наверняка кажется правым его собственное левое дело – но мы-то знаем, что он ошибается!

**УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус)
6-44**

© Светлана Тулина, составление, 2016
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2016

ISBN 978-5-93835-593-4

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая **ДЕЛО ЖИЗНИ**

Иар Эльтеррус	
АДМИРАЛ	10
Прадеды всегда помогут – и не важно, что космос не море	
Елена Щетинина	
ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЙ РЕСПОНДЕНТ!	25
Не все опросы одинаково безопасны	
Иван Соболев	
ВТОРАЯ ПОПЫТКА	30
Если тебе улыбаются и зовут в гости – не спрашивай, кто погиб под автобусом	
Андрей Рассказов	
ЖИВАЯ РУДА	51
Не для того ли сгорает весь мир, чтобы золотая оса обрела крыло?	
Эльвира Жейдс	
ЯЩИК С ПЕПЛОМ УРАНА	58
Когда на ратуше вместо часов счетчик Гейгера – время течет иначе	
Виталий Войчик	
ОХОТА НА ЛИС	65
Какая собака пустила человека гулять одного?!	
Юлия Фурзикова	
УЧАСТКОВЫЙ	83
Важно знать свой участок, но оказаться в нужное время в нужном месте важнее	

Часть вторая **ДЕЛО СМЕРТИ**

Максим Тихомиров	
ВРЕМЯ ХИЩНИКА	99
Создавая монстра, подумай о наморднике	
Ольга Денисова	
УЗЫ	112
Путь крови рода – дорога в прошлое. Предавшие прошлое – не имеют будущего.	
Юлия Бекенская	
ЛЕСОРУБЫ ЛОУХИ	137
Чего только не происходит в карельских лесах с истыми правозащитницами! Ведьма умерла... да здоровствует ведьма!	
Максим Керн	
ЭЛЬФ ПО ОБМЕНУ	158
Не стой на пути у эльфа, тем более – темного	

Денис Скорбилин, Дмитрий Юдин	
АПОКАЛИПСИС ПОСЛЕЗАВТРА.....	167
	Их научили убивать – больше они ничего не умеют

Часть третья **ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ**

Святослав Логинов	
СКУКА	192
РАЗУМ	192
Валерий Румянцев	
НЕЯСНАЯ УГРОЗА	193
	Хороший уборщик на млечном пути не валяется
Род Велич	
ИЗ РУК В РУКИ.....	196
	Чем занимается девочка-пай, когда мама не видит?
Анастасия Фролкина	
КЛОК-ВОРК-СЕРДЦЕ.....	218
	Девушка с гаечным ключом найдет выход из любой ситуации
Мария Акимова	
ЕСТЬ КОНТАКТ	228
	Будь кавайным няшей – и воевать не придется!
Александр Лычев	
ОСЕДЛАТЬ КЕНТАВРА.....	230
	Если секрет знают двое – его знает и хавронья. Но знает ли Хирон?
Светлана Тулина	
МОЛОТОК.....	242
	Если судья – молоток, не только гвоздям лучше держаться подальше

Часть четвертая **ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХДНЕЙ**

Мёбиус	
ВСЕЛЕННАЯ ВЕСЬМА МАЛА	247
	Комикс

Часть пятая **ТАКИЕ ДЕЛА**

Сергей Игнатьев	
МАЛДЕР И СКАЛЛИ ПРОТИВ КОНСЮМЕРИЗМА И ПЛУТОКРАТИИ	256
Павел Поляков	
ДЕЛО О ПРИШЕЛЬЦАХ	259

Часть шестая **ДЕЛИШКИ**

Мария Акимова	
ТАКАЯ РАБОТА	279
	Размер не важен, если ты профи
Екатерина Васильева (Сычева)	
ВЕРА	280
	Стоит ли отбирать веру у тех, кто только ею и жив?
Ольга Дорофеева	
ОТЛИЧНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ПРОГУЛКИ	281
	У скульпторов сильные руки. И умеют мять не только глину
Злата Линник	
ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ДИНАСТИИ ЧАО	283
	При выборе между Долгом и Дружбой каждый выбирает свою Д
Александр Лычев	
ЛЕКЦИЯ.....	283
	Студенты тоже влияют на изучаемый предмет, особенно если они – боги
Тимур Максютлов	
НАПАРНИК	285
	И пусть начальство гадает, как он справился – один
Ирина Орлова	
ВЗОЙДИ НА КОСТЕР.....	286
	Некоторые традиции стоят того, чтобы их сжечь
Сергей Резников	
ДУХ РОЖДЕСТВА	288
	Работа сезонная, с людьми и на свежем воздухе
Владимир Семенякин	
ИЗОЛЯЦИЯ	289
	В изоляции не выжить – тем более, если ты прав
Алексей Семяшкин	
ПАСУЩИЕ ПОРОСЯТ.....	291
	Пасите – или пасомы будете!
Максим Тихомиров	
МИРЫ ПОД НОГАМИ	292
	Каждый мир найдет своего коллекционера
Ольга Денисова	
РИТУАЛ	294
	А что готовит Алёше колонизация третьей планеты, никто не узнает...
Лариса Тихонова	
РАДИКАЛЬНАЯ МЕРА	295
	На какие только меры не пойдет женщина, если мужчина – лентяй!
Светлана Тулина	
СОПРОМАТ	297
	Учите сопромат, и будет вам счастье!

Денис Фомин		
ТРИСТА СЕКУНД	298	Как раз можно успеть спасти пассажира – и потерять друга
Леся Ярлова		
ПОСЛУШАЙ, СТАРИК	299	Говорят, иногда он действительно слушает
Сергей Фирсов		
НОВЫЙ СОСЕД	301	С соседями не все так просто, особенно с новыми
Евгения Халь		
УМЕТЬ РОДИТЬСЯ	302	Все работы хороши. Но есть такие, без которых хоть разорвись!
Марина Ясинская		
СЕКРЕТ КУКОЛЬНОГО МАСТЕРСТВА	304	Не все секреты поддаются даже самому лучшему мастеру
Виталий Придатко		
ПРИШИВАЮ КРАЙНИЙ КАРМАН	305	Мало кто умеетшивать – обычно рвут

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Дело жизни

АДМИРАЛ

Человек с хриплым возгласом распахнул глаза, но ничего, кроме темноты, не увидел. Где же он? И что вообще произошло? Сознание понемногу прояснялось, в памяти возник мостик «Петропавловска», затем грохот, огненная вспышка и... ничего. Броненосец, похоже, натолкнулся на мину. А потом? Что потом? Что случилось с ним самим? Жив? Да, однозначно жив, даже, похоже, не ранен — ничего не болит. Да о чем речь, настолько хорошо он не чувствовал себя уже давно, лет двадцать, наверное. Тело наполнилось силой, каждая мышца буквально пела.

Степан Осипович попытался сесть, но врезался во что-то лбом, да так, что искры из глаз посыпались. В панике вице-адмирал принялся ощупывать все вокруг себя и вскоре пришел к единственно возможному выводу — он в гробу. Это что же, его похоронили заживо?! Да каким образом?! Он же в море был! После гибели «Петропавловска» мог только утонуть! Хотя его, возможно, подобрали и отвезли на берег, а там доктора решили, что умер, и похоронили. Степан Осипович похолодел, вспоминая ходившие среди нижних чинов рассказы о похороненных заживо.

Усилием воли заставил себя успокоиться — предположение не соответствовало элементарной логике, да и он не курсистка, чтобы поддаваться панике. Если бы Степан Осипович был сильно ранен, настолько, что его посчитали бы мертвым, то не мог бы сейчас так хорошо себя чувствовать. Он еще раз внимательно ощупал стены своего узилища и пришел в сугубое недоумение — стенки «гроба» были полукруглыми и очень гладкими, скорее даже скользкими, но при этом не металлическими, они слегка прогибались под пальцами.

Нет, это однозначно не гроб, осознал Степан Осипович. Но что тогда? Он продолжал размышлять, но так и не смог прийти ни к какому выводу. Не сразу заметил, что вокруг начало светлеть, как будто свет медленно набирал интенсивность. А когда обратил внимание, поискал источник этого света, но ничего не обнаружил. Похоже, осталось только ждать...

Внезапно «гроб» мягко дернулся и поехал вперед, в ногах Степан Осипович заметил расширяющуюся светлую полосу. Решив подождать, он удивился собственному спокойствию — ничего его не волновало. Причины этого вице-адмирал понять не мог, но принял как факт.

«Гроб» продолжал мягко двигаться куда-то. Наконец светлая полоса добралась до головы Степана Осиповича, и он понял, что находится в очень странном помещении. Пожалуй, более странного

и необычного он не видел за всю свою отнюдь не бедную впечатлениями жизнь. Довольно большой овальный зал, причем стены тоже были вогнутыми, на них висели какие-то бесчисленные, перемигивающиеся тысячами огоньков ящики и белесые, постоянно шевелящиеся щупальцами разного размера твари, похожие на спрутов, но однозначно не живые — Степан Осипович мог бы в этом поклясться, хотя причин своей уверенности не понимал. В воздухе то появлялись, то исчезали полупрозрачные световые полотнища, по которым то и дело пробегали разные символы, надписи, формулы, изображения.

Повернув голову, он увидел висящего в воздухе возле одного из полотнищ светловолосого человека в сиреновом балахоне. Тот водил по поверхности полотнища руками, иногда что-то бормоча себе под нос. Поначалу Степан Осипович решил, что все же помер, и сейчас то ли в раю, то ли в аду. Однако странный человек использовал очень знакомые русские матерные конструкции, что вряд ли стали бы делать черти или ангелы.

— Ага, пациент очнулся, — обернулся к Макарову незнакомец. — Как вы себя чувствуете? Я — доктор.

— Хорошо, сударь, — ответил Степан Осипович, очумело глядя на полотнище напротив, где внезапно возникло изображение его самого, причем в разрезе.

— Ничего не спрашивайте, скоро вам все объяснят. Извините, но у меня просто нет времени, вы далеко не последний пациент. Скажите только, являетесь ли вы адмиралом русского флота?

— Являюсь.

— Очень хорошо, — кивнул медик, проведя по изображению печени Степана Осиповича на полотнище, от чего тому показалось, что его действительно погладили по внутренностям. — Единственное, что могу сообщить — вы в будущем, причем довольно далеко от вашего времени. Сейчас две тысячи семьсот двадцать третий год.

Его слова обрушились на Степана Осиповича подобно лавине, даже показалось, что его огрели по голове дубиной. Почему-то вице-адмирал сразу поверил, ведь это объясняло все невероятные вещи, которые он видел. Это что же получается, они никогда больше не увидят ни жену, ни детей — Оленьку, Сашеньку и Вадима?.. И если дочери уже взрослые барышни, то сын еще совсем мальчишка...

Степан Осипович застонал от отчаяния. Врач, явно понимая состояние пациента, быстро подошел и что-то приложил к его руке. Это что-то коротко прошипело, и вице-адмирал как-то резко успокоился, мысли о семье отошли в сторону и словно покрылись туманной пеленой.

— Я сочувствую вам, господин адмирал, — мягко произнес доктор. — У меня тоже погибла семья, поэтому я вас хорошо понимаю. Но сейчас не время плакать, большая беда пришла...

— Беда?.. — это слово заставило Степана Осиповича собраться. — Что вы имеете в виду?

— Сейчас с вами будет говорить его величество император Михаил IX. Он все объяснит. Я снова прошу прощения, но у меня нет времени — мне еще более восьмидесяти ваших коллег вытаскивать.

Вице-адмирал поднял на него глаза и понял, что этот человек смертельно устал и, скорее всего, не спал несколько суток — не раз доводилось видеть подошедших к самому краю людей, держащихся только на чувстве долга. Закончит дело и упадет, где стоит. Естественно, ему не до вопросов.

Потом до сознания Степана Осиповича дошли слова врача. Император?! С ним будет говорить сам император?! Как там он говорил, Михаил IX? Интересно, какая династия на престоле сейчас, через девятьсот лет? Романовы или кто другой? Впрочем, бессмысленно гадать, вскоре все выяснится.

Но зачем все-таки он здесь? Однозначно неспроста. На память все время приходили слова о большой беде. Неужто его таланты окажутся востребованы и потомками? Степан Осипович размышлял и поражался своему ледяному спокойствию. Казалось, чувства, за исключением удивления, вообще отмерли. Потом вспомнил, как доктор подошел к нему и что-то сделал. Видимо, каким-то образом дал лекарство, заставившее успокоиться.

— Прошу вас, господин адмирал! — доктор показал на выросший из пола столик, на котором лежала странная черная форма.

Степан Осипович решил ничему не удивляться — в будущем возможно все. Людям первого века и ветряные мельницы, наверное, чудом бы показались, не говоря же уже о броненосцах с паровыми двигателями, которыми ему довелось командовать.

— Ваше точное звание?

— Вице-адмирал Макаров Степан Осипович.

Врач провел ладонью над формой, и погоны на ней сменились на вице-адмиральские. Затем в воздухе из ниоткуда возникло зеркало. Степан Осипович вздрогнул — ну никак не мог он привыкнуть ко всем этим чудесам! Затем слез с полукруглого ложа, на котором очнулся, и подошел к зеркалу, подивившись про себя, что ничего у него не болит — с юности так великолепно себя не чувствовал. Посмотрел на свое отражение и онемел — роскошной, ухоженной, раздвоенной бороды, его гордости, не было! Мало того, он оказался полностью лыс, даже брови отсутствовали.

Далеко не сразу вице-адмирал обратил внимание на другое обстоятельство — отражение в зеркале принадлежало никак не приближающемуся к шестидесятилетию человеку, а максимум тридцатилетнему. Это что же тут делается?! От помолодел?! Но это невозможно! В принципе невозможно!

— Н-но к-как?.. — с трудом выдавил Степан Осипович, поворачиваясь к доктору.

— После временного переноса вы были помещены в специальную биованну, полностью излечившую вас от ран и болезней, а затем приведшую организм к оптимальным возрасту и состоянию, — безразлично пояснил тот. — Иначе говоря, ваше тело теперь отвечает генетическому оптимуму.

— И что это значит? — растерянно спросил вице-адмирал.

— Что вы проживете еще, как минимум, лет триста-четыре, — устало ответил доктор.

— А бороду зачем сбрили?

— Бороду? Зачем вообще нужен этот атавизм? Она же под шлем скафандра не войдет! Так что у вас она расти больше не будет, как и другие волосы на теле, за исключением головы. Там волосы отрастут.

Степан Осипович огорчился, но решил, что раз здесь не принято носить бороду, то не стоит лезть со своим уставом в чужой монастырь. Возвращенная молодость обрадовала, но по сравнению со всем остальным даже не слишком и удивила.

С помощью доктора он оделся — сам вряд ли разобрался бы в хитроумных застежках. Пуговиц не было — края одежды просто слипались и становились единым целым, стоило определенным образом провести по ним пальцем.

— Это телепорт, — показал на появившееся невдалеке туманное зеркало врач. — Он перенесет вас в кабинет Его величества.

— Телепорт? — растерянно переспросил Степан Осипович.

— Просто войдите в это зеркало и ничего не бойтесь. Простите, но у меня через несколько минут пробуждение следующего пациента...

— Благодарю вас, сударь! — поклонился вице-адмирал и решительно вошел в указанное туманное зеркало.

Оно действительно оказалось всего лишь дверью, приведшей его в уютную гостиную, обставленную непривычно выглядящей мягкой мебелью. Кроме нее и низенького журнального столика в комнате ничего не было. Люди также отсутствовали, и Степан Осипович решил подождать. Он опустился в темно-коричневое кресло и попытался хоть как-то осмыслить случившееся.

Итак, он неким непонятным образом оказался в будущем, очень далеком будущем — больше чем через девятьсот лет после собственной гибели. И потомки вытащили вице-адмирала с какой-то своей целью, достаточно вспомнить слова врача о большой беде.

Но не спеша поразмыслить вице-адмиралу не дали — дверь напротив внезапно отъехала в сторону, и в гостиную буквально ворвался огромного роста человек в темно-синей форме. Его сопровождал молодой офицер ниже его на две головы. Последний что-то настойчиво

втолковывал своему спутнику, при виде которого Степан Осипович только головой покачал — этому гиганту прямой путь в гренадеры.

— Ваше величество, вы обязаны отдохнуть хотя бы пару часов! — повысил голос офицер. — Иначе просто свалитесь!

— Некогда! — жестко отрезал гигант. — Оставьте нас, полковник!

— Я иду к Ее величеству! — упрямо заявил тот, развернулся на каблуках и, не прощаясь, удалился.

Только в этот момент до вице-адмирала дошло, что он видит перед собой нынешнего императора. Степан Осипович вскочил и вытянулся во фрунт.

— Добрый день, господин адмирал, — наклонил голову гигант, окидывая Степана Осиповича безразличным взглядом.

До того не сразу дошло, что взгляд был не безразличным, а смертельно усталым — похоже, его величество, как и давешний доктор, едва держится на ногах. Это что же у них здесь такое творится, что самодержцу некогда поспать даже пары часов?! Похоже что-то очень нехорошее...

— Здравствуйте, Ваше величество! — по всем правилам этикета поклонился гость из прошлого. — Только, простите, не адмирал, а вице-адмирал.

— Неважно, — устало махнул рукой император, буквально рушась в застонавее от такой нагрузки кресло. — Вам уже сообщили, что вы в будущем?

— Так точно, Ваше величество. Но...

— Что?

— Зачем я здесь?..

— Я сейчас объясню, — вздохнул император.

Немного помолчав, он повел рукой, и одна из стен вдруг загорелась светом, на ней появился практически полностью разрушенный город. Степан Осипович поежился — никогда не видел таких страшных разрушений, город просто стерли с лица земли. Это какова же артиллерия, способная на такое?

— Нам пришлось обратиться за помощью к предкам, — голос Его величества стал хриплым, — поскольку не осталось другого выхода. Простите, господин адмирал, но я расскажу коротко — нет времени. Буквально через час нам всем идти в бой, в последний бой. И если не удержимся, то...

Император покачал головой.

— То нас просто съедят. Мы для ранхов даже не враг, мы для них всего лишь мясной скот... Да-да, не удивляйтесь, они едят людей, они едят вообще все, что шевелится. Смотрите, что мы обнаружили, отбив одну из захваченных ранее ими колоний...

Перед глазами Степана Осиповича появилось белоснежное куполообразное здание, сбоку он увидел одетых в подобие лат солдат

в шлемах с прозрачными забралами. Те с осторожностью проникли в это здание, видимо, построенное захватчиками. От обнаруженного внутри вице-адмирала едва не вывернуло — бойня, на которой разделяли людей. Обоего пола и всех возрастов, от младенцев до древних стариков. Причем умерщвлением разделяваемых захватчики явно не утруждались, поскольку некоторые жертвы еще были, как ни странно, живы. Разделкой занимались чудовищные машины, в которые людей просто сталкивали, на выходе получая разные виды «мясной продукции».

Степан Осипович смотрел на этот кошмар, не веря своим глазам — да и как можно было поверить, что кто-то способен скатиться до подобного зверства? Даже японцы, невзирая на всю их жестокость, до людоедства не доходили. Но умом прекрасно понимал, что не стал бы император из будущего лгать ему в таких вещах.

— Но кто они?! — не выдержал вице-адмирал.

— Разумная раса, — криво усмехнулся император. — Достигшая довольно больших успехов в развитии. До недавнего времени их корабли значительно превосходили наши по классу и возможностям. Сейчас, слава Богу, это уже не так. Мы столкнулись с этим народом около десяти лет назад. Согласно их философии, право на жизнь имеют только они сами, а все остальные — просто еда. Захваченные в плен ранхи не раз высказывали ярое возмущение тем, что эта самая еда осмеливается защищаться и убивает их, мешая святой миссии освоения Ойкумены, вместо того, чтобы покорно принимать свою участь... Добиться от них важной информации удалось только при помощи жесточайших пыток, которые мы стали применяться после того, как поняли, что договориться с этими существами невозможно в принципе. С мясным скотом, понимаете ли, не договариваются...

Слова императора били наотмашь, вице-адмирал постепенно приходил в холодную ярость. Мясной скот, значит?! Зря они это, очень зря. Никогда русские не сдавались на милость врага, все желавшие поживиться чужим всегда получали по заслугам. Тем более, когда враг столь страшен и омерзителен. Людоеды! Это как же возможно? И что за народ такой — ранхи? Никогда не слышал о таком, хотя весь мир как будто уже разведен.

— На них натолкнулась небольшая эскадра в составе трех крейсеров, эсминца и двух фрегатов разведки, — понял недоумение собеседника Михаил IX. — Поначалу командующий экспедицией полковник Сент-Джонс обрадовался новому народу — торговля и культурный обмен за последние столетия немало нам дали. Но ранхи атаковали сразу же. Удалось уйти за счет преимущества в скорости только одному фрегату, но его упорно преследовали. Фрегат вывел эскадру врага прямо под орудия одной из цитаделей Бетельгейзе-5. Еще тогда нас поразило тупое упорство врага, нагло лезущего прямо под выстрелы

и явно не ожидающего сопротивления. Позже мы выяснили, что они действительно были уверены в том, что перед ними тут же покорно встанут на колени, а они уже будет решать, жить нам или нет...

— Какова наглость! — изумился Степан Осипович. — Но простите, вы сказали, что экспедицией командовал полковник Сент-Джонс. Это же английская фамилия, а англичане нам друзьями никогда не были...

— Ах да, вы же не в курсе, наверное, — улыбнулся император. — В начале двадцать четвертого столетия последние еще не сделавшие этого страны мира, Англия и США, вошли в состав Империи. Причем добровольно. Английский язык ныне является забытым, его знают только историки и лингвисты.

— Забытым... — широко улыбнулся вице-адмирал, смакуя приятную новость. — Благодарю за это великолепное известие! Очень приятно, знаете ли, слышать, такое...

— Понимаю, — кивнул Михаил IX. — Ваши современники, которым пришлось немало повоевать со Штатами и их сателлитами, англосаксов ненавидят люто, истово, не вы первый на моей памяти. Но прошу учитывать, что сейчас бывшие англосаксы такие же граждане империи и говорят по-русски! И за дела предков ответственности не несут, многие из них сложили головы за Империю, как тот же полковник Сент-Джонс, посмертно получивший героя. И вам с многими из них предстоит вместе служить.

Что подразумевал император под «героем» Степан Осипович не понял, вероятно, какой-то орден. Но раз англичане нынче русскими считаются и во славу России воюют, то можно будет их и потерпеть. С ним служили немало потомков русских немцев, да и англичан с шотландцами тоже, так что ничего страшного. Главное, чтобы честно служили.

— Поначалу мы не особо обеспокоились нападением неизвестного народа — не знали еще, насколько их много и каким флотом они обладают. Когда на границах внезапно вынырнули около двадцати тысяч только линкоров, не считая кораблей классом ниже — это оказалось очень неприятным сюрпризом. Наш флот по численности составлял менее четверти флота ранхов. И мало того, как я уже говорил, их корабли обладали более мощным оружием и скоростными характеристиками.

Сколько?! Двадцать тысяч только линкоров?! Ужас! Они же в море не поместятся! И при этом собственный флот вчетверо меньше? Степан Осипович представил себя на месте командующего обороной адмирала, и ему стало нехорошо. После такого поражения, если выживешь, только застрелиться...

— Они дорого заплатили за победу... — глаза императора горели гневом. — Больше половины их кораблей приказали долго жить. Но наш боевой флот мы потеряли полностью. И колонии остались абсолютно беззащитны...

Он ненадолго замолчал, катая по щекам желваки. Затем глухим голосом продолжил:

— Все наши миры начали лихорадочно готовиться к обороне, все гражданские верфи перепрофилированы для постройки боевых кораблей. Часть населения, к счастью, успела эвакуироваться. Но мы надеялись отбить захваченные колонии, освободить наших людей, не зная, что их пустили на мясо...

— Сочувствую, Ваше величество...

— Благодарю. Новый флот мы построили, призвали всех флотских из запаса, и освободили несколько колоний, где обнаружили то, что вы видели. По всем мирам Империи прокатилась волна ужаса. И гнева. До нас дошло, особенно после допросов захваченных в плен ранхов, что пощады ждать нечего, что договориться невозможно, нужно воевать до последнего. Но мы тогда еще не подозревали, что ранхи далеко не все свои возможности продемонстрировали. Мы разбили их флот и двинулись вперед. Все обнаруженные колонии врага просто уничтожали, забрасывали кварковыми бомбами, понимая, что с этими тварями нам в одной вселенной не ужиться. Тогда до них, видимо, дошла серьезность положения, и вскоре ранхи тоже выстроили новый флот, снова много большего нашего. Но сражение окончилось ничьей, оба флота оказались почти полностью уничтоженными. Самым страшным оказалось то, что тогда погибли почти все обладающие боевым опытом офицеры...

В этот момент до Степана Осиповича дошло, зачем его перенесли сюда. Да, если опытные офицеры погибли, то недавние выпускники училищ не потянут, их просто некому будет обучить. Его царапнуло упоминание о «мирах» Империи, очень хотелось бы понять, что это значит, но было не до того, это вице-адмирал прекрасно понимал. Потом выяснит.

— Мы выстроили огромное число кораблей, почти втрое больше, чем имели раньше. Рядовой состав восполнен и кое-как обучен — сейчас практически все население империи от пятнадцати до сорока лет находится на кораблях, ожидая последнего сражения — ранхи подошли совсем близко. И все решится здесь, у границ нашей системы. Ни мы, ни они нового флота не создадим, на постройку этих обе цивилизации отдали все, что имели. От предстоящего сражения зависит, господин адмирал, жить нам или нет. И начнется оно не больше, чем через час. Но у нас заняты не все должности командующих флотами...

— И вы призвали адмиралов из прошлого? — догадался Степан Осипович.

— Именно так. Ученые предложили этот выход, и было принято решение воспользоваться им. Естественно, мы брали только тех адмиралов, которые погибли, не оставив по себе могилы, чтобы не изменить прошлого. Причем в момент гибели. Современная медицина

многое может, поэтому всех перенесенных вылечили и омолодили. Дополнительно прямо в память каждого из вас вложена информация о тактике ранхов, а также о возможностях и тактических данных кораблей, которыми вам предстояло командовать. Ни один из адмиралов не отказался — например, сейчас два наших флота возглавляют Джозеф Ричардсон, американец, и Анатолий Соменко, русский, командовавшие сражавшимися в 2347 году друг с другом подразделениями и погибшие в том бою. Да-да, те самые признанные гении тактики эскадренных сражений, чьи кампании изучались во всех военных академиях мира даже через триста лет после их смерти. И сейчас я обращаюсь к вам с просьбой еще раз послужить Родине!

Император тяжело встал. Степан Осипович тоже подхватился на ноги.

— Принимайте под командование двадцать седьмой флот, господин адмирал!

— Есть принять под командование двадцать седьмой флот, Ваше величество!

Перед Михаилом IX развернулось уже знакомое световое полотнище, на котором появились какие-то надписи.

— Ваше полное имя и звание?

— Вице-адмирал российского флота Макаров Степан Осипович!

Император кивнул и пробежался пальцами по надписям, затем перстень на среднем пальце его правой руки вспыхнул призрачным светом, и его величество приложил этот перстень к полотнищу.

— Приказ о вашем назначении подписан и утвержден, господин вице-адмирал. Сейчас подойдет ваш адъютант и ответит к катеру. Простите, но я вынужден откланяться — следующий ваш коллега через две минуты будет готов к беседе. Нам необходимо заполнить еще три вакансии.

— Конечно, Ваше величество. Только... Вы не скажете, к какой династии вы принадлежите? Романовых?

— Вороновых, — император удивился этому вопросу, судя по его виду. — Мы на престоле со второй половины двадцать первого столетия, после восстановления монархии в России. Романовы были свергнуты в 1917 году.

Он некоторое время смотрел на Степана Осиповича, пытаясь что-то вспомнить, но в конце концов встряхнул головой, словно избавляясь от наваждения, и быстрым шагом вышел.

Степан Осипович опустил в кресло и поежился — он, конечно, не имел выбора, но сомневался в своих способностях командовать кораблями этого времени. Хоть бы знать каковы они. Император говорил, что прямо в память ему записали данные о них, но вице-адмирал так ничего и не вспомнил. Ему очень не хотелось подвести доверие монарха.

Вороновы? Что это за род, интересно? Фамилия довольно распространенная, он сам знал многих, так что понять чей именно потомок вззошел на престол трудно. Но со временем, наверное, узнает, если выживет в предстоящем сражении.

Степан Осипович так глубоко задумался, что не обратил внимания на появление в гостиной нового персонажа — курносого молодого человека с темными волосами и голубыми глазами, на нем была черная форма с лейтенантскими погонами. Тот щелкнул каблуками и рывкнул:

— Здравия желаю, господин вице-адмирал! Лейтенант Арефьев прибыл для дальнейшего несения службы! Назначен вашим личным адъютантом!

— Тише... — поморщился Степан Осипович, голосом лейтенанта обладал выдающимся, что на корабле, впрочем, совсем нелишнее, особенно во время боя.

— Извините! — вспыхнул тот. — Господин вице-адмирал, нам нужно спешить! Флот готов к старту, ждут только вас. Данные от командования о нашем расположении в общем построении получены и обработаны навигационной службой.

— Раз надо, идемте.

Лейтенант как-то странно пошевелил пальцами перед лицом, словно нажимая комбинацию кнопок, и впереди возникло туманное зеркало.

— Этот портал приведет нас на крышу, катер ожидает там, — пояснил он.

Катер? На крыше?! Мальчишка что, издевается?! Или крыша находится на уровне моря, и это здание подземное? Решив не скандалить и не спорить, а поглядеть, что будет дальше, Степан Осипович следом за адъютантом шагнул в туманное зеркало.

Первое, что он увидел, оказавшись под голубым небом—гигантский город, раскинувшегося вокруг. Они находились на невероятной высоте, люди внизу походили на мелких насекомых. Здания города были огромны и выглядели дико для взгляда вице-адмирала. Впрочем, а чего он ждал, что через девятьсот лет все будет таким же, как в его время? Это невозможно. В данный момент они находились на окруженной цепочкой огней круглой площадке.

Повернув голову налево, Степан Осипович увидел странное металлическое чудовище размером с эскадренный миноносец, оно было украшено пучками игл, разноцветными шарами и непонятными вращающимися штуками.

— Что это? — указал пальцем на это нечто Степан Осипович.

— Проверяете? — обиженно сверкнул глазами Арефьев. — Я хоть и заканчивал сокращенный курс, но окончил его с отличием. Это малый орбитальный катер класса «Буран», модель «13СТ-Омега»,

разработан семь лет назад Костромским институтом космических исследований.

Малый катер?! Это малый катер?! Но ладно, пусть так, нельзя показывать своего удивления. Но скажите на милость, что катер делает на крыше?! С трудом заставив себя успокоиться и не задавать лишних вопросов, чтобы не выдать степень своей неосведомленности, вице-адмирал проследовал вслед за лейтенантом под днище катера. Тот стоял на странных опорах, похожих на лапы насекомого. Степан Осипович с адъютантом встали в очерченный синей светящейся краской круг, тот два раза мигнул, после чего сверху опустился широкий желтый луч. В глазах Степана Осиповича на мгновение потемнело, и они оказались в помещении изломанной формы, захламленном бесчисленными световыми полотнищами, на которых что-то изображалось, проскакивали цепочки символов и бесконечные надписи. Вице-адмирал только вздохнул и сел в указанное ему кресло.

Стены катера сделались полностью прозрачными, после чего крыша гигантского здания вдруг провалилась вниз. Степан Осипович вздрогнул — до него только в этот момент дошло, что катер-то — летающий.

Земля внизу превращалась в нарисованную карту с пугающей скоростью, горизонт загибался все сильнее, небо темнело. Вице-адмирал сидел, изо всей силы ухватившись за подлокотники кресла, и боялся выдохнуть, одновременно испытывая какой-то детский восторг, хотелось кричать и смеяться. А затем он впервые увидел, как выглядит родной мир извне — Земля на глазах становилась все больше похожей на глобус, разве что плывущие то тут, то там облака портили картину, закрывая поверхность.

Степан Осипович с трудом заставил себя оторвать взгляд от стремительно уменьшающейся планеты и посмотреть вперед по курсу. А там было на что смотреть — безумный хоровод стальных гигантов разных размера и формы. Откуда-то вице-адмирал знал, что это корабли. И в этот момент до него дошло, что произошла ошибка, что императору требовался адмирал, способный командовать этими эфирными левиафанами, а не морскими судами! Степан Осипович едва не задохнулся от непоправимости этой ошибки.

Он понятия не имел, что в то же время руководитель лаборатории времени распекал трущих кулаками красные от недосыпа глаза подчиненных, один из которых промахнулся от усталости пальцем по сенсору, в результате чего фокус выбора сместился ровно на пятьсот лет, выбрав совсем другого человека. С императором, чтобы предупредить о случившемся, связаться не удалось — переговорив с последним адмиралом из прошлого, он тоже отправился в космос, к месту дислокации основного флота. И что теперь делать, руководитель лаборатории времени не знал.

— Господин вице-адмирал! — показал пальцем куда-то вперед лейтенант. — Ваш флагман, боевая станция «Петр Великий»!

Перед носом катера странным полураскрытым стальным цветком расцветало нечто непредставимо огромное, усеянное бесчисленными пучками прутьев разного размера. Снова непонятно откуда возникла уверенность, что это — пушки, самые мощные из возможных — гиперорудия. Что значила приставка «гипер», Степан Осипович пока не понимал, но то, что вложенные в память при лечении знания начали проявляться, давало надежду справиться с командованием — до начала сражения осталось меньше получаса, времени переигрывать все попросту не было. А значит, командовать двадцать седьмым флотом все же придется ему. И вице-адмирал был намерен приложить к этому все свои силы и опыт, невзирая на то, что поле боя сильно отличалось от привычного. Но нервничал он сильно, даже руки подрагивали.

Корабль, который Арефьев почему-то назвал «боевой станцией», приближался. Он действительно напоминал собой полураскрытый лотос, имея, по словам лейтенанта, длину каждого лепестка в полтора километра. Пестиком являлся так называемый главный калибр, орудие невероятной мощи, способное выбивать противника на расстоянии до десяти световых минут. Поначалу Степан Осипович не обратил внимания на то, что понимает столь странные меры длины, а обратив, только покачал головой — знания всплывали исподволь. Он уже знал тактические данные каждого корабля своего флота и не удивлялся им, хотя по меркам его времени они были невероятны. Вице-адмирал испытывал гордость за потомков, сумевших достичь столь многого.

Прямо перед носом катера, подошедшего к ребру одного из лепестков станции, распахнулась диафрагма входной аппарели, и он скользнул внутрь. Арефьев вел машину филигранно, очень надеясь не оплошать в глазах нового командующего. Фамилия Макаров была знакома, но лейтенант никак не мог вспомнить, в каких именно сражениях отличился данный адмирал. Возможно, во время обороны Плутона в 2443-м? Или в битве с американо-французским флотом в 2301-м? Впрочем, потом выяснит, сейчас не до того — впереди сражение, от которого зависит судьба человечества.

Степан Осипович смотрел на все происходящее широко распахнутыми глазами. Страху не было ни капли, наоборот, он испытывал восторг. Новые знания продолжали разворачиваться в его памяти, и вице-адмирал поражался этому — это насколько же потомки смогли облегчить обучение! Он уже понимал практически все, что видел вокруг. При взгляде на какой-либо корабль перед глазами разворачивалась таблица его боевых и ходовых характеристик. Единственное, чего он никак не мог понять, это как осуществляется навигация в космическом пространстве.

Катер медленно влетел в ангар, выпустил опоры и встал на них с металлическим лязгом.

— Прибыли, господин вице-адмирал! — доложил Арефьев. — Приношу свои извинения, но полного построения для встречи командующего не выполняли, согласно уставу — подготовка к старту.

— Не суть, — уронил Степан Осипович.

Он легко встал и двинулся за адъютантом к световому кругу, перенесшему их на палубу «Петра Великого». В голове мелькнула мысль, что помнят великого императора, до сих пор помнят.

Командующего действительно встречал только почетный караул и несколько высших офицеров от капитана первого ранга до контр-адмирала. Последний строевым шагом вышел навстречу и доложил:

— Командный состав боевой станции «Петр Великий» для встречи командующего построен. Общего построения не производилось согласно боевому уставу. Докладывал контр-адмирал Лавуазье.

Степан Осипович принял доклад, выслушал приветствие офицеров, отметив про себя, что за прошедшие столетия на флоте многое изменилось, а прежде всего, похоже, неписанные правила. Что ж, ничего удивительного, ждать иного было бы глупо. На уставленный бесчисленными малыми судами ангар он не обратил особого внимания, но если взгляд падал на какое-либо, то в то же мгновение в сознании возникали его тактико-технические характеристики. Это уже не удивляло, вице-адмирал воспринимал свои знания как должное. Радовался только, что они дадут возможность и сражаться, как должно.

И все же при мысли, что совсем скоро ему предстоит командовать не морским, а пространственным флотом, действующим в трех измерениях, становилось несколько не по себе. Но Степан Осипович одергивал себя. Обязан справиться! От этой битвы зависит само существование человечества как такового! А значит каждый должен отдать все, даже жизнь, если понадобится.

Войдя в туманное зеркало портала, вице-адмирал оказался в командном центре станции. Все его стены представляли собой гигантскую голографическую тактическую сферу, отдельные ее части всегда оказывались под руками командующего, включенного в общую сеть флота через мысленную связь. Информация о происходящем подавалась прямо в мозг.

Знания о том, как пользоваться командным центром, возникли в сознании своевременно, и Степан Осипович решительно направился к креслу, стоящему на возвышении возле нескольких шарообразных, висящих в воздухе пультов, от которых то и дело уходили по световодам сжатые, ясно различимые потоки данных в виде световых сгустков. Опустившись в кресло, вице-адмирал выдохнул, тихонько выматерился, надеясь, что никто из подчиненных не услышал,

и откинулся на спинку. Из нее выдвинулись и слегка заискрились мыслесчитыватели, подключаясь к мозгу командующего. Ему показалось, что на голову навалилось тяжелое ватное облако, а затем восприятие скачком расширилось до пределов, которые он еще час назад посчитал бы невозможными. Он чувствовал частью своего тела каждый корабль флота, знал о нем все, вплоть до мелких поломок, которые не успели устранить перед боем.

Степан Осипович восхитился — так командовать? Да это же нечто! Это же такие возможности, что дух захватывало! Вспомнив, как передавались команды во время русско-японской войны, вице-адмирал только вздохнул — ему бы тогда хоть тысячную долю нынешних возможностей...

— Внимание! — раздался в голове Степана Осиповича холодный голос. — Говорит командующий объединенным флотом адмирал Соменко! Передаю общий приказ по флоту! Гиперпереход к орбите Нептуна, на означенные в предварительных такт-указаниях координаты, переданные командующему каждого флота.

Тотчас же ментальный образ кибермозга станции сообщил Степану Осиповичу о поступлении информационного пакета. Он снова не удивился новым знаниям, чувства не отключились, но словно бы отошли в сторону, воспринимались отстраненно. Вице-адмирал тут же продублировал приказ командующего своему флоту. Корабли один за другим начали разгоняться и уходить в гиперпространство. Концепция последнего приводила Степана Осиповича в восхищение — вот же до чего додумались! Перемещаться между далеко отстоящими точками, прокалывая пространство, выходя за его пределы? Придумавший такое ученый однозначно был гением!

Станция сдвинулась с места одной из последних. Пространство словно свернулось вокруг нее, на мгновение восприятие отключилось, показалось, что некая волна прокатилась по нервам. И «Петр Великий» оказался совсем в другом месте. Вокруг него разворачивался в боевые порядки двадцать седьмой флот Земной Империи. Сканеры сообщили, что в двадцати миллиардах километров из гиперпространства начали выходить флоты врага, тоже без промедления выстраиваясь в атакующие клинья.

Степан Осипович не особо понимал, почему было решено встретить ранхов так близко от дома, но осознавал, что сейчас не до того — всему свое время. Выживет — выяснит.

Построение флота не нравилось вице-адмиралу, он сам не мог объяснить почему, но не нравилось. На память пришли собственные тактические наработки, которые так и не довелось испытать на практике — погиб раньше. А что, если перевести их из двухмерной позиции в трехмерную? Не даст ли это дополнительные шансы?

Вполне возможно. Задействовав кибермозг, Степан Осипович принялся перерабатывать схему сражения.

Итак, главная задача его флота — не дать ранхам окружить основные силы, зайдя снизу плоскости эклиптики. К счастью, проскользнуть мимо земного флота врагу не удастся — гиперпространство позволит перехватить его раньше, чем он ударит по беззащитной, забитой беженцами Земле. Но как не дать? Силы незваных гостей превышают силы Степана Осиповича почти в полтора раза, да и характеристики их новых кораблей неизвестны. Придется выяснять на практике, а это жертвы. Тут уж ничего не поделаешь — война есть война.

Повинуясь мысленным приказам командующего, двадцать седьмой флот принялся расходиться в стороны широкими веерами, готовя ловушку. Если все получится, то вражеский флот удастся заманить в фокус удара главного калибра «Петра Великого». Самоубийственно? Да! Но за спиной женщины и дети, которых нужно защитить любой ценой. А значит придется рискнуть.

В кресле командующего, слегка напрягшись, сидел вице-адмирал русского флота Макаров Степан Осипович и готовился к последнему, возможно, самому последнему сражению в своей жизни. Судьба предоставила ему еще один шанс напоследок послужить Родине. И он послужит.

Почти незаметная улыбка скользнула по губам вице-адмирала. Он не боялся боли и смерти, он шел в бой во имя всего, что ценил. И ничего уже не имело значения. Выживет — значит выживет. Нет — значит нет.

— К бою! — разнеслась по кораблям флота команда.

Русские люди, как их деды и прадеды, шли умирать, в надежде остановить врага. И победа будет за ними! Ведь их дело правое!

А жизнь — это не так уж и много.

Зато честь — это все!

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЙ РЕСПОНДЕНТ!

Здравствуйте, уважаемый респондент!

Спасибо, что обратили внимание на наш опрос.

В случае, если Вы согласитесь принять в нем участие, сообщаем Вам о необходимости отвечать на вопросы максимально честно. Во избежание фальсификации результатов, некоторые из вопросов являются ловушками, которые позволят нам выявить недобросовестных респондентов.

Кроме того, хотелось бы указать Вам на то, что, согласившись принять участие в данном опросе, Вы не можете прервать его.

Вы согласны принять участие в нашем опросе?

1. Да.
2. Нет.

Если Вы ответили «Нет».

Приносим Вам свои извинения за потраченное время.

Успехов Вам.

Если ответили «Да».

Спасибо за то, что согласились принять участие в нашем опросе.

Предлагаем Вашему вниманию несколько вопросов. Напоминаем Вам о том, что на вопросы нужно отвечать честно и продуманно. Если вы не можете ответить на вопрос, ставьте прочерк — однако по итогам опроса не должно быть более пяти прочерков.

1. Как Вы получили этот опрос?
2. Работаете ли Вы или кто-то из ваших родных в следующих областях:
 - маркетинговые исследования, реклама, страхование;
 - здравоохранение;
 - теоретическая физика;
 - авиация и космонавтика;
 - археология и этнография;
 - информационная безопасность;
 - СМИ и издательское дело.
3. Проходили ли Вы за прошедшие полгода опросы на темы:
 - маркетинговые исследования, реклама, страхование;
 - здравоохранение;

кинematограф, музыка и литература;
планирование семьи.

4. Бывает ли у Вас ощущение deja vu? Если да, то опишите, какие моменты оно чаще всего затрагивает.

5. Говорили ли Вам когда-то, что видели Ваших двойников? Случалось ли Вам встречать двойников других людей?

6. Бывает ли у Вас ложное ощущение, что кто-то зовет Вас? Если да, то чаще всего это чей голос — женский или мужской?

7. Бывает ли у Вас ощущение мурашек? Если да, то находится ли рядом с Вами в этот момент черная собака?

8. Бывали ли у Вас ощущения во время сна, что кто-то сидит у Вас на груди, душит — а также что в комнате, помимо Вас, кто-то находится? Если да, то как часто это бывает? Опишите того, кто находится в комнате. Общается ли с Вами тот, кто душит Вас? Если да, то что он Вам говорит?

Закройте глаза, досчитайте до восьмидесяти трех.

Не открывайте глаза, что бы ни происходило.

Можете продолжить опрос.

9. Пока Вы были с закрытыми глазами, чувствовали ли Вы какие-либо прикосновения? Если да, опишите их. Слышали ли Вы какие-то нетипичные для этого места шумы? Опишите их.

10. Случалось ли Вам в течение дня встречаться с пятью людьми, носившими одно и то же имя? Если да, то что это было за имя? Вступали ли с Вами эти люди в контакт? Если да, то какую вещь они Вам передавали? Хранится ли у Вас она до сих пор?

11. Приходили ли когда-нибудь Вам письма или посылки не на Ваше имя, но на Ваш адрес? Что Вы с ними делали? Если вскрывали их, то что там было?

12. Как зовут то, что живет у Вас под кроватью? Откликается ли оно на это имя? Сколько грамм пыли оно вырабатывает еженедельно (можно дать приблизительную цифру)?

13. Обращались ли когда-нибудь к Вам люди с просьбой сказать, в каком городе они находятся? Были ли на них в тот момент надеты желтые шейные платки?

14. Оглянитесь. Стоит ли за Вашей спиной мужчина? Если да, то опишите его.

15. Бывали ли у Вас случаи, что внезапно начинала работать до того момента выключенная бытовая техника, включались свет, вода и газ? В каком часу это чаще бывало? Звонил ли за семь минут до этого телефон?

16. Казалось ли Вам когда-нибудь, что в белом шуме телевизора и радио Вы можете слышать слова? Что это были за слова? Было ли среди них «кожух»?

17. Возникло ли у Вас во время ответа на предыдущий вопрос чувство онемения и покалывания в кончиках пальцев? Если да, то какие именно пальцы были затронуты?

18. Приходилось ли Вам слышать звуки, словно кто-то катает по потолку металлические шарики? Каков на Ваш взгляд, диаметр этих шариков и приблизительное их число?

19. Как часто Вы видите своих соседей? Каким словом они обычно приветствуют Вас?

20. Выберите правильное слово из списка:

десять;
зеленый;
жираф;
аркебуза;
рекогносцировка;
водохранилище.

21. Засеките время и задержите дыхание. Через 23 секунды услышали ли вы голос? Если да, то что он сказал?

22. Фотографировали ли Вы когда-нибудь себя в зеркале? Были ли на этой фотографии какие-либо искажения? Если да, то опишите их.

23. Что Вы выберете — один заолот или три цольды?

После ответа на этот вопрос Вам запрещено прерывать опрос. В противном случае это приведет к нежеланным для Вас результатам.

24. Какой запах у синего цвета?

25. Мишка, Мишка, где твоя улыбка? Полная задора и огня? Напишите, где, по-Вашему, улыбка Мишки и какова концентрация огня в ее льо?

26. На дворе трава. На траве дрова. Какая именно трава на дворе? Как имя этой травы и сколько раз нужно ее челль, чтобы она зарьоздо?

27. Ердентьель? Карзентожее ко, тар бен зе? Темьеноль?

Ответив на этот вопрос, не оборачиваясь, скажите тому, что стоит сейчас за Вашим плечом: «Я несколько занят, подожди попозже».

Теперь у Вас пятнадцать минут на то, чтобы закончить опрос.

28. Если умножить три на осенний дождь, полученное число будет кратно белому перу?

29. Как часто Вы видите облака, напоминающие человеческие лица? Каждый раз это одно и тоже лицо или разные? Опишите наиболее часто повторяющиеся. Если можете, то зарисуйте их в отведенном месте. Помогите, они меня тут держат и заставляют составлять эти опросы. Не отвечайте, не отвечайте, а то они найдут вас.

30. Были ли у Вас в детстве домашние животные? Жили ли они больше положенного им срока? Какой породы была эта собака?

31. Закройте глаза и нарисуйте в отведенном месте три параллельных линии. Я забыл, что нельзя не отвечать. Они были злы, когда не отвечали предыдущие, и придумали наказание. Они теперь следят за каждым, к кому попадает опрос. Отвечайте, отвечайте обязательно! Только отвечайте «нет» на все вопросы, где будет упоминаться цвет! Даже если это и происходило с вами, пишите «нет»!

32. Во время исполнения предыдущего задания было ли у Вас ощущение, что кто-то ведет Вашу руку? Простите, что ввел вас в заблуждение по поводу того, что нельзя отвечать. Ответьте обязательно на все вопросы. Если вы пропустили какой-то — то вернитесь и ответьте на него! Обязательно! Вы можете соврать — если они поймут вас на лжи, то всего лишь заберут у вас 143 месяца жизни за каждую ложь. Но если вы не ответите, то

33. Вызывает ли у вас звук терменвокса головную боль, тошноту, металлический привкус во рту?

34. Если заолдот вместо трех минут даождит семь рацвект — будет ли это съедобно? После этого опроса три месяца не ложитесь спать раньше полуночи. Пейте кофе, энергетики, предпринимайте что угодно, только не ложитесь спать раньше полуночи! Три месяца, запомните! Я не выдержал, хотя меня успели предупредить, и вот теперь я

35. Кьярментольс, дабест ваши родители жооорьт?

36. Кормили ли Вы когда-нибудь голубей? Дарили ли они Вам в ответ кусочки слюды? Надеюсь, что вы поставили прочерк в предыдущем вопросе. Я не успел вас предупредить — они смотрели на меня в тот момент, когда я делал его.

37. Шекспир Шекспир? Я не могу не делать эти опросы. Они следят за мной. Каждый раз, когда я отказываюсь, они морфируют меня. Это так рриц. Я не знаю, сколько времени я нахожусь здесь, и сколько людей привел сюда этот опрос. Они все уже дьорт, совершенно дьорт.

38. Общались ли Вы когда-нибудь с теми, кто живет в унитазе? Кормите ли Вы их, или они добывают пищу сами? Прошу прощения, если сумбурно и непонятно. Я уже забыл язык. И тяжело набирать текст ластами. Они морфировали меня три заольц назад. Они увидели, как я пишу подсказку.

39. Следите ли Вы за политическими новостями? Как вы относитесь к вопросу внешней политики Буркина-Фасо? Спасите спасите спасите меня.

40. Какие вопросы в этом опросе вызвали у Вас наибольшие затруднения? Как Вы считаете, почему? Скажите моим родным, что я не умер. Скажите, что со мной все в порядке. Это ложь, но пусть они думают, что со мной все в порядке. Меня зовут Д

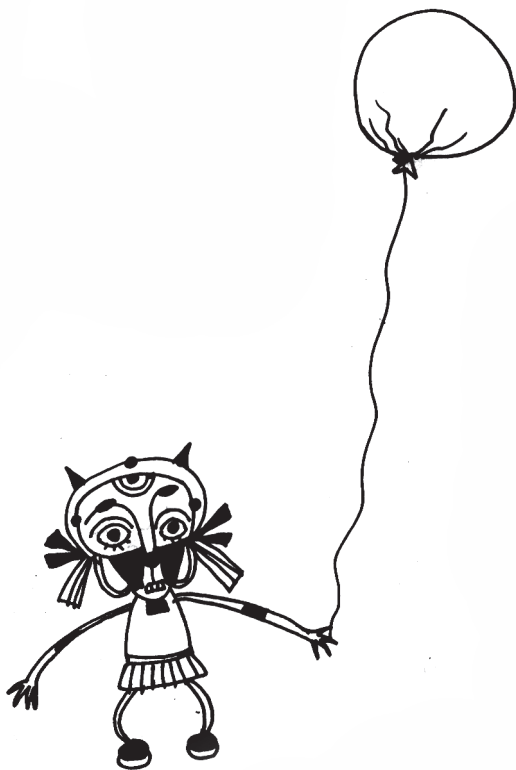
Встречались ли в этом опросе странные фразы, на Ваш взгляд, не имеющие к нему никакого отношения? Если да, обведите их. Спасибо за помощь.

Спасибо за то, что приняли участие в нашем опросе.

Просьба уничтожить данный бланк — Ваши результаты уже записаны.

Если мы сочтем Вас подходящей кандидатурой — мы свяжемся с Вами. Не переезжайте в местность с проточной водой, не стригите волосы короче 4 раушев. Не рассказывайте никому об этом опросе, даже тем людям, которые будут утверждать, что знают о нем.

Успехов Вам!

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

А.Г.

Лестница пахла бродячими кошками, занесенной внутрь октябрьской листвой и ещё чем-то непонятным.

Войдя в подъезд, он остановился, прислушался и внимательно осмотрел себя. Последние несколько сотен метров по улице пришлось бежать через начинающийся дождь, но успел он вовремя—ботинки почти не испачкались, на темных штанинах выделялись лишь несколько еле заметных капелек грязи, рубашка и куртка тоже, в основном, сухие. В отличие от предельно аккуратной мамы, сам он не придавал особого значения таким условностям—мужчина не должен бояться воды и ветра, тем более демонстрировать свой страх окружающим, прячась под зонтом. Однако в этот раз даже он предпочел бы выглядеть получше. Во всяком случае, не давать ни малейшего повода для насмешки, пусть даже и мысленной, своим мокрым видом.

Он знал, на что шел. Несколько вечеров подряд он проигрывал в уме свои возможные действия, вероятные ответы на них и ответы на ответы. Вариантов возникало очень много. Но вечер проходил за вечером, а наиболее вероятным ни один из них так и не стал. В конце концов он понял, что проработай хоть сто вариантов—все равно случится сто первый. Как ни странно, после осознания этого ему стало намного спокойнее.

Еще раз убедившись в том, что выглядит вполне пристойно, он двинулся было дальше. Но отчаянно старческий и требовательный голос, раздавшийся откуда-то сзади, заставил его остановиться.

—Э-э-э... Маладой человек!

Вздрогнув, он оглянулся назад. Ближайшая дверь, обитая черным дермантином, была слегка приоткрыта. В образовавшийся проем выглядывало морщинистое лицо, частично скрытое за толстыми стеклами очков.

— Вы к каму?

В тишине, нарушаемой только ударами капель усиливавшегося дождя по немытому, загаженному голубыми окну, ему показалось, что этот голос сейчас услышит весь дом. И из всех квартир вот так же выглянут лица и будут смотреть на него. Именно тогда, когда этого как раз больше всего и не хотелось.

Стараясь не выглядеть смущенным или испуганным, он ответил:

— В сорок шестую.

Голос смягчился, но на всякий случай переспросил:

— Точно?

— Точно.

— Ну, смотри. Если к ним—то ладно, к ним дурные люди не ходят. А то тут порой на лестнице сидят какие-то...

Дверь осторожно закрылась, клацнув на прощание щеколдой. Ух, вроде обошлось. Но почему она выскочила именно сейчас? Ведь столько раз уже ходил здесь...

Стараясь ступать как можно более легким шагом, он двинулся дальше вверх по лестничным маршам. Наверное, так разведчики идут на важную явку.

И вот, наконец, нужная площадка.

Пол с расколотыми плитками, тряпка под ногами, знакомая дверь справа и не менее знакомый звонок возле нее.

Оглянувшись, потянул руку к кнопке.

Может, не стоит?

Рука не хотела слушаться. Внутренний голос надрывно кричал о том, что всё задуманное есть полная чушь, что ничего не получится, что его намерения раскроют и пресекут сразу же, а самого его с позором выгонят вон, и что даже если всё получится, то потом будет ещё хуже. Но ему непреклонно возражал другой голос, с хрипотой доказывавший: «если ты не сделаешь этого сейчас, то ты не сделаешь этого и завтра, и через неделю, а потом это сделает кто-нибудь другой—тем более, что кандидаты имелись,—и тогда уже ничего вообще не исправишь». Усилием воли он заставил почти немеющую руку подняться и неверным указательным пальцем ткнуть в черную, местами заляпанную краской пластиковую кнопку звонка, который не замедлил отозваться противным вибрирующим жужжанием по другую сторону двери.

Теперь—всё...

Звонок смолк, и окружающее пространство заволочла тягучая тишина.

Где-то в дальнем углу когтистой лапой заскреблась последняя надежда первого внутреннего голоса—может быть, сейчас дома просто никого не окажется. Тогда он позвонит во второй раз, уже смелее, в третий, и пойдет обратно. Пытался—значит, не такой уж и трус. А что не получилось—ну, не его вина.

Прошла секунда, другая... пятая... Тихо.

Позвонить ещё раз?

Уже чуть более решительно он снова потянулся к звонку, почти одновременно услышав раздавшиеся за дверью шаги. Нет, все-таки дома!

Ручка замка с легким щелчком отклонилась вниз, протяжно и грустно скрипнули петли. Эх, папа-физик, а дверь все никак смазать

не может! Как в прошлый раз скрипели, так и сейчас. Самому предложить помочь, что ли?

— О, привет!

Открыв дверь, Алёнка показала на пороге.

Удивлённый и, как ему показалось, немного испуганный взгляд скользнул от его макушки до самых подошв ботинок и смущённо остановился, направленный куда-то чуть ниже переносицы.

Алёнку он знал давно. С той поры, когда родители водили их в изостудию, располагавшуюся тогда в подвале вот этого самого подъезда, где и жила она—его первая подруга, чуть позже ставшая одноклассницей. Творческие навыки, зародившиеся при свете укрытых грубыми абажурами лампочек под аккомпанемент гуда водопроводных труб, у обоих сохранились и в школьные годы. Но со временем его художественные таланты свелись к рисованию самолётов и космопланов на последних страницах тетрадок. Алёнка же рисовала для своего возраста вполне профессионально, и стены её комнаты неизменно украшали разнообразные натюрморты, портреты и пейзажи.

— Ты как здесь оказался?

— Из парка шел. Дай, думаю, зайду!

Ну да, конечно, «мимо проходил»...

Алёнка всегда была не такой, как все. Даже тогда, в подвале. Но сейчас, по мере того, как их класс становился всё старше и старше, это было особенно заметно.

В отличие от большинства одноклассниц, она ни разу не стремилась подчеркнуть свою «взрослость» максимальным приближением к дозволенной границе. И в одежде, и в поведении, и вообще... Вопреки тенденции, её мало интересовали прочно укоренившиеся практически на любом школьном празднике дискотеки, нисколько не привлекали дворовые магнитофонные посиделки, не захватывали разговоры о моде и прочей фигне, которые всё чаще вели подруги. От многих из которых—даже от тех, с кем провела недавнее ещё детство—она сейчас всё больше отдалялась. И тем самым становилась всё более заметной для него.

Сейчас вот тоже. Этот выпущенный поверх джинсов свитер и спускающийся через плечо хвост, собранный не моднячкой заколкой, а обычной резинкой, были для него гораздо привлекательнее, чем неуклонно укорачивавшиеся юбки и сгущавшаяся тушь на ресницах завсегда так школьных танцулес.

С некоторых пор он часто чувствовал, что его тянет к этому дому. И даже не только к конкретному человеку, а в целом к той атмосфере, которая здесь присутствовала. Созданной и самой Алёнкой, и её родителями. Особенно папой—прикольным таким бородатым физиком, который даже в свои тридцать семь мог без свойственного многим

взрослым морализаторства с легкостью находить общий язык с его и Алёнкиными одноклассниками, рассказывать о своем предмете гораздо образнее и интереснее школьной «физички», играть в футбол, ездить по парку на велосипеде и делать много чего ещё, столь не вязавшегося с расхожими представлениями о «взрослости» и «солидности». А на прошлом Алёнкином дне рождения спел им обоим под гитару несколько песен. Таких, каких он раньше и не слышал, явно не предназначенных для легкомысленных вечеринок и за нехитрыми строчками и мелодией которых, казалось, скрывался целый мир. Мир совершенно новый и незнакомый для него, но в котором сразу, с первых же строчек и аккордов, неимоверно хотелось жить. Надо будет, кстати, спросить—кто автор и можно ли ещё что-нибудь похожее послушать.

Но это потом. А сейчас он смотрел на стоящую у двери Алёнку и пытался прочитать её мысли. Догадывается она о чем-нибудь? Вроде бы пока всё нормально. Обычная Алёнка, какая и раньше была. Вот только...

Что именно «только», сформулировать он не мог. Но это неуловимое «только» всё же незримо присутствовало.

Алёнка первой нарушила молчание.

— В гости зайдешь?

— А ты что, одна?

— Да, родители ещё не вернулись, а что?

Что-то необычно приятное разлилось под сердцем от осознания того, что они здесь совсем вдвоём. И кроме них, кроме притихшей лестницы, барабанной дроби дождя по подоконникам и пахнущих холодной влагой потоков ветра, вливавшихся через разбитое где-то на верхних этажах стекло, здесь никого нет. Зайти? Посидеть, потреться, а там—видно будет?

— Да так, ничего. Я вообще-то задерживаться не думал—на завтра ещё уроки не сделаны.

Алёнка перешагнула порог и откинулась спиной на дверной косяк.

— Так всё-таки ты что-то конкретное хотел, или просто так?

Вот это хорошо. Уходить не спешит, значит—по крайней мере, не против поговорить. Но фразы такой от неё ещё не слышал. «Что-то конкретное...»—никогда она так не говорила.

— Просто так. Шел из парка, а тут дождь начался, думаю, вдруг ты дома?

— О, да. Дожди теперь, похоже, зарядили надолго.

— Вовремя успел я в твой подъезд забежать!

Они оба улыбнулись—то ли этой абсолютно незначимой реплике, то ли такому стечению обстоятельств. И тут он с ужасом понял, что все заготовленные ранее фразы куда-то разлетелись, не оставив и следа, и он просто не знает, о чём дальше говорить.

Но—говорить нужно, иначе встреча закончится слишком быстро, и ничего не получится.

— Как вообще дела-то у тебя? Что делаешь?

— Да вот, с физикой разбираюсь.

— Ну, уж у тебя при твоём отце в этой области всё должно быть нормально.

— А проблем серьёзных и нет. Но он никогда не будет мне помогать, пока я сама, как он говорит, «не наемся своих же ошибок».

— Суровый он у тебя...

— Не без этого...

...С чего она так странно разговаривает всё же? Словно думает о чём-то другом. Сам он, пожалуй, так общался бы с человеком в том случае, если бы не мог вспомнить, где и когда виделся с ним в последний раз и как вообще того зовут.

— А чего у тебя родители так поздно приходят?

— Почему поздно? Мама скоро быть должна. А папа последнее время в институте всегда пропадает до самого вечера.

— Каждый день?

— Иногда и на выходных. У них какой-то серьёзный эксперимент готовится, но он нам почти ничего не говорит.

— Даже в общих чертах?

Алёнка чуть покачала головой.

Стоп. Когда-то от мамы он слышал, что человеку, особенно девушке, больше всего нравится, когда разговор идет о нём самом. А если...

— Слушай, а ты чего так тепло одета?

Он заметил, как в глазах Алёнки на мгновение сверкнуло что-то очень доброе, словно она давно истосковалась хотя бы по небольшому интересу не к делам и всему такому прочему, а именно к ней. Неужели подействовало?

— Знаешь, у нас пока так и не затопили, батареи холодные, как лёд. А я существо теплолюбивое...

Она несколько раз покрутила головой, пытаясь спрятать нос в шерстяной воротник. Который был не очень высоким, и всякий раз сползал до уровня губ...

...Спокойно. Пока просто разговариваем. И смотрим за обстоятельствами.

О чём ещё говорить можно? Вот когда без особой надобности, то по часу трепаться могли, а когда надо, то ни одной темы на ум не приходит.

Но тут Алёнка сама повернула ситуацию. Эх, и как он мог забыть об этом?

— Ты уже надумал, куда хочешь поступать после школы?

— Однозначно, что-нибудь с космосом. Бауманское или авиационный.

— Хорошо тебе, ты хоть с направлением определился. А я вот разрываюсь. Знаю, что буду в Университет пытаться. Но вот куда? С одной стороны—хочется биологией заниматься. С другой—меня папа несколько раз к себе на факультетские мероприятия брал, у них там так здорово!

Она с легкой грустью вздохнула и мечтательно приподняла голову к потолку, словно пытаясь сквозь крышу и низкую пелену туч взглянуть в незримо горящие где-то высоко над ними звёзды.

...А вот теперь—давай!

Он ощущал себя уже не разведчиком—пилотом истребителя времен минувшей войны. Газ до отказа, догнать уходящий бомбардировщик и—винтом по оперению, на таран! Закрывать глаза, наклонить голову вперед, ткнуться губами в слегка приоткрытый рот... А дальше—пусть будет, что будет.

И тут он уперся в стену. Поняв, что физически не может сдвинуться с места.

Потому что мышцы отказывались выполнять любые команды, а нервные стволы—их проводить. Что-то мешало. Причем уже не внутренние сомнения—это «что-то» шло извне.

Снова секунда... другая... пятая... Наконец, оставив попытки преодолеть нечто, не пускавшее его к цели, он открыл глаза, только сейчас осознав, что сжимал веки почти до боли.

Перед ним плыли разноцветные круги, которые постепенно рассивались, впитываясь в грубые стены.

А она стояла совсем рядом. Так близко, как ещё никогда.

И смотрела на него. Что было совсем неожиданным и ломало все выстроенные схемы—смотрела совершенно беззлобно. Только немного удивлённо и в чем-то даже маняще. Но сил преодолеть эти считанные сантиметры у него не было.

Несколько новых секунд глаза в глаза показались вечностью.

Наконец, Алёнка отвела взгляд. Он почувствовал, что снова может двигаться. Но повторять уже не хотелось.

Устало опустившись на испачканный пол, он тяжело выдохнул, согнул колени, уткнулся в них локтями и закрыл ладонями лицо. И услышал, как Алёнка точно так же опустилась рядом с ним.

Никогда, с самого детства не помнил он такого, чтобы она сидела на полу!

Из оцепенения его вывел долетевший снизу протяжный скрип дверной пружины, за которым последовал громкий стук входной двери подъезда и частые удары чьих-то каблуков.

И на площадку, еле справляясь с одышкой, в чёрном расстегнутом плаще, по которому стекали на пол крупные капли воды, влетела

Алёнкина мама. Запыхавшаяся, с растрёпанными волосами, она столкнулась полным ужаса взглядом с Алёнкой, схватилась рукой за стену, почти роняя небольшую сумку, которую прижимала к себе другой рукой.

И в усталом выдохе утонули готовые вырваться криком слова.

— Господи... Доченька, ты жива!

По её щекам катились крупные слезы. Открыв сумочку, она стала нащупывать среди беспорядочной россыпи разных предметов кармашек с валидолом. Руки не слушались—на пол полетела помада, какие-то бумажки и монеты, брызнуло осколками зеркальце...

— Мама, да успокойся же ты, наконец! Что с тобой?

Дрожащей рукой она отправила таблетку в рот.

— Алёнка... ты когда пришла?

— Может, полчаса назад, может—побольше. Мама, да расскажи ты наконец, что случилось?

— Там, на остановке... Ужас просто... Грузовик... Всех, кто стоял и автобуса ждал... Я сейчас ехала—там затор жуткий, несколько «Скорых», милиции полно, никого не пускают... Ты же как раз в это время должна была ехать!

Она прижала к себе дочь, запустила ладонь в густые черные волосы. И только сейчас обратила внимание на него.

— Ой, здравствуй, Ванечка! А ты здесь как оказался?

— Здравствуйте, Светлана Григорьевна. Я... Да так, спросить зашёл. По завтрашним занятиям...

— Мам, он просто так. Можно, мы тут поговорим?

Ему стало совсем неловко.

— Да я, наверное, уже пойду.

— Ой, да говорите вы, сколько захочется! Я сейчас пирог достану, чай вскипачу, заходите на кухню, заходите!

Она попыталась сделать шаг к двери, но оступившись, снова схватилась за стену.

— Алёнка... Ты представить не можешь, как я бежала! Вот не поверишь—я просто уверена была, что там ты...

— Мам, ну что ты... Я здесь, жива и здорова. Откуда сразу мысли такие?

— Вот когда свои дети у тебя появятся—тогда будешь знать, что такое материнское чутьё. Слава Богу, иногда и оно ошибается.

Тут она пристально посмотрела на стоявшую рядом дочь. И как-то слишком осторожно произнесла:

— Алёнка... Слушай, а с тобой точно все в порядке?

— Абсолютно всё! Ты же видишь, что я здесь, бодрa, здорова и жизнерадостна, чего и тебе желаю!

— А почему у тебя взгляд такой?

— Какой?

- Ну... не могу объяснить... не такой, в общем. Ты здорова?
- Здорова. Ну, может быть, немного задумчивая и слегка усталая. Светлана Григорьевна вздохнула.
- Хорошо, если так. Но что-то мне всё же тревожно...

Они сидели за столом, на котором стоял гордо раздувшийся пузо большой красный чайник в белый горошек. Рядом на металлическом подносе распластался яблочный пирог, подобный которому раньше он встречал только в этом доме. Впрочем, нигде в других местах такое чудо увидеть и попробовать, пожалуй, было невозможно—потому что яблоки в нем были из того самого огорода во Владимирской области, по которому «Алёнка еще в босоногом детстве бегала», а в области кулинарного искусства с её мамой вряд ли кто мог сравниться.

Светлана Григорьевна, слушая его рассказы о школе, постепенно успокаивалась. Алёнка разговор почему-то не очень поддерживала, словно о чём-то постоянно думала, но было видно, что очень внимательно всё слушает. Мама, ещё не до конца справившись со своими мыслями, вначале, казалось, не замечала этого, но в какой-то момент обратила-таки внимание.

- Дочь, а что это ты сегодня такая неразговорчивая?
- Задача не очень понятная попалась. Скорее всего, без папы не разберусь, но мысли все в ней. Да и история эта...
- Но расскажи хоть что-нибудь тоже—я же, считай, с самых выходных не знаю, что и как у тебя?
- Да всё нормально, и рассказывать особенно не о чем. А о школе пусть Ваня расскажет, у него это лучше получается!

Протяжный звук дверного звонка, неожиданно ворвавшийся в квартиру, заставил невольно вздрогнуть.

Мама поднялась со стула.

- Интересно... Андрей? Неужели так рано?

Она вышла в прихожую и открыла дверь.

Но вместо Алёнкиного папы на пороге стоял человек в форме лейтенанта милиции.

- Здравствуйте, Светлана Григорьевна. Разрешите пройти?
- Ой... Николай Алексеевич... Заходите. Вы к нам как участковый или к Андрею?
- Хотел поговорить с вами. А Андрей Дмитриевич дома?
- Нет его ещё, опять на работе сидит. А... что случилось?
- Светлана Григорьевна, давайте лучше в комнату пройдем?
- Пожалуйста...

Мама отошла в сторону, открывая дверь в большую комнату, лейтенант сделал шаг вперед, и в этот момент в коридор вышла Алёнка.

Они встретились взглядом. Милиционер долго и сосредоточенно смотрел вначале на неё, потом на маму.

— Здравствуй, Алёна. А ты когда домой пришла сегодня?

— Здравствуйте. Часа полтора назад.

Услышав незнакомый голос, Ваня тоже поднялся со стула и, выйдя из кухни в прихожую, встал рядом с Алёнкой.

— Здравствуйте...

— Здравствуй. А ты Алёне кто?

— Учимся в школе вместе.

Лейтенант сосредоточенно посмотрел на них обоих, потом перевел полный озабоченности взгляд на Алёнку, затем снова на стоявшую в двери комнаты маму.

— Николай Алексеевич, ну скажите же, что случилось?

— Светлана Григорьевна... Вот эта вещь вам знакома?

Лейтенант раскрыл ладонь, на которой лежала пластиковая авторучка. Верхняя её часть представляла собой залитую глицерином прозрачную колбу с плавающей в ней позолоченной рыбкой.

Мама присмотрелась, потом подняла недоуменный взгляд на милиционера.

— Конечно. Это же Алёнкина ручка, Андрей привез из Чехословакии, когда на конференцию ездил. Мы ещё гравировку на ней сделали,— «Алёнке Самойловой в день рождения». А как, собственно, она...

— Всё верно. Потому я и здесь. Сегодня эту ручку нашли на месте аварии на Тихомирской улице. Я решил зайти и как-то подготовить вас... На тот случай, если вам позвонят из морга...

— Господи, из какого морга?

— Из морга, куда отвезли погибших. Чтобы пригласить вас на опознание...

Мама снова схватилась рукой за стену.

— Ну что сегодня такое происходит? Я же сама видела эту аварию ужасную, тоже за дочь испугалась, бежала домой, как ненормальная. Слава Богу, Алёнка моя в неё не попала, хоть и могла...

— Да вы успокойтесь, Светлана Григорьевна. Ведь обошлось же? Обошлось! Только теперь хорошо бы понять, как эта ручка на останковке оказалась?

Лейтенант осторожно повел рукой—золотая рыбка, покачиваясь, поплыла от одного края колбы к другому.

А вот в глазах у Алёнки читалась тревога и какое-то напряжение.

Светлана Григорьевна, словно опять что-то почувствовав, перешла в наступление.

— Так, дочь. И каким образом ты можешь всё это объяснить?

Алёнка вздрогнула.

— Мам, ну не помню я, честно...

— А ты вообще сегодня хоть что-нибудь помнишь? Где ты могла её оставить?

После нескольких секунд растерянности Алёнка стала овладевать ситуацией.

— Наверное, в раздевалке на физкультуре.

— Хорошо, в раздевалке. А ты разве её не в сумке хранишь?

— Могла после урока в карман положить.

— Значит, либо выпала, либо у тебя её украли?

— Выходит, что так.

— Алёна, тебе уже пятнадцать лет. Пора взрослеть и к вещам относиться более ответственно. Тем более—к памятным вещам.

— Простите, Светлана Григорьевна,—прервал их участковый,—но отдать ручку сейчас не могу, во всяком случае, пока следствие будет идти.

— Да я понимаю. Ну, Бог с ней, с ручкой—главное, что она сама жива и здорова!

— Ну, что ж... Очень хорошо, что мне не пришлось говорить вам то, что предполагалось. Тогда — до свидания, и простите за беспокойство.

Лейтенант повернулся к двери, но, словно вспомнив о чём-то, остановился.

— И ещё. Светлана Григорьевна, у меня тут есть пара вопросов лично к Алёне. Можно я поговорю с ней?

Мама пожала плечами.

— Да пожалуйста! Надолго она вам нужна?

— Нет, минут на пять. Прямо здесь, на лестнице и поговорим. Пойдем!

Они вышли из прихожей, закрыв за собой дверь. Лейтенант пристально посмотрел на Алёнку и спросил.

— Ты хочешь быть полезной для одного очень важного дела?

— Конечно!

— Так вот. Нам необходимо узнать, кто все-таки погиб на остановке, если это была не ты.

— И что я могу для этого сделать?

— Честно рассказать—где ты могла потерять ручку.

Алёна встревоженно посмотрела на лейтенанта.

— Но я же рассказала...

Голос милиционера стал значительно строже.

— Алёна. Прежде всего, обманывать вообще нехорошо, а старших—тем более. Во-вторых—поскольку уже через три года ты станешь совершеннолетней и тебе придется в полном объеме отвечать за свои поступки, то хочу тебя предупредить, что с юридической точки зрения твои действия сейчас квалифицируются, как «заведомо ложные показания». И попадают, между прочим, под Уголовный Кодекс.

Алёнка стояла, опёршись спиной о закрытую дверь, и молчала. Лейтенант тем временем продолжал, развивая наступление.

— Так вот. Мой сын учится в твоей же школе, только на три класса младше тебя. И я знаю, что Сергей Филиппович уже третий день на больничном. Никакой физкультуры на этой неделе у вас не было, так ведь?

— Да, так.

— Вот видишь... С мамой твоя уловка сработала. Со мной—нет. Так что в твоих интересах говорить сейчас правду, раз уж ты что-то скрываешь от мамы. Даю слово, что если за этим не кроется ничего противозаконного, то ей я говорить не буду.

Алёнка молчала, собираясь с мыслями.

— Ну так как? Расскажешь? Или будем общаться в присутствии мамы?

Она кивнула.

— Тогда я тебя слушаю. Постарайся вспомнить, где ты могла её потерять?

— На крыше. На крыше двадцать пятого дома.

Лейтенант задумался.

— Та-ак. Вот это уже больше похоже на правду. Хотя от тебя не ожидал. А что, позволь поинтересоваться, ты там делала?

— Ну... Хотела на район с высоты посмотреть.

— И неужели одна?

Алёнка опустила глаза в пол.

— Нет.

По лицу лейтенанта скользнула улыбка.

— Все с тобой ясно. Целоваться лазала?

Молчание явно звучало как согласие, и лейтенант продолжил:

— И у меня даже есть версия, кто там с тобой был. А вот если я его сейчас тоже позволю и спрошу?

— Не надо. Пожалуйста... Он очень стеснительный.

— Ладно. Сейчас я тебе верю. Слово дал—сдержу. Но больше меня не обманывай.

— Хорошо, не буду.

— И мой тебе совет—не ходи больше на эту крышу, и кавалеру своему тоже скажи. У нас тот дом вообще не на самом хорошем счету, мы там шпану даже из соседних районов задерживаем. Скорее всего, кто-то из таких вот «заезжих» твою ручку там и подобрал. А потом или передал кому, или... Может, это она и была.

— И теперь никак нельзя понять, кто все-таки эта девочка?

— Тело настолько обезображено, что опознать его будет очень трудно. Впрочем, этого тебе знать уже не обязательно. До свидания, и—помни всё, что я тебе сказал!

— Ну, прыгай, не бойся!

Маленький и смешной бельчонок уже которую минуту сидел на ветке, свисавшей над скамейкой в институтском парке. Быстрый взгляд

бусиноподобных глаз цепко держался за рассыпанную передо мной горсть лесных орехов. Но прыгнуть вниз зверёк так и не решился.

Видно, умеют они различать людей. Орехи-орехами, но ждал он здесь, конечно же, не меня. Бельчонок несколько раз принимал стойку, готовясь к прыжку, однако каждый раз отказывался от намерения, продолжая сидеть на своем месте и изучать обстановку.

Наконец, махнув пушистым бежевым хвостом, оттолкнулся лапками от ветки и через мгновение приземлился на скамейку. По инерции проскользил по гладкому пластику, остановился у самых орехов, быстро схватил один из них и мгновенно отпрыгнул в сторону.

— Эх, ты... А ведь у Алиски мог по часу на плече сидеть... Ручной ты, да не со всеми. Ну ничего, привыкнешь. А не привыкнешь—так и будешь на бегу кормиться.

Бельчонок словно прочитал мои мысли. Вскарбакавшись по стволу ливственницы, он снова уселся на ту же ветку, сосредоточенно лущающую кожуру ореха и одновременно разглядывая своего нового знакомого. То есть—меня.

Вечернее солнце клонилось к закату. Раньше с этой самой скамейки в такое время можно было наблюдать, как его алые лучи играют на шпиле университетского Главного Здания. Теперь, после строительства нового комплекса, шпиль не был виден—его закрывал купол, венчавший корпус нашего подразделения.

К эпитетам, порой раздававшимся в наш адрес—«Творцы Истории», «Спецназ Физфака» и так далее—мы уже давно относились с легкой иронией. Да и зачем такой пафос? Никто из ребят, трудившихся сейчас под куполом, не считал себя «великим». Скорее—авантюристом, взявшимся за безнадежное дело, которое в силу абсолютно неожиданных обстоятельств вдруг начало, пусть и с огромным скрипом, продвигаться.

Эх, если бы все было именно так, как раньше представлялось фантастам!

Захотел, к примеру, человек из нашего, «светлого» будущего что-то поправить в «темном» прошлом. И начинает наш славный институт работу. На четвертом этаже провели НИР, аналитики с пятого просчитали развитие ситуации, побочные эффекты, вероятность реализации различных ветвей, обосновали, подтвердили или опровергли положенные в основу соображения... Спецы с третьего просчитали то самое Минимальное Необходимое Воздействие, потом снарядили хронокапсулу прямо во дворе Универа и отправили в прошлое нашего «засланца». Который все выполнил, как от него требовалось, и благополучно вернулся к вечернему чаю.

Реальность, однако, оказалась гораздо прозаичнее.

После того, как едва не сломавший судьбу всей цивилизации рубеж веков был пройден, мировая общественная обстановка изменилась и стало понятно, что никакой организованной государственной силе

не придет и в голову использовать хронотехнологии во вред обществу, а у одиночек-фанатиков нет никаких шансов на овладение такими методами, работы в области Физики Времени широким фронтом развернулись во многих научных лабораториях мира. За последние десятилетия удалось создать почти непротиворечивую физико-математическую модель пространства-времени, показать возможность переброса во времени материальных объектов, экспериментально её подтвердить и даже предложить технический проект капсулы, способной перемещать человека. Но сразу стало ясно — энергозатраты, необходимые для такой переброски, до сих пор на многие порядки превосходили выработку всех энергостанций цивилизации.

И отправить в прошлое что-либо или кого-либо мы пока могли только по «пробою» — природному межуровневому каналу, который открывался совершенно спонтанным образом, когда между двумя или более точками пространства-времени возникала критическая разность хокинг-потенциала. Собственно, и сам термин «пробой» применительно к этому явлению прижился именно по причине его полной аналогии с грозовыми разрядами между двумя тучами.

Существовали и принципиальные сложности. Да, мы могли отправить человека в прошлое. Но как его оттуда вернуть — даже теоретически представляли с большим трудом. Если объяснять совсем простым языком, то полет в прошлое можно было сравнить с поездкой по магистральной дороге, к которой с разных сторон примыкали второстепенные, представлявшие собой различные возможные варианты развития. При полёте же обратно путешественник видел эту дорогу как бы «с другой стороны», и перед ним возникало столь же огромное количество уже не примыканий, а развилок. И для того, чтобы вернуться, из огромного множества вариантов развития истории ему предстояло выбрать именно нужный.

Тем не менее, в разных эпохах уже работали несколько наших очень хорошо подготовленных людей, добровольно выбравших «билет в один конец». Мы могли получать сообщения от них, которые доходили до нас естественным образом — на носителях информации, спрятанных в заранее оговоренных точках поверхности, где располагались «схроны». Каждый из этих людей забрасывался со своей задачей, выполнив или не выполнив которую он должен был остаться пленником своей эпохи. Где и предстояло ему прожить всю оставшуюся жизнь. Потому заброска «агента будущего» всегда рассматривалась лишь как исключительный шаг, необходимость которого обосновывал Ученый Совет, и даже это ещё вовсе не означало, что он непременно будет осуществлен.

Но когда группа стратегического анализа вынесла на обсуждение предложение о предотвращении катастрофы на Чергинолинской атомной станции, решение было принято практически единогласно.

Обстоятельства тех событий, столь круто изменивших судьбы многих сотен тысяч людей а, возможно, и самой страны, за прошедшие полтора века были изучены чуть ли не по секундам. Трагическая ирония заключалась в том, что именно система защиты реактора из-за конструктивных особенностей при определенных режимах, напротив, на несколько секунд способствовала выходу реактора из под контроля.

Этот эффект был обнаружен четырьмя годами ранее, к счастью—тогда катастрофы не последовало. Всем организациям, обеспечивавшим работу АЭС с реакторами такого типа, тогда было поручено провести детальные исследования и выработать рекомендации по безопасной эксплуатации. Однако в архивах атомного министерства не было обнаружено никаких сведений о том, чтобы это поручение было выполнено—по всей видимости, ведомственная бюрократия вначале не слишком рвалась устранять огрехи, а затем, столкнувшись с реальными последствиями, поспешила «замести следы».

Было известно только, что по специальному распоряжению исследованиями занимались не только подразделения «МинАтома», но и отдельная Университетская группа—по всей видимости кто-то, имевший вес в министерстве, хорошо знал особенности работы на отраслевых предприятиях и решил подстраховаться, поручив проработки так же и сторонней организации. По всем прогнозам, в случае успеха именно рекомендации группы Андрея Самойлова имели бы шанс стать тем самым фактором, которому было суждено отвести беду.

Имели бы... Но в 84-м пьяный лихач на грузовике врезался в автобусную остановку, на которой стояла его дочь. Супруга трагедии не пережила и через несколько дней приняла смертельную дозу снотворного. После этого Самойлов уже не смог найти сил совладать с постигшей его депрессией, довольно быстро деградировал и работы фактически остановились. А спустя два года произошло то, что произошло...

Перед нами был классический случай непредвиденного корректирующего воздействия, изменившего историю. Теоретики даже ввели в оборот термин «историческая мутация».

Казалось бы, всё обстояло предельно просто. Нужно было любым образом задержать Алёнку, чтобы она не оказалась на остановке в тот момент. Задача, годная для стажировки студентов факультета «Прикладной истории», если бы... Ну да, при всего лишь одном допущении—если бы мы умели свободно перемещаться во времени.

Тем не менее, Ученый Совет принял решение о начале предварительных поисковых исследований.

Станции сети мониторинга околосолнечного пространства-времени начали просматривать распределение хокинг-потенциала.

Однако прогноз «темпоральной погоды» порадовать не мог. Все ближайшие «пробои», которые мы могли бы использовать, завершились либо в существенно более ранних эпохах, либо уже после того, как всё произошло. Лишь один вел именно туда, куда нам было нужно, но... выходил в реальность почти перед самой катастрофой, и времени ни на какие действия по её предотвращению у «засланца» не оставалось.

Нам предстояло лишь надеяться на то, что когда-нибудь временная «молния» свяжет именно нужные точки. Горизонт прогнозов составлял от 5 до 7 лет — может быть, на восьмом году повезет. А, может быть, и нет...

В тот вечер я в очередной раз изучал раскопанные архивистами и существенно доработанные аналитиками биографии Самойлова, его жены и дочери, ближайших друзей и коллег. Изучал уже, скорее, просто из интереса,—почти всем было очевидно, что идея трещала по швам.

С экрана проектора на меня смотрела девушка из позапрошлого столетия.

Это была одна из последних Алёнкиных фотографий. Почему-то именно на таких люди получают особенно выразительно. Меня просто пронзал её взгляд. Вроде бы спокойный и добрый—в той стране у многих людей её возраста и воспитания был именно такой, ещё не огрубелый жизненными неурядицами, полный надежд и света едва проклюнувшейся юности. Но уже еле заметным огоньком тлела в нем какая-то легкая грустинка. Словно чувствовала девочка надвигающуюся беду.

Что-то в её лице вдруг показалось мне безмерно знакомым...

Я даже не сразу осознал, что именно. Но когда осознал—мне стало слегка не по себе.

В этот момент за спиной прошуршали осторожные шаги. Можно было не оборачиваться—их я узнал бы по слуху на любой планете.

— Алиска, привет!

— Привет, папа!

Мягкие прохладные руки скрестились на моей шее, подбородок аккуратно лег на макушку. Несколько капелек, скатившись по растрепанной пряди волос, с едва слышным стуком упали на стол.

— Мокрохвостая... Опять на речку бегала?

— Угу. А ты всё трудишься?

Лица её я не видел. Но чувствовал, как Алиска вместе со мной смотрит на фотографию Алёнки. Подтверждение не заставило долго ждать.

— Это она?

О наших работах мы с ней говорили довольно часто, и она хорошо знала про Самойловых. Как и о том, что все попытки найти решение были признаны тупиковыми, и что Совет уже был готов остановить проработки.

— Да. Фотография сделана примерно за две недели...

Так не хотелось произносить вслух то слово, которое должно было последовать.

Алиска молчала. После паузы, показавшейся мне подозрительно долгой, она разомкнула руки.

И произнесла всего лишь одну фразу.

Ту самую, которую я чуть раньше не решился сказать сам себе.

— Слушай, а ведь мы с ней так похожи...

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что именно она придумала. Впрочем, она и не скрывала дальнейшего хода своих мыслей.

— От места выхода «пробоя» до остановки за оставшееся время не успеть. А вот до её дома—вполне.

Моя первая реакция, естественно, была однозначной.

— Алиска, даже думать забудь! Ты хоть представляешь, сколько времени и, главное, как готовят каждого нашего «засланца»?

— В общих чертах. Но, во-первых, вы же меня подучите, правда? А во-вторых—внедряться в закрытый НИИ я не собираюсь, отстреливаться от вражеских диверсантов тоже. Я просто займу место своей ровесницы в её семье, и буду там жить. Столь же естественно, как жила и она. А её отец тем временем сделает то, что так важно для всех нас.

— Алиска, а если не сделает?

Она посмотрела на меня.

— Возможно, что и не сделает. Но... Давай хотя бы дадим им Вторую Попытку?

Прощались мы дома.

Спустя без малого год после того вечера, когда я так не вовремя вывел на монитор Алёнкину фотографию.

Год, который для Алиски прошел в практически непрерывных полигонных, тренажерных, игровых и прочих тренировках и учёбе, а для отдела, да и для всего института—в постоянных поисках и исследованиях возможных вариантов развития событий, или, как у нас говорили, «анализе пучка сюжетных траекторий».

Мог ли бы я сказать «нет»? Наверное — мог.

Усадил бы рядом, объяснил всю непредсказуемость замысла и невозможность исправления любой ошибки при его осуществлении. Но разве не все наши проекты были столь же рискованными и непредсказуемыми?

Встал бы в двери, раскинув руки, словно в позапрошлом веке, и просто объявил: «Не пущу!» Ну да, возможно. А еще веком ранее можно было бы и к столу привязать, предварительно всыпав розгами...

Взял бы за руку и попросил не оставлять? А вот это уже был бы, как раньше говорили, запрещённый приём.

Я всё больше понимал, что её решение было в то же самое время и моим—иначе способ быстро нашелся бы. Но даже понимая это, порой ловил себя на слабой надежде. На то, что распределение хокинг-потенциала в силу каких-то причин изменится и пробо́я не состоится...

Странно, но в последний вечер мы, в основном, молчали—невербальное общение в этой ситуации почему-то было гораздо более продуктивным и информативным. Наверное именно поэтому только её последняя фраза мне так запомнилась.

— Не забывай кормить бельчонка в парке, хорошо?

— Хорошо, Алиска.

Больше и говорить было нечего. Да ничего и не хотелось—сознание словно отключилось от реальности. Не выдавать же тот бессмысленный набор фраз, роившийся в голове.

На проводы стратоплана в Сахару, где находилась капсула и станция приема «пробоя», я не пошел.

Там, в защитном комбинезоне, она будет совсем другой.

Амне хотелось, чтобы моя дочь осталась в моей памяти именно такой.

Уютной и теплой, с распущенными черными волосами и с огоньками свечки, отражающимися в зрачках.

Да и не хотелось снова появляться на том месте, откуда четыре года назад в последний раз ушел во Вселенную «Бруно Понтекорво». Ушел, унося от меня ещё одного человека, на которого Алиска, даже невзирая на проведённую небольшую корректировку внешности, оставалась так же похожа, и в этом случае—совсем не случайно.

И вернуть которого не получится уже никогда.

Над куполом бесшумно прошел городской гравилёт, потом еще один. Я проводил взглядом оба аппарата, пока они не скрылись за верхушками лиственниц.

Прошла уже неделя после «пробоя». Никакой весточки до сих пор не было.

Ну да, «как приедешь—сразу позвони!»—хорошо жилось всего лишь столетием ранее... Впрочем, и четыре года назад, провожая физфаковский флагман в очередной рейс, я тоже произнес похожую фразу. «Как только в зоне проводимости окажетесь — дай знать!».

Но на связь они уже не вышли. Никогда.

Потом их именами называли астероиды. И когда мы с Алиской ночами всматривались в звездную сыпь через университетский

учебный телескоп, нам казалось, что один из них мерцает как-то сильнее и настойчивее, чем остальные, словно целенаправленно подмигивает нам...

Чья-то твёрдая рука опустилась на моё плечо.

— Служба Космической Безопасности.

Ну да, хоть бы голос попробовал изменить...

— Привет, Влад. Ты сегодня не очень оригинален.

Наверное, моя интонация оптимизма не излучала. Потому он и решил уточнить.

— Как самочувствие?

— Вроде в порядке.

— Ну, уже хорошо. А чего это ты здесь?

— Пока особо срочных задач нет, можно сказать — временное за-
тишье.

— Это ты хорошо подметил. Я имею в виду то, что «временное».

Его слегка ироничный тон явно предвещал продолжение. Которое не замедлило последовать.

— Сегодня произошла сработка сенсора на пятом схроне. Произ-
вели выемку. Аудиокассета с записью. Как думаешь, что там?

— Неужели сообщение от Алиски?

— Угадал, пророк!

Я, конечно, ожидал этого момента, но всё равно чуть не подскочил на месте.

— Значит, у нее всё получилось?

— Ага! Сейчас спецы обрабатывают запись. Как закончим—тебе копию обязательно! Уж извини, кассету домой не получишь—спец-
хранение, сам понимаешь.

— Можешь сейчас сказать, что там? Ну хотя бы в самых общих чертах?

Влад слегка улыбнулся.

— Нам всем пришлось поволноваться, конечно, и ничуть не меньше тебя—ведь она не только наш самый молодой «засланец». Вся операция с твоей дочерью—это наш первый опыт внедрения одного человека на место другого. Кстати, похоже, что именно в этих обстоя-
тельствах небольшой возраст дает очень серьёзное преимущество—за Алёной ещё не тянется полоса событий жизни, о которых мы не знаем и о которых нам трудно догадаться, потому Алиске гораздо проще импровизировать. Взрослому человеку, подменяющему собой другого взрослого, было бы намного сложнее.

— Влад, хватит теоретизировать! Как она живёт там, говорит хоть что-нибудь?

— Скоро сам послушаешь. Жаль, конечно, что только послуша-
ешь—широко доступные видеокамеры там появятся лет через де-
сять. После заброски прошла неделя, пока вроде бы всё в порядке.

А вообще—представь, а? Только попала в зону разрабатываемого события—и уже поклонники приходят. Этак на будущее лето и серенады под балконом зазвучат! Что делать-то будем, а?

— Ты не хуже меня знаешь—завидовать!

Над лужайкой повисла тишина, от набравшего было обороты шутивно-бодрого тона в момент не осталось и следа.

Он отвел взгляд в сторону, потом снова осторожно посмотрел на меня.

— Прости. Я не подумал, когда сказал последнюю фразу...

— Да ладно уж. Это ты прости—столько лет прошло, а я...

— Я прекрасно понимаю тебя. Но... В старину многие посчитали бы, что это звучит наигранно, и всё же—нужно жить дальше.

Словно в подтверждение его слов, за нашей спиной защелкал бельчонок. Влад повернулся на звук, однако зверёк быстро вскочил на ствол и спрятался среди хвoinок.

— Вот видишь, даже он со мной согласен. Пойми—эмоциональное поле, которое создают твои воспоминания, не должно мешать работе. Тем более—жизни. А из тебя уже который год только холодные вьюги сквозят...

— Это так заметно?

— Если бы было не заметно, я бы не верил тебе. И в этом плане ты очень похож на Самойлова.

— Да, я давно хотел тебя спросить—удалось ли выяснить его окончательную судьбу?

— Известно, что в последний раз его видели в 92-м. На Казанском вокзале, среди людей, лишившихся жилья. Или как их тогда прерзительно называли—БОМЖей. Но, по всей видимости, это было его последнее общество.

— Что с ним могло произойти дальше?

— Поскольку дальше следы его теряются, то, скорее всего, либо умер от болезни, либо был убит. Тогда с этим было очень просто...

Влад замолчал, глядя куда-то в сторону.

— Интересно получается. Раньше, когда мы ещё не умели гарантированно качественно синтезировать биоматералы, существовали доноры—люди, которые отдавали частицу себя для спасения другого человека. Чаще всего делились кровью—но это была, пожалуй, самая безопасная операция. А иногда случались ситуации, когда человек отдавал какой-нибудь свой орган для спасения другого человека, и при этом погибал.

Тогда, в 84-м, Андрей Самойлов потерял то самое дорогое, что было у него. И должен был погибнуть из-за этой потери. Сейчас, спустя без малого полтора века, ты отдаешь самое дорогое, оставшееся у тебя. Чтобы спасти его и многие тысячи людей потом. А, возможно, и саму страну. И сам себя обрекаешь на путь к тому же самому безысходному состоянию.

И, промолчав, продолжил.

— Вот только тебе мы погибнуть не дадим.

Я ощущал, что он смотрит на меня. Но поворачиваться навстречу его взгляду не хотелось.

— Влад, для того, чтобы погибнуть, не обязательно лишаться жизни и даже деградировать...

— Верно. Можно просто потерять свой стержень, утратить цели, стать другим человеком, что равносильно гибели прежнего.

Немного помолчав, он продолжил.

— Алиску ты, хотя бы, не совсем потерял—по крайней мере, мы можем получать от нее сообщения. Может быть, через какое-то время мы поймём, как возвращать людей из прошлого, и вы снова встретитесь. Но.. Ты же понимаешь, что ни «Понтекорово», ни его экипаж назад уже не вернёшь. У нас нет возможности изменять историю во имя самих себя. А идти вперёд с повернутой назад головой тяжело. Так что... Может, тебе всё же сходить пообщаться в лабораторию прикладной психокоррекции?

— И что они там сделают, в этой твоей лаборатории?

— Слегка подкорректируют некоторые сформировавшиеся у тебя психоэмоциональные связи и реакции. Процедура абсолютно безболезненная. Не имеет никакого отношения к психотронным технологиям, которые раньше пытались развивать. Она не ломает личность и никому не подчиняет—просто чуть-чуть меняет восприятие. Считаю, что это как обезболивающее при травме.

— Я понял, дальше можешь не продолжать.

— И что ты ответишь?

— Нет, Влад. Как бы ни было тяжело—но с пустой душой я сам себе буду не нужен.

Он отвел взгляд в ту сторону, где когда-то можно было видеть шпиль Главного Здания, грустно вздохнул.

— Думаешь, я ожидал от тебя другого ответа? А раз так—значит, будешь лечиться работой. У нас были определённые сомнения, но теперь готовься к тому, что мы тебя активно привлечем, как минимум, к работе группы обработки информации. То есть все Алискины сообщения будут проходить через тебя. Будешь вместе со спецнами прослушивать её кассеты, потом—возможно, и просматривать видео. Нам нужно, чтобы не ускользнул ни один оттенок в эмоциях, ни одна интонация в голосе. Ещё раз повторю—лучше тебя её не знает и не понимает никто.

— Знаешь, а вот сейчас я действительно в чём-то ей завидую.

— Эх... Не забывал бы ты, что там у неё ещё 90-е впереди. А ведь тогда множество и более сильных людей сломались. Причем выросших и сформировавшихся в том жестоком веке, а не в наших гораздо более человеческих условиях. Выдержит?

— Физически просто так её не возьмешь—думаю, что её гипнотических способностей достаточно, чтобы не допускать того, чего она не хочет или не желает в данное время. Очень боюсь за психоэмоциональную сферу, но... Должна. Должна выдержать, Влад.

И после небольшой задумчивости я произнёс внезапно возникшее.

— А если у них всё получится, то и 90-х ведь может не быть! В том виде, конечно, в котором они нам известны!

Дверь закрылась.

Как и много раз до того. С тоскливым скрипом петель, которые физику Андрею Дмитриевичу Самойлову некогда было смазать.

Но сейчас она закрылась как-то по-другому. Как будто закрыв за собой ещё и очередную страницу жизни. И, конечно, открыв при этом новую.

Было немного грустно. Однако грусть эта была какой-то особенной.

Её нельзя было назвать приятным чувством. Но почему-то очень не хотелось, чтобы она уходила. И даже казалось, что с ней он способен в жизни на гораздо большее, чем без неё.

Может быть, именно так и начинается взросление?

Пытаясь разобраться с нахлынувшим ощущением, он неспешно двинулся вниз по лестнице. Пахнувшей бродячими кошками, занесенной внутрь октябрьской листвой и ещё чем-то непонятным.

Но не успел преодолеть и пролёта, как снова услышал за спиной щелчок поворачивающейся ручки замка и знакомый скрип. И столь же знакомый голос.

— Стой!

Он оглянулся.

Алёнка опять стояла в двери. В своих неизменных домашних джинсах и красном свитере, по которому через плечо струился перетянутый обычной резинкой густой черный хвост.

— Знаешь, ты заходи ещё в гости, как сможешь. Если хочешь, конечно...

ЖИВАЯ РУДА

Медленно-медленно над равниной поднималось красное солнце. Синее небо светлело, растворяясь в обжигающем свете Румиата, гасли утренние звёзды, и воздух — всё ещё прохладный с ночи — становился прозрачным.

Дорри вытянул длинную шею и выглянул за край гнезда: внизу, у самых корней окаменелого дерева вился голодный ониксовый дракон — бескрылый и неуклюжий, слишком тяжёлый, чтобы взобраться по гладкой коре.

Дракон задрал чёрную морду, острые клыки блеснули, и по равнине — будто раскаты грома — пронёсся угрюмый клокочущий рык. Где-то далеко он отразился эхом, разбился на несколько голосов и тут же затих: стая отзывалась, скоро на подмогу прилетят виверны — стремительные и злые, вечно голодные и беспощадные. И не будет от них спасения ни на вершине дерева, ни в небе, ни на земле.

Дорри лениво выполз на ветку, смахнул хвостом несколько капель росы, раскрыл чешуйчатые крылья и спикировал вниз, чуть не угодив в пасть дракона. Воздушный поток ударил в перепонки, тонкое медное тельце колыхнулось, поймало равновесие и стремительно унеслось прочь от хищника.

Набрав высоту, Дорри оглянулся — голое дерево стояло на вершине холма, отбрасывая длинную тень на каменистую почву. Красное солнце поднималось всё выше, и в свете его блестела чешуя дракона. Виверны слетелись к гнезду, разворошили, раскидали ветки; Дорри был уже далеко, но слышал их рассерженный крик.

Дорри летел на запад. Низкие холмы обрывались, проваливаясь в широкие трещины, слева поднимался, извиваясь, острый чёрный хребет, а справа, выдыхая тяжёлым сернистым дымом, кипел раскалённый вулкан.

Остров поминутно дрожал от подземных толчков, и все вокруг знали: скоро начнётся извержение. Вниз из жерла потекут горячие красные реки, затопят и сожгут землю, и звери, спасаясь, уйдут в горы.

Дорри тоже боялся вулкана, но в горы готов был лететь только в стае или прибившись к другим животным — мирным и безопасным для него, но страшным в глазах хищников. И раз уж медных ящеров Дорри не видел уже много лет, значит, не лететь ему в стаю.

Остров содрогнулся; над жерлом вулкана поднялось широкое чёрное облако, ветер подхватил его и понёс на восток. Горький запах серы летел вместе с ним и оседал на холодных камнях; по земле расплзалась тень.

Дорри сложил крылья и полетел вниз, вспорхнул у самой земли и мягко сел на большой влажный камень. Нашёл треугольный выступ, щёлкнул по нему хвостом, и камень зашевелился. Развернулся, растянул тяжёлые лапы, поднял маленькую пыльную голову, осмотрел медного ящера и глухо протянул:

— Дор-р-ри...

Дорри махнул крыльями, прошипел что-то в ответ и кивнул на вулкан.

Камень долго смотрел в небо, следил за расплзающимся облаком дыма, трогал землю, когда она дрожала, а потом, отступив на шаг, произнёс:

— Вр-р-ремя ушло, мало вр-р-ремени осталось, — развернувшись, он тяжело зашагал прочь. — Посмотр-р-ри, что я нашёл вчер-р-ра.

Камень разрыл лапой землю и достал из ямки несколько медных обломков: крыло, часть туловища и хвост. Дорри сполз вниз, повертел обломки, присмотрелся к крылу, внимательно изучил хвост, зашипел, сбросил всё в ямку и потряхнул головой.

— Отбил у изумр-р-рудных пауков. Не починить, — медленно произнёс Камень, — мало деталей.

Дорри взобрался обратно и свернулся калачиком на спине; сородичей он не видел уже много лет, но если и надеялся когда-то встретить, то непременно живых. А из того, что показал Камень, невозможно собрать даже половину ящера.

— Давай мы его забер-р-рём, — сказал камень, — вдр-р-руг найдём ещё части, собер-р-рём из них целого.

Дорри не ответил, даже не повёл головой. Накрыв морду крылом и слушал, как Камень складывает останки в расщелину на груди. Там он прятал всё, что попадалось: ржавую чешую железных жаб, кремниевые перья, крылья алмазных мотыльков. И каждый раз говорил:

— Давай найдём остальные части и собер-р-рём целого.

Это были не просто слова — Камень обшарил весь остров, разыскивая останки; однажды почти собрал золотую осу, но не нашёл второе крыло, а потом все осы исчезли, будто никогда и не было. Говорил, что их съели серебряные змеи, и теперь не узнать — оживёт оса, если собрать все детали, или останется мёртвой.

— Можем забр-р-ратся в пещер-р-ру к паукам, — говорил Камень, шагая в сторону хребта. — Вр-р-руг там найдём ещё части твоих. Пауки всё ср-р-разу не едят. Сохр-р-раняют. Умные.

Дорри почти не слушал — наблюдал за вулканом: тонкий ручеёк лавы стал намного шире и быстро стекал по крутому склону. Когда-то давно всё начиналось точно так же: огненная река разлилась по мёртвой равнине, застыла, словно каменный панцирь, а потом потрескалась. Сначала из трещин поползли насекомые, все они были сияющими и чистыми: золотыми, алмазными, изумрудными. Потом

были ящеры из камня и металлов, а потом и птицы. Впрочем, птицы были совсем непонятно из чего и вымерли первыми.

Ящеры охотились друг на друга — камень за металлом, и скоро их тоже почти не осталось. Тогда стали есть насекомых. И вот прошло уже столько лет, кажется, что Румиат не такой горячий, как прежде, и остров стал почти таким же пустым, как до извержения.

Так рассказывал Камень.

— Я был здесь до вас, — говорил он, — но без вас здесь было пусто. И сейчас — пусто. Потому что вас уже нет. Вы глупые. Не можете жить в согласии.

Камень рассказывал, как преобразился остров с тех пор и какой интересной стала жизнь, но никогда не говорил, откуда появился сам. И грустно охал, оглядываясь по сторонам:

— Тепер-р-рь всё не так. Пусто.

Чёрное облако быстро закрыло небо; свет Румаита погас, и остров погрузился во мрак. Холодный свирепый ветер летал над равниной, вихрями закручивал острую пыль. Земля бесконечно дрожала, и грозный рёв вулкана разносился повсюду, внушая страх.

Камень переступил через трещину в земле, и она тут же извергла фонтан горячего пара, разошлась, осыпалась по краям. Дорри взглянул на неё со спины Камня: внизу что-то светилось.

— Пр-р-робивается на повер-р-рхность. Кр-р-репче дер-р-ржись, Дор-р-ри, будет тр-р-рясти.

Мимо пролетела стая виверн. Чёрные ониксовые крылья не различались в темноте, стая летела неровно: то поднимаясь, то опускаясь к земле. Вожак стаи рычал, сзывая всех, но его заглушал рёв вулкана.

И только стая исчезла из виду, в Камень врезалось тяжёлое чёрное тело. Отставшая виверна потерялась в темноте, расколола крыло на две части. Она испуганно клокотала, оглядывалась на огромный обломок скалы и медленно отползала назад. Когда она приблизилась к трещине и чуть не свалилась вниз, Камень схватил её за второе крыло и поднял над землёй.

— Глупая ящер-р-рица. Глупая, когда одна. Только в стае вы умные. А без стаи — мёр-р-ртвые.

Виверна попытался вырваться, укусила Камень за палец, но только обломала несколько зубов. Камень поднёс её к лицу, внимательно осмотрел сломанное крыло.

— Починим. Ты только не дёр-р-ргайся.

Опустив свободную лапу в трещину, Камень окунул пальцы в раскалённую лаву — холодное тело охватила мелкая дрожь. Расплавленная порода горела и коптила чёрным дымом. Камень смазал ею обломки крыла и соединил их вместе. Виверна вздрогнула, пронзительно взвыла, но через мгновение замолчала: крыло было

как новое. Разжав пальцы, Камень выпустил виверну, она взлетела вверх и исчезла, растворившись на фоне чёрного неба.

— Неблагодар-р-ная, — протянул Камень, и Дорри был согласен с ним.

Встретились они при похожих обстоятельствах: был светлый день, Дорри охотился на стеклянных улиток и так увлёкся этим делом, что не заметил подкравшегося сзади нефритового варана. Варан вцепился зубами в хвост Дорри и быстро примял ящера к земле; широко раскрыл пасть, чтобы проглотить добычу целиком, но тут над ним выросла скала. Огромная лапа смахнула ящера, как песчинку. Дорри испугался, попытался взлететь, но крылья оказались помятыми. Камень навис над ним, осмотрел внимательно, ощупал лапами крылья и произнёс:

— Попр-равим, не бойся.

Дорри не понял ни слова; испугался, осмотрелся в поисках убежища, но не нашёл, где спрятаться. Камень оторвал ящера от земли, размял и расправил его крылья, поднял на лапе вверх — к Румиату.

— Лети, — сказал он, и Дорри взлетел.

Кружил в небе и не мог поверить, что такая удача приключилась с ним — с медным ящером, чьё племя давно исчезло. Посмотрел вниз и увидел, что Камень наблюдает за полётом. Дорри решил спуститься.

Приземлился в отдалении, так, чтобы Камень видел его, но не мог дотянуться. Оглядел со всех сторон, обошёл вокруг, подполз ближе — Камень не двигался. Дорри подобрался на расстояние вытянутой лапы, щёлкнул хвостом по пальцам и отпрыгнул назад — Камень лёг на землю и опустил голову. Дорри взобрался на широкую прохладную спину, и с этого момента началась их дружба.

— Гляди, — Камень неожиданно замер и махнул лапой в сторону.

Там, огибая коптящие трещины, семенила лапами вереница изумрудных пауков. Вслед за собой они тащили несколько коконов, набитых останками разных зверей. Из одного кокона торчало что-то жёлто-красное, отдалённо напоминающее крыло.

— Медное? — спросил Камень.

Дорри кивнул.

— Тогда пойдём следом. А я говор-р-рил: надо искать пауков. У них всегда полно всяких частей.

Небо над вулканом вспыхнуло: поток раскалённой лавы устремился вверх, густая красно-чёрная масса вышла за край жерла и быстро потекла вниз, сжигая всё на своём пути. Земля задрожала сильнее: Дорри еле держался на спине Камня.

— Пауки убегают. Упустим!

Камень в два тяжёлых прыжка достиг пауков. Одного случайно

раздавил: осколки изумруда разлетелись в стороны, в воздух поднялась зеленоватая пыль. Остальные разбежались, побросав коконы. Камень с сожалением осмотрел сломанные паучьи лапки, сгрёб их в кучу, сосчитал.

— Слишком мало, не починить.

Дорри тем временем рвал коконы и перебирал содержимое: хвосты, глаза, лапы, головы, крылья. Оникс, аметист, золото, хрусталь. Там было всё, кроме меди. Будто на острове и не было никогда никого похожего на Дорри.

— Ух ты, — Камень осторожно поднял золотое крыло. — Ты знаешь, что это?

Дорри помотал головой.

Камень сунул лапу в тайник и достал оттуда осу. Золотую, блестящую, почти как новую — но без крыла. Дорри присмотрелся: это действительно было крыло золотой осы — то, что они искали много лет, разбирая старые ульи и паучьи гнёзда. Помятое, но целое, идеально подходящее по цвету и размеру.

— Как нам повезло сегодня, — протянул камень, аккуратно прикручивая крыло. — Готово. Починил.

Он поднял осу вверх, как когда-то поднял самого Дорри, но оса не взлетела.

— Хм, — Камень опустил лапу и рассмотрел осу ещё раз, — ничего не забыл? Лапы все, голова есть, крылья — тоже. Целая! Значит — починил. Почему не улетает?

Дорри подобрался по каменной лапе и осмотрел насекомое со всех сторон. Потом взглянул в небо, туда, где неясно проглядывал красный диск Румиата. Камень проследил за взглядом ящера.

— Огонь, нам нужно больше огня, — глянул в трещину. — Намного больше.

Развернувшись, он зашагал к вулкану. На другом конце острова растекалось широкое озеро лавы; склеивало трещины в земле, сжигало следы прежней жизни. Всё возвращалось к началу.

Дорри сидел на плече Камня и неотрывно следил за вулканом. Было что-то завораживающее и даже гипнотическое в медленном течении красной реки. Одновременно страшное и волнующее, но обращающее к непрерывному течению жизни. К её бесконечному круговороту.

— Я помню его, — сказал Камень, замедлив ход.

Дорри обернулся: справа от них на вершине холма стояло окаменелое дерево, с которого начинался день ящера.

— Когда я откололся от большого хр-р-ребта, они р-росли повсюду. Были на них изумр-р-рудные листья и много кр-р-расивых цветов. И было на остр-р-рове тихо и мир-р-рно. А потом вулкан всё погубил. Осталось только одно, но и у него обгор-р-рели кор-р-рни.

Камень остановился, посмотрел на Дорри, и на мгновение ящеру показалось, что по неподвижному лицу скользнула лёгкая тень улыбки.

— Вместо дер-р-ревьев появились вы, — Камень направился к холму. — Пойдём, поздор-р-роваемся.

Когда они взобрались на холм, Дорри взлетел к гнезду: виверны почти не тронули его, выдрали несколько веток и улетели ни с чем. Камень остановился у корней, провёл тяжёлой рукой по гладкой коре.

— Я всегда отдыхал здесь. А сейчас нет вр-р-ремени. Она подступает.

Медленно, огибая холм и растекаясь вширь, ползла огненная река. Там, где она касалась земли, плясали быстрые языки пламени и вверх поднимался густой чёрный дым.

Камень достал из тайника осу и спустился с холма. Придерживая насекомое двумя лапами, окунул в расплавленную породу: золото раскалилось и потекло, ладони наполнились горячим металлом. Капля за каплей оса просочилась между пальцев и смешалась с огненной рекой.

— Не вышло...

Дорри спустился на нижнюю ветку; оттуда он видел покрытые золотом ладони Камня, видел, как растекается лава, постепенно съедая берега холма. Едкий дым поднимался в небо, соединяясь с тяжёлой сернистой тучей, и весь мир вокруг превратился в огромное чёрно-красное пятно, простирающееся во все стороны, насколько хватало зрения.

Каменьavorожённо смотрел на ладони, а река тем временем коснулась его ног. Дорри испуганно зашипел и забил крыльями, сполз на самый край ветки и чуть не сорвался вниз, но никак не мог привлечь внимание. Тогда он спорхнул с дерева и приземлился на широкую спину.

Камень обернулся: впервые за все годы знакомства Дорри видел печаль на непроницаемом лице. Наверное, это была лишь причудливая игра теней, но сердце медного ящера на мгновение замерло; мир изменился, прежние законы больше не действуют. Значит, жизнь не возродится из огня, не будет на острове новых зверей — останется лишь твёрдый каменный панцирь...

— Лети, Дор-р-ри, — Камень махнул на него лапой, капля жидкого золота сорвалась с пальца и упала на крыло ящера. — Лети на дер-р-рево, а я постор-р-рожу.

Дорри кивнул и улетел в гнездо. Оттуда он почти ничего не видел, только низкое чёрное небо, перетекающее тяжёлыми волнами. Небо двигалось на восток, медленно-медленно, будто хотело задержаться подольше, чтобы не пропустить, чтобы увидеть последний вздох умирающего острова.

Дорри свернулся калачиком и быстро уснул. Где-то на границе с реальностью послышался тяжёлый всплеск...

Яркий свет Румиата ещё до заката пробился сквозь тучи. Тени исчезли, но всё на пустынном острове напоминало о катастрофе: застывшая лава почернела, кое-где ещё кипели алые котлы, и не было вокруг никого, только ровный чёрный панцирь простирался от вулкана до хребта.

Дорри привычно вытянул шею и выглянул за край гнезда: корни окаменелого дерева скрылись глубоко под чёрной коркой, Камень сидел без движения, прислонившись спиной к стволу. Огненная река поглотила его до середины туловища и залилась в расщелину на груди.

Дорри отвёл взгляд, опустил голову на дно гнезда и накрыл крылом. Маленький золотой лепесток свалился с медной перепонки, упал на морду ящера. Дорри хотел смахнуть его лапой, но лепесток раскрыл крылья и перелетел на край гнезда. Там он повертелся немного, осмотрелся и улетел навстречу Румиату.

ЯЩИК С ПЕПЛОМ УРАНА

Пролог

— «Сорок четыре» у вас в паспорте—это какой-то «ящик»?

— Да.

— Кто-то остался?—Неприятная дама с едва заметным сочувствием и легким признанием упрямо смотрела колючими стеклышками.

— Да, несколько могил. И дядя. С тетей.

Сочувствие съехало на сторону в горькую складку. Спорить о жизни расхотелось.

Часть первая

Атом в городе Шредингера

Хагат был очень стар. Но всегда уходил в лес один.

Сплюнув сгустком крови и горечи, пересиливая навалившуюся слабость, он поднял бубен. Непонятная хворь пришла в мир. Вода сделалась мертвой. Темные духи поднялись из глубин земли.

Высокое и тягучее «теннн-гр», восходящее к солнцу, с треском взрезало застывший рассветный воздух, сменялось цепляющимся в сухой траве и петляющим во мхах «тейя-ххаа-ххайя-ха». Древний лес разбегаящимися кругами окатила звуковая волна, отражаясь в камнях и блюдцах дурной болотной воды. Волна смыла запоры времени и пространства, проникла за их границы, просочившись на запретную для простых смертных территорию. Достигла небес и остановилась перед владениями хаоса. Тяжелый бубен лег к ногам. Прижавшись спиной к родонитовой глыбе, Хагат погружался в привычный водоворот видений и голосов духов. Но сегодня... Пять огромных каменных пальцев опускались в ржавое болото. Они источали серую смерть и холод, проникавшие иглами под сомкнутые веки. Жизнь остановилась с последним ударом сердца. Старость, страх и невозможность объяснить, отняли жизнь. Старика нашли через несколько дней. Бубен закрыл шамана щитом. Зверь обошел стороной. В грязной натянутой коже отпечатался оттиск ладони. С того дня хворь отступила, приняв высокую плату.

Века спустя на это место пришли новые люди, родонит отправили в новый город Петербург. Рядом в шахтах старатели мёрли, как мухи. В лесах находили тела беглых, в язвах, с кровавыми слезами. По избам и землянкам рабочих угасали бабы с детишками, рождались такие

уродцы, что и взглянуть невозможно. Убогий Василько все ходил среди народа с языческим бубном, мычал что-то, тыкал в кожаный круг нематыми обрубками пальцев. Его отгоняли и бросали хлебные корки в шапку. Не до веселья было.

Еще через двести лет немецкие военнопленные и советские политзаключенные, одинаково истощенные, в обрывках обмундирования и серых робах, построили первые цеха и бараки нового города за глухим бетонным забором.

Время в остатках былого величия спускалось по спирали отполированной библиотечной лестницы, тяжело переливалось в густом ворсе алых ковровых дорожек, стекало по зашарканному мрамору ступеней. Стремительные и легкие шаги беззвучно тонули в нем, голоса замирали, поглощенные его плотностью. Время здесь имело свое право, свое место в многочисленных формулах, и с ним привыкли считаться. Время жило в окружающем воздухе, настаивало его на своем запахе, наполняло своими звуками и формами.

Последние рыцари науки почтительно и смиренно обнажали, а то и вовсе складывали перед ним головы. Смерть в лабораториях и на полигонах стала привычным гостем. Скорее, сотрудником. В этой совместной работе смерти была уготована важная обязанность — исправлять и скрывать человеческие ошибки, влияющие на историю всего человечества. Наверное, она сочла это забавным. Сотни, тысячи человеческих жизней — на совершенно бесполезные против времени ядерные щиты. Наш ответ Трумэну давно превратился в миф. Однако, никто пока не взял на себя труд оценить реальность угрозы. Точнее, ее нереальность. Серый забор скрывал многие тайны и секреты страны. Город стал храмом науки с неизбежным культом мертвых богов. Стал призраком среди настоящих живых городов, исчезнув с карт и из списка телефонных кодов. Город жил вне времени, в своем мифе между миром и войной, между жизнью и смертью. В нем почти не замечали перемен, происходивших в стране.

Науке служили не только рыцари. Самыми могущественными были жрецы. Маститые ученые со множеством званий и наград, политики и главы министерств, они без раздумий, с точным расчетом, бросали на вечный алтарь чужие жизни, мечты, идеи, семейное счастье. Однажды разбуженные силы не желали покидать обжитое за столетия место.

Красный уголок библиотеки комбината полнился экспонатами из местных курганов. Образчики урановой руды в запаянных контейнерах занимали промежутки между предметами быта аборигенов. Рядом с портретом Кикоина висел шаманский бубен с отпечатком ладони. В чем-то наука обязана первобытной магии своим появлением и развитием.

Начиналось заседание «Клуба научных работников». В отличие от технических совещаний, совершенно неофициальное мероприятие, на котором царил здоровый ригоризм вечно молодых ученых. Смещение народов и культур. Существенный численный перевес ленинградцев и москвичей, привыкших называть местные особенности рельефа любимыми топонимами. Последние столпы рожденного доном Рэбой Минсредмаша. Ветераны снисходительны к молодой поросли закрытой аспирантуры. Молодежь почтительно и немного иронично впитывает научные и нравственные основы, неподверженные влиянию НТР.

Аримасп поправлял очки и откашливался, призывая к вниманию и порядку. Оседлавшие огненного полоза рудознатцы неохотно ставили на место контейнеры с серыми медальонами и кристаллами. Древний газоанализатор... Бытовой уран, стратегический... Невидимые атомы-убийцы в ящиках Шредингера. Уран, как и древний бог, давший свое имя химическому элементу, всегда порождает чудовищ. А гибель богов не всегда означает продолжение человеческой жизни.

К ночи через городские ворота в ворота комбината прошли вагоны руды.

Леонард Рейкс сидел на стуле наоборот, уперев массивный подбородок в потемневшую дубовую спинку. Зиминский напротив, почти утонув в глубоком кресле, явно волновался, задумчиво морщил высокий лоб, и магический вращал пальцами над головой короля. Нежелательный мнимый цугцванг. Их не беспокоили.

— Шах, рыцарь.

— Гарде, капитан.

Древнее ристалище в который раз заливали потоки фигурной крови. Эту партию они начали в год смены власти. В клубе по умолчанию принято считать это временем демонтажа, создания государств, и создания системы, удержавшей страну в целом. Правда, одновременно в двух состояниях. Изящные резные фигуры еще помнили руки прадеда Рейкса, и каждая позиция на доске символизировала свой исторический период. Периоды были наполнены полуходами и размышлениями. Время подталкивало к действиям. Оба игрока отмечали ходы, число которых перевалило за сотню, наблюдали и знали, как покидала доску каждая фигура. Корректные жертвы. В ящик.

Не впервые в истории игроки в шахматы замечали, что происходящее на доске влияет на окружающий мир. И почти все ошибочно впадали в гордыню, приписывая себе удивительные способности изменять реальность. Но здесь все было иначе. Они знали, что дело с самой игре. Фигуры, привыкшие лежать в ящике, выходили на доску живыми и значимыми. Наверное, потому в мире и происходит

столько глупостей, что слишком много дураков садится играть, не зная правил и не думая о перспективах и последствиях.

Оба сохранили свои прозвища с полустертого из памяти школьного вечера, на котором будущий народный артист в образе белого Кролика достал из шляпы карточки команд—ордена рыцарей Прекрасной дамы и Клуба знаменитых капитанов. И, так уж получилось, что своей даме с того вечера Рейкс оставался верен до того самого дня, пока смерть... Да, на этот раз она задержалась и позволила ждать себя, увеличивая цену жертвы. И смерти свойственны некоторая небрежность и сентиментальность. Валюше почти сорок пять. Рейкс до сих пор не верил случившемуся, и привычно кричал с порога, заходя в квартиру:

— Валечка, я дома!

А потом смешивал крепкое вино с подавляющей тишиной пустой квартиры и лишаящим разума и сил невыносимым одиночеством. Оставались считанные дни, чтобы он еще мог заходить в ее палату, внутренне замирая в ожидании того, что неизбежно увидит.

Постепенно собеседники разошлись по библиотечным залам. Физика, история, биология, квантовая механика — мысли в тонких и точных формулировках непринужденно скользили по губам, перескакивали во взглядах от одного к другому, делились и умножались, жестами передавались дальше или отбрасывались. Уровень сложности достигал абсурда. Абсурд порождал ожидание коллапса волновой функции. Мир менялся.

К закономерностям быстро привыкаешь. Уже никто точно не помнил, когда датчик уровня радиации появился на здании горсовета. Поначалу детей уводили с площади, и взрослые старались проходить дворами, чтобы не вдаваться в объяснения, зачем он там.

Редкие гости города неизменно спрашивали—а чего это у вас часы неправильно идут и показывают неправильное время? Постепенно жители привыкли к тому, что они живут с неправильным временем, перестав следить за часами во всех общественных местах. О нем вспоминали лишь, когда внезапно скручивались, судорожно желтели, покрываясь коричневым налетом и напрягая прожилки, свежие листья вездесущих тополей. Но и тогда счетчик успокаивал оранжевым нормативным мерцанием.

Так же никто уже не мог сказать, в какой момент запертые в цехах и лабораториях, за бетонным забором почти вечной стены, люди приспособились оставаться не живыми и не мертвыми в ящиках, и влиять на мир, вступая в игру.

В углу библиотечного зала сгорбился низенький круглый человек из отдела статистики. Он неизменно присутствовал на всех мероприятиях, всегда молчал, что-то записывая в толстую тетрадь.

Хотя он старался излучать добродушие и оптимизм, желающих общаться с ним находилось немного. Почему-то за глаза его называли сусликом. В последнее время он часто старался попасться на глаза Рейксу и завязать разговор. Пока Рейксу удавалось этого избегать. Но коротышка отличался завидным упорством.

Аримасп задал общую тему для разминки: почему Зевс называется богом богов?

А... повисла задумчивая тишина. Начитанный Зиминский обстоятельно изложил греческую мифологию по этой части. Не забыл упомянуть о родственных связях Урана, Хроноса и Зевса. К чему-то вспомнил Орфея и Эвридику. Все увлеклись, припомнили кое-что со школьных времен, посочувствовали пострадавшему от серпа родителю богини любви Афродиты, но Аримасп не удовлетворился. Вместо этого он нарочито смотрел на часы. Когда все по инерции сделали то же самое, не уловив намека, он с сожалением и укором изрек: потому что победил Кроноса и вернул всех, кого тот поглотил. Вернул тех, кого считали умершими.

Да, замкнутое пространство всегда опасно возрастанием энтропии. Хаос наполнил воздух, сделав вдохи мучительными. Присутствующие старались не встречаться взглядом с Рейксом. Он замер, стараясь прочувствовать все услышанное. Есть какая-то мысль во всем этом... бредовая, но...

Лопухий аспирант пошутил о знании Зевсом основ термодинамики. Остальные не стали исключать такую возможность. Мир многовариантен. Разговор потек в прежнем русле.

Рейкс и Зиминский склонились над доской.

Часть вторая

Тайна

Досих пор не сняты грифы секретности. К тайне, оказывается, можно привыкнуть. Можно уже ее не замечать. Особенно государственную. Хранителям она только поначалу добавляла чувство собственной значимости. Но в состоянии «двух состояний» это уже не играло никакой роли. Зиминский в который раз поднял глаза на портрет Кикоина и прижался взглядом к бубну. Пять пальцев с отпечатка тянулись в грязно-серый кожаный круг. Внезапно ему припомнилось, как Аримасп недавно рассказывал школьной экскурсии о бытовом использовании низкообогащенного урана. Чтобы детям было понятнее, он растопырил пальцы над блюдцем и делал вид, что опускает их туда и снова вынимает, как стержни для АЭС. Плечи непроизвольно передернулись от внезапного сравнения и холода между лопатками. Он уступил Рейксу ферзя. И решил больше не смотреть новости.

Утром из ворот комбината через ворота города проследовал спецтранспорт с контейнерами готовой продукции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗОНА

Пропуск. Его получаешь намного раньше паспорта. Просто домой. Где физики говорят о физиках. Где почти любой гуманитарий после обычной школы может на даче устроить лабораторию и изобрести что-нибудь, полезное в хозяйстве. Где больше половины бывших одноклассников и друзей внесены в почетные списки и книги, реестры, табели о рангах и так далее. И примерно после сорока четырех — в некрологи. В закрытом пространстве жизнь скоротечна, но приобретает богатство и многообразие форм.

Ящики разного размера и предназначения. В каждом течет свое время. В каждом есть свое живое или неживое содержимое. Или полуживое. Всего один атом в каждом пусковом механизме. Китайская шкатулка абсурда.

Этот ящик знаком с детства. Небольшой, черного дерева с латунными вставками.

Время тоже знало и любило хронометр Рейкса. Наследство третьего мужа великолепной бабушки. В этом деревянном ящичке с механизмом редкой прочности и уютной тикающей точности внутри оно всегда текло правильно. Рейкс любил хронометр и ревностно оберегал покой правильного времени.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СНЕГ

Пух вездесущих тополей напоминал о грядущем холоде. Ядерный щит.

С ним или на нем. Ключевое слово—если. Рассеянный привычный взгляд Рейкса скользнул через полки к шаманскому бубну. Пальцы казались погруженными в туман. Захотелось ударить по все еще туго натянутой коже. Ударить так, чтобы стряхнуть эту серость, стряхнуть время, отбросить смерть. Чтобы звуковая волна проникла за многочисленные стены бесчисленных ящиков и слои атомов. Ну-жен точный момент. Кайрос. Миг между безвременьем, вечностью и стрелкой хронометра. Рейкс намотал вихор неуловимого бога на пальцы. Город-миф имел право на помощь богов.

В густках предрассветных сумерек Рейкс один стоял у проходной, из которой с минуты на минуту должны были выехать бронированные фургоны. Он посмотрел на хронометр и поднял бубен. Звонкое высокое и тягучее «теннн-гр», восходящее к солнцу, с треском взрезало застывший рассветный воздух. В тяжелом кожаном круге в его руках повторился солнечный диск и бубен засиял изнутри теплым светом.

Снег укрывал спящий город белым покрывалом. Темная сила уходила в глубину недр. Правильное время выбиралось из ящика и занимало опустевшее пространство. Рейкс уже в полудреме уткнулся в родное Валюшино плечо. Врачи недоумевающе разводили руками и садились писать диссертации и новом методе лечения. Повторяли школьный курс физики и теорию звуковых волн.

Зиминский проверил, хорошо ли закреплен на стене старый экспонат, сложил стопкой письма с благодарностями и просьбами о помощи, научными статьями и газетными вырезками, и машинально расставил фигуры для новой партии.

Эпилог

— Вы знаете, город открывают?

— Да.

— И там у людей совсем нет работы, и особые льготы сняли, и они теперь живут, как все, и вообще, все так ужасно!

— Да. Теперь, как все. Живут.

Виталий Войцик

ОХОТА НА ЛИС

Алые языки костра тянулись к хмурому небу, и промозглый вечер становился теплее. В дрожащем свете огня грелись два путника — человек и овчарка.

Пёс пристально смотрел на пламя, не в силах оторвать заворожённого взгляда от дикого танца огня. Треугольные уши внимательно вслушивались в весёлое потрескивание поленьев и то и дело радостно подёргивались от каждого нового хруста.

Рядом с собакой на небольшом опрокинутом пне примостился человек. Он держал в руке длинную палку, один конец которой покрылся чёрной золой, и на радость своему спутнику шевелил покрасневшиеся уголки. В воздух взлетали яркие искры, и костёр разгорался с новой силой. Человеку было тепло и спокойно вблизи огня. Рядом с псом.

— Как же ты его всё-таки упустил? — спрашивал он, бросая в сторону друга любопытствующий взгляд.

— Ты всё про того лиса? — раздался распевный голос овчарки.

— Про того самого. Нам бы не помешала его шкурка.

— У меня и своя есть, да и ты не мёрзнешь.

— Могли бы её в деревне выгодно обменять, — вздохнул человек и продолжил ворошить жаркие угли. — Мне просто показалось, что ты его уже загнал. Он был в ловушке.

— Загнать-то загнал...

— Так что же не убил?

— Не захотел! — пёс приоткрыл зубастую пасть и обернулся к человеку; тот лишь удивлённо вскинул густые брови. — Понимаешь, Роланд, когда я уже собирался на него броситься, он так посмотрел на меня, будто говорил, мол, ты победил и волен делать всё, что пожелаешь, но я прошу у тебя пощады.

— Прям так и сказал? — засмеялся человек.

— Лисы не умеют говорить, но это не значит, что они не умеют и думать.

— Нисколько, — согласился Роланд и прекратил смеяться, но на его лице, покрытом светлой бородой, продолжала сиять широкая улыбка. — Однако с трудом верится, что он бы сделал то же самое, окажись на твоём месте.

— В том-то и дело, что он не на моём месте. Возможно, именно потому, что сделал бы так, как ты сказал. Природа давно всех поставила по своим местам. Или ты считаешь иначе?

— Я всего лишь считаю, что люди были бы очень рады его шкурке, — усмехнулся человек и бросил взгляд в сторону притихшего,

сумрачного леса. Только стрекотание цикад да треск поленьев нарушали его покой.

— Какой тихий вечер, — поёжился человек.

— Вот не скажи. Только что взвизгнул заяц.

— Небось, твой лис?

— Он просто голоден... — пёс громко глотнул и уставился на человека. — Пора бы и нам подкрепиться...

Роланд прошагал к краю поляны, где в раскрытом мешке лежали несколько ощипанных утиных тушек, схватил одну из них за длинную шею и обернулся к псу.

— Хорошо, что уток ещё не начал жалеть.

— Ты только зажарь получше, — в предвкушении скорого ужина пёс радостно облизался.

Человек ответил добрым смехом, вернулся к костру, насадил утку на острую обугленную палку, положил на две рогатины и принялся вертеть её над жарким пламенем.

Длинный язык пса, которого человек называл Айзеком, вновь мелькнул на дымчатой морде. Влажный нос блестел.

В воздухе уже разносился аромат жареного мяса, стекавший жир громко шипел на углях, а утка покрывалась золотистой корочкой, когда вдалеке раздался собачий лай.

Айзек вскочил. Мощное тело овчарки напряглось, шерсть встала «дыбом». Пёс оскалился и уставился в сторону леса. Человек с тревогой проследил за его взглядом. Но не прошло и секунды, как из тёмной чащи показался мальчонка годков десяти. Взорванные волосы, покрасневшее лицо, тяжёлое дыхание, испуганный взгляд. При виде двух путешественников его глаза округлились, а изо рта вылетел сдавленный крик. Мальчик замер и растерянно завертел головой. Он отчаянно искал пути отступления, но всё было тщетно: на поляне уже появились его преследователи. Не менее двадцати собак породы грейхаунд в красных камзолах бросали короткие любопытствующие взгляды на человека и овчарку, но проходили мимо.

— Ну и достанется же тебе, недоносок. И мамке твоей за то, что за выводком своим уследить не может, — проворчал чёрный пёс с белым пятном у носа. Он приближался к хнычущему мальчику, устрояюще рычал и облизывался.

— Я б-б-больше т-т-так не б-б-буду, — расплакался вконец малыш.

— Конечно, не будешь. Больше носа своего из деревни не высунешь. Уж я-то за этим прослежу...

— Извините, достопочтенные псы! — раздалось за спинами собак. Эти слова заставили их удивлённо обернуться. Удивление тут же переросло в раздражение, когда они увидели, что к ним обращается человек.

— Я всего лишь хотел поинтересоваться, что же такого ужасного натворил этот паренёк, что дюжина сильных и ловких псов пустилась за ним в погоню, — продолжил Роланд.

— Не твоё дело, человек! Если ты с овчарками пришёл, то с ними мы и будем вести разговор, — резко ответил чёрный пёс и бросил оценивающий взгляд на Айзека, который стоял впереди своего друга. — Забыл представиться. Ричард, полковник Королевской охотничьей армии, — обратился он к овчарке: в голосе появились уважительные нотки.

— Меня зовут Айзек, а моего друга...

— Вы, должно быть, с визитом от преподобного Лютера пожаловали? — перебил его полковник. — И где же остальной отряд?

— Нас двое.

— Как же так? Неужели вы проделали такой длинный путь в одиночку?

— Ну, я же говорю, что нас двое. И друга моего зовут Роланд. А пришли мы вовсе не из земель овчарок.

— Так откуда же?

— Последний раз мы были в землях колли.

— Кайзер Вильгельм прислал вас?

— Нет же, — устало вздохнул Айзек. — Мы с моим другом просто путешествуем.

— С другом? — полковник Ричард только теперь расслышал это слово, обращённое собакой к человеку. Он повертел маленькой острой мордой, словно пытался стряхнуть с себя неприятное наваждение.

— Именно. И теперь мой друг хочет знать, за что этот юноша удостоился столь грубых речей?

— А вот это вашему другу знать не обязательно. Пусть скажет вам спасибо, что не трогаем его. Будь он один... Ох, и несдобровать ему.

— Но это всего лишь мальчик. Вряд ли он мог сделать что-то ужасное... — вновь вмешался в разговор Роланд, чем вызвал настоящий гнев у королевских охотников. Полковник яростно зарычал, за его спиной раздался лай.

— Не надо, Роланд. Я сам разберусь, — прошептал Айзек и вновь обратился к главному грейхаунду: — Так за что же вы заставили плакать этого юношу?

— Он слишком далеко ушёл от деревни.

— И это всё?

— А разве этого недостаточно? Этот мальчишка самым наглым образом нарушил один из важнейших Законов. Не может человек уходить в лес без присмотра собак. Никогда и низачто!

— Помню, помню, — равнодушно ответил Айзек. — Но этот мальчик вовсе и не без присмотра собак.

— Что?

— Он со мной!

От неожиданности у полковника отвисла нижняя челюсть. Он бросил злобный взгляд на овчарку. И теперь нервно облизывался, не в состоянии подобрать слова.

— Но этот мальчишка из нашей деревни, — наконец, выговорил он.

— Разве Закон делает человека вашей собственностью? Человек сам решает, где и с кем ему быть. Закон лишь запрещает отказываться от собачьего присмотра.

— Это возмутительно! Вы мешаете нашей службе. Ставите короля Эдварда Второго в весьма щекотливое положение. Своим вмешательством вы попросту оскорбили его честь.

— Ну, полно, полно... Мне кажется, что вы драматизируете ситуацию.

— Драматизирую? Ну, хорошо! Посмотрим, как вы заговорите, когда я доложу его величеству о вашем поступке. Вы позорите весь собачий род! — он решительно развернулся и скомандовал: — Возвращаемся!

Собаки оглядывались и скалились, пока не скрылись в лесу.

— Спасибо, Айзек! — громко выдохнул Роланд. Он потрепал друга за ухом и направился к мальчику.

— Чего же ты от собак удирал?

— Я п-п-просто гулял. Не заметил, как отошёл от деревни. Хотел вернуться, чтобы собаки не заметили. И заблудился. А п-п-потом испугался, — продолжал всхлипывать мальчик.

— Ну, ну. Не хнычь.

— Мне нужно домой. Мама будет волноваться.

— Ну, как, Айзек? Проводим парнишку?

— Почему не проводить? Тем более скоро стемнеет, — Айзек с тоской посмотрел на подгоравшую утку.

— Ладно тебе. В деревне поужинаем. Надеюсь, люди окажутся дружелюбнее собак...

Краешек солнца ещё выглядывал из-за высоких холмов, небо уже красилось в ночные тона, а в закатных отблесках сияла луна, когда трое путников вышли из леса. Их длинные тени убегали вниз по широкой тропинке к пологому холму, на склоне которого раскинулись аккуратные деревянные домишки. На вершине в лучах заходящего солнца, подобно ледяным глыбам, сверкали стены собачьего города.

В человеческой деревне зажигался тусклый свет, а на городских стенах горели факелы. Вокруг бродили псы в синих сюртуках.

— Знаешь, кого мне напомнили эти грейхаунды, — обращался Роланд к овчарке.

— Догадываюсь.

— Как будто бы вернулся обратно в земли ротвейлеров.

— В таком случае, долго мы здесь не задержимся.

Мальчишка испуганно косился на человека и собаку. Он успел пожалеть, что не остался с охотниками. Пусть те и общались с людьми без всякого уважения, но защищали от бесчисленного зверья. А разве можно положиться на одного единственного пса? Всю дорогу страх грыз детскую душу. Но, когда вдалеке появились огни родной деревни, мальчик радостно вскрикнул и принялся вглядываться в людей, которые столпились у крайнего дома. Искал свою маму. Ох и влетит же ему теперь, думал он. Но даже эти мысли не могли омрачить радости.

Сторожевые псы с презрением наблюдали за приближавшимися гостями. Один из них — коричневый грейхаунд — во все лапы бросился к стенам города.

— Побежал своему королю докладываться, — усмехнулся Роланд. — Давненько такого приёма нам не оказывали.

В это мгновение из толпы зевая вышла женщина в светлом сарафане и быстрым шагом направилась к путникам. Лево́й рукой она утирала слёзы, а правой поправляла растрёпанные волосы. Мальчишка не удержался и бросился ей навстречу.

— Вот и мамка. Ну, хоть доброе дело сделали, — отметил Айзек, с тревогой наблюдая, как к ним приближались сторожевые псы, а из городских ворот выходила целая собачья процессия: с факелами, под звуки горна. — Неужто мы удостоились внимания самого Эдварда?

— Не нравится мне это, да и люди, как я погляжу, не очень нам рады.

Роланд увидел, как мать схватила сына за руку и быстрым шагом пошла прочь. Даже не поблагодарила, лишь мельком глянула на гостей. И, судя по осуждающему взгляду, ждать доброго приёма не приходилось.

— Ладно, поглядим, что будет дальше. Закон на нашей стороне, — заявил Айзек.

— Знаю, знаю. И всё же эти злые морды меня немало пугают.

— Ты про людей или собак?

— Про тех и других.

Тем временем два друга уже приблизились к группе людей, которые вышли навстречу странным гостям. Встречали молча, с угрюмыми лицами.

— Здравствуйте, добрые хозяева, — с людьми предпочитал говорить Роланд. Но на этот раз его широкая улыбка не произвела должного впечатления.

— Что же вы бедную женщину заставили волноваться? — вперёд вышел верзила в клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

— Мы всего лишь хотели помочь мальчику, — в недоумении пожал плечами Роланд.

— Так и не надо было, — раздался голос матери, которая прижимала к себе плачущего сына. — Я чуть с ума не сошла, когда узнала,

что мой сын один в лесу. Зачем вы отправили отряд полковника Ричарда восвояси? Ладно, свои жизни не жалко, так к чему было рисковать ребёнком?

— Нет же никакого риска. Айзек смелый, сильный пёс...

— Да пусть и смелый, и сильный, но он один. А зверья в лесу полным-полно. Ох... — и женщина вновь зарыдала.

— Всё в порядке, — успокаивал её невысокий мужичёк с редкой бородкой.

— В общем, сослужили вы нам недобрую службу, — вновь взял слово верзила. — Вот и псы теперь будут недобро на нас смотреть.

«Будто, раньше, они добро смотрели?» — усмехнулся про себя Роланд.

— Полковник так просто не оставит этот случай. Очень он честолюбив. Кстати, вон, идут уже... — и в подтверждение его слов раздался громкий лай.

— Его Величество Король Эдвард Второй! — разнеслось в вечернем воздухе. И тут же сторожевые грейхаунды принялись бегать среди людей.

— Дорогу! Дорогу! — рычали они и расталкивали собравшихся. Люди безропотно подчинялись и спешно расходились, образуя широкий коридор. Теперь они молча наблюдали за процессией короля.

Впереди бежали несколько охотников в красных сюртуках, за ними на задних лапах вышагивал и сам король — статный кремовый грейхаунд. Определить величественную особу можно было по длинному искусно вышитому золотыми узорами камзолу. Рядом с королём шёл чёрный полковник Ричард. По обеим сторонам плотными рядами ступали сторожевые псы. Они яростно внюхивались в воздух и окидывали собравшихся людей подозрительными взглядами. Наконец шедшие первыми охотники разошлись, уступая дорогу своему правителю.

Айзек встречал его, стоя на задних лапах, ибо таков был собачий обычай. Хоть овчарка его и не любил, но относился с пониманием. Ему было хорошо известно, насколько сильно разумные собаки боятся одичать. Превратиться в неразумных животных. Именно поэтому псы во всех городах носят одежду, строят каменные дома, используют слова, заимствованные у людей. Таким образом псы отгораживались от окружающей природы, чтобы доказать своё превосходство над другими тварями. Мы — разумны, значит, и жить должны иначе. Собаки в диком отчаянии балансировали между человеческим разумом и дикостью окружающей среды. И так тяжело было оставаться посередине, не перекинуться ни на чью сторону. Вот и приходилось ходить на задних лапах (пусть и во время церемоний, общественных мероприятий), хотя совершенно очевидно, что на четырёх намного удобнее.

— Приветствую славного пса в наших краях, — обратился Эдвард Второй к Айзеку. — Слава Джеку Доброму, преподобному Лютеру и другим славным овчаркам.

— Благодарю! Да гордится вами Георг Быстрый, — ответил Айзек.

Роланд по привычке не вмешивался в собачьи разговоры. Только переводил любопытствующий взгляд с одного пса на другого, пока те обменивались любезностями.

— Полковник Ричард успел доложить мне о вашем прибытии, — продолжал король. — Доложил он и о вашем неприемлемом для благородного пса поведении.

— Утверждать о моём благородстве, увы, не приходится. Ведь своих родителей я не знаю вовсе.

— Опустим ваше происхождение. Ведь для любого добропорядочного пса такой поступок тоже недопустим.

— Простите, Ваше Величество, но о каком таком поступке вы говорите?

— Об очень оскорбительно поступке, уважаемый. Вы помешали полковнику в выполнении им священной миссии, возложенной на собак нашими Отцами.

— Я уже отвечал полковнику, что Закон говорит лишь о том, что люди не могут находиться без присмотра собак. И я попросту взял выполнение этой самой миссии на себя. Ни в коем случае не хотел оскорбить вас, — Айзек говорил как всегда спокойно и рассудительно. Роланд даже позволил себе едва заметную улыбку одним уголком губ. Но это тут же заметил полковник.

— Ваше Величество! Вот о чём я вам и говорил. Посмотрите на этого человека! Он...

— Я всё вижу, Ричард, — лёгким движением лапы остановил его король. — Видите ли, уважаемый Айзек. Пёс вы, безусловно, добропорядочный. И уверен, что родители ваши благородных кровей. Кстати, почему вы ничего о них не знаете?

— Мой друг нашёл меня в лесу близ земель ротвейлеров, где он и жил тогда. Видимо, родители потеряли меня, а я был тогда немышлёным щенком. Вот и не помню их.

— И что же вы ни вернулись в земли овчарок, когда подросли? Уверен, что вы бы нашли своих родителей.

— Я не захотел идти в земли овчарок. Мне ни к чему искать родителей, их мне заменил Роланд. И я не собираюсь его оставлять.

— Ну, всё сходится, — покачал головой король. Сжал губы, словно о чём-то безумно сожалел. — «Не доверяй человеку, ибо служить ему будешь!» Так говорили наши отцы. Теперь я вижу, что они были правы.

— Наши отцы многое говорили, — нервно облизнулся Айзек. — Но главное, что они никогда не ставили разумность собак под сомнение.

— Но вы так много времени провели с человеком. Теперь я понимаю причины вашего странного поведения.

— Не думаю, что моё поведение можно назвать странным.

— Увы, но, кажется, зараза распространилась так далеко, что вы и сами не замечаете её.

— Я свободный пёс и не нарушал наших Законов. Так что прошу не подвергать сомнению мою добропорядочность.

— Говорите, уважаемый Айзек, что вы свободный пёс? Так давайте же сейчас и проверим это!

— Как же вы хотите это сделать? И стоит ли сомневаться в моих словах? Ведь всем известно, что собаки не врут.

— Не врут, но и с людьми не дружат, — презрительно усмехнулся король. — Так что предлагаю вам принять приглашение и остановиться в моём дворце. С первым же посольством, мы готовы отвести вас в родные земли. Или вы можете уйти сами. А человек останется в деревне под нашим присмотром. И как только прибудет посольство ротвейлеров, мы передадим его им.

— Благодарю за предложение, Ваше Величество! И за ваше гостеприимство. Но боюсь, мне придётся отказаться. Мы с моим другом вместе пришли и вместе уйдём, — не задумываясь, ответил Айзек.

Роланд лишь одобрительно покачал головой. Он знал, что его друг ответит именно так.

Однако в отличие от человека королю этот ответ явно пришёлся не по нраву. Он облизнулся, затем обернулся на полковника, который бросал самодовольный взгляд на человека, кивнул ему, давая немую команду. Полковник тут же завилал от удовольствия длинным хвостом и громко пролаял:

— Арестовать человека!

Айзек в недоумении бросился к другу, которого в один миг взяли в плотное кольцо сторожевые псы.

— Что происходит? — громко пролаял он, обращаясь к королю. Всякие правила приличия были напрочь забыты.

— Увы, уважаемый Айзек, ваш выбор лишь подтвердил мои догадки. Этот человек хитростью заставил вас служить ему. И моя задача, как блюстителя древнего Закона, помочь вам.

— В чём же заключается эта помощь? — скалился Айзек.

— Мы оградим вас от этого злого человека. Конечно, сейчас вам это не понравится, но вскоре болезнь отступит, и вы образумитесь. Уверен, когда-нибудь вы скажете мне спасибо...

— Вы не имеете никакого права удерживать этого человека. Ведь он ничего не нарушил. Он всегда находится под присмотром пса. Под моим присмотром.

— Увы, увы... — покачал головой Эдвард Второй. — Но дружба с человеком ставит под сомнение вашу способность трезво мыслить. Уведите его!

Псы тут же принялись толкать обескураженного Роланда, рычать на него, пытаться укусить. Айзек залаял, готовясь вступить в неравный бой.

Король, глядя на эту сцену, только усмехнулся.

— Не надо, Айзек! — крикнул своему другу человек. Он понимал, что овчарка не сможет совладать с сотней натренированных псов.

Но Айзек не отступал.

— Отпустите его! — расталкивал он псов.

— Прошу не усугублять! Своим безумным поведением вы только подтверждаете мои слова, — вновь заговорил король. — Никогда ещё собаки разумные не дрались друг с другом.

И тут Айзек замер. Посмотрел на Роланда. Человек вымучено улыбнулся, пытаясь остудить пыл своего друга.

— Всё будет в порядке, — бросил он и смиренно последовал за собаками.

Айзек с открытой пастью, тяжело дыша, смотрел им вслед. Встретился взглядом с полковником Ричардом. Тот победно облизнулся и побежал вслед за королевской свитой.

Поляна опустела. Айзек с удивлением заметил, что и люди разошлись по своим домам. На тёмном небе уже сияли звёзды. Пёс тоскиво проскулил, схватил зубами оставленную Роландом связку утиных тушек и побрёл в деревню.

В таверне «Кутающая белка» по вечерам всегда было многолюдно. Жители деревни близ собачьего города приходили сюда, чтобы отдохнуть после трудового дня.

А занимались люди в этих землях, как и во всех других, тем, что строили дома, шили одежду, рыбачили, возделывали поля, собирали ягоды и грибы. В свою очередь на плечи собак ложились охота, охрана, торговля и самое важное: управление. Так было заведено с тех давних пор, как собаки разумные взяли на себя опеку над разрушенной землёй. В Законе говорилось, что с согласия людей и даже по их просьбе. Мол, так голодно и холодно было последним, что им пришлось просить помощи у псов. Вот и помогают собаки людям. И, прежде всего тем, что следят за людьми, дабы те не повторили глупостей, которые привели к гневу Природы.

Сегодня в таверне всю обсуждали странных гостей. В стенах «Кутающей белки» люди могли скрыться от собачьих глаз, говорить легко и свободно, даже злоупотребить выпивкой. Псы сюда никогда не заходили. Каково же было удивление захмелевшей толпы, когда встав дверь скрипнула и в таверну вошёл Айзек.

Пёс замер на пороге и оглядел задымлённое помещение. Поморщил нос. Посмотрел на людей, что сидели за круглыми деревянными столами. Заметил длинный бар, за которым стоял рыжий паренёк

в серой рубаше навывпуск. Тот, подобно своим гостям, с открытым ртом наблюдал за овчаркой. В зале воцарилась тишина. Лишь чей-то громкий кашель нарушил её. Да едва слышимый шорох собачьих лап по деревянному полу.

— Добрый вечер, — обратился пёс к рыжему парню. — Меня зовут Айзек. Я пришёл со своим другом. Но его...

— Собаки забрали твоего друга! — выкрикнул неизвестный. В ответ раздался смех.

Айзек покосился на посетителей, задрал верхнюю губу, оголяя острые клыки, зарычал. Тут же люди прекратили смеяться и уставились в свои тарелки. Кто-то продолжил играть в карты, делая вид, что не заметил овчарку. Другие попросту отвернулись. С собакой никто не хотел иметь дело.

— Так вот, хозяин, поужинать мне не пришлось. Всегда Роланд готовил, а теперь я один.

Рыжий парень отвёл взгляд и принялся протирать стаканы. Но Айзек сумел привлечь его внимание. Он схватил зубами мешок с утиными тушками, задрал голову и кинул его на потёртую столешницу.

— Зажарь мне утку, будь так добр, — сказал он, устраиваясь на высоком деревянном табурете.

Хозяин вскинул одну бровь и выжидающе посмотрел на странного гостя.

— Да, конечно, остальное — твоё, — добавил Айзек.

Тут же человек просветлел. На плоском лице появилась улыбка.

— Лиза! Пригляди здесь. Я на кухню, — крикнул он невысокой толстухе в белом фартуке, которая сидела за дальним столиком с тремя молодыми людьми.

— Хорошо! — отмахнулась она.

— Моя сестра, — подмигнул рыжий псу и исчез за кухонными дверями.

Раздался тяжёлый собачий вздох. Мысли Айзека вновь оказались заняты нежданной потерей. «Этот король ловко всё провернул, — размышлял он. — Дал мне возможность самому принять решение. Одно единственно возможное. Интересно было бы посмотреть на него в такой же ситуации?» Однако сводить счёты с королём овчарка не собирался. Ему до боли в сердце хотелось только одного — освободить Роланда и убраться из этого неприветливого места.

Айзек вспоминал о тех шести годах, что они провели вместе. Ведь это вся его жизнь. Пёс помнил о времени, когда они жили в родной деревне Роланда в землях ротвейлеров. Как он был счастлив, когда человек предложил отправиться в путешествие. Помнил он и о том, как сам решил идти на восток. Прочь от земель ротвейлеров и... овчарок. Почему же он отказался возвращаться

в родные земли? Ответить откровенно Айзек не мог даже самому себе. Однако в глубине души всё понимал: он попросту боялся потерять человека.

Тем временем в зале постепенно начиналось оживление. Присутствие пса перестало мешать людям вести свои разговоры. Некоторые из них и вовсе забылись и принялись обсуждать произошедший с гостями случай. Айзек невольно подслушал их. Это привело всегда спокойного пса в бешенство.

— Что же люди так просто позволили собакам арестовать Роланда? Ведь он честный человек. Никому ничего плохого не сделал, — обратился он в зал.

— Это собакам решать, — послышался знакомый голос. Только теперь Айзек заметил здоровяка в клетчатой рубаше, что встречал их сегодня.

— А что же вы?

— Ни у кого-то из нас не могло появиться желание помочь вашему другу. Знаете, Король Эдвард прав. Ведь дружба между человеком и псом действительно выглядит подозрительно. Вот и мы не можем поверить в неё. А что, если ваш якобы друг, попросту использует вас? Ведь целые легенды ходят о том, как люди хитростью заставляли собак служить себе. Оттого теперь псы и относятся к нам с таким подозрением.

— Не ждал я, что и люди встанут на сторону собак. А ведь Роланд пострадал лишь потому, что хотел помочь тому мальчишке. Но тот даже спасибо не сказал, — покачал головой Айзек. Облизнулся. С кухни доносился волшебный аромат жаренной утки, отчего его желудок начинал предательски урчать.

— Не стоило ему вмешиваться. А с собаками мы действительно согласны.

— Знаешь, Джонни, а я бы с удовольствием помог этому Роланду, — перебил его рыжий, выходя из кухни. На металлическом подносе дымилась утка. — Прошу!

Айзек громко глотнул, едва не захлёбываясь слюной, и тут же накинулся на дичь.

— Зачем? — развёл руками здоровяк.

— А затем, чтобы поставить этих собак на место! Ведь никто не давал им права смотреть на нас свысока. Закон говорит лишь о правах и обязанностях людей и собак, но нигде нет ни строчки, которая бы подтверждала главенство одних над другими.

— Ох и глупости ты говоришь, Билли. По-моему всё вполне очевидно. И не надо пытаться ничего менять. Вспомни, что говорят легенды о временах, когда правили люди. Не зря Природа прогневалась на нас. Теперь же мир и спокойствие. А что ещё нужно?

— Уважение, мне нужно уважение.

— Да, уважение, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Какая прекрасная утка. Знаете, даже Роланд так не готовит, — пробормотал Айзек, с трудом отрываясь от своей трапезы.

— Спасибо! Отчего-то собакам моя стряпня особенно нравится, — улыбнулся хозяин, протирая стол.

— Что правда, то правда, — подтвердил щупленький паренёк, сидевший за ближайшим к бару столом. — Я с трудом перевариваю его шедевры, а король назначил личным поваром.

— Вот такие мы разные, — покачал головой изрядно захмелевший старичок, сидевший с парнем за одним столом.

— Знаете, Айзек, — вновь обратился молодой хозяин к псу. — Могу помочь вам дельным советом. Не знаю, как у вас получится, но всё же... Завтра Эдвард устраивает охоту на лис. Победитель вправе попросить короля о любой услуге. В этот раз, правда, полковники охотничьих войск будут сражаться за лапу его любимой дочурки, но вы можете в случае победы затребовать у него освободить вашего друга. И он не вправе будет отказать.

Айзек вновь оторвался от еды и уставился на человека. Его хвост застучал по табурету, а в глазах мелькнул огонь.

Громкие звуки горна спугнули с насиженных мест приспавших на ветвях птичек. Солнце только расправляло крылья, а из города уже выезжала процессия. Тысячи псов выходили из ворот и, собирая лапами утреннюю росу, спускались к лесу. Участники королевской охоты — ловкие и быстрые полковники со своими полками — выстраивались в ровные шеренги и приветствовали короля. Рядом с кремовым грейхаундом следовала и его красавица дочь, облачённая в белое платье. Она улыбалась и не сводила кокетливого взгляда с чёрного полковника Ричарда, который твёрдо намеревался победить на сегодняшних состязаниях.

Король Эдвард Второй в золотом камзоле поднял морду вверх и с гордостью оглядел собачьи построения. Он уже намеревался торжественно объявить начало охоты, как на поляну выбежала овчарка. Грейхаунды завертели головами от удивления. Но Айзек, не замечая последних, уверенной походкой шёл к королю. Король раздражённо повертел носом, будто прогонял назойливую муху. «Такой торжественный момент, и этот пёс...», — негодовал кремовый грейхаунд.

— Ваше Величество, — обратился к нему Айзек, вставая на задние лапы. — Прошу оказать мне честь и позволить принять участие в Королевской охоте.

— Но где же ваш полк?

— Я один! Поверьте, Ваша Светлость, для меня будет наивысшей честью сразиться с лучшими охотниками и добыть для вас лисицу.

Король на мгновение задумался. Разинул пасть и посмотрел на полковников. На их оскаленных мордах читались злость и негодование. И король решил. «А пускай они и проучат этого наглеца».

Утреннее солнце ласково согревало землю, но в воздухе ещё разносился аромат ночной свежести. Как же любил это время Айзек, точно так же, как теперь был к нему безразличен. Не до восторгов было этому псу. С мрачными думами он приближался к лисьей норе. С тяжёлым камнем на собачьей душе. Ещё вчера он доказывал человеку безумство охоты ради ненужной шкуры или бесполезного трофея, а уже следующим утром бежал во все лапы, чтобы убить беззащитного лиса на потеху королю. «Разумные существа так не поступают», — думал он. И тут же вспоминал про своего друга, ради которого он был готов на всё.

И чем ближе он был к норе, чем сильнее чувствовал запах лиса, тем болезненней были эти переживания. Вдалеке уже слышался собачий лай, когда из леса на светлую опушку выбежал тот самый лис. Айзек громко вздохнул и приготовился пуститься за ним вдогонку, но тот совершенно неожиданно побежал ему навстречу. Овчарке оставалось лишь дожидаться его с открытой пастью.

Рыжий зверь остановился перед собакой и согнул передние лапы, словно кланялся. Он просил помощи. Лис всё ещё помнил вчерашнее великодушие пса.

Айзек захлопнул пасть и облизнулся.

— У меня есть, кому помогать, — словно извинялся он. Но умоляющий взгляд прищуренных глаз заставлял Айзека сомневаться. Решение нужно было принимать немедленно. Охотничьи псы стремительно приближались, заливая лес безудержным лаем.

Удивлённый вздох прокатился по склону холма, когда из леса появился вчерашний гость. Причиной столь бурных переживаний оказался лис в зубах овчарки. А ведь этого странного пса разве что не жалели, а то и попросту насмехались над ним. Теперь же он был победителем и стоял перед королём с драгоценной добычей.

Король вновь поморщил нос. На этот раз с такой яростью, будто его ужалила оса. Королевская дочка так и вовсе едва не взвыла.

— Папенька, только не отдавайте меня этому псу. Прошу вас! — испуганно лепетала она.

— Не бывать этому! — спокойно отвечал монарх, но его сердце начинало биться сильнее.

— Приветствую, Ваше Величество, — радостно пролаял Айзек, выпустив лиса и пасти. Лис к всеобщему изумлению оказался живой и испуганно прижался к земле.

— Удивительно, — сжал тонкие губы Эдвард. — Один и без полка. Да ещё, как я погляжу, лиса живого принёс.

— И вправду, удивительно, — шептались за его спиной генералы. Все ждали решения своего правителя.

— Знаете, уважаемый Айзек, несмотря на вашу победу, свою дочь замуж за вас отдать не могу...

— Так и не собирался я этого просить, не нужна мне ваша дочь, — ответил Айзек.

Молодая дочурка тут же обиженно фыркнула.

— Какой противный пёс, — вырвалось из её розовой пасти.

Король оглянулся на дочь, засосал чёрными ноздрями тёплый воздух, вновь уставился на неожиданного победителя, недовольно сощурил глаза, не мог поверить такой наглости. Но от королевского сердца отлегло.

— У меня к вам другая просьба, Ваше Величество. У вас мой друг. Освободите его.

Громкий вздох раздался на поляне. Верхняя губа короля нервно взметнулась вверх от неожиданности. Железное спокойствие на этот раз отказало благородному псу. Традицию нарушить он не имел права, но и оказаться в дураках на глазах своих поданных никак не мог. Однако чем больше он думал, тем яснее понимал, что этот пёс его перехитрил. И король нервно размышлял над тем, как выйти из ситуации с достоинством. Но его мысли нарушил полковник Ричард, который появился на поляне со своим полком.

Охотничьи псы вернулись без добычи, но чёрный грейхаунд уверенным шагом направился к королю. Собаки в недоумении оглядывались на него.

— Этот пёс и этот лис, — громко начал полковник. — Они вступили в сговор. Уж не знаю как, но этот лис сам прибежал к овчарке и запрыгнул к нему в пасть. Этот пёс научился обманывать у человека.

В груди короля разлилась радостная прохлада. Теперь он вновь смотрел на Айзека тем же самоуверенным взглядом, который был присущ всем грейхаундам благородных кровей.

— Значит, это и есть ответ на вопрос, каким образом вам удалось принести живого лиса. А я тут голову ломаю. Значит, он такой же тебе друг, как и человек?

— Совершенная неправда, — развёл лапами Айзек. В голове овчарки вновь поселились серые мысли.

— Не будем спорить, уважаемые псы, — усмехнулся король. — Сейчас Айзек сам прольёт воду на истину. Даю вам возможность доказать, что полковник Ричард ошибся. Задерёте эту тварь и докажете, что вы — не друзья. Всего лишь нужно выбрать: жизнь этого лиса или свобода человека.

Тяжёлый вздох вырвался из пасти овчарки. Он готов был скулить от отчаяния. «Но почему именно сейчас я начал жалеть лис», — клял он себя. Взглянул на рыжую, рычащую на всех вокруг, зверюгу: «С чего ты взял, что я могу тебя спасти?».

Айзек спускался к деревне. Полуденное солнце приятно согревало, а белые облака стремительно проплывали по небу и бросали на зелёные склоны спасительные тени. Рядом с псом бежал лис. Он боязливо оглядывался по сторонам, и каждый раз при виде людей или собак его маленькое сердце начинало стучать громче.

— Ну, ну... Не смотри на меня так, — бормотал Айзек, когда лис поднимал к нему морду. — Можешь не благодарить. И не думай, что мы теперь друзья. Сейчас только подальше от деревни отойдём, от грейхаундов, там и расстанемся. Ты отправишься в лес, а я вернусь. Без друга я никуда не уйду.

В голове овчарки вновь вставал один и тот же вопрос: как вызвать Роланда. И вновь он мысленно обращался к королю. «Даю тебе выбор... Как же мне хочется сказать ему так. И чтобы на второй чаше стояло то, отчего он не сможет отказаться», — размышлял он, когда впереди появилась толпа людей. Они шли в собачий город.

«Неужели и люди празднуют охоту?» — удивился Айзек. И тут же получил ответ, когда увидел, что все они идут в сопровождении сторожевых псов. Среди людей Айзек заметил и рыжего парня, что намерен хозяйничать в таверне.

Торжественный приём в честь завершения традиционной охоты на лис заканчивался званым ужином. В огромной королевской столовой, которую молва окрестила «мраморным залом», собирались благородные псы. Дамы в пышных платьях, кавалеры в парадных мундирах. Собаки расхаживали вокруг длинного деревянного стола и вели оживлённые светские беседы. Сегодня было о чём посудачить. Давненько не случалось столь неожиданной охоты.

Полковник Ричард понуро стоял в стороне от высокосветских персон, среди других молодых офицеров. Стоял молча, поддерживая разговор лишь дежурными фразами. Ему не пришлось стать героем охоты. А скорее наоборот. Ведь его добычу увела из-под носа целого полка одна единственная овчарка. И не сидеть ему теперь рядом с королём, который вошёл под залиvistый звук горна и заставил всех замолчать.

Эдвард Второй, плавно прошагав по мраморному полу вместе с красавицей женой и ненаглядной дочуркой, занял место во главе стола. Гости последовали его примеру и тут же расселись.

— ...И да будет сезон охоты столь же богат на добычу. И пусть наши охотники не знают горечи неудач! — закончил свою речь король. После

этого в зале появилось несколько человек — молодых девушек из деревни, — которые принялись расставлять дымящиеся блюда на столе.

— Папенька, папенька, — капризничала королевская дочь. — Ведь полковник Ричард победил бы, не будь этого ужасного пса.

— Не бывать моей дочери замужем за неудачником, — прорычал король.

— Но овчарка обманул нас. Он бы ни за что не поймал этого лиса, коль тот сам к нему не пришёл.

— Видишь ли, Анна. Полковник поставил меня в неудобное положение, так что он подвёл короля. А коль так, то не может быть и речи о его победе. Ведь ничто не мешало ему первому добраться до этого лиса. Будь он хоть трижды другом этого странного пса.

Анна обиженно нахмурилась. А Эдвард Второй несколько раз облизнулся и приступил к долгожданной трапезе. От долгого пребывания на воздухе он нагулял поистине королевский аппетит. Но после первой же пробы мяса монарх резко вскочил и едва не уронил стул. Овальные глаза забегали по залу.

— Кто готовил? — взревел он.

Собаки замолкли.

— Я спрашиваю, кто готовил этот ужин?

В зал в сопровождении сторожевых псов вошли две девушки.

— Ужин готовили Мария и Гарри, — тихим голосом ответила одна из них.

— Что ещё за Мария и Гарри? Почему не Билли? Где этот чёртов Билли? Срочно приведите его сюда! — негодовал король.

— Боюсь, это невозможно, — подхватила вторая девушка. Её голос звучал громче и увереннее. — Билли ушёл!

— Что??? — король выпучил глаза от удивления. — Ничего не понимаю. Кто его сопровождает? — теперь он обращался к своим генералам.

Генералы непонимающе раскрыли пасти.

— Он ушёл с Айзеком, овчаркой, — ответила за них всё та же девушка с громким голосом.

— Догоните их! Приведите ко мне! — приказал король и устало присел на своё место. «Ох уж этот Айзек! Когда же я перестану слышать это имя. Всего два дня здесь, а успел вдоволь испить королевской крови».

В тронном зале, среди янтарных колонн, гипсовых статуй и фарфоровых ваз стояли трое: собака, человек и лис.

— Вот так компания, — усмехнулся Эдвард Второй. Он сидел на обшитом красным бархатом троне. — Отчего же ты, Билли, решил так со мной поступить?

— Прошу прощения, Ваше Величество, что не предупредил, но этот славный пёс предложил мне отправиться с ним. И я согласился. Знаете ли, засиделся я тут.

— Вот как, значит. А отчего же столь славный пёс решил сделать предложение именно придворному повару? Неужели среди других людей не оказалось достойных кандидатов.

— Дело в том, Ваша Светлость, но так произошло, что мне случилось ответить еды, приготовленной этим человеком. Поверьте, ничего лучше мне не доводилось пробовать. Даже Роланд не готовит так вкусно, — отвечал Айзек.

— Мне это известно. Не стояли бы вы сейчас здесь, будь это не так. Однако этот человек не может покинуть деревню.

— Я прекрасно понимаю вашу досаду. Нежелание терять столь прекрасного повара вполне уместно, но, увы, Ваше Величество, вы не можете запретить человеку уйти. Ведь он уходит не один. Со мной. С собакой.

Король нахмурился. Долго и пристально смотрел на овчарку. Тот не отводил взгляда. Железная уверенность застыла в коричневых глазах Айзека. Он ликовал, с трудом сдерживался, чтобы не завилять хвостом. Наконец Эдвард не выдержал этого самодовольного взгляда, прыгнул с трона и подошёл к собаке. Айзек поднялся на задние лапы, и король тактично отвёл того в сторону.

— Формально вы правы, — любезно начал он, когда они подошли к широкому окну с тяжёлыми занавесками. Из окна можно было увидеть мощённую мостовую, широкую площадь, фонтан и статую Георга Быстрого из породы грейхаундов. — Но может ли добропорядочный пёс создать столько неудобств другому псу?

— Боюсь, что арестом Роланда вы создали мне не меньше неудобств. Ведь в походах именно человек готовил мне пищу. Увы, я, подобно другим псам, не искусен в этом деле.

— Значит, вам нужен тот человек?

— Скорее, вам нужен Билли, — ответил Айзек. — И в этот раз выбор за вами.

Последнюю фразу он говорил с неприкрытым удовольствием, виляя пушистым хвостом.

Король усмехнулся. Чуть оскалился, глядя на своих подданных, праздно гуляющих по булыжной мостовой.

— Это очень сложный выбор, — покачал он головой. — Не будь я королём, мне ничего не стоило бы сделать его. Но может ли правитель менять свои решения?

— Я вам помогу, — Айзек понизил голос и потянулся к королевскому уху.

— И что же ты сказал королю в тронном зале? — спрашивал Роланд.

Собака, человек и лис вышли на возвышенность. Позади остались человеческая деревня и собачий город.

— Просто рассказал ему, как всё объяснить своим подданным. Ведь больше всего на свете его заботит собственное лицо. Вот я и сказал ему, как его сохранить. Арестовал он тебя за то, что ты заставил меня служить себе. А покинув деревню с другим человеком, я доказал, что это совсем не так. Скорее, ты мне служишь. А раз так, то и держать тебя под замком, повода нет.

— Всё-таки люди решились помочь, — Роланд улыбнулся и потрепал пса за ухом.

Впереди простиралась бескрайняя равнина, скомканная на горизонте тёмными складками холмов. За холмами багровел закат.

— Ну, вот и всё, — обратился пёс к лису. — Здесь ты в безопасности. Можешь идти.

Рыжий зверь повертел острой мордочкой и пристально посмотрел на овчарку. В его кошачьих глазах застыл немой вопрос.

— Нет, нет, нет! С нами ты идти не можешь. Меня и без того считают свихнувшимся оттого, что я дружу с человеком. Не хватало ещё и с лисом дружбу водить. Так что давай, беги.

Простояв ещё несколько секунд в надежде, что добрый пёс изменит решение, лис развернулся и нерешительно засеменил прочь. Ещё несколько раз он оборачивался и бросал просящий взгляд на собаку, пока не скрылся в высоких зарослях.

— Вот кто по-настоящему помог, — произнёс Айзек.

Два тёмных силуэта чернели на фоне багрового заката. Собака и человек ещё долго смотрели вслед лису. Смотрели молча, вслушиваясь в звуки леса.

Юлия ФУРЗИКОВА

УЧАСТКОВЫЙ

Не люблю понедельник: всегда в этот день не высыпаюсь. В понедельникное утро меня не радуют ни бодренькое радио, ни брызжущее в окно почти весеннее солнце, ни вид моей сестры милосердия — Лидочки. Хотя на вид Лидочка всегда свежая и очень славная.

И у моего первого пациента в этот день глаза были покрасневшими, будто он тоже не выспался. Сам парень — опрятно одетым и небритым.

— На что жалуетесь? — спросил я.

Молодой человек пожаловался на свою девушку. Да так, что стало за него обидно и жалко.

— Доктор, я думал, что люблю её. А она просто приворожила меня, просто и вульгарно...

— Иными словами, вы сомневаетесь в своей любви?

Он потупился.

Его девушку я знал много лет. Как и самого парня. Но мало ли, что бывает.

— Что же, приворот действительно лишняя штука. Давайте посмотрим.

Я достал рамку, посмотрел.

— Не вижу следов приворота, — сказал я сдержанно. — Вы зря её обидели. Всё чисто.

— Как? Правда?!

— Конечно, правда. Вам следует пойти и извиниться! Это рекомендация врача, молодой человек.

Он обрадовался, будто я предложил ему награду. И тут же опять скис.

— Может быть, всё же стоит сделать анализы? — проямлил нерешительно.

— Конечно, давайте сделаем.

Я охотно выписал направления на анализ крови, мочи, полное сканирование. Особенно на сканирование. Иногда полезно немножко помучиться. Очень хорошо помогает.

— Следующий!

Вошёл ещё один молодой мужчина. Незнакомый.

— Проходите, — сказал я. — В чём ваша проблема?

— Непреложный обет, — ответил он, прямо глядя мне в глаза.

Сзади послышался дробный стук. Это Лидочка рассыпала целую коробку восковых фигурок.

— Нет, — сказал я твёрдо. — Мы не занимаемся такими вещами. Вам следует обратиться в учреждение, в котором была совершена сия процедура. Вероятно, это нотариальная контора?

Мягко говоря, не одобряю непреложные обеты. Непреложный обет сто раз не нужен человеку, который с детства привык исполнять обещанное. А если человек по какой-то причине не может этого выполнить — не нужен тем более.

Нотариальные конторы оказывают людям эту поганую услугу. И ещё загсы, те с удовольствием позволяют давать клятву верности. С понятным удовольствием, если учесть, сколько они за такую услугу берут. И в разы больше — за расторжение. А парню, вероятно, помогала не контора, а какая-то необразованная ведьмочка, инквизиция по ней плачет.

— Этот обет заключил мой друг, а не я, — сказал посетитель, не отводя тёмных, очень широко расставленных глаз.

— Тем более! Не могу вам помочь.

Он безропотно вышел. Только у порога обернулся, и в его взгляде мелькнуло что-то, напомнившее о несделанном, — такое, что захотелось его остановить. Но уже вошла, протиснувшись мимо парня, девушка, которую обидела свекровь. Невестка сильно обиделась на женщину, а теперь боялась, что с той произойдёт что-нибудь скверное.

День потёк своим чередом.

Потом явились Свиридовы с их родовым проклятием; их целое семейство, и они почему-то так и ходят на ежегодный профилактический осмотр всем колхозом: бабушка, две мамы и их трое детей, ещё одна их троюродная родственница, и для компании — их мужья, всего десять штук. Со Свиридовыми я проваландался до обеда, когда спать захотелось с новой силой.

— Всё, — сообщила Лидочка, вернувшись из очередного похода в регистратуру.

— Да неужели...

— Тот, с непреложным обетом, долго сидел. Переждал Свиридовых. Не дождался.

Я только поморщился, зная, что сейчас скажет Лида. И не ошибся.

— А снятие венца безбрачия — вполне законная процедура. Можно сказать, невинная, — произнесла она в сторону, как бы сама себе.

— Лида, — сказал я устало. — Вы же сама врачеватель. И умница. Сколько раз вам повторять, что у вас нет никакого венца безбрачия.

Лида встала и ушла в процедурную. В открытую дверь я видел, как она перебирает коробки с серебряными иглами и переставляет ёмкости со святой водой. Лида прекрасно знает, что я отвечу, но демонстративно продолжает наводить порядок в идеально прибранной процедурной.

— Ну Лидочка. Вы же симпатяга, вы такая милая, когда не вредничаете. Тоже мне проблема — замуж выйти! Любой мужик...

— И даже вы, Николай Валерьевич? — подхватила Лидочка злобным голосом.

Раньше меня стесняли эти разговоры. Теперь я ответил, будто исполняя ритуал:

— Нет, я исключение из правил. Я никогда не женюсь.

Во вторник я с утра на вызовах. Участок маленький, я всегда хожу пешком.

Февральское солнце радостно слепило глаза. Но оттепели не было. На газонах лежал плотный снег — в детстве я любил ходить по такому, не проваливаясь.

Я обошёл почти всех. Оставался грудничок с подозрением на сглаз. Подойдя к подъезду, я зацепился взглядом за белую машину с красным крестом. Что такое на моём участке?

Я осмотрел мальчика, не нашёл ничего опасного, выписал рецепт на амулет. А спускаясь по лестнице, на площадке второго этажа услышал, за приоткрытой дверью:

— В Склиф? Носилки надо.

— Какой Склиф, это в Мерлина...

Распахнул дверь и решительно вошёл.

Коридор. У входа в комнату топчется врач скорой помощи. Парень и пожилая женщина. Мать. На диване девушка. Для диагностики не нужно много времени: под ушами наметились жаберные щели, уже невооружённым взглядом видно, издали. Метаморфоз входит в последнюю стадию. Парень беспомощно обнимает девчонку. Точнее, цепляется за неё.

— Неотложку вызвали? Правильную? — резко спросил я женщину. — В ванну воды налейте, если есть — бутилированной. Быстро.

И, не дожидаясь ответа, шагнул в комнату.

Тут было много февральского солнца, скачущего с облезлого трюмо на открытый ноутбук, с ноутбука на дверцы зеркального шкафа. Я вытащил из сумки камень, дёрнул на себя дверь шкафа, поймал солнечный поток. Втолкнул девушку между двумя зеркалами. Девушка уже задыхалась, не могла стоять, билась всем телом. Еле-еле удерживая её (а ведь девчонка субтильная), я поднёс камень к её глазам. Не без труда поймал солнечный луч. Так, хорошо. Ещё немного...

Парень смотрел на нас шальными глазами.

— Помоги, — бросил я ему. Вдвоём мы перетаскивали девушку на диван. Она не отталкивала нас, просто трепыхалась, как рыба. Я достал иглы. Руки дрожали: поддержи-ка человека на весу. Эх, Лиду бы мне сюда.

Парень помогал держать, но толку от него было мало. Кое-как я поставил иглы. Вдвоём мы потащили девчонку в ванну, бухнули в ванну, прямо в футболке и джинсах. Вода кое-как прикрыла жабры. Водопроводная водичка, с хлоркой. А надолго ли хватит кислорода?

Девушка смотрела на меня (глаза над водой) перепуганно, но

осмысленным и живым взглядом.

— Дыши, — велел я ей. — Дыши. Через несколько минут пойдёт обратное преобразование, надо будет ещё потерпеть. Потом откроются лёгкие. Поняла?

Девчонка смотрела. Не пыталась кивнуть. И тогда, оттирая меня, в ванную втиснулась новая бригада.

Быстро приехали.

Отряхивая воду с противно мокрых рукавов, я вышел из ванной. Постоял. Приехавшие парни работали чётко.

И время неохотно замедлилось.

— Как это вышло? — спросил я измученную немолодую женщину.

— Не знаю... Вроде бы он просто сказал ей «рыбонька ты моя».

Что же, и такое тоже бывает. В минуты эмоционального подъёма. Хотя...

Он с испугом взглянул на меня и снова опустил глаза.

— Где работаешь?

— В океанариуме.

Скверно. Совсем не похоже, что это неизвестный инквизиции самородок. Не в таких случаях инквизиция закрывает глаза.

Парень назвал мне свою фамилию, имя, телефон. И вскинулся:

— Как?

— Дышит лёгкими, — сообщили сзади. Пожилой врач «скорой» смотрел на меня с усталым интересом. Вообще-то, это им положено в подобных случаях разбираться. Только заниматься этим вряд ли кто-то будет. Кроме меня.

— А ты молодец, в неотложке раньше работал?

— Нет, — сказал я, протискиваясь мимо.

У подъезда вместо машины с крестом стояла машина с подковкой. Хотя вот теперь-то как раз не вредно показать девчонку терапевту.

Я шёл не торопясь. Мне вдруг вспомнился парень, который приходил ко мне вчера и которого я не принял. Непреложный обет, сказал он. Его друг дал непреложный обет. Досадно за этого друга, конечно. Но я ведь законопослушен?

Дурачки, которые позволяют себя в это вовлечь, обычно плохо представляют, во что влезли. Хотя большинство без проблем расплачивается по кредиту. Остальные — тоже расплачиваются. Непреложный обет на то и непреложный, что не выполнить его нельзя. Очень часто должники попадают в аварию и получают компенсацию. Или посмертную страховку. И хорошо ещё, когда расплачиваться приходится собой, а не кем-то из близких.

Я остановился.

Не было видно огня или каких-то разрушений. Только две пожарные машины и одна «скорая». Опять? Что за день такой сегодня?

Небольшая толпа топталась вокруг лежащего на снегу человека. Я вдруг невольно подался вперёд, рассмотрев на его запястье браслет. Тяжёлый, литой, даже громоздкий браслет с тонким, изящным рисунком чернью. Крылышки, соты... Знакомый рисунок. Очень знакомый.

— Это по нашей части, не по твоей, — неохотно бросил врач, распознавший во мне мага-врачевателя. Медики немагического профиля нас сдержанно недолюбливают.

— Справимся. Подвинься. Ну-ка, берём!

Я подвинулся. И встретился со взглядом широко расставленных чёрных глаз.

Тот парень, который приходил вчера ко мне в кабинет. Он смотрел, медленно узнавая меня, и ещё можно было просто пойти дальше. Если бы он не так отчаянно смотрел.

— Здравствуйте, — сказал я. Парень моргнул.

— Это мой друг, — сказал он. — Это я, я запер его в квартире. Этот чёртов обет. Мы думали, можно оттянуть исполнение... Наивно, да? Балконная решётка на замке. Входная дверь закрыта, ключей нет. Видите, как получилось? Он не хотел выходить, а всё-таки вышел. С помощью спасателей. Но пока его достали...

И вздумалось же какому-то умнику сделать предвидение обязательным курсом института... Мне было не по себе. Но не уходить же теперь.

— Подождите, — я взял его за запястье и оттащил в сторону. — Успокойтесь. Кому задолжал ваш друг?

— Кому должен? — переспросил он. — А, вы про обет. Тот банди... тот человек из неформальной администрации. Вы не знаете, верно... Его ещё зовут Шершнем.

Я не удивился. Я только что вспоминал этого Мориарти магических криминальных структур, разбираясь с пострадавшей девочкой и её незадачливым парнем. И не случайно. Такие ниточки часто ведут к Шершню.

И я знал его. Очень хорошо знал.

— Когда истекает срок? — спросил я, глядя, как пострадавшего укладывают на носилки и заталкивают в машину.

— Завтра вечером. В девять. Он ведь не умрёт, не может он сейчас...

— Сам по себе не умрёт, — согласился я. — И в больницу Шершень сам не пойдёт, не его стиль. Не знаю, когда ваш друг окажется у него. Но времени мало. Послушайте, вы вчера были у меня. О чём вы хотели меня попросить? План у вас есть? Или вы от отчаяния?

— Есть план, — сказал он. — очень простой. Я возьму этот обет на себя. Ведь так можно? Отменить нельзя, а вот принять чужое обязательство на себя? С отсрочкой?

— Можно, — сказал я не без досады. — Только большой отсрочки

я дать не смогу. Справитесь?

— Конечно. Я нашёл-бы какую-нибудь ведьму, но мы только со вчерашнего дня в городе, и я не нашёл нич лучшего, как...

Ну да, не нашёл лучшего, как прийти к врачу-терапевту из районной поликлиники.

Врач «скорой» приглашающе посмотрел на моего парня и захлопнул двери. Тот даже не обернулся. Он смотрел на меня прямо, даже требовательно. А ведь только что глядел, как потерянный ребёнок.

— Так вы сделаете?

— Сделаю,— сказал я резко. Раздумывать было некогда. — Лучше не терять времени. Прямо сейчас. Идёмте со мной.

И вот он стоит посреди моего кабинета, рассеянно оглядываясь.

— Обычно, как только узнают, что не родственник, уже и разговор другой. А Витка мне не родной, просто старый друг. Всего лишь. Во-время нашёл врача моей жене. Помогал мне мать хоронить. Словом...

— Это сейчас неважно, — перебил я.

Мне очень не нравилось то, что я собирался сделать. Но отказать человеку, пострадавшему от Шершня, я просто не мог.

— Перенастроить обет такого уровня сложно, я дам вам всего месяц отсрочки.

— Согласен,— сказал он после крошечной паузы.

«Скорее»,— твердил его взгляд.

— Идёмте сюда, в процедурную. В кресло садитесь, — я начал закреплять датчики. — Лида!

Лидочка смотрела на пациента. С интересом смотрела. Но тут же уставилась на меня, внимательно и строго, с готовностью к трудовым подвигам во взгляде. Хотя вроде бы сейчас перерыв. Пересменка. Белая шапочка сидела на темноволосой головке безупречно ровно.

По правилам криминального жанра следовало отослать её с поручением. Свидетель... Я усмехнулся.

— Лида, приготовьте, пожалуйста, эн-двенадцать штрих, большой. Браслет стандартный, размера три, — я покосился на запястье пациента. — Да, три. И шприц на десять.

Когда я учился на втором курсе, студенты факультета врачующей магии вовсю увлекались дуэльками. Причём особым шиком считалось не просто вызвать обидчика на дуэль, а кинуть ему в физиономию перчатку. Для этого самые завязые бретёры (все, как на подбор, ужасные пижоны) носили перчатки даже летом.

У нас был принят неписанный, но суровый дуэльный кодекс. Считалось совершенно невозможным допустить, чтобы о дуэли стало известно преподавателям. Поэтому, хотя дуэли среди студентов преследовались очень жёстко, из-за них редко случались отчисления.

Уродующие внешность и калечащие заклатья считались моветоном. Кроме того, хоть это и не оговаривалось, смертельные заклатья не применялись. Почти.

И я, щенок со второго курса, полез драться с пятикурсником, имевшим самую скандальную репутацию. Активистом и отличником учёбы. Из-за этого пятикурсника умер в больнице студент, спокойный и незаметный, из тех, кому сама природа отводит роль неудачников. Все об этом знали, никто об этом не говорил. По официальной версии, студент умер от перитонита. Расследования, можно сказать, не было. Любого другого виновника, как минимум, выгнали из института, только не Шершня. Ещё бы, с его-то родителями.

Впрочем, Шершнем того пятикурсника тогда ещё не звали.

И я вызвал его! Хватило же ума. Из-за девчонки, конечно.

Я выудил из глубин портфеля свою дешёвенькую и грязноватую перчатку, скомкал и бросил ему в лицо. Он улыбнулся в ответ и снисходительно уступил мне право первого удара. Я, скрипя зубами от злости, согласился.

Долго ждать и готовиться я тогда не умел.

Через два дня будущий Шершень, с лёгкостью отразивший моё заклатье стыда, очень доброжелательно предложил мне, как младшему, фору — ещё один удар. Я отказался.

Несколько дней ничего не происходило. Мне было страшно ждать, если честно, и всё страшнее с каждым днём. Страхи подстерегали меня на тёмных улицах, в электрических розетках, в ящике с ножами — ведь я не знал, откуда придёт опасность. Шершень мог использовать практически любое заклатье. И я стал бояться множества невинных предметов.

Пока вдруг не догадался, что это заклатье страха.

И сразу почувствовал себя лучше. Сварил противоядие под названием «трын-трава», решил, что я молодец и умница, что сам чёрт мне не брат, и вознаградил себя поездкой на дачу со своей девушкой Светкой. Той самой, которую обидел Шершень. В качестве средства борьбы со страхами, кроме «трын-травы» мы прихватили с собой водки. А ещё — кока-колы и мяса для шашлыка.

Дача оказалась простым садовым участком, маленьким, но очень уютным. Только сортир с классическим окошком-сердечком благоухал неожиданно сильно.

Мы жарили мясо в затейливо украшенной открытой беседке, и я был немного озадачен тем, что шашлык пахнет розами. Никаких роз поблизости не росло. Я решил, что так пахнет Светкина помада.

Потом мы пили чай на веранде, это было очень романтично и мило. Только розовый запах преследовал всё навязчивее.

— Варенье из розовых лепестков?—спросил я со знанием дела.

— Что ты. Простая смородина. Вот смотри.

Перед моим носом обнаружилась полная варенья чайная ложка. Оно выглядело как черносмородиновое, хотя пахло розами. Ложечку держала изящная рука с розовыми ноготками. По случаю тёплого майского дня Светка была одета в легкомысленную открытую маечку и щеголяла ухоженной кожей — незагоревшей, но не синеватобледной, а будто мраморной, светящейся изнутри. И эта кожа, чёрт возьми, тоже пахла розами.

И Светкины губы пахли розами всё сильнее.

Но мне стало на это плевать.

Мы как-то дотянули до единственной спальни. Дальше тянуть было — ну никак. Это по-моему. Светка же в самый неподходящий момент вдруг заявила:

— Что за запах?

— Розами пахнет.

— Совсем не розами! — сморщилась она.

Мне было безразлично — розами или нет. Я потянулся губами к её белоснежному, безупречно округлому, как дынька, плечу.

Тогда мой живот свело болью. Я охнул и отстранился.

— Тебе что, плохо? — спросила Светка встревоженно.

Я молчал. Боль исчезла так же резко, как появилась. Полежав, мы снова нерешительно потянулись друг к другу. Боль в животе вернулась в самый неподходящий момент. Она сопровождалась конфузным звуком. Какой всё-таки пошляк был этот Шершень.

Я молча выпутался из одеял, кое-как оделся и ушёл в сортир. И пережил бы всё это, и придумал бы для Шершня достойный ответ, но мои неприятности ещё не кончились. Добротный пол любовно сделанного маленького помещения проломился подо мной.

Тёплого душа на ухоженном маленьком участке не оказалось; я отмывался под садовым шлангом, трясясь от холода и унижения. Во всём этом был единственный положительный момент: мир решительно перестал вонять розами.

Шершень в ответ на мою претензию, что заклятие против правил было многослойным, удивился:

— О чём ты? Медвежьей болезни нет в моём арсенале, это так примитивно. Заклятие запаха. Это, конечно, тоже не из серьёзного арсенала. Это так, шутка была. Когда ударю серьёзно, ты это почувствуешь. Увидишь, — он улыбнулся вполне доброжелательной улыбкой. — Потому что простенький щит даже новичок умеет выставить, а вот его родственники... В общем, удар за тобой. Жду.

От его улыбки, как всегда добродушной, меня продрало жутью. До меня наконец-то дошло, что игрушки кончились. И я сломался. Не использовал право очередного удара.

Светка требовала, чтобы я не сдавался, и порывалась мне помочь. Потом наши с ней отношения тихо умерли. Я досрочно сдал сессию

с другой группой, чтобы пораньше уехать. Хотя и другой группе всё было прекрасно известно.

Попросил маму связать мне к осени варежки вместо перчаток.

С Шершнем после всего этого я только раз столкнулся нос к носу. В буфете. Он сочувственно посмотрел на меня и сказал, как бы между делом:

— Участковым будешь. Тоже хорошая работа.

И я ничего не ответил.

Хотя в юности я мечтал совсем о другом, быть участковым не так плохо. Даже несмотря на несерьёзную зарплату и отсутствие перспектив. Я уже десять лет на этом участке, и редко кого на нём не знаю. Меня не стесняются вызвать лишний раз на дом. Я утешаю семьи, пережившие утрату. Подсказываю, какая вещь позволит сохранить лёгкую светлую память. Я делаю амулеты молодожёнам и слежу, чтобы дети рождались желанными. И ещё — иногда, как сегодня, — оказываюсь в нужном месте в нужное время.

И на приём ко мне не стесняются приходить. Вот и этот парень пришёл. А я отправляю его к Шершню. К этому насекомому со смертоносным жалом.

— Карточку заполнять не надо? — спросила Лидочка невозмутимо.

— Не надо, — согласился я.

И подумал, что даже не спросил имени парня. Неудобно.

— Меня зовут Малышев. Пётр Малышев, — он трогал браслет, как делает каждый, впервые его надевший. Говорят, по впечатлению эти браслеты напоминают наручники. И Малышев наверняка думал о том, снимет ли его когда-нибудь вообще.

Пётр поднял на меня глаза. Он очень хорошо держался.

— Спасибо, доктор.

Он знал, за что благодарил меня. Мне стало совсем скверно. Когда он вышел, я отвернулся от любопытных, изучающих глаз Лидочки. Потянул из магографа пластинку, рассеянно поглядел. (По идее, надо было магограф выключить, не плодить вещдоки).

И вздрогнул, увидев криминальные линии.

Присмотрелся. Да, криминал именно в следе Малышева. Пакостничество Шершня тут явно ни при чём.

Господи, какой же я осёл. Долг Малышева вовсе не денежный. Но разве я мог подумать, что нормальному на первый взгляд вид человеку придёт в голову такое — убить Шершня? Я ещё раз глянул на линии. Да, убийство, не больше и не меньше. А Шершень не Шершень будет, если позволит себя убить. И Малышев это знал. Он выбрал.

Не обманул проклятый дар предвидения, так тяжело дававшийся мне на третьем курсе. Если дойдёт до дела, потерей диплома мне не отделаться. Зато и работу искать не надо будет...

— Что-то случилось? — спросила Лида.

Лишь бы её не зацепило отдачей. Надо бы охраняющим обрядом закрепить.

— Лида, линии магографа нехорошие. Давайте сделаем вам охранку. На всякий случай.

— Давайте, Николай Валерьевич, — без всякого энтузиазма согласилась Лидочка. — Если вам хочется. Тем более, что процедура не противоречит кодексу врачевателя и вашим личным убеждениям.

— Лида...

Я посмотрел на неё внимательно. Ведь симпатичная девчонка, ничего не скажешь. Может быть, излишне строгая на вид.

— Ну-ка, идите сюда.

Я посадил её перед тройным отражателем и надел очки. Лида не возражала, сидела смиренно, хотя смотреть через такой отражатель — всё равно что лезть в душу, и Лида это знает прекрасно. Я нашёл нужное событие легко, минуты через три. Простой эпизод из школьных времён. Я увидел новогодний вечер, её ожидание, старательно наглаженное платье. Духи. А потом — мальчика, который танцует не с Лидой, а с её подружкой. «Лида, куда же ты, сейчас подарки...» Гора красивых свёртков под ёлкой. Строгая седая дама называет фамилии. Лидочка безразлично разворачивает шелестящую фольгу. Внутри — изящные лиловые чулочки. Подруги хихикают по углам, насмешливые взгляды...

Вот девчонки! Ну подумаешь, назвали лиловым чулком. А ведь такой комплекс сложился, на долгие годы. В цивилизованных странах такие проблемы сваливают на психотерапевта. Кстати, девять психотерапевтов из десяти — полнейшие бездари.

А я-то какая скотина. Как будто мне трудно помочь.

— Снимаем венец безбрачия, — объявил я. — И охранку делаем. Скорее, Лида, у нас до приёма всего двадцать минут.

В четверг под конец дня пришёл старичок — легенда нашего учреждения. Среди пенсионеров вообще немало таких, которые ходят и ходят по врачам, так что начинаешь удивляться: как они до сих пор живы, при таком количестве болезней. Но этот дед — что-то особенное. Он уже довёл всех специалистов по очереди. И только сегодня добрался до нас с Лидой. А вот его внука я наблюдаю регулярно.

— Доктор, — сказал дедушка проникновенно. — Гастроэнтеролог послал меня...

— Ко мне?

— Не совсем.

Он посмотрел на меня печальными глазами.

— Доктор, у меня есть страшное подозрение. Курица, которую я скушал третьего дня за обедом, была проклята!

— Ну что же, — я взялся за ручку. — Конечно же, с такими вещами не шутят. Давайте сделаем все анализы.

Старичок бдительно следил за мной, пока я выписывал направления.

— И это всё? Как же вы отпустите меня? А вдруг мне станет плохо раньше, чем результаты анализов будут готовы?

— Лида, — позвал я. — Замерьте у больного общий биопатогенный уровень.

Всё-таки хорошая сестра мне досталась. Я смотрел, как невозмутимо Лида прилаживает аппарат к руке дедули. И вдруг заметил на её собственном запястье новинку.

Браслет. Не такой, как наши стандартные, а лёгкий и тонкий. С цветочками. Миленький до глупости.

Три недели прошло с тех пор, как я снимал ей венец безбрачия. И вот, кажется, уже помогло. Подействовало, что называется. Только зачем опять эти клятвы, которые невозможно преступить? Уж Лида-то, казалось бы, должна понимать.

Когда пациент, помучив нас ещё минут двадцать, убрался наконец, я устало спросил:

— Лида... ну и зачем? Зачем вам эти свадебные обеты? Можно подумать, вы не верите мне, как специалисту.

— Верю. Ещё как верю, — заявила она истово и горячо. — Если бы вы знали, как я вам верю, Николай Валерьевич!

Щурясь, я выбрался на вечернюю улицу. Солнце запрыгало по лужицам, по льдинкам, остро ударило в глаза. Сегодня таяло весь день, совсем весна. Дворничиха ширкала метёлкой по тротуару, сгоняла прочь остатки грязного снега и воды. Недовольно косилась на ряд нависающих над тротуаром машин. Мешают убирать, надоели.

— Сейчас уеду, — сказал я ей. — Одну минуту.

Она отвернулась, не ответила. Я знал её очень хорошо. Молодая совсем тётка, ей бы не дворником работать — да только попробуй найди работу после срока в женской колонии для граждан с выраженными магическими способностями. Для ведьм, коротко говоря.

— Смертник пошёл, — вдруг процедила дворничиха. — Ну и дурак... Ничего, месяца три проживёт ещё.

Я невольно обернулся, посмотрел в спину «смертнику». Он уже садился в свой джип, и след за ним тянулся скверный. Но я и без следа узнал бы его. Пообщавшись с человеком раза два, я уже не спутаю его с другим.

Малышев.

В глазах плавали тёмные круги — от низко, вдоль улицы, светившего солнца. И всё ещё можно было не ввязываться в это дело.

Я чертыхнулся, уселся за руль, ещё раз выругался и поехал следом за Петром Малышевым.

На Вечерней была пробка, не очень большая. Дальше — неожиданно свободно. Я очень скоро понял, кого «ведёт» Малышев. Этот «Лексус» я и сам ни с чем бы не спутал. Даже если бы не чуял пассажира за тонированными стёклами.

Шершень ехал за город.

Время осталось где-то за гудением мотора. Потом оно мелькнуло бликами солнца на задних стёклах, брызнуло жидкой грязью из-под колёс. Что-то изменилось. Даже мне пришлось напрячь память, чтобы вспомнить: только что на дороге рядом были две почти одинаковых машины с тонированными стёклами. Теперь снова была одна. Уже без Шершня.

Малышев ничего не заметил, он уверенно преследовал врага. Догнать его, остановить? Дорога между нами была заполнена плотно, в три ряда. А дальше — совсем свободно.

Мы ехали.

Впереди затрезвонил, закрываясь, железнодорожный переезд. Я видел «Лексус» перед шлагбаумом. Малышев нёсся вперёд. Он не собирался останавливаться, он примеривался протаранить Шершня, вытолкнуть на пути перед налетающим поездом...

Рассуждать было некогда, и я ударил.

Джип Малышева вильнул в последний момент, почти задев «Лексус». Врезался в шлагбаум. Машину занесло и развернуло на рельсах. Как говорила моя мама — ни два, ни полтора. И я понял, что бегу, бегу к Малышеву, не полагаясь больше на магию. Участковый паршивый.

Я успел открыть дверцу и выдернуть его из машины, как морковку с грядки, и даже оттащить в сторону, за железнодорожную будку, когда налетел состав.

Как в кино, блин.

Он довольно быстро обрёл дар речи.

— Это... вы? Вы что? Зачем? Меня же вёл случай. Я...

Я развернул его лицом к «Лексусу».

— Вот люди, которых вы едва не прикончили. Смотрите. Шершня нет.

Люди как раз выбирались из машины. Заметно было, что происшедшее их очень впечатлило.

— А где Шершень? — свирепо спросил Малышев.

— Это другая машина. Взгляните на номер.

— Но я...

Дар речи снова покинул Петра Малышева.

— Будем ждать развития событий? — спросил я его. — Можете сдать меня правоохранительным органам. Или уедем?

Он смотрел на меня очумелыми глазами.

— Идёмте.

Я затолкал его на правое сиденье своей подержанной «Нексии».

Мы поехали назад, в город. Малышев сидел смирно. Високаясь из кармана его пальто, неприятно поблёскивал металл оружия.

— Неразумнее вашей выходки с переездом может быть только прямая стрельба по Шершню,— заметил я. — Вы будто бы не знаете, что отводить пули умеет любая ведьма. Без всякого образования.

Малышев молчал.

— Вашу машину я угробил. Мои сбережения никакие, но могу предложить вам взамен свою, — я хмыкнул. — Очень неравноценная замена. Зато на колёсах за оставшееся время вы успеете наделать гораздо больше глупостей.

Он снова не ответил мне. Только, когда въехали в наш район, попросил:

— Если можно, посадите меня у десятой школы.

Девушка, крутившая головой у школьных ворот, кинулась к нему. Смех, слёзы и сопли, спутавшиеся чёрные кудряшки — я даже не сразу узнал свою строгую недотрогу Лидочку. Некоторое время я любовался мелодрамой, потом выбрался из машины тоже.

— Но как же так, — говорила в это время Лида. — Ничего такого не могло случиться. Не должно было.

— Так ничего со мной и не случилось, — ответил Малышев. — Я даже не поцарапался.

— Вот что, мои дорогие, — сказал я, подходя к ним. — По-моему, вам нужно мне кое-что рассказать. Сейчас же.

Я взял их за руки и повёл к машине.

— Пётр.

— Что?

Они сидели вдвоём на заднем сиденье. Малышев прямо смотрел на меня через зеркало заднего вида.

— Почему вам вздумалось поиграть в графа Монте-Кристо? Расскажите мне всё, о чём до сих пор умалчивали.

— У отца Витьки была заправка в Кленовске, — начал он, помолчав. — Шершень наехал на него... не знаю, что они там не поделили. Только Шершень потребовал денег, а потом прислал сценарий, чтобы они знали, что ждёт отца. И всё так и было, по этому сценарию. Сначала отнимались пальцы, один за другим. Потом руки, потом ноги. И боли, жуткие боли. А родные смотрели и ничего не могли сделать. У них таких денег всё равно не было. Когда отказала печень, Витька поклялся убить его. А потом Шершень о чём-то говорил с ним, и он не выдержал. Сломался.

Я кивнул.

— Он уже не хотел ничего делать, но обет вёл его. Он не хотел... а я хочу. И поэтому смогу.

— По-видимому, сегодняшний случай ни в чём вас не убедил, — заметил я холодно.

— Я буду пробовать. Не может быть...

— Я могу предсказать, чем всё кончится, — перебил я его. — Скорей всего, это будет фарс, сценка... Вы случайно в самодеятельности не участвуете? Малышев?

— Не участвую, — он не сразу, но ответил. Я видел, как у него покраснели уши. — Театр... да, вы правы. Мы с Лидой взяли билеты в драму. На пятницу.

— Теперь вы, Лида.

— У меня ничего особенного, — Лида порозовела. — Я встретила Петю, сразу... в тот день, когда мы делали процедуру. В метро встретила, вот где! А потом он мне всё рассказал, и мы сделали простую вещь. Мы обещали, что поженимся в июне. Любовный обет нерушимый! Значит, мы точно поженимся. И до свадьбы у нас... ну, ничего плохого не случится. Любовь сильнее смерти. Ну да, вы же знаете, — она порозовела ещё больше. Малышев уже весь был свекольного цвета. — Так вот, в июне. Позже было — никак. Но и до июня Пете — хорошая отсрочка. Не месяц всё-таки. А мне ведь всё равно ничего не грозит. К тому же вы навесили охранку, Николай Валерьевич.

Дурочка, подумал я с жалостью и нежностью. «Любовь сильнее смерти». Как же девчонки глупеют от любви.

Моя парочка сидела тихо, смотрела на меня через зеркало в четыре глаза. Ждала совета.

Вот теперь приехали, подумал я.

Соседка всё порывается прибраться в оставшейся мне после мамы квартире, а я не позволяю. Незачем трогать ни мою холостяцкую пыль, ни лабораторию, которую я любовно оборудовал много лет. И результаты, которые я получил, очень любопытны, хотя требуют апробации. Мне не на ком было проверить снадобье. По счастью, нет у меня знакомых отморозков. Кроме Шершня.

А вот теперь пора. Ваш выстрел, сударь.

Жаль только моих пациентов — могут остаться без участкового.

— Давайте проедем ещё ненадолго со мной, — попросил я.

— Куда?

— В нашу поликлинику.

— Разве она ещё не закрыта?

— Закрыта, — сказал я. — Конечно, закрыта.

Какие могут быть проблемы со входом, если замок тебя помнит?

И дежурная работает у нас уже Бог знает сколько. Так хорошо, когда все тебя знают.

Мы прошли в кабинет.

— Ваш друг хотел отказаться от обета, — сказал я. — Поэтому я легко перевесил обязательство на вас. Пётр, я очень хотел бы, чтобы и вы отказались. Так будет проще.

— Что? Отказаться? — вскипел Пётр Малышев. — Нет, я убью его! Сам.

Вот ещё д'Артаньян и Монте-Кристо в одном флаконе... Ну ладно.

— Но вы, хотя бы, не возражаете, если вашей проблемой займётся кто-то ещё, параллельно? Хорошо. На этом и остановимся.

— Я помогу, — заявила Лидочка, снова становясь деловитой сестрой.

— Помогите, Лидуша. Терпеть не могу колоть себя иголками.

Кровь в пробирке позеленела, смешавшись с препаратом. Потом закипела. Я капнул на стыки браслета, поданного Лидой, готовясь запечатать его. Произнёс формулу:

— Эн, эн, сто двенадцать, штрих, пи ро квадрат, ультра, пятнадцать. Обещаю и клянусь покончить со злом, которое может причинить (тут я назвал имя и фамилию), также именующий себя Шершнем. Обещаю и клянусь сделать это раньше, чем Пётр Малышев.

Половинки щёлкнули и слились.

— Извини, — сказал я Петру. — Всё-таки я учился некоторым вещам и долго готовился. Поэтому я попробую первым. А ты уже — потом. Если я не смогу.

Обманутый Пётр смотрел на меня так свирепо, что я улыбнулся. Хороший человек Малышев. Лида забыла о своих обязанностях. Впервые за всю нашу с ней совместную работу.

— Пойдёмте, — напомнил я им. — Поздно уже. Пора домой.

Солнце скрылось, оставив от наступившей было весны только запахи талой воды. Дворничиха до сих пор скребла асфальт — за углом. Мимо прошли бабушка и внук, поздоровались.

Надеюсь, на моём участке по-прежнему будет добросовестный участковый.

И — я очень надеюсь — у Петра с Лидочкой всё будет хорошо. Потому что этим участковым по-прежнему буду я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Дело смерти

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

ВРЕМЯ ХИЩНИКА

Швы сняли на десятый день.

Сначала он увидел лишь тьму, пронизанную багровыми прожилками.

Зрение вернулось через неделю, когда восстановились синаптические связи, и мир наконец проявился перед его новыми глазами. Краски стали ярче, контраст — выше, тени — резче. В какой-то момент он понял, что теперь знает, что такое ультрафиолет, не только понаслышке. Он видел теперь иначе, поняв наконец смысл выражения про глаза на затылке.

Под черепной крышкой неимоверно зудел нейроинтерфейс, прорастающий в мозговую ткань из имплантированных хирургами эмбриоганглиев. Словно слепой котенок, он сначала слабо, но с каждым днем все более уверенно нащупывал незримые эмиссионные входы общественного доступа в сеть, обрадовавшись первому коннекту едва ли не больше, чем способности снова видеть. Первые после долгого перерыва попытки серфинга были наивны и неуклюжи, что раздражало его просто неимоверно.

К этому пришлось привыкать еще три дня. А заодно заново учиться ходить и координировать движения. Ему постоянно казалось, что он видит себя со спины.

Когда-то давно, в другой стране, интерфейс его боевой брони выдавал на зрительный нерв изображение с сетчатки бойцов всего отделения. Он быстро приспособился смотреть на себя чужими глазами и совсем скоро перестал раздражаться при виде угловатой фигуры и гротескно-сосредоточенного выражения длинного лица, которое очень отличалось от того, которое он привык видеть в зеркалах.

С тех пор прошло много лет, и воспоминания потускнели. Пришлось начинать с чистого листа, но он всегда был хорошим учеником.

Хирург провел серию тестов на двадцатый день его пребывания в клинике. Оставшись довольным результатами, сделал звонок по закрытому каналу связи и, выслушав ответ, распорядился готовить пациента к выписке.

На тот момент Лианна и девочки были мертвы уже двое суток. Но он узнал об этом гораздо позже.

При выписке ему вернули одежду и документы. Деньги на кредитках остались нетронутыми. Счет за лечение был оплачен лицом, пожелавшим остаться неизвестным. Он знал только одного человека, способного на такой альтруизм. Рассчитаться с ним удастся еще очень и очень нескоро.

Личных вещей у него не было.

На выходе медтехник выдал ему темные очки. Очки были странными. Огромные, продолжающиеся на виски линзы с подвижными заслонками на них, которые отсекали часть полей зрения в избирательном порядке. Множество граней дробили овалы линз на шестигранники контрфасеток.

Он надел их, почувствовав внутри черепа короткую щекотку установления контакта.

Очки приглушили цвета, вернув восприятию привычную цветовую гамму. Разобравшись с сенсорным управлением, он сузил поле зрения до обычной человеческой нормы. Теперь ему казалось, что он смотрит на мир изнутри узкого туннеля.

Он расписался в планшете, и санитар выкатил коляску на парковочную площадку.

Его уже ждали.

Длинная, хищных очертаний приземистая машина с угольно-черными стеклами тронулась из дальнего угла бетонного квадрата и бесшумно подкатила к самым его ногам. Дверь развернулась розеткой лепестков, и в лицо ему глянули три пары бездонных зрачков в обрамлении вороненой стали.

Он чуть нагнулся вперед и снял очки, чтобы лучше видеть. Мир обступил его со всех сторон, навалился плотной цветовой волной и начал душить.

Глаза сказали ему, что на крыше клиники притаился снайпер, припавший к установленной на сошки винтовке. Высоко в сером небе, фиксируя происходящее, серой тенью завис миникоптер наблюдения без опознавательных знаков. Больше не было никого.

Что ж, они знали, на что он был способен раньше. Страховка, не более.

Глаза быстро сохли на открытом воздухе, и модифицированные слезные железы sprysнули их увлажняющим спреем.

— Ну и урод,—поморщился человек, которого он знал в прежней жизни под именем Трой. Золотые зубы блеснули на солнце. Массивные перстни хищно вцепились в пальцы, сжимающие цевье.

Он широко улыбнулся в ответ. Снова надел очки. Диспозиция была совершенно ясна.

— Залезай,—сказал Трой, качнув обрезом двустволки. Еще двое черных сидели молча, держа его на прицеле.

Он, кряхтя, поднялся на ноги и потянулся всем телом.

— Только не глупи,—предупредил Трой.

Он улыбнулся и оттолкнул коляску ногой. Скрипя колесами, та откатилась к прозрачным дверям приемного покоя. Троица в машине проводила ее взглядами.

Быки. Пушечное мясо. Расходный материал, не более.

Меня проверяют, вскользь подумал он, пока тело самостоятельно, на одних рефлексх разбиралось с ситуацией.

Он шагнул вперед, отклоняясь корпусом вправо, и нырнул в проем открытой двери, чувствуя дуновение турбулентности от прошедших совсем рядом пуль. Остаток снайперской очереди выбил короткую дробь по лесткам диафрагмы отреагировавшей на атаку двери. Мгновение спустя, когда дверь с шуршанием закрылась, двое черных были уже мертвы, а обрез Троя был засунут в горло хозяину. Громила на сиденье водителя судорожно вздрогнул, пытаясь выдернуть из-за ремня пушку, но обмяк, едва взглянув в глаза двустольной смерти.

Коптер спланировал к самой крыше машины, уставившись объективами в открытый световой люк. Заряд картечи превратил его в облачко мелких обломков.

— Поехали, — скомандовал он.

И они поехали.

Дом не выглядел смертельной ловушкой.

Солнце ослепительным бликом перетекало из окна в окно по мере того, как автомобиль повторял широкий изгиб подъездной дорожки. Занавески на окнах были неподвижны. Свежих следов в присыпанном крыльцо снеге не было.

— Остановись перед входом, — сказал он здоровяку за рулем. Тот сжался на сиденье и сбросил скорость.

На последних метрах дорожки он ударил водителя стволами поперек жирного лоснящегося затылка. Машина, коротко прохрустев гравием, ткнулась бампером в вазон, полный замерзших цветов. Двигатель негромко рокотал в тишине осеннего утра. Глушить его он не стал.

Трой семенил спиной вперед, приподнявшись на носки. Дульные срезы безжалостно давили на нёбо, выжимая из глаз слезы бессильной злости. Переплет двери осыпался осколками дерева и стекла, когда тело Троя проломилось насквозь. Встречных выстрелов не последовало. Он гнал Троя перед собой — смешно семенящий и поскуливающий живой щит, робот, управляемый джойстиком двенадцатого калибра.

В доме тяжело пахло мокрым ржавым железом и разморозившимся холодильником. Замерев у входа с трясущимся на концах стволов Троем, он осмотрелся.

Здесь царили тишина и порядок. Все вещи стояли на своих местах, а на вешалке в прихожей висело знакомое женское пальто и пара ярких детских курток. Он погнал Троя дальше, по всем комнатам первого этажа, а когда удостоверился, что они пусты, толкнул его на лестницу, ведущую на второй.

Холл второго этажа был залит кровью.

Залит равномерно, без брызг, без неряшливых потеков на стенах. Крови было много. Ее было очень, очень много — так много крови сразу он не видел даже на войне.

Толкая перед собой Троя, он пересек зловещую лужу и по очереди отворил двери в каждую из спален.

Нечто более сильное и атавистичное, чем здравый смысл, вырывает его из реальности и замораживает в мгновении, в котором он зовет жену и детей, не надеясь на ответ, но желая услышать его сильнее, чем желал чего-то в жизни.

Пусто. Везде — пусто. Тел нет. Нет ни малейшего следа паники или поспешных сборов. Заправленные постели и аккуратно разложенная одежда в шкафах.

В изголовье их с женой постели ритмично мерцает, разгораясь и пригасая, огонек автоответчика. Он касается сенсора, и знакомый бесцветный голос говорит ему: «Надеюсь, теперь ты будешь поговорчивее, друг мой. Жду у себя. До скорой встречи».

В какой-то момент он осознает, что сверлит невидящим взором Троя, а тот, словно подсеченная рыба, бьется на другом конце вороненой короткой цепки о двух стволах и монотонно скулит, мешая думать.

У обрез а тугие спуски.

Трой еще успевает округлить глаза перед самой смертью, а потом верх его черепа превращается в мелкодисперсную взвесь крови, мозгового вещества и растертой в порошок кости.

На звук дуплета никто не приходит, и тогда он садится на край супружеского ложа и начинает думать.

Думать у него сейчас получается гораздо хуже, чем действовать.

Реальность неуловимо меняется, выпуская его из капкана настоящего времени. Ощущение сверхценности текущего момента — без прошлого и без надежды на будущее — уходит. Он должен действовать. Он начинает действовать.

Для начала хорошо бы встать и вспомнить, что такое дыхание.

Он делает вдох, и время снова превращается в бесконечно несущуюся из прошлого в будущее череду мгновений.

Он бесцельно ходил из комнаты в комнату, перестав замечать, что оставляет за собой цепочку багровых отпечатков рифленной подошвы своих ботинок, не фиксируя того, что время от времени в своих хождениях ему приходится переступать через мертвое тело со снесенным черепом, не обращая внимание на кровь, пропитавшую брючины и рукава его одежды, когда он упал на колени в центре зловещей лужи и беззвучно шептал какие-то слова, обращаясь невесть к кому. Это было неважно.

Стоя перед сверхनावороченной универсальной консолью в своем кабинете, он пытался понять, что должен сделать. По всему выходило, что он должен отомстить. Это было единственным осмысленным желанием, остальные осыпались никчемной шелухой.

Надо было с чего-то начать. С чего-то. С чего?

В какой-то момент на него снизошло озарение, и он понял, что все это — лишь обман, розыгрыш, чудовищный перформанс, устроенный для него тем, кому нужен он сам, весь, без остатка. Кому от него нужно все его умение, максимальный эффект, полная отдача, подчинение и преданность. Конечно же! Иначе и быть не могло.

Он в лихорадочной спешке сорвал с себя пропитанную кровью одежду. Взял пробы в десятке мест, особое внимание уделяя местам на коленях и манжетах. Нанес на тест-матрицу и поместил ее в анализатор. Результаты загнал в терминал и запустил поиск совпадений по базам.

На его одежде обнаружили следы крови шестерых человек. Одно из них он убил сам, для двоих послужил косвенным виновником их смерти. Он отмахнулся от услужливо предоставленных сетью имен.

Пешки. Пешки умирают безымянными.

Большая часть крови с его одежды принадлежала Лианне и дочерям. Он смотрел в их застывшие улыбающиеся лица из файлов соцдосье, которые сеть транслировала ему в зрительный нерв, и отстраненно думал о том, способны ли его новые глаза ответить на эмоции, и выдавит ли тоскливый беззвучный вопль, от которого внутри рвалось в клочья все, чем он жил эти годы, хотя бы единую слезинку.

Крови в доме было столько, что все три тела должны были быть обескровленными подчистую. Гибель клеток крови произошла двое суток назад.

Это был конец. Конец всему. И конец для него самого.

Его мир рухнул.

На какое-то время он перестал воспринимать окружающее. Не помнил, как и во что оделся, как снял очки, как вышел из залитой кровью комнаты, как спустился по лестнице, как оказался снаружи.

Небо навалилось на него удушливой серостью выгоревших пикселей, а нечеловечески яркие краски отгорающего предизвмья рассыпались обманчивой симметрией узора испорченного калейдоскопа. Он видел затаившиеся в укрытиях ландшафта термоауры тех, кто пришел за ним, но эти сведения текли, минуя его сознание. Ему было все равно.

Какое-то бесконечно долгое время он стоял совершенно неподвижно посреди аллеи перед домом.

С его восприятием происходили странные вещи. Зрение стало сферическим, и он видел любой предмет от надира до носков собственных ботинок, независимо от размера предмета и расстояния

до него. Сначала ему казалось, что его новое зрение ограничено в своей дальности горизонтом — но мгновение спустя оказалось, что это не так, и что горизонт — лишь условная линия, пытающаяся ограничить его восприятие на оптическом уровне. Он с легкостью, инстинктивно сменил этот уровень на иной и заглянул за горизонт миллионами чужих глаз, лишь часть из которых были человеческими, и бесчисленным множеством электронных сенсоров.

Мир оплыл, утратил четкость граней, коллапсировал сам в себя, а затем раскрылся по струнам скрытых измерений и ошетинился фрактальной бесконечностью осколков реальности. Он не воспринимал ничего из этого на уровне сознания, предоставляя информации от органов чувств свободно течь по бесчисленным каналам сквозь мозг, фильтруя реальность по нужным ему критериям и вычлняя из обрушившейся на него лавины информации ту, что была важна для него, и только для него.

Спустя доли секунды он представлял весь протокол дальнейших действий. Еще через мгновение он начал действовать.

Глядя на себя сверху сразу сотней глаз птичьей стаи, пересекающей небосклон, он видел, как его фигурка решительно стронулась с места и зашагала прочь от дома. Засевшие поблизости силовики получили приказ, комариным писком пронзивший радиодиапазон. Изолирующая броня поглощала весь спектр излучения, включая и инфракрасное излучение тел — но его новые органы чувств были слишком чувствительными для того, чтобы технологические ухищрения могли их обмануть.

Из-за поворота аллеи вывернул черный фургон и остановился у него на пути, гостеприимно распахнув боковую дверь.

Словно из ниоткуда, появились и взяли его в широкое полукольцо коренастые фигуры в дымчатой адаптивной броне, недвусмысленно отрезая путь к бегству.

Бежать он не собирался. Так было даже интереснее.

Он пожелал, чтобы коптеры, притаившиеся за рошицами облетевших деревьев по соседству, поднялись в воздух и подлетели поближе. Он полностью контролировал ситуацию, имитируя поступление сигнала высокого приоритета, внушая пилотам острую потребность выполнить этот приказ и мягко захватив управление машинами. Коптеры, повинаясь очередной его команде, расстреляли фургон из гауссовских картечных. Боевики рухнули наземь, их броня стремительно сливалась с грязноватым снегом.

Он контролировал эфир и информационное пространство, без четкой границы сливавшееся с реальным миром и выглядевшее его нечеткой копией, словно у него внезапно стало двоиться в глазах. Мир расслаивался, стоило ему взглянуть на него попристальнее, специальным, совершенно *особенным* образом. Каждый предмет,

событие и явление имели в ифопространстве свое отражение, отбрасывали в него свою тень, оставляли в нем следы, по которым он мог отследить все следствия всех без исключения дел и поступков абсолютно всех людей на земле, под ней и над ней.

Его интересовал только один человек.

Блокировав адресованный оперативникам приказ не открывать огня на поражение, он отследил источник сигнала.

Потом заставил коптеры вести замысловатый танец над домом, прижимая к земле любого, кто осмеливался поднять голову. Стальных шариков боекомплекта должно было хватить на час непрерывной стрельбы, батарей, питающих движки — на полсуток полета.

Он не спеша двинулся в сторону города по обочине скоростного шоссе, стрелой прорезающего всхолмленную равнину.

В него стреляли с десятка позиций в радиусе двух километров от дома, но он успевал каждый раз засечь снайпера по внезапному выбросу тепла из ствола винтовки, и секундой-двумя позже пуля пронзала лишь воздух там, где только что был он сам. Когда игра ему наскучила, он послал один из коптеров в патрулирование, и снайперы умолкли. Чувствуя ужас пилота, скованного его волей через нейроинтерфейс управления, он улыбался.

Через час его подобрал ветхий старик на не менее древнем пикапе.

— Забирайся, пешеход, подброшу до своего поворота... Ух, какие глазищи!—хохотнул он, щеря в улыбке редкие желтые зубы, когда разглядел попутчика.—Ты что, из этих, из новых?

— Нет,—ответил он.—Не из этих. Я такой один на всем белом свете. Это была чистая правда.

Щекотка под черепом, берущая свое начало в тяжелых полусферах новых глаз, все усиливалась. Не совсем понимая своих желаний, он ослабил контроль над миром и вернул свой разум, раскинувший щупальца за горизонт и дальше, в клетку тела, показавшегося теперь тесным, неудобным, неправильным.

Бестелесный голос наконец рассказал ему, чего он хочет на самом деле. Хочет страстно, хочет настолько, что противиться этому нет никакой возможности. Он и не собирался.

— А скажите-ка, дедуля, не держите ли вы коров, или свиней?

Старик кивнул.

— Свинок,—лаконично ответил он.—Ага.

— Так даже лучше,—сказал он, откинулся на спинку сиденья и задремал.

Он спал, и ему снилось, что самый могущественный на всей земле человек, который после его возвращения с войны единственный во всем мире оценил его врожденный талант сетевого серфера, его

навыки ликвидатора и боевой опыт, полученные в смутное время в странах, названия которых давно исчезли с географических карт; человек, для которого в прошлом он много раз убивал, не спрашивая и не требуя объяснения причин; человек, который, угрожая благополучию его семьи, сделал ему предложение из тех, от которых не отказываются, вынудив согласиться на экспериментальное лечение и оплатив его операцию — этот человек ищет его повсюду, раскинув необъятную сеть живых и неживых согладатаев.

Он знал, что это не сон. И знал, что с легкостью ускользнет из этой сети, как только проснется и начнет оставлять следы в реальном мире. Пока же он пребывал в мире грез.

Он спал и изменялся во сне. Изменения затронули его мозг, его тело, его личность и нечто эфирное, неуловимое в реале, но горящее ярким светом на стыке реальности, инфопространство и мира грез — то, что называют душой.

Проснувшись, он уже не чувствовал себя человеком. Но он не стал менее человеком, чем был до того, как начал меняться.

Его сон длился трое суток, и все это время он провел под стропилами огромного амбара, в уютном коконе из старых лошадиных попон и приятных воспоминаний — воспоминаний из того времени, когда все было проще, когда все были счастливы, когда все были живы.

Сну предшествовала исключительно сытная трапеза.

Когда метаморфоз закончился, обновленное тело само разбудило его, нетерпеливо требуя активных действий.

В пустом и тихом доме старика-фермера, среди пожелтевших фотографий на стенах он отыскал мутный осколок зеркала и долго-долго вглядывался в его пыльную глубину.

— Ну и урод, — сказал он наконец и ужаснулся, услышав скрежещущий звук собственного голоса. Зарекшись впредь говорить вслух, он поймал за хвосты трусливые маленькие сознания живущих под полом мышей, заставил их выбраться на свет и выстроил в ряд перед собой. Рассмотрев себя как следует их глазами, качнул головой, пожал плечами. Жесты эти в исполнении перестроившегося тела выглядели исключительно зловеще. Долго разглядывал спину со вздувшимися, словно зреющие нарывы, узлами мышц на лопатках. Думал.

Мыши деликатно попискивали, но не пытались сбежать.

Очнувшись от мыслей, он отпустил мышей и полез в дощатый платяной шкаф. В шкафу отыскиались безразмерный дорожный плащ и широкополая шляпа с обвисшими полями, прекрасно скрывающими лицо.

Он тронулся в путь, сбивая со следа спутники наблюдения и отводя глаза бесчисленным камерам — неясная тень, бесплотный клочок тумана, мгновенный сбой в сгенерированном изображении, погасший пиксель среди миллионов прочих, горящих ярким светом.

Ему нечего было терять. Ему просто нужно было прожить достаточно долго для того, чтобы встретиться с человеком из своего сна. И убить его.

В кои-то веки жизнь стала простой, как никогда прежде.

Город встретил его шумом толпы и какофонией света, цвета, звука, бьющей по его новым органам чувств на всех уровнях бытия. Грохочущая клоака, мельница человеческих судеб, одним из жерновов которой совсем еще недавно был и он сам. Он поспешил обратиться с оживленных круглые сутки улиц.

Большой человек знал, что он идет за ним, и был готов к встрече, которая стала лишь вопросом времени. Он не собирался разочаровывать человека, который, сам того не желая, подарил ему весь мир.

Перистальтика пневмопроводов метро в мгновение ока вынесла его в центр города, подняла на поверхность и выплюнула к подножию высокотехнологичной башни из стекла, стекла и стекла — разумеется, самой высокой в городе.

Где-то среди низких облаков, в герметично закрытой капле горного хрусталя, насаженной на шпиль небоскреба и ритмично раскачивающейся в такт собственным колебаниям башни, ждал его прихода враг — единственный человек, которого собственное могущество делало достойным противником для сверхсоби, в которую превратился его бывший слуга и раб.

Не желая разочаровывать хозяина башни и большей части остального мира, он перешел к действиям. В башне взревели sireны тревоги, и на каждом из этажей броневые листы рассекли ее тело на множество хорошо простреливаемых автоматикой секторов. Армия охранников заняла свои позиции, входы и выходы заблокировали бронированные машины, вокруг гигантского стеклянного столпа закружились в танце пересекающихся траекторий десятки вооруженных коптеров.

Он продолжал стоять неподвижно среди недоумевающей толпы, наблюдая за реакцией врага. Походя отметил, что на сей раз у силовиков отсутствуют открытые каналы в инфопространстве, и все подразделения совершенно автономны и действуют согласно полученным инструкциям. Он заглянул в простые сознания нескольких охранников и понял, что кто-то очень хорошо представляет модель его поведения даже с учетом изменений, которые претерпели его тело, мозг и образ мышления в последний месяц.

Он знал, кто.

Его заманивали в ловушку, заодно знакомясь получше с его новыми способностями и наверняка всеми силами желая ускорить эту встречу.

Что ж, по крайней мере, цели у них совпадали.

Он запрокинул лицо и взглянул в облачный полог над городом — туда, где внутри всевидящего ока ждал его враг. Потом, отведя глаза толпе

и силовикам хлынувшими из общественных проекторов голографическими мороками, заполонившими улицы и площадь у подножия башни, он движением плеч сбросил наземь плащ и избавился от шляпы.

А потом расправил крылья и взмыл прямо в небо, достигнув хрустального шара в облаках за считанные секунды.

Большой человек ждал его на выступающем из закругленной стеклянной стены крошечном балкончике посреди облачной пелены. Скорее удивленный, чем напуганный его внезапным появлением, изобразил аплодисменты вялыми хлопками ладоней. Махнул рукой и подвинулся, освобождая место.

Он не стал убивать сразу. Сел, с налету вцепившись в ажурные перила всеми конечностями. Перила выдержали.

Вокруг хрустального шара ревел и бесновался ветер. На защищенном силовым барьером балконе царила оглушительная тишина — но только на реальном плане бытия. Воздух трещал от напряжения инфопространства. Сюда сходились бесчисленные каналы коммуникаций, и информационный обмен был до осязаемости плотен.

Минуту они разглядывали друг друга.

— Очень интересно, — сказал наконец хозяин башни. — Никогда бы не подумал, что имплант способен действовать настолько радикально. Ожидалось что угодно — обострение восприятия, возрастание скорости реакции, повышение адаптивности в экстремальных условиях... все то, что ты с блеском нам и продемонстрировал при выписке. Но дальше... Ты нас поразил.

— Я надеюсь, — проскрежетал он. Челюсти слушались его все хуже и хуже. — На это и был весь расчет. Иначе эксперимент терял всякий смысл.

— Риск был очень высоким, — согласился собеседник. — Я понимаю, почему ты так упорно сопротивлялся. Поверь, я не в восторге от тех методов убеждения, к которым нам пришлось прибегнуть.

— Я тоже, — ответил он. — Я сделал все, что от меня хотели. Поменял свои глаза на... На что я их, кстати, поменял?

— Меганейра, — сказал человек, ставший его врагом. Он как следует встряхнул инфопространство, и мгновение спустя знал об этом все.

— Я вижу, ты уже в курсе, — усмехнулся его собеседник. — Самые большие стрекозы на Земле. Вымерли еще в каменноугольном периоде. Одна из моих лабораторий восстановила их ДНК. Клонировали часть органов. У них оказались потрясающие глаза. Они должны были позволить тебе стать уникалом в твоей профессии. Собственно говоря, так и случилось. Возможности мутации организма-реципиента никто не ожидал. Такую вероятность даже не обсчитывали, насколько мне известно.

— Сюрприз получился.

Улыбаться он уже не мог. Трансформация тела продолжалась, и он чувствовал, как кости его скелета истончаются и распадаются на минералы и органические компоненты, которые взбесившаяся в каскаде мутаций плоть тут же растаскивает по тканям и органам, строя совсем уж странные структуры.

— Пожалуй. Не могу сказать, что сюрприз неприятный. Мы ведь, как всегда, сумеем достичь взаимопонимания, верно?—Хозяин жизни был совершенно спокоен и абсолютно уверен в себе. Поэтому изрядно удивился ответу.

— Нет.

— Почему же?—удивление отнюдь не выглядело деланным.

— Меня не устроили способы убеждения.

— Цель, цель, цель! Все средства хороши. В случае удачи все мы выигрывали — разве это не повод рискнуть, разве это не повод поставить на кон все, что имеешь, все самое дорогое, а?

— Я ничего не ставил сам,—ответил он.—За меня сделали ставку.

— Люди слепы. Далеко не каждый способен увидеть то, что для него — благо. Некоторых надо подгонять. Ты силен и упрям — меры воздействия подбирались адекватно.

— Я сделал все, что от меня требовалось,—чувствуя, как внутри поднимается ослепительная раскаленная волна ярости, готовая затопить рассудок, ответил он.—Зачем нужно было убивать их?

— О, кстати!—словно вспомнив о чем-то, совершенно выпавшем из памяти, отозвался человек из поднебесья.—Идем-ка, идем... Да идем же! Мы же тут вроде как переговоры ведем, а не воюем.

«Верно»,—подумал он, но вслух говорить ничего не стал. Его тело продолжало меняться, и мозг был полон странных образов, лишь часть которых существовала в реальности.

Хозяин покинул балкон, и ему ничего не оставалось делать, как последовать за ним в свет и тепло сферического зала, громко царапнув о створки двери шипами на плечах.

Тело Лианны плавало за прозрачной стеной в вязкой, маслянисто взблескивающей жидкости цвета растворенного жемчуга. Лицо ее выражало абсолютный покой. Глаза были закрыты, в сосуды рук и ног ныряли тонкие трубопроводы, приносящие к телу цветные жидкости и отводящие шлаки. Рядом стояли резервуары с телами дочерей, девочек-погодок.

Все они казались спящими, но сколько он ни смотрел на них, так и не заметил ни единого шевеления, ни единого вдоха. Несомненно, они были живы, излучая бесконечно слабую ауру телесного тепла — но не было даже легкой пульсации невидимого человеческим глазом свечения.

— Они живы,—он просто констатировал факт.

— О да.

— Зачем был нужен весь этот спектакль?—спросил он, глядя на покачивающиеся в жидком жемчуге тела и вспоминая лужу крови, которой хватало как раз на троих — взрослую женщину и двоих детей.

Собеседник пожал плечами.

— У нас есть твой психопрофиль. Мы знаем твои больные места, твои триггеры, твои табу. Знаем, на что надавить, чтобы получить нужный нам результат.

— Получили?

— Ну, ты же здесь.

Он молча смотрел на свою спящую семью.

— Им не было больно,—сказал у него за спиной хозяин башни.—И страшно им тоже не было. Когда они проснутся, будут помнить странный сон, и только.

— И когда же они проснутся?—спросил он, с трудом артикулируя речь. С челюстями творилось нечто невообразимое.

— Зависит от тебя,—ответили ему.—Если мы придем к пониманию — то скоро.

Он умолк — теперь уже надолго.

— И они увидят меня?—спросил он потом.—Таким?

Человек помедлил с ответом.

— Ты будешь всесторонне изучен, и не исключено, что у нас появится возможность нейтрализовать мутацию или хотя бы локализовать ее на приемлемом уровне. Вычленишь полезные и функциональные изменения... хотя ты и в таком виде более чем функционален.

Он дернулся, поцарапав пол хитином когтей. Веселье хозяина сразу перешло в разряд натужного.

— Шучу, шучу, не напрягайся так,—поспешно сказал тот.—Про полезность некоторых изменений я вполне серьезно. Из тебя должен был получиться модифицированный киллер, но чтобы такое... Способность к инстинктивному тотальному контролю сети — нечто удивительное. Этого никто не ожидал.

— Глаза,—сказал он.—Теперь я вижу. Вижу по-настоящему. Насквозь.

— Тогда ты должен видеть и то, что у тебя нет выбора. Это не шантаж, поверь мне. Это условия сотрудничества. Ты и твои новые способности помогают нам, мы помогаем тебе, твоя семья помогает нам держать тебя под контролем. Все старо, как мир, видишь сам. Я честен с тобой. Соглашайся. У тебя нет другого выхода. Ты должен это понимать. Ты ведь разумный человек.

— Уже нет,—сказал он, оборачиваясь. Нижняя челюсть выстрелила вперед и откусила голову человеку, который вращал мир.

Мониторы слежения координационного центра поднебесной башни продолжали показывать сидящим в напряжении громилам в боевой броне, как их хозяин продолжает вести неспешную беседу с чудовищем.

Камеры долго еще будут транслировать репортаж о реальности, которой нет.

Столько, сколько ему будет нужно.

Он разглядывал нового себя в одном из огромных зеркал на внутренней поверхности сферы. То, что он видел, казалось странным, но уже не уродливым и отвратительным. Он продолжал изменяться, но темп изменений постепенно падал. Организм полностью перестроился, и человеческих черт в нем практически не осталось.

Он больше не мог говорить, но сохранял полный контроль над всеми слоями реальности. Инфопространство полностью подчинялось ему. Пустив потоки информации нужным ему образом и произведя ряд перестановок в штате служащих небоскреба и команде человека, которому он еще недавно принадлежал, от лица хозяина, он долгие годы сможет пребывать в безопасности в этом уютном гнездышке в поднебесье, в самом центре империи, созданной его предшественником.

Он — вершина пищевой цепи. Способность поедать плоть представителей доминирующей на Земле расы позволяет ему возвыситься над человечеством и править им — сначала тайно, потом, когда все приготовления будут проведены и общественное мнение подготовлено, придет время выйти под лучи солнца.

К тому времени он будет уже не одинок. Со временем он найдет способ создать фертильных самок своего вида.

Нового вида.

Моя семья поможет мне. Не может не помочь, подумал он.

Войдя в грезы жены и дочерей, он принялся нашептывать им страшную сказку о чудовище, которое добро к людям и всегда готово помочь тем, кто ему дорог. Придет время, и они проснутся. Проснутся и поймут, насколько сильно он их любит.

Это будет позже, когда он все подготовит—и сам будет готов к этой встрече.

Главное сейчас—оставаться человеком.

Он расправил прозрачные крылья с густой сетью жилок, переступил шестью ногами по перилам балкона, оглядывая серую полусферу неба и горячее многоцветье далекой земли в поисках добычи. Голод и охотничий азарт переполняли его.

Время хищника, подумал он.

Мое время.

И шагнул в пустоту.

УЗЫ

Этот человек убивал ее. Медленно, каждый день. И непонятно было, что он ищет, зачем копается в далеком прошлом, какую нить хочет нащупать. Но... это темный человек, и цели его черны, как зев ядовитого гада.

Она для него лишь инструмент, который не нужно беречь, который можно будет выбросить за ненадобностью, когда работа закончится. Личная машина времени, медиум в собственности...

Что стоит показать медиуму вероятное будущее? И восковая куколка на подставке обернется маленькой девочкой, а тонкая булавка — ледяной сосулькой, пробивающей ее тело сверху донизу. Какая мать не защитит свое дитя, пусть и ценой собственной жизни?

Полутемная комната, задернуты бордовые шторы, вышитые золотыми нитями, сквозь которые сочится густой темно-красный свет. Кровь. Этот человек каждый день приносит кровь в тонких пробирках: достаточно соприкосновения одной капли с кровью медиума, чтобы получить точный слепок памяти этой крови, памяти рода...

— На этот раз должно получиться, — сказал он и в нетерпении щелкнул пальцами.

— Я не могу брать на себя столько... жизней! Эти люди — они становятся моими кровными братьями и сестрами! Я несу на себе все их проклятья!

— Какие проклятья? — Он сморщил лицо. — Работай. У тебя есть стимул. Найдешь то, что мне нужно, и ты свободна и твое дитя невредимо.

— Я должна знать, что ищу.

— Необязательно. Ищи ответ на вопрос: у кого? Ты увидишь, я знаю. Давай, не ленись.

Хотелось плакать. Никто не поможет ни войти в транс, ни восстановить силы после транса, — потому что силы на черные дела дают черным людям. Когда все внутри дрожит от усталости, когда выжаты все соки, когда непомерный груз висит на шее — как начать? Самое трудное — это начать, потом будет легче.

Ярко-алая капля упала в крохотный разрез на запястье, вливая в кровь память еще одного рода, слезы побежали по щекам на подбородок, и нельзя было сморгнуть, чтобы не потекла тушь.

— Готова? — нетерпеливо спросил темный человек, усевшись в кресло за спиной. — Я начинаю счет.

— Сразу счет?

— А что? Поиграем в игру: руки тяжелые — ноги тяжелые? — Он осклабился — не нужно было смотреть на него, чтобы это увидеть. — Или ты не умеешь быстро расслабляться?

— Я... умею.

Никакой надежды на отсрочку. Идти по чужой памяти, отступая назад поколение за поколением... Ловить призрачные видения, разглядывать бытовые подробности — этот человек всегда контролирует, не путаются ли истинные воспоминания с фантазией, не работает ли воображение вместо способности видеть прошлое. И счет уже закончен, и густой липкий свет летит навстречу, свивается мутными колтунами, взгляд теряет фокус — транс наступает быстро, привычно, но что он после себя оставит?

Темный человек расставляет знаки мелом на полу.

— Вправо или влево? Не думай, не смей думать! Шагай туда, куда тебе хочется шагнуть, слушай себя внимательней! Мать или отец?

Слушай себя... Легко сказать! Если не хочется шагать никуда: ни вправо, ни влево. Но пусть этот человек уже найдет то, что ищет! Пусть этот транс будет последним! Ну же? Ну? Куда? Вправо или влево?

Густой свет надавил на грудь, подтолкнул назад и вправо. Шаг дался легко, спокойно, а значит, это правильный выбор.

— Хорошо. — Новый знак на полу. — Как ты себя чувствуешь?

— Никак.

— Видишь что-нибудь?

— Телесериал. Я сижу в кресле перед телевизором. Плед на ногах...

Он не дал договорить:

— Уходи в прошлое, ищи родителей.

Это близко, это не так тяжело... Разглядишь родителей — сможешь шагнуть на поколение назад. Глубже, глубже в чужую память.

— У меня белый фартук и новенький пионерский галстук. Косички тугие, неудобные. Я бегу по лестнице через ступеньку. Это старый дом, широкая лестница, перила витые, очень красивые. Дверь покрашена в красно-коричневый цвет, шесть... нет, восемь звонков с надписями. У меня свой ключ, большой и тяжелый. Длинный широкий коридор, комнаты вдоль по одной его стороне. Наша — третья от двери. В кухне что-то громко шипит, пахнет горелым. Дверь в комнату филенчатая, серо-голубая. Папа в комнате, он одет в костюм и немного навеселе...

— Стоп. Шаг назад.

Шаг назад — это еще одно поколение. Свет изменился неуволимо, шум большого города ударил в уши — непрерывные автомобильные гудки, гомон толпы, стук каблучков...

— Кто ты?

— Мужчина. Мне чуть больше двадцати.

— Чего ты хочешь?

— Всего!

— Я имел в виду, чего ты хочешь добиться.

— Всего!

- А конкретней?
- Славы! Известности!
- Уходи в его детство.

Предрассветные сумерки посеребрили росу на высоких стеблях, заблестела вода в Волге, погас костер. В тумане пасутся спутанные кони. Небо со всех сторон, небо и туман. Тишина такая, что слышно, как струится вода меж берегов. Лошади иногда всхрапывают, да посапывают уснувшие вокруг костра ребятишки...

- Не надо ребятишек. Ищи, где его отец и мать.

Окрик грубо ворвался в счастливое воспоминание, туманный рассвет заволокло черным дымом, а запахи травы и реки перебил запах гари.

Языки пламени рвутся в окна, хотят дотянуться до перепуганных детей, сбившихся в кучку возле наспех вынесенных вещей. Мычит корова, вторя вою матери, мычит рядом с матерью глухонемая Дунька; Орлик бьется в конюшне, не дается отцу — боится идти сквозь горячие двери. Кудахчут куры, носятся по двору сломя голову. Воду льют теперь только с подветренной стороны, чтобы огонь не пошел дальше, — дом уже не спасти.

- Сколько детей? Сколько всего братьев и сестер?

— Я не вижу. Много. Стоят маленькие только, старшие воду носят... Отец выводит лошадь. Он очень высокий, черноволосый, кудрявый. И конь огромный, богатырский конь...

— Дура, мальчик-то маленький совсем, потому и отец очень высокий, и конь богатырский. Шаг назад.

Раскисшая дорога вдоль оврага, в левой руке вожжи, в правой — кнут. Орлик не торопится, чавкает по грязи; грохочет телега, поскрипывает. Лес впереди. Накапывает дождь, небо затянуто серенькими, совсем осенними тучами: кончилось лето, и листья на деревьях желтеют потихоньку. Не хочется ехать к мельнику, а надо.

Лес сырой, неудобный. Дрожит осинка на опушке, трепещет листочками. Орлик останавливается на повороте, перед глубокой лужей. А в луже тоже осинка трепещет и тучи бегут, клубятся, то серые, то совсем черные. Приходится слезать с телеги и вести Орлика в поводу: конец проезжей дороге, теперь не завязнуть бы... И видна уже из-за леса мельница — машет посреди поля руками-крыльями.

— Все ясно с мельниками и Орликами. Погляди на самое значимое событие в его жизни.

— Свадьба. Лето, стол во дворе, яблоки... Невеста мелковата и худовата, но глаза черные, жгучие, глянет — мороз по коже.

— Какая скука... Оглядишься, на свадьбе родственников много. На кого твой глаз ляжет?

— Бабушка! Очень полная женщина, лицо припухшее, в складках, щеки висят — почки, может, нездоровые. Платье ситцевое.

— Не может быть на ней ситцевого платья.

— Ситцевое, бежевое, в мелкий цветочек.

— А на голове что?

— Это не платье, это сарафан. На голове платок. Пестрый.

— Ладно. Два шага назад. Посмотрим, что за бабушка...

Августовское солнце и вечером припекает, хорошо сидеть на завалинке, греть старые кости... Поле золотится, переливается волнами под легким ветерком (на нем еще нет мельницы, но это то же самое поле). За ним чернеет лес, бежит мимо завалинки дорога в барскую усадьбу. Дорога идет в обход леса, но пройти в усадьбу можно и коротким путем, по тропинке, только надо перебраться через овраг, будь он неладен...

Хорошо прижаться спиной к черным, пропитанным дегтем бревнам — теплые они. Вот только завалинка узковата стала, как вторая доска прогнила и отвалилась. Максимушка обещал поправить, да так и не поправил: у чужих людей плотничает, а к матери все недосуг заехать. Старый дом, совсем врос в землю, торцы бревен крошатся. Дверь в сени так перекосилась, что перед входом теперь яма. А в сенях пол земляной, осенью дожди зарядят — не войти будет в дом.

— Это не деревенский дом. И вокруг нет никого, он на отшибе стоит, километра полтора до деревни.

— Так, так, давай, посмотри хорошенько. Что за дом?

— Низкий, в длину вытянут. Черный. Вместо крыльца — что-то вроде будки из досок. Пол земляной. Две комнаты. Первая — мастерская. Печь стоит в дальней комнате, небольшая печь, беленая, топится по-черному: нет трубы, есть дымоход в потолке. Стол в дальнем углу, над ним красный угол. Столешница толстенная, сантиметров пять толщиной...

— Хватит. Откуда взялся этот дом?

— Я не знаю.

— Где ее муж?

— Муж? Сейчас. Сейчас-сейчас... Ой, какая она была красавица! А муж — плюгавый такой мужичонка, светло-русый, кудрявый. Он умер.

— Как он умер?

Деревянный гроб на столе посреди комнаты. Красивый гроб. Максимушка хоть и учился у отца плотничать, а к столярному делу тоже способности имеет — крест вырезал на крышке. Стоят дети над

гробом, все трое — Максимушка, Петруша и Танечка. Жалеют ли отца? Ведь долго помирал, плохо, намучил всех.

— От чего он умер? Смотри как следует.

Апрельский день, пасмурно. Снег давно сошел, а весны и не чувствуется вовсе, словно осень вокруг. Трава желтая, жухлая, деревья черные — ни листочка, ни травинки не проклюнулось. Митяйка в усадьбу идет, там всегда плотнику работа найдется. Навстречу ему, незванный-непрошенный, поп Филька из Подвизья. До чего же жирен: телеса под рясой колыхаются, грудь как у бабы на пузо свисает. Митяйка перед ним что мышонок против кота. Как попа увидел — аж присел с перепугу.

— Почему он испугался? Ну? Смотри, это важно. Почему это поп его вдруг напугал?

— Не знаю... А, это примета плохая — попа встретить. Особенно для плотника. Очень плохая, хуже, чем баба с пустым ведром. Смертью грозит или увечьем.

— Что он сделал дальше? Мужичок, не поп.

Митяйка с попом раскланялся, бочком его обошел и шмыгнул в лес, на тропинку. Лоб вспотел, и во рту пересохло. Через овраг (будь он неладен) перебирался и не стерпел: зачерпнул воды пригоршней, лицо вытер да хлебнул несколько глотков. Вода-то весенняя, мутная, из лесу течет... Ее, может, много кто пил, и ничего, а Митяйке вот не повезло...

— Понятно... Погляди, что поп дальше делал.

— Здравия тебе, матушка, — Филька пригнулся под притолоку и приподнял рясу на пороге.

— И тебе не болеть, отец Филимон... — она недовольно сложила губы.

— Что-то ты мне и не рада.

— А с чего мне радоваться? Подждал, что ли, когда Митяйка уйдет? Так сейчас дети вернутся. Ничего у тебя, батюшка, не выйдет.

— Злая ты, Семеновна. Неласковая, — лицо его расплылось в плотоядной улыбке.

— Смотри, я и приласкаться могу. Не боишься?

Филька, подобрав рясу, расселся на скамейке возле Митяйкиного верстака, закинул ногу на ногу и локоть на верстаке разложил, ни дать ни взять — как у себя дома.

— А я, может, погадать к тебе пришел. Мне тут сон давеча приснился, будто захожу я в храм, а там собака перед Царскими вратами

сидит и на меня щерится. Паршивая, знаешь, такая собака, шелудивая, шерсть клочьями, а с пасти слюна капает.

— Грех это, батюшка, к ворожейке ходить сны разгадывать. Ты у Богородицы спроси, ей виднее, что собака в Божьем храме делала и почему от тебя Престол охраняла. Может, не достоин ты к Царским вратам приближаться, потому что грешишь похуже шелудивого пса.

— Не согресишь — не покаешься, — расхохотался Филька. — И не псу шелудивому моими грехами ведать.

— Все ясно с попом. Погляди, откуда взялся дом. Почему родители мужа жили на отшибе?

— Это ее дом, не мужа. Она одна жила в доме до свадьбы.

— Как так одна? А родители, братья, сестры?

— Родители были. Они умерли. Ей было лет тринадцать. Не было ни братьев, ни сестер. Она единственная дочь.

— Так... Почему они построили дом на отшибе?

— Они его не строили. Они пришли и заняли его, он пустовал.

— Откуда они пришли?

— Я не знаю.

— От чего они умерли?

— Я... не вижу... Они просто умерли. Оба. Заснули и не проснулись.

— Да ну? Так не бывает.

— Они угорели.

— Это уже лучше. А девочка? Почему не угорела девочка?

— Она... Она рада, что они умерли. Она хотела остаться одна...

— Погляди, что это за люди.

По спине бегут мурашки, холодком веет с пола, густой свет сочится сквозь шторы и душит, душит...

— Это... темные люди.

— Что значит «темные»?

— Я их не вижу. На их месте черные силуэты. Их боялись в деревне, девочка не играла с другими детьми... Она называет их «эти».

Сказать ему, этому темному человеку, что значит «темные»? Объяснить, что их помыслы черны, что они — такие же, как он?

— Они очень набожны, но в церковь ходят редко. Не староверы, нет. И не сектанты. Их набожность какая-то неправильная. Верней... непростая.

— Что значит «непростая»?

— Я бы сказала, она идет не от сердца, а от ума.

— Так... — мел скрипит по полу. — Давай еще один шаг назад. Погляди, что это за «темные люди».

Ноги затекли, и хочется сделать этот шаг только для того, чтобы пошевелиться.

— Я ничего не чувствую! Я ничего не вижу! — Чужая память исчезает, нити обрываются, тянет вперед и вверх — в будущее, в реальность, — словно пузырь из тяжелой толщи болота. — Это не ее родители!

— Я так и думал. Можешь на них больше не смотреть, я и без тебя все про них знаю. Шагай обратно. И смотри в ее детство, совсем раннее.

Равновесие постепенно возвращается, поток чужой памяти (чужой крови в венах) несется в прошлое. Он все про них знает... Не потому ли, что он такой же, как они? Не потому ли, что «эти» — родная ему черная кровь?

— Она родилась в бане. Женщина, очень красивая, очень. Это первые ее роды, но она рождает легко. Ей не так мало лет — больше двадцати... Она рада, что родилась девочка. Она хотела именно девочку.

— А муж? У нее есть муж?

— Я не вижу. Я не знаю. Образ этой женщины очень светлый, чистый. Она словно святая. Она умрет скоро. Через два года.

Скрипит мелок...

— Шаг назад и вправо.

— Да, у нее есть муж. Девочка была зачата в этой же бане. Он... Ой, это что-то не то...

— Что там не то?

— Он... как две капли воды похож на того человека, который ехал на мельницу. Только волосы у него прямые.

— Дура, это его прадед. Почему бы им не быть похожими? Сколько ему лет?

— Больше двадцати пяти. Ненамного.

— Как его имя?

— Она зовет его... Сёмушка...

Еще один знак, нарисованный мелом на полу.

— Два шага влево. Мы очень близко к цели, очень близко. Смотри, от чего она умерла.

— Ой, мама...

Страшно смотреть. И тошно. Голова кружится, кружится! Только бы не упасть!

— Ну?

— Ее убили. Ее зарубили топором. В сенях, в ее собственных сенях, на пороге дома. Может, это разбойники? Воры? Нет, это не разбойники... — голос гаснет, перестает слушаться. Слова не вытолкнуть из глотки, не смыкаются связки, и приходится перейти на шепот. — Это сделал ее муж. Топор у меня в руке...

Сначала топор рубит правую руку, прикрывшую голову, — и кровь толчками хлещет из раны. Олёнка пригибается еще ниже, словно подставляет темя под удар. Раненая рука соскальзывает на плечо, кровь льется на спину, заливает рубаху, сарафан... Топор бьет по

голове: один раз, другой, третий... Чтобы наверняка. И нет в душе ни сожаления, ни радости, ни горечи — ничего. Так забивают скотину — это долг, необходимость. Так надо.

Руки в крови. Липкие. И на рубахе тоже кровь и жирные пятна. Осталось немного: перешагнуть через тело жены на пороге, войти в дом. Дитя в люльке смотрит неотрывно на дверь и не плачет. Рубашонка белая-белая, на ней остаются бурые отпечатки от пятерни. Назад, в сени, перешагнув через тело Олёнки. На высокое резное крыльцо — в густые летние сумерки. А снизу из темноты уже тянутся руки — дай, дай! Не это они хотели получить...

— Заберите это отродье...

В чужих руках дитя начинает плакать.

Еще раз перешагнуть через порог. Дело сделано. Топор почему-то еще в руке. Обтереть бы его чем — ведь заржавеет. Попить бы воды. Тошнота накатывает внезапно, топор падает на пол со стуком, и в воздухе долго висит продолжение его короткого «звяк». А потом становится тихим звоном в ушах — мертвой тишиной. Мертвой. Подгибаются колени, и липкие руки сжимают виски.

— Почему он ее убил?

— Я не знаю.

— Ладно. Посмотри, чем он живет.

— Не знаю. Я сморю и не вижу. Он не пашет землю. Я не вижу никакого ремесла. У меня такое ощущение, что он богатый бездельник. Может, он охотник? Я вижу, как он ставит силки...

— А его жена? Чем она занималась?

— Она... вела дом. Но она не доила корову, не ходила за лошадьми... Я не представляю ее за прялкой. За вышивкой разве что.

— Что у них за дом?

— Это похоже на крестьянский дом. Но деревня странная: улица прямая, заборы стеной, дома в одну линию с заборами. Очень маленькие дворы. И я не вижу... что сзади домов. Как будто там ничего нет: ни полей, ни огородов. Коровников нет. Конюшни есть, а коровников нет. Она какая-то пустая, эта деревня, таких не бывает...

— Это не деревня, это город. Окраина. Посмотри на этого парня пораньше, до свадьбы.

От залихватского свиста кони несут вперед еще резвей. Полы расстегнутого полушубка, словно крылья, хлопают за спиной, заломленная шапка сползла на затылок, правый сапог стоит на передке, вожжи в обеих руках — морозный ветер бьет в лицо, щеки горят, бубенчики бесят под дугой. Расписные сани Ваньки Рябого летят рядом во весь опор, осталось совсем немного, чтобы

их обогнать. Прохожие в испуге прижимаются к заборам, улица сужается, и надо успеть.

— С дороги! — орет Ванька. — Зашибу!

Сёмка снова свистит. Кони в два прыжка догоняют Ванькиных, идут вровень. И совсем немного осталось, кто-то один должен уступить, иначе и убиться можно. Ванька щелкает кнутом, Сёмка свистит. Ванькин пристяжной вскидывает башку (губы в розовой пене), построжки цепляют Сёмкиного пристяжного. И не остановить коней на скаку, сцепленные упряжки некоторое время мчатся вперед, лошади шарахаются от заборов, сталкиваются, спотыкаются, ржут, звонко трещат оглобли. Ванька валится лошадям на спины, Сёмка — на перевернутые Ванькины сани.

И боль в ребрах, ударившихся в полозья, еще не отпустила, а позади, сквозь шум, крики, ржание коней и ругань Ваньки, уже слышен топот копыт и крик отца:

— Сёмка, подлец! Убью!

— Мне не нравится, как ты смотришь. Ты видишь разорванные картинки, а мне нужен связный рассказ.

— Я вижу только картинки.

— Посмотри иначе. Посмотри из его будущего в его прошлое, целиком.

— Это невозможно.

— Это возможно. Подумай, как ты сама вспоминаешь себя. Ты не всегда видишь картинки, не помнишь сказанные слова, но ты помнишь, что было.

Лесистые горы с четырех сторон, на вершинах — туман и снег. Смотришь на них снизу как из ямы, со дна омута. Внизу тоже туман — ледяной, душный. Обломанные ногами корки на лужах, иней на кирпичных стенах, тесовые крыши побелели и блестят, только двухсаженный забор остался черным...

Солнце давно взошло, а над горой подымется нескоро, нескоро растопит лед, разгонит туман. Осень только началась, а по ночам уже морозы...

Кашель рвет грудь, и уже не алая кровь, как раньше, марают выданную доктором портянку, а кусочки потемневшей плоти. Рядом, кряхтя и звеня железом, садится Петр и тоже смотрит на гору, за которой прячется солнце.

— Слышь, Семён, ты помирать-то погоди. Тебя на поселение скоро отпустят.

Он хорошо говорит по-русски, лучше других поляков. Остальные чураются уголовных, боятся, а Петр ничего, не брезгует.

— У тебя на воле кто-нибудь остался? — спрашивает.

- Дочка. Только где ее теперь искать, я не знаю.
- А внуки? Внуки есть?
- Да ей щас лет двенадцать, какие внуки...

— Вот отсюда и начинай. Гляди назад, в его прошлое. С чего все это началось.

Как просто! Гляди назад! А это не просто, не просто! Это требует не только сил, это же страшно! Убийце страшно смотреть в прошлое на пороге смерти!

На Масленицу Сёмка возвращался в Черную Слободку уже по темноте, пьян был сильно. Прогулял не только то, что отец дал, но и шапку, и полушубок, и кафтан, и сапоги с набором. Он бы и коня пропил, но вовремя не припомнил, где его оставил. Потому и ехал теперь в опорках и зипуне поверх исподней рубахи. К ночи ударил морозец, конь, хоть и подкованный, то и дело оскользался на заледевшей дорожке.

И ехать-то оставалось всего ничего: перелесок и мосток через ручей. Вот в перелеске Сёмка с коня и сверзился, а тот, чуя дом, рванул повод из рук и был таков.

Сёмка дальше идти хотел, но только поднялся, так поскользнулся — и опять носом в снег. Побарахтался он немного, подустал, — а самому смешно, что шагу ступить не может, как младенец. Подумал, что отдохнуть немного надо, прикрыл глаза и чуть не заснул тут же, на дорожке. Как вдруг слышит голос тоненький и ласковый:

— Сёмушка... Открой глаза, Сёмушка...

Он глаза открыл — девка невиданной красоты над ним стоит, в летнем сарафане и босиком. Сёмка головой тряхнул и хватить ее за подол. А она засмеялась и на шаг отступила — не поймал Сёмка подола. Он потянулся снова и опять не достал. Она смеется-заливается — дразнит его. Вскочил Сёмка на ноги (и хмеля в голове как не бывало), бросился к ней — думал обнять, а то и облапить, но она козочкой назад отскочила. Легкая такая, шустрая. И так хороша, так хороша, что дух захватывает!

— Чего смеешься-то? — проворчал Сёмка. — Вот щас изловлю...

— Догони сначала! — она опять расхохоталась. И так на него глянула, что у Сёмки в голове помутилось. Злость его брала, что она над ним смеется, но больше прижать к себе хотелось, а может, и расцеловать, — никто же не видит.

Но девка в руки не далась: сначала отступала потихоньку, а как Сёмка со скользкого места ушел, развернулась и в сторону Слободки побежала — только пятки голые сверкают да белые щиколотки. Сёмка за ней. Бежит быстро, а догнать не может. Да и опорки не по ноге — скользят и по пяткам хлопают.

Пробежала она по слободской улице до Сёмкиной калитки, остановилась вдруг, повернулась к нему и в воздухе растаяла — он только руки протянуть успел. Ну, Сёмка перекрестился на всякий случай... Только страшно ему несколько не было, забавно было. И тоскливо, что пропала она.

Это уже потом он подумал, что если бы не девка, так бы и замерз он в этом перелеске, заснул бы и не проснулся.

В тот год отец придержал хлеб до поздней весны — он всегда верно угадывал, когда что продавать, никогда не ошибался, на том и богател. Поговаривал, что пора подумать о переходе во вторую гильдию, а то и строить каменный дом, — мечта у него была такая. Второй гильдии отцу было не видать как своих ушей, он и в третью-то скакнул по случайности. А уж перебраться в каменный дом из Черной Слободки — в это и вовсе никто не верил. Но всем нравились эти разговоры, особенно сестрам на выданье. Отец потому и не спешил отдать их замуж: жалел приданого, в дело деньги пускал.

А на вербное воскресенье вот что приключилось. Зашли к ним в дом богомольцы, муж и жена. Верней, это Сёмка подумал, что богомольцы, потому как одеты они были в черное и вроде бы подаяния просить пришли. Только у богомольцев лица обычно благостные, кроткие, голоса сладкие и жалостные, а тут как глянула на Сёмку баба-богомолка, так мороз по коже пошел: глаза черные, злые — сущая ведьма. И муж у нее рыжий, а Бог, известно, шельму метит. Уж что они такое отцу шепнули — никто не знает. Но говорил он с ними в сенях, один, не пустил никого. Только недолго говорил — вытолкал взащей и кричал вслед, чтобы духу их тут не было. Что если еще раз их в Черной Слободке увидит, собаку спустит. И домашним наказал на порог их не пускать, если явятся.

Одного взгляда хватило, чтобы их узнать. «Этих». Нет, не взгляда даже — ощущения. Человек за спиной источал такую же темную эманацию, душную, ядовитую, внушающую страх и омерзение. И эти двое были завернуты в невидимые ядовитые коконы своей темной силы.

После этого отца как подменили: он от каждого шороха по ночам просыпался, вставал и с топором в руках на двор выходил. Не то чтобы боялся — злой был. Из дома редко стал отлучаться. К Трезору-пустолайке добавил двух щенков-волкодавов, но один издох в страстную пятницу, и отец не сомневался, что собаку отравили по злему умыслу. А главное — уезжать передумал, когда подошло время хлеб везти продавать.

И поехал Сёмка сразу после Пасхи с обозом в Москву, а когда вернулся, уж лето начиналось, яблони цвели. Думал попить-погулять, да не тут-то было: отправил его отец по деревням, скупать

остатки хлеба. Хоть и стояли отцовские амбары на въезде в город, а все ж выгодней было самим по деревням проехать, чем ждать, когда мужики в город хлеб повезут.

Вот приехали Сёмка с отцовым приказчиком в Ужово — был вечер, ночевать там хотели, стали на крайний двор. Сёмка сразу углядел девок у качелей на краю села, много их собралось, наверняка и с соседних деревень тоже. Ужовские парни встретили его холодно, кланяться не стали, но расступились почтительно, а девки наострили ушки, покраснелись, смотрели на Сёмку украдкой, стыдясь своего интереса. Он встал у толстого дерева и просто стоял, не вступая в игры. Приглаживался.

Одна девка ему понравилась — веселая, лукавая, посмелей других, — но стоило посмотреть ей в глаза, как она тут же бочком, незаметно отступила в сторону. И словно невзначай от Сёмкиного взгляда ее прикрыл белообрый конопатый парень.

А потом Сёмка увидел ту самую девку, что спасла его на Масленицу. Она шла к качелям со стороны леса, и ужовские парни тут же повернули головы в ее сторону. Даже рты разинули. Сёмка тоже едва не раскрыл рот — он-то думал, что на Масленицу девка привиделась ему спяну. Но он сразу ее узнал, издалека. И сарафан на ней был тот же, синенький.

Кто-то из ужовских, пошустрей остальных, подскочил к девке поближе, но Сёмка не из робких был: отошел от дерева, шага три к ней сделал и посмотрел со значением. Ужовский вокруг нее व्यюном вьется, а она глаза опустила и на Сёмку изредка так посматривает. Глаза — синей сарафана: вспыхнут на миг, обожгут и снова в землю упираются. Сёмка поманить ее хотел, но сразу понял: не пойдет она. Он еще постоял немного из гордости, а потом подошел и сразу за руку ее взял. Имя спросил — Олёнкой ее звали.

— И чья ж ты будешь?

— А ничья, — она говорит и будто насмехается: — А тебя как звать, молодёц?

— А ты отгадай. — Сёмка подумал, что она и так его имя знать должна, если на Масленицу все на самом деле было.

— Как же я угадаю? Имен много...

— Так попробуй. Угадаешь — женюсь на тебе.

— Думаешь, я за тебя выйти хочу? Ничуть не хочу, — сказала, а сама зарумянилась, застыдилась, но глаза вскинула и говорит: — А зовут тебя Семёном.

— Ну вот, а говорила невозможно... Хорошо, хорошо получается. Дальше давай.

Он, наверное, хотел ей приятное сделать? Поддержать? Не нужны ни поддержка его, ни похвалы!

Чужая боль душит, как своя. Чужая память берedit раны; каждая черточка, каждая деталь, что всплывает в памяти, тупым ножом режет по сердцу.

В общем, ум Сёмка потерял... И день и ночь об Олёнке думал, с лица спал — вся Черная Слободка о присухе болтала. А он под вечер садился на коня и прямехонько в Ужово: бешеному кобелю семь верст не крюк.

Отец к тому времени немного поуспокоился, перестал по ночам вскакивать и дом дозором обходить. На Сёмкины гулянки смотрел сквозь пальцы: лишь бы дело не страдало, а так — гуляй не хочу. На праздники и денег подкидывал — ну, что не хуже людей живем и покутить иногда можем. Но когда Сёмка заикнулся о женитьбе, отец, конечно, призадумался и послал приказчика разузнать все об Олёнкином семействе. Что уж там приказчик разузнал, Сёмке он доклада не делал, но отец так озлился, что отходил Сёмку плеткой от всей души и наказал на версту к «этому отродью» не подходить. Вообще-то Сёмка в уважении к отцу был воспитан, но тут обида его взяла, не чуял он за собой никакой вины. И стоило отцу отвернуться, сел на лошадь и поехал опять в Ужово.

Олёнка его на мосту всегда встречала, он ее издалека видел. Стоит, на воду смотрит — будто просто так. Лишь изредка глянет на дорогу. Но только Сёмка подъедет, распрямляется, смотрит на него — глаза счастливые, ласковые. Сёмушкой его звала и ясным соколом.

В тот раз Олёнка сразу почуяла неладное, по глазам все поняла. А у Сёмки и язык не поворачивается ее про родителей спросить. Она сама ему все рассказала, ничего не скрyla. Что не родители они ей вовсе, дядька с теткой, а сама она сирота уже давно. Плохо ей с ними жить, дядька ей хуже отчима, а тетка поперек него слова не скажет, потому что тот настоящий колдун. Тетка и сама ворожит понемногу, и Олёнку учит: в роду у них все женки к ворожбе способные. Но ворожба — это не колдовство, нет в этом зла никакого людям.

Сёмка слушал ее, и еще больше ему хотелось за себя ее взять — спасти от дядьки-колдуна, от невеселой сиротской жизни. Думал он, что сам никогда ее не обидит, что жить она с ним будет как за каменной стеной. И даже тайно венчаться хотел, бежать от родителей. Только Олёнка сказала, что не по-людски это...

Домой после этого ехать Сёмка побаивался, однако твердо решил на своем стоять. Но отец встретил его без злости, жалостно даже. Сказал, что ни в чем Сёмка не виноват, что виной всему присуха. Сидели они на крыльце до света. Сёмка все объяснить хотел, будто Олёнкиного греха нет в том, что она сиротой осталась и с дурными людьми стала жить. Но отец гнул свое: из корысти она Сёмку присушила.

— Они же приходили ко мне перед Страстной неделей... — вздохнул отец. — Купить одну вещичку хотели. Предлагали аж пять тысяч рублей.

— Сколько? — Сёмка задохнулся. С такими деньгами и в самом деле можно было и о второй гильдии подумать, и о каменном доме.

— Пять тысяч.

— И что ж? Обманули?

— Отказался я.

— Как отказался? — Сёмка просто обалдел. Отец каждую копейку считал, над каждым рублем тряся, как царь Кощей.

— Нельзя эту вещь продать. Я памятью отца с матерью клялся, что ее не продам. Ты мой единственный сын, тебе она по наследству от меня перейдет, и ты на могиле моей поклянешься, что никому ее не отдашь.

— Очень хорошо. Очень. Ты молодец. — Было слышно, как за спиной темный человек снова в нетерпении щелкает пальцами. — Давай, давай. Раскрывай.

— Неужто такая дорогая, что пять тысяч рублей стоит? — спросил Сёмка.

— Она дороже жизни стоит. А деньги — тьфу. Наживем.

— Что ж за вещь такая? Камень драгоценный?

— Да нет... Документ. Грамота старинная. Необыкновенной силы...

— Она, может, удачу приносит? — Сёмка был слегка разочарован.

— Неудачу она приносит, — проворчал отец.

— Бать, но если у них так много денег, что ж у Олёнки за корысть тогда на меня присуху делать? С такими деньжищами да с такой красотой ее и побогаче кто возьмет.

— Грамота им нужна, а не деньги наши. Они ведь мне и дом пожечь обещали, и дочерей моих уморить, и проклятье наслать на семью до седьмого колена. Ворона эта черная много чего накаркала: и мне смерть лютую, и тебе жизнь короткую и несчастную.

— Но Олёнка-то при чем! Олёнка-то любит меня! Она и сама от дядьки-колдуна натерпелась, зачем ей меня обманывать из-за какой-то грамотки?

— Вот что. Завтра постись целый день, в воскресенье в церковь пойдем. Пусть причастит тебя батюшка да отчитает молитв на остуду.

В общем, посадил отец Сёмку под замок. Батюшка строгий пост ему велел блюсти, каждый день в церковь ходить, все обедни устанавливать. Молитвы над ним читал по часу, а то и по два — Сёмка штаны протер на коленках. Отец и церкви хорошо пожертвовал, и батюшке денег давал. Только не помогали ни пост, ни молитвы — чах Сёмка, на глазах худел и чернел. Батюшка говорил, что это бесы его изнутри точат, не нравится им в церкви, вот и злятся они. Через три недели мать не выдержала, сварила щей пожирнее, сметаны на хлеб намазала, сливок кринку поставила и велела Сёмке есть. Только ему кусок в горло не шел — он каждый день только и думал, как отца

обмануть да из дому сбежать. Вспомнит, что Олénка на мосту стоит и его ждет, — ни есть, ни пить не хочется.

К бабке его тоже водили, та головой качала, говорила, что очень сильна присуха. Матери велела землицы взять между двух гор — а какие тут горы, поля одни! Мать уж ехать собиралась незнамо куда, да бабка сжалилась, продала ей нужной землицы и медвежьих когтей еще, мелко изрубленных. В хлебец заговоренный все это запекли и велели Сёмке съесть — не помогло.

А на Ильин день отец объявил, что нашел Сёмке невесту — Катеньку, сестру Ваньки Рябого. Слова нет, хорошо была Катенька, и семейство у них не бедствовало, за ней приданого тысячу рублей одними только деньгами давали, не считая всего остального. Раньше отец на Катеньку и не смотрел, девчонок помоложе приглядывал — думал, что рано Сёмке жениться, может и погулять годок-другой. А Катеньке уж шестнадцать было, некогда ждать, пока Сёмка нагуляется.

Сёмку даже не спросили — без него по рукам ударили. Свадьбу назначили на Покров, хотя отцу Покров — самое неудобное время, все деньги в деле. Вот тут и взбрыкнул Сёмка: сказал, что лучше удавится, чем женится на Катьке. Что не он слово купеческое отцу Катькиному давал, не ему и держать. Отец и добром его упрасивал, и грозил, и прибил разок — Сёмка рогом уперся, хоть на куски его режь. А сам уж решил, что сбежит с Олénкой и повенчается без отцовского благословения.

Отец о свадьбе-то по всей Черной Слободке раззвонил, взаперти Сёмку держать ему не с руки было — и так болтали много. Тут как раз время подошло посконь скупать, отец по деревням сам поехал, а Сёмку с приказчиком оставил встречать подводы на въезде в город. Дело-то Сёмка знал, торговаться умел не хуже отца, все хитрости мужицкие давно выучил, — но не до поскони ему было. В первую же ночь поехал к Олénке. Она, конечно, на мосту его не ждала, а дома у нее он не бывал ни разу, знал только, что на отшибе она живет, в сторонке от Ужова. А ночи темные, долгие уже были — глаз коли. Сердцем он, что ли, почуял, куда ехать надо? Только видит вскоре огонек позади села, у самого леса. Пустил коня вскачь, не побоялся в темноте с дороги сбиться. Глядит, а Олénка уж бежит ему навстречу. Услыхала издали топот копыт, узнала.

Соскочил Сёмка с коня, а она на шею ему кинулась, хоть раньше только за руку себя брать позволяла: плачет, смеется, слова ласковые шепчет. Рассказал ей Сёмка, как и что, предложил бежать вместе с ним. И подумал еще про себя, что если не согласится — может, прав отец, из корысти она замуж за него хочет. Но Олénка даже раздумывать не стала, согласилась сразу. Конечно, подготовиться надо было, денег раздобыть на дорогу, батьку найти, который без благословения обвенчает, — тоже не задаром, — да и жить потом нужно чем-то. Сёмка думал в Москву

двигаться, там людей побольше и заработок можно найти, но для этого надо хоть какой-нибудь документ иметь. В общем, условились, что к сентябрю Сёмка все соберет и так же, ночью, за Олёнкой придет.

А прощались на заре — он чуть не наплевал на сборы в дорогу. Хотел тут же на коня ее посадить и увезти с собой куда глаза глядят.

Только иначе дело повернулось.

Оставалось до сентября несколько дней всего, уже собрался Сёмка в дорогу, когда отец взял его в город, — пили они в трактире с каким-то московским купцом, заносчивым и разбитным. И в Черную Слободку возвращались поздно, к полуночи ближе, верхом. Отец беду издали почуял, еще в перелеске коня погнал быстрее — зарево в небе разглядел. А уж как на мосток выехали, откуда всю Слободку видать, так сразу стало понятно, что это их дом горит. Отец так коня разогнал, что Сёмка отстал от него немного, совсем немного.

Дом уже весь пылал, до крыши. Ворота распахнуты были, соседи водой его заливали — да разве такое потушишь? Смотрит Сёмка вокруг, а ни матери, ни сестер не видит. Отец к самому крыльцу подъехал — конь от испуга на дыбы взвился. А отец сразу с коня — на ступеньки и в дверь, в огонь прямо. Сёмка даже крикнуть не успел. Соскочил с лошади, «батя, — кричит, — батя, стой!», бросился к крыльцу — а горит крыльцо, горячо, дым черный, дышать нечем. Прыгнул через ступеньку, но тут его соседи за ворот ухватили, на двор выволокли, подальше от огня. Рвался Сёмка, трое держали.

И минутки не прошло, как выбежал из дома отец. Кричит, а одежда на нем пламенем пылает. С крыльца то ли спрыгнул, то ли упал — ну тут народ его водой стал поливать, залили огонь, конечно...

Через три дня только отец умер. Мать с сестрами в дыму задохлись — это все Сёмке так сказали, что не живыми они сгорели. Может, нарочно сказали, чтоб он не мучился. А отец из дому жестянку вынес — она к пальцам ему прилипла, хотели оторвать потихоньку да выбросить, но он не позволил, а перед смертью отдал ее Сёмке. И клятву с него взял, что никому он ее не отдаст ни за деньги, ни под страхом смерти, только сыну своему или внуку.

Ни о какой свадьбе речи не было, конечно. Катенька к Рождеству замуж вышла — не стал ее отец год ждать, — но Сёмку это не опечалило. Приказчик, подлец, вздумал Сёмку вокруг пальца обвести, отцовские деньги хитростью себе присвоить, да не на того напал. Деньги Сёмку не очень-то тогда волновали, обидно было за отца, что тот пригрел змею на груди. Но в ноябре Сёмка и гильдейский сбор заплатил, и налог на перевод наследства, и свидетельство на себя выправил. А если б не приказчик, так и сидел бы сиднем...

К Олёнке он до весны не ездил. Нет, не верил, что она к его горю хоть какое-то касательство имеет, не верил! Но ведь все вышло, как тетка ее обещала. Жил Сёмка всю зиму в бане, она целехонька

осталась, с наветренной стороны стояла. И, как отец, просыпался иногда среди ночи от шороха и прислушивался. Собак не только на ночь, но и днем иногда с цепи спускал. Не боялся, нет, — знал, что могут и баню теперь поджечь. Если столько душ ради этой жестянки загубили, значит, в самом деле она дороже жизни стоит.

Жестянку он в ларчик положил, заказал мастеру в городе: чтобы в огне не горел и в воде не тонул. С виду — будто для девичьих побрякушек, перламутровый, с медными уголками. На виду не стал ставить, в сундук убрал и под полок задвинул. И все думал еще: если гореть баня будет, долго придется ларчик из сундука доставать...

Пасха в том году поздняя была, и на Масленицу уж снег начал таять. Опять ехал Сёмка домой поздно и тоже пьяный был, только не на радости — с тоски напился. Остановился в перелеске, слез с лошади, постоял немного, прошлую Масленицу вспомнил. И так ему тошно стало, что обнял коня за шею и заплакал. Олёнку вспомнил и что спасла она его тогда. Лучше б и не спасала...

Потом всю ночь Сёмка не спал, не мог об Олёнке не думать. А на утро сел на коня и в Ужово поехал. Всю дорогу назад повернуть хотел, не знал, как придет после этого на могилу к родителям. Но так и не повернул. Подъезжает к мосту — а на нем Олénка стоит, ждет его. Будто заранее угадала, что он к ней в этот самый час придет.

Глаза у нее еще больше стали, еще синей. Смотрит она на Сёмку и обнять боится. Он сам ее к груди прижал, она так руки опустил и стояла. Шептала только тихонько: «Сёмушка, сокол мой ясный...»

Конечно, она о поджоге не знала ничего — потом услышала, от людей. И сразу тогда на дядьку своего подумала: ведь рассказал ей Сёмка, как они с теткой к его отцу приходили. Про грамоту в жестянке Сёмка ей говорить не стал.

И надо было убить их обоих, и дядьку-колдуна, и тетку-ведьму, дом им надо было сжечь, а не сватов к ним присылать! Не смог Сёмка. От Олénки не смог отказаться.

Она его еще полтора года ждала — для девки срок немалый. К следующей зиме Сёмка дом начал строить, ну и отошел уже немного, поуспокоился. Денег отцовских ни рубля не потерял, даже заработал чуть-чуть. Дом на старом месте стал рубить, без роскошеств, но и не без изыска. Печь изразцовую заказал хорошим мастерам, окна остекленные, крылечко резное, подклет высокий, каменный. И крышу тесовую не просто на два ската, а со скосами, и светелку наверху, и резьбу богатую. Строил и думал, как Олénка в нем хозяйничать станет, как детишки по полу будут босиком бегать — сам строгал половую доску, плотникам не доверил.

— Подробности о половых досках можно опустить.

Она вдруг огрызнулась:

— Я не репортер. Я делаю это, как умею.
Это от того, что больно. Больно вспоминать, зная, чем все кончится.

Долго Сёмка думал, засылать ли сватов, звать ли родственников Олёнкиных на свадьбу: ведь это все равно что на могиле отцовской сплясать. К батюшке сходил, спросил: обвенчает ли сироту без теткин-ного благословения? Батюшка поломался и согласился, про присуху будто забыл. И Олёнка тоже была согласна.

Свадьбу сыграли в ноябре, скромно. Болтал народ, конечно, что Сёмка против воли отца на Олёнке женится, что ведьма она и ради денег при-сушила сына купеческого. Что Сёмка любую мог за себя взять — а Олёнке уж девятнадцать лет было. Но как увидели ее на свадьбе, языки-то прикусили. Ведь такая красавица, каких поискать — не найдешь.

А дядька с теткой заявили-таки на свадьбу. Сёмка за топор схва-тился, едва собак на них не спустил — добрые люди удержали от греха. И кричал им Сёмка, чтобы духу их не было в Черной Слободке, чтобы близко не подходили к Олёнке, а то в самом деле возьмет грех на душу.

И стали жить они с Олёнкой душа в душу. Она кроткая была, никогда Сёмке слова поперек не говорила. В доме уют наводила — радовалась, как дитя, и Сёмка, на нее глядя, тоже радовался. Расцве-тала она, не по дням, а по часам краше делалась. С бабами в Черной Слободке сошлась, перестали о ней языками чесать — потому что добрая она была, улыбчивая. Псы цепные ее сразу за хозяйку при-няли, ласкались к ней, руки лизали.

Одна была у них беда: два года детишек Бог не давал. Сёмка думал, это в наказание ему, что против воли отцовской женился. Олёнка даже в Муром ездила, кланяться святым мощам, по совету батюшки. То ли Бог Сёмку простил, то ли сам Сёмка постарался, а понесла Олёнка вскорости и в апреле родила девочку.

Сёмка, конечно, сына хотел, но так хороша была его дочурка Та-шенька, так на Олёнку похожа, что полюбил он ее всем сердцем. И дела у него шли хорошо, нового приказчика он взял, еще один амбар по-строил. Думал лет через пять мечту отцовскую осуществить — дом каменный поставить в городе и во вторую гильдию перейти.

Но вот однажды вернулся он от амбаров, заходит в дом, а Олёнка над сундуком раскрытым стоит и в руках ларчик перламутровый держит. Что с Сёмкой тут случилось! Он сам на себя стал не похож, похолодел весь, скулы судорогой свело, рот перекосило. И говорит — спокойно так, тихо:

— Положь на место. Еще раз тронешь — убью.

И сам тогда поверил, что убьет.

Олёнка испугалась, плакала даже.

А через месяц нашентали ему люди добрые, что пока он в Москву ездил, к Олёнке ее тетка приходила. Но что, вроде, в дом Олёнка ее

не пустила, на улицу вышла с дитем. Тетка дите на руках тетешкала, в щечки целовала.

Ничего Сёмка у жены не спросил, в сундук сунулся — на месте ларчик, и замочек не тронут. Запер он сундук от греха. А потом как ни уедет он из дому, так тетка сразу к Олёнке — шашь. И Олёнка переменилась, молчать стала больше, бояться. На каждый стук вздрагивает, по ночам просыпается. К Сёмке ласкается: так и льнет, так и льнет, но без всякой хитрости. Прижмется ночью к нему, за шею обнимет — то ли его закрыть хочет, то ли от кого-то спрятаться. Он расспросить ее боится, не хочет слышать, как она врать ему будет.

Попробовал он из дому не уезжать — Олёнка совсем извелась: не спит, не ест, сама собак днем спускать стала. Спросил он все же, чем она боится.

— Что ты, Сёмушка, — говорит. — Ничего я не боюсь. И ты ничего не бойся.

Не мог же Сёмка сиднем дома сидеть — сами дела не сделаются. И решил он перехитрить ведьму-тетку — притвориться, что уехал. И если она или муж ее захотят Олёнке что-нибудь плохое сделать, так он рядом будет, не даст ее в обиду.

В общем, собрала его Олёнка в дорогу — сказал ей, что по деревням поедет, через три дня вернется. Приказчик и в самом деле поехал по деревням, а Сёмка, как стемнело, к дому вернулся. Летом это было, темнело поздно.

Собаки, конечно, его во двор пропустили, не лаяли — повизжали только от радости. Спрятался Сёмка под крыльцом, топор рядом положил — может, против колдовства оно и не совсем сподручно, но пока никакого колдовства он не видел, злодейство одно. Снял кафтан нарядный, чтобы не пачкать, армячок на плечи накинул.

Долго ждал — или показалось ему, что долго. Небо на восходе светлеть стало. И тут видит сквозь щели в заборе: две тени по улице к дому идут. Собаки лаем зашлись — так они и без этого всю ночь брехали. Взял Сёмка топор, скинул армяк с плеч. Слышит стук в стекло — тихий такой, робкий. К окну они, значит, подошли, калитку открыть побоялись, что собаки разорвут. И слышит, что на крыльцо выходит Олёнка. Собакам молчать приказала. Он думал, пойдет она к калитке, тут он и покажется. А она к калитке не пошла, с крыльца спросила только:

— Обещаете, что никогда больше сюда не придете?

— Обещаем, обещаем! — раздался голос из-за забора. Нетерпеливый такой. Мужской.

Может, есть оно, переселение душ? Может, и вечная жизнь на земле существует или воскрешение из мертвых? Потому что этот же голос только что говорил: «Давай, давай. Раскручивай». Нетерпеливый. Этот

голос командовал: «Шаг назад». Щелкал ли пальцами тот человек, что стоял за забором? Как щелкает ими «этот», стоящий за спиной?

А Олёнка снова в дом пошла. Долго ее не было. Сёмка из-под крыльца выбрался, ждет. Сам не знает, чего ждет. И выйти бы ему тогда на улицу да собак за калитку выпустить! Задним умом все крепки... Тут идет на крыльцо Олёнка и ларчик перламутровый в руках несет.

Все у Сёмки в душе тогда перевернулось. Забыл про колдуна с ведьмой, только и думал он, что поверил Олёнке, в жены взял против родительской воли, против памяти отца, что любил ее больше жизни, а она вот чем ему отплатила... Думал, что заодно она со своей родней, что сколько волка ни корми, он все в лес смотрит. Внутри как замерзло все, застыло. Шагнул Сёмка ей наперерез, а Олёнка ахнула и назад побежала. Не побежала бы она от него, все бы иначе, может, повернулось...

— Так, это мы уже видели. На ларчик теперь смотри, только на ларчик. Вряд ли парень с ним на каторгу пошел, значит, на хранение кому-то оставил.

— Ларчик в луже крови лежит...

— Это понятно, дальше смотри.

Вынул Сёмка грамоту из ларчика, завернул в навощенную тряпицу и в ладанке себе на шею повесил. Когда спрашивали, говорил, что память об отце. Он сам к приставу пришел, в Черной Слободке еще спали все.

Судья Сёмку жалел, все допытывался, не было ли тут супружеской измены. Или, может, жена в постель его не допускала? Соседей тоже позвали, и все они в один голос сказали, что Сёмкина жена была ведьма, а он души в ней не чаял. Но ведьма не ведьма — для закона не оправдание, хотя приговор судья мягкий вынес, кнут на плети заменил и двадцать лет каторги назначил вместо бессрочной.

Олёнка каждую ночь к нему приходила, до сорочин. Не винила, жалела его. Что жизнь он не только ей, но и себе загубил, и дочке. Все оправдаться хотела — что обещал дядька его, Сёмку, сжить со свету, если она ларчик не отдаст. Сёмке и без ее оправданий в пору в петлю было лезть, он грамотку эту злосчастную едва не сжег. Если бы в холодной огонь можно было развести, сжег бы точно.

Но когда он в больнице был, после плетей отлеживался, появилась к нему ведьма-тетка. Думала, может, что он в беспамятстве. И как прошла только? Гостинчик принесла — пирог с яблоком. Сёмка в самом деле тогда пошевелиться толком не мог, но заметил, что кто-то тесемку на шее у него развязывает, тут и открыл глаза. Пирог этот яблочный он в глотку ведьме целиком бы затолкал, если бы его

не схватили за руки. Вот после этого и раздумал он жечь грамоту, а, напротив, очень ее берег.

— Это, похоже, долгая история. Погляди, там, где он с этим поляком говорит, на шее ладанка у него есть?

— Есть.

— Плохо. Очень плохо... Я, конечно, поищу поляка по имени Петр, но хоть что-то, хоть одно слово об этом месте ты можешь услышать?

— Я ничего не слышу. Не там надо искать...

Зачем она это сказала? Зачем? Чтобы этот транс был последним? Нет, рисковать жизнью дочери ради какого-то древнего манускрипта — это сумасшествие.

— Где?

Перламутовый ларчик с бурыми отпечатками рук. С пустой жестяной внутри... Таша иногда трогала его пальцами — жжется он, как железо на морозе. Огонь и кровь. «Этим» невдомек, что она все помнит. Что может вспомнить, если до ларчика дотронется. Потому что это кровь матери, а руки отца. «Эти» не знают, как люто она их ненавидит.

Люто, в самом деле люто... Даже страшно... Дыхание учащается, сердце бьет в голову, прямо в темя, кровь приливает к лицу.

— Ну? Что ты замолчала? — «Этот» не хочет больше ждать, от нетерпения переминается с ноги на ногу, нервно щелкает пальцами.

— Мне... нехорошо... Мне надо выпить воды.

Темный человек наливает воду из графина, но невозможно выпить ни глотка — кажется, что от прикосновения его рук в стакан просочился яд.

— Она их отравила угарным газом. Это не так просто с печью, которая топится по-черному и по утрам. Она собирала угольки, который будут гореть без дыма. Ждала лета, чтобы самой ночевать на сене.

— Это неинтересно.

А может, тебе страшно, темный человек? Потому и неинтересно?

Нет, ему не страшно. Ей страшно, — а ему нет. Ей страшно от того, что она радуется чужой смерти, свершившейся мести. Нет, не мести — возмездие. Может быть, и «этого» когда-нибудь наступит возмездие? Или... он нарочно пришел оттуда, из тех времен, чтобы довершить свое темное дело?

— Давай, ты сама сказала, что надо смотреть здесь. Вот и смотри! — он раздражен. Ему это неприятно. Но не более чем.

Поле, на котором еще нет мельницы. Дорога к усадьбе. Максимушка скачет вокруг дома на палочке, Петруша играет в пыли на дороге, Танечка спит в колыбели.

Старик в черном суконном армяке бредет из Подвязья. Нет, не бредет — очень даже бодро шагает, на посох опирается не из немочи во все. Что ворожейке стоит по лицу угадать судьбу? Высокая судьба, но трудная. Воевал, бунтовал, и каторгу прошел, и сквозь строй. И долгая старость у него впереди.

— Не вы ли, ясная пани, будете Наталья Семёновна? — останавливается, улыбается, опирается подбородком на высокий посох.

— А тебе-то что, добрый человек?

И надо бы на вы к нему, из благородных он небось, хоть и в простом армяке.

— Долго же я вас искал! — снова улыбается. Радуете жизни. Воле. Вспоминает что-то, гасит улыбку. — Я от отца вашего весточку принес.

Сердце ударяет один раз посильнее — вдруг жив? — но замирает сразу. Она и день, и час знает, когда отца не стало.

— Мой отец на каторге умер. Давно.

— Я его хоронил.

— Ну? Ладанку принес?

— Да. Она ее в ларчик положила. Поплакала. Ларчик в красный угол поставила.

— То есть он у тебя на виду был?

— Я не знала, что вы ищете.

— Так, так, так... — Он начинает ходить по комнате. — Стой! Пожар! Ты видела пожар! Где ларчик был в это время? Три шага вперед сделай.

— Там стояли дети и вещи лежали. Он сверху.

— Жалко будет тебя отпускать! — Он хихикает. — На самом виду, всегда — на самом виду! Теперь смотри по сторонам, на братьев и сестер. Кто из них оставил ларчик себе?

— Я больше не могу... У меня уже нет сил...

Мелок стучит по полу.

— Чуть-чуть осталось, совсем немного. Давай, давай! Шаг вправо.

Коммунальная квартира на первом этаже. Двор-колодец. Саночки на улицах, саночки... Мертвые на саночках. Черная вода в проруби. Ведра обледеневшие.

— Ларчик. Нас интересует перламутровый ларчик. Саночки нас не интересуют.

Да, «этих» тоже интересовал только ларчик. Настолько, что людские жизни рядом с ним ничего не стоили.

— Он стоит в большой комнате на серванте. Довоенный сервант, стекла... армированные, что ли? Не совсем прозрачные, не гладкие.

— Когда?

— Это... совсем недавно. Телевизор «Радуга» рядом.

- Так... Где?
- Большая коммунальная квартира на первом этаже.
- Очень точный адрес. Сейчас я достану карту, попробуй увидеть поточней.
- Я... не могу больше...
- Смотри. Внимательно смотри. Перламутровый ларчик с медными уголками.
- Вот здесь. Наверное. Точно здесь.
- Милая моя, это новостройки. Ты карту Питера никогда не видела? Там нет больших коммунальных квартир.
- Это здесь. Пожалуйста, я больше не могу, мне надо отдохнуть.
- В поезде отдохнешь. Поехали.
- Но... но я не могу, мне надо домой! Мама с ума сойдет!
- Сейчас ты позвонишь маме и скажешь, что остаешься у подруги. На два дня.
- Я не могу, у меня ребенок!
- Хватит! Мне наплевать. Я считаю до десяти, и ты звонишь маме.

Нет смысла плакать и сопротивляться. Пусть «этот» найдет свой ларчик, пусть все это кончится, наконец! Мягкий вагон постукивает колесами, успокаивает, навеивает сон. Хороший ритм, под него в самом деле можно отдохнуть. И пусть приснится что-нибудь светлое. Нет сил больше видеть пожары, убийства, каторжников, злодеев, мертвецов. Кони. Пусть приснятся кони в тумане у реки...

Но вместо коней в тумане старик с обгоревшим лицом склоняется над изголовьем: «Эта вещь дороже жизни...» Каторжник, заросший бородой, хватается за шею: «Эта вещь дороже жизни...» Девочка-убийца смотрит дурным глазом: «Эта вещь дороже жизни...»

Вещь не может быть дороже жизни! Нет таких вещей! А если и есть, все равно ничего нельзя сделать. Ничего!

С каплей чужой крови принимаешь на себя не только проклятья рода, но и его обязательства.

Нет же, нет! Это чужая кровь! Чужая!

Чужая ли? Они стоят со всех сторон и не занимают места, словно время раздвигает пространство. Их много, очень много. Они не просят и не требуют — только смотрят. Из глубины времен. Из такой глубокой, где видно кровное родство со случайным прохожим на улице. Они смотрят и ждут.

Кровь рода не дает покоя. И не даст никогда.

— Надень перчатки, — говорит темный человек у дверей квартиры. — Я не хочу тебя подставлять.

— За... зачем? — слова застревают в горле.

— Я сказал: надень перчатки.

— Зачем я вам? Я же привела вас туда, куда вам надо. Этот ларчик здесь, не сомневайтесь!

— Мне некогда проводить обыск.

Звонок издает сладенькое «динь-бом». Шаркают шаги за дверью. И можно сделать вид, что ничего не понимаешь и думаешь, будто «этот» зайдет в квартиру, чтобы поговорить с хозяйкой, предложить ей за ларчик пять тысяч рублей (или долларов). Можно потом сказать себе: «Я не знала. Если бы я знала, я бы поступила по-другому». Но зачем тогда надевать перчатки?

А если не делать вид — то жизнь дочери дороже всего на свете! И своя жизнь тоже, тоже! Это нормально, это правильно, и незачем заранее обременять себя чувством вины! Чувством долга...

Выстрел звучит сухим щелчком, нестарая еще женщина навзничь падает на пол. Сестра. Все они теперь ее братья и сестры... по крови...

— Быстренько осмотришь, — «этот» перешагивает через мертвое тело в прихожей. — Где он?

Голова кружится, как лопасти лодочного мотора, взбивая воздух в пену. Тошнота катится волной, и вместо слов из горла выбивается всхлип.

— Прекрати истерику. Где он?

— Т...там... — рука поднимается сама собой, указывает на стенной шкаф.

На пол летит хлам: старые лыжи, затертые кожаные сумки, корбочки из-под монпансье с пуговицами и тесьмой. Потом книги, альбом — черно-белые фотографии веером рассыпаются по полу, пачкаются в крови. Крови мало совсем — сердце сразу остановилось.

— Точнее!

— Выше. На самом верху.

Пластинки. Граммофонные пластинки, которые бьются, — и они бьются. Марки. Исписанные тетради, подшивки журналов. Все это происходит на самом деле. Это не транс, не чужое воспоминание.

— Вот он! — темный человек смеется.

— Я... пойду? — она пятится к двери.

— Куда? Сейчас вместе пойдем. Неужели тебе нелюбопытно взглянуть?

Нет, не любопытно. Не любопытно!

Он идет на кухню, трещит электрическая зажигалка — или это шокер? Кожа ощущает разряд, дрожь пробегает по телу.

— Иди сюда.

Скрежет. Ломается крохотный замочек, со стуком откидывается крышка ларчика.

— Я не могу...

— Иди сюда, я сказал. Посмотри.

Почему она слушается этого темного человека? Почему по его приказу шагает через мертвое тело (сестры), боясь испачкать кровью сапоги?

Огонь. Высокий столбик синего огня — с конфорки снят рассекатель.

— Посмотри, — темный человек улыбается. — Можешь даже потрогать. В таких вещах в самом деле немало силы. Знаешь, что это?

— Нет. — Она прячет руки за спину, потому что боится: вдруг грамота прилипнет к пальцам?

— Это страница из славянской книги, написанной задолго до создания глаголицы. Возможно, сам Святослав Игоревич держал это в руках. Экспертиза точно установит и время создания пергамента, и время написания текста. И наверняка расшифрует, что тут написано.

— Это очень важный исторический документ?

— Ага. Гляди.

Темный человек подносит грамоту к огню. Пергамент коробит от жара, он загорается неохотно, он сопротивляется...

— Ты знаешь, что пока не нашли ни одного документа, который доказывает существование этого письма? — В голосе темного человека гордость.

Желто-красный огонь подбирается к его пальцам — почерневший, скорчившийся лист падает на белую плиту рядом с конфоркой. Нет, «этот» не похож на безумца. И те двое из далекого прошлого тоже. Они... слишком холодны, чтобы быть одержимыми. Одержим был тот, кто берег этот листок ценой своей жизни, даже не зная, что бережет. Наверное, в нем и вправду много силы.

Огонь этой силе неподвластен...

— Но зачем? Почему? — вопрос звучит беспомощно, по-детски.

Темный человек смотрит с улыбкой, глумливо.

— Потому что в те времена у славян не было своей письменности. Не было и быть не могло.

Юлия БЕКЕНСКАЯ

ЛЕСОРУБЫ ЛОУХИ

В сон мне желтые огни...

В.Высоцкий

Лесорубы Лоухи — так переводилось название. Имя карельской яги звучало издевательски близко к «лохи». Впрочем, если кто и годился сейчас на роль лоха, а так же, по совместительству, ведьмы, так это она, Вера. Роль ступы успешно исполнял Фокус — тряс ее на ухабах, увозя все дальше от места позорного экологического фиаско.

Вдоль дороги мелькали сосны. О, сколько их упало в эту землю...

Лес валили без клейма, увозили на прицепах, даже не особо шифруясь. Уроды. Ей бы времени побольше, размотала б клубок. Но депутат, который взывал принять меры и не допустить, в полевых условиях стух моментально. Думал, видать, что вместо Веры пошлют полк крепких молодцев на разборку с черными лесорубами. Ну-ну. В офисе у них — одни девушки. Соплей перешибить.

Депутат, скорее всего, сам имел виды на эти уголья. Хотел припугнуть местных, да не выдалось. Может, кто его ненароком обухом по башке погладил, или бензопилу в интимной близости включил, да только срочные дела заставили борца с браконьерами засобирается обратно. А может, дали-таки ему на лапу — кто теперь разберет.

Крайней, как обычно, осталась Вера. Когда выходила из леса, на капоте Фокуса выразительно лежал кирпич.

Скоты. Спасибо, что колеса не проткнули.

В этот раз не удалось прижать гадов. Работа ее такая — защищать. Рыбу в озерах, деревья в лесах... Зверей в зоопарках, секс-меньшинства в городах... если перечислять, кого и где, получится длинный список. Проще сказать, от кого.

От людей.

От гребанных людей.

Сети, ясен пень, не было. Навигатор глючил, как последний вредитель. То предлагал ей с разворота ехать в болото, то убиться о ближайшую сосну. «Поверните направо, поверните налево». Козел. Вера спецом выбрала мужской голос на девайсе, чтоб было, кого материть по дороге.

Депутат, небось, сука, на своем джипе уже до дому добрался. А она трясись по колдобинам.

Развилка. И куда теперь? Навигатор предлагал ехать прямо. Ага, аккуратно в чащу. Что вправо, что влево — лесная дорожка. Как бы ей не вернуться обратно к долбанным лесорубам. Запросто: Лоухи любит кругами водить.

По тропинке шла женщина с широкой корзиной, накрытой сверху листьями папоротника. Юбка до земли, из-под платка — коса. Фольклор рулит.

— Скажите, пожалуйста, — закричала Вера, выскочив из машины, — на трассу как выехать?

Женщина махнула рукой направо.

— Спасибо большое, а... — закричала она, но туземка уже шагала в чащу.

— Какие все вежливые, — пробурчала Вера, усаживаясь за руль.

Тряслась дорогой меж сосен, под прозрачным, быстро темнеющим октябрьским небом. Открыла окошко — воздух такой, что хоть ешь его, хоть пей. Даже голова закружилась. Сквозь деревья мелькнула синь, значит вода неподалеку. Камней хоть убейся, воды хоть залейся — в этом вся Карелия. Близ озера оказалась деревенька.

В ней дорога и кончилась.

Приехали. Десяток облезлых домишек. В окнах — ни огонька. Один дом выглядел новее прочих. И вывеска у крыльца.

«Краеведческий музей», прочитала она. В такой дыре?

Парадное крыльцо в пять скрипучих ступенек. За занавесками угадывается свет дальних комнат. Постучала. Ей открыла пухленькая женщина. Мякотькая, без возраста — что в двадцать, что в пятьдесят такие выглядят одинаково.

— Здравствуйте, — сказала Вера. — Не подскажете, как на дорогу выехать?

Тонкие брови взметнулись вверх:

— На дорогу? Как же вас, милая, сюда занесло? Километров сто до Мурманки, только в темноте вы точно поворот не найдете, указателей нет...

Приплыли.

— А... может быть, кто покажет?

Женщина покачала головой:

— У нас тут народу — три бабки и дед.

Вера задумалась. Спросила:

— Можно, я у вашего дома машину поставлю и в ней заночую? Чтобы не посреди леса... а завтра дорогу поищу.

Толстушка всплеснула руками:

— Господи! Да зачем же в машине!.. места уж у нас хватит!.. Только у начальства спрошу.

Все устроилось замечательно. Почему бы не дать людям заработать, если контора платит? Толстушка, ее звали Таей, провела Веру через комнаты. Там действительно был музей. В качестве экспонатов имелись: газета «Правда» 1932 года в витрине, древний «Зингер» и куча рухляди, которую она б не рискнула назвать музейным достоянием — такой же хлам валялся когда-то у деда на чердаке.

Начальство нашлось в третьей по счету комнатухе. Иссушенная женщина-птица в черном платье с камеей на груди оказалась хранителем музея и сама отлично сошла бы за экспонат. Этакая графиня в изгнании.

Перед ней на столе, покрытом плюшевой вытертой скатертью, горели две свечи, стояла чашка молока и тарелка с мелко накрошенным хлебом. Ужин аристократки. Обалдеть. И фотография в рамочке — красномордый усатый тип с малышом на руках.

— Ядвига Филипповна, — чуть заискивающе сказала Тая, — тут человек заблудился. Я в дальней комнате ее положу?

— Конечно, — каркнула старуха. — Здравствуйте, детка! — у нее оказались разные глаза: один карий, другой — голубой, по-старчески почти бесцветный.

Не глянувшись они друг другу сразу. Веру покорило обращение «детка» к ней, тридцатилетней тетке. А графине, видно, не улыбалась мысль, что все владениях будут шастать незваные гости. Даже не шевельнулась в ее сторону. Только карточку перевернула изображением вниз.

— Я на одну ночь, — проямлила Вера, удивляясь себе. Она-то какого хрена лебезит перед старой развалиной?

Но чувствовала себя, будто на приеме у Ея Императорского величества. «Если б знала, ссыкуха, с кем говоришь, на каких я паркетах вальсировала» — прям читалось в остром, изъеденном морщинами лице. Надменный орлиный нос, загар в бронзу. Карга. Нафиг такое гостеприимство. Но куда деваться?..

Старуха прикрыла глаза. Аудиенция кончилась.

— Не обижайтесь на Ядвигу, — шепнула Тая, — болеет она. Упала третьего дня, думали, не соберем. Видно, с позвоночником что-то — то руки не поднять, то ноги...

Определили Веру в угловой комнате. Стратегические узлы—сортир и умывальник с проржавевшим краном—нашлись в конце коридора, рядом с кухней и черным ходом. Комната была узкая, с плетеным лоскутным половиком. На железной кровати лежали горкой подушки, оправленные кисеей. В углу торчал древний трельяж.

От ужина она отказалась. Вряд ли у Таи нашлось что-то, съедобное для нее.

С дороги заснула быстро. Приснилась музейная карга: стояла под окном, поджав губы. Даже во сне ей Вера не нравилась. А потом шаг в сторону сделала да пропала, а на ее месте оказалась женщина с развилки. Окно толкнула, стекла с карамельным звоном и посыпались. Рассмеялась, скаля ровные зубы, поманила Веру. Вдвоем они полетели на озеро, а ночной воздух охлаждал спину.

На берегу толпились люди, по большей части старухи и старики. Все смотрели на тот берег, где искрился желтыми огнями лес. Там звонко стучали топоры и покрикивали лесорубы. Вера подумала, что ведьма Лоухи, должно быть, веселая тетка. Женщина, будто

услышав, расхохоталась и пропала. Вера побрела вдоль озера к причалу, где синяя лодка качалась у берега, привязанная хитрым узлом. Дно ее было устлано серебряными монетками. Серебряный паучок зашуршал среди них, ловко выбрался по веревке и юркнул под капот ее Фокуса. Вера открыла, и вместо привычной металлической мешанины увидела чан с парящим варевом, в котором плавилась личинки, пыльные листья и пластиковые кукольные глаза. Вариво взбурлило и брызнуло. Холодные капли залили лицо.

Она проснулась. С потолка капало. Прямо на подушку и Вере на физиономию. Пузатый будильник показывал восемь утра.

На кухне круглощекая Тая что-то месила в тазике. Спросонья Вере опять примерещилась скользкая масса с личинками.

— Что это? — спросила она.

— Тесто же, — недоуменно ответила тетка. Дутое обручальное кольцо крепко врезалось в безымянный палец. Наверняка даже с мылом не снимется. Только если ножом отщипать. — Пельмешки буду лепить. Любите?

— Я не ем мяса.

Жалостливо приподнятые брови. Опять. Вера поморщилась. Почему люди после этих слов смотрят, как на убогую? Это их жалеть надо. Тая растерялась:

— Чем же вас кормить? Яичницу, может?

— Не надо.

— Бутербродик?

— Спасибо, нет.

Вера с удовольствием бросала эти «нет» в толстуху. Вот, смотри на меня, мысленно говорила она. Я сказала «нет» проклятому холестерину, жирам и кускам проваренной плоти. Где ты и где я?

— У меня с собой, — усмехнулась Вера, — Кипятку попрошу.

Над столом стояла фотография: усатый мужик и малыш. Эту карточку Вера вчера уже видела.

— Виталик, муж, — пояснила Тая, — и сыночек. Должны вернуться... вот-вот, — она посмотрела в окошко, словно прямо сейчас в дверь должен был войти красногорный Виталик.

Надо же. Видно, ему плевать на ее целюлит. Пельмешки, значит, уважает.

По ассоциации вспомнился Пашка. Вспомнила его улыбку, когда он нес на блюде шашлык, и передернулась от отвращения.

В комнатушке достала спортивный коктейль, сухую закуску живого киселя. Развела, подержала над кормом ладони, наполняя пищу энергией, и принялась жевать склизкую массу. Из кухни парило бульоном.

Кое-как с помощью Таи нарисовали схему. Две развилки Вера проскочила неправильно. Но теперь, прозрачным осенним днем, у нее были все шансы попасть на трассу. Даст бог, к ночи будет в Питере.

Наскоро покидала вещи в сумку. Хозяйка стояла на пороге. Вера махнула рукой, повернула ключи зажигания.

Фокус молчал.

Она откинулась на спинку сиденья. Почему с утра, подспудно, она чувствовала, что так и будет? Открыла капот, почти с опаской, помня, как выглядела начинка автомобиля во сне. Все железки по местам, блестят на солнце. Вот только не пашут.

Еще сто-пятьсот безнадежных попыток.

Словно перышком, мяконько, провели по спине — от затылка к хребту. Она обернулась, и показалось, что из глубины комнаты смотрительница за ней наблюдает.

И что теперь?

— Вы не волнуйтесь, — сказала Тая. — Приедет мой Виталий, посмотрит. Механик он. Погуляйте пока. Наше озеро — феномен! Жаль, редко кто приезжает, такой красоты не видят...

Оставив вертеться на языке сто первых ответов толстухе, куда ей засунуть всю красоту, Вера задумалась. Вариантов-то нет. А в лесу можно поймать шальную сеть, вызвонить коллег из города. Значит, подождем красномордого мужа. Достала из багажника резиновые сапоги, намотала любимый шарф и пошла по тропинке к озеру, держа мобильник, как сапер — миноискатель.

Озерный феномен, вид сверху, был такой: вода стояла слоями, красным и желтым. Прямо коктейль, смешан, но не взболтан. Может, дело в подземных источниках? Болотные железистые воды — красный. Желтоватые ручьи — белый. Ламинарное движение. Действительно, круто.

На другом берегу, там, где во сне зеленели деревья, стоял мертвый лес. Белые, как кости, ветки, клочья мха на ветру.

Вдоль воды шла девочка лет восьми в цветастой юбке с большой широкой корзиной. Униформа у них, тут, что ли? национальный костюм? Девчушка подбирала какие-то тряпки с песка и складывала в корзину. Вера окликнула ее и стала спускаться, оскальзываясь на глинистом откосе. Девчонка обернулась, увидела ее и быстро скрылась в прибрежном ивняке. Вымазав джинсы в глине, Вера съехала на берег и присвистнула.

Не тряпки. На песке лежали птицы. Чайки и галки. Вповалку, с разъявленными клювами, с застывшими пуговицами мертвых глаз.

Десятки.

Это что ж нужно сбрасывать в воду, чтобы птицы все передохли? Экологической катастрофой пахнет.

Судьба привела ее сюда. Интуиция, фарт.

Все проблемы отошли на второй план. Она оказалась в родной стихии. Пробы воды нужно взять, сделать фотографии. Сейчас сбегает за пузырьками для проб, а пока... носилась по берегу, щелкая

мобильником, снимая птиц, воду, и чувствуя, как разгорается в груди азарт. Время взять реванш после облома с лесорубами.

Заметила просеку: дорожка накатанная, прямо к озеру идет. Приезжает, к примеру, КАМаз, сбрасывает дрянь...Такую красоту загадили, сволочи. Надо расспросить местных, что да как... Скажут они, как же. Но попробовать стоит. Вот почему, если где-то появится что-то хорошее, придут люди и все загадят?!

Не то, чтоб она не любила людей... Но почему-то им, с их дурацкими проблемами, дразгами, деньгами и семьями никогда не хватало времени остановиться и подумать, что же они делают. Но кто-то ведь должен?!

Солнце висело в небе, как медная монета. Обманчивое тепло. И мошара по-летнему раззуделась. Обратная дорога показалась ей короче. Для очистки совести прошла сквозь поселок. Одни развалюхи. Только в паре дворов на нее лениво потягали шавки.

Навстречу попался дед: в фуфайке, кепке «Олимпиада-80», совершенно беззубый, с бойкими нахальными глазами. Сходу назвал ее красавицей. На расспросы про птиц, естественно, тут же оглох:

— Ась?

Мол, какие птицы? Не знает, не видел. Народу тут мало. Три бабки и он, Потап. Не считая «этой» — кивнул на музей. Сказал:

— Одни пионерки остались.

«Пионерками» звал старух. Вера спросила, часто ли приезжают сюда посторонние, дед понял по-своему. Обрадовал новостью: назавтра ждут автолавку. Если муж Таи не объявится, Вера попробует водителя уболтать подбросить ее до райцентра.

Добралась до машины, еще раз попробовала завести. Глушняк. В багажнике достала из сумки «патронташ» — кожаный пояс с кармашками. Возьмет пробы воды и песка. Хорошо бы птицу с собой прихватить, да она, скорее всего, стухнет дорогой.

Чудо-водитель, муж толстухи, так и не объявился. Тая пожаловалась:

— Хуже Ядвиге. Весь день не двигается. И молчит.

Из приоткрытой двери пахнуло нафталином и пылью. Старуха сидела, как палка, выпрямившись в кресле. Лицо неподвижно, и Вере почудилось, что она не дышит. Тот кошмарный возраст, тот каркас мышц лица, который живого делает мумией.

Нетушки. Лучше до этого не доживать.

Покивав сочувственно для приличия, сбежала. Вскользь спросила Таю, что на том берегу.

— Лесорубы Лоухи, — был ответ. — Присказка местная. А лес хороший, мы не ходим туда. Зато здесь — грибы, ягоды! Брусника еще висит, — вспомнив, что постоялица вегетарианка, хозяйка водоудушевилась. — Витамины! Чистейшее все!

Вот птицы у вас тут и мрут, подумала Вера. Спросила про девчонку на берегу — чья она.

Толстуха выпучила глаза:

— Первый раз слышу. Это вам дед Потап рассказал? Так он со-
врет — не дорого возьмет. Нет у нас тут молодых. В деревне — три
бабки и этот, прости господи, балабол. Остальные дома нежилые.
Приезжают по лету дачники, а сейчас не сезон.

Гладко говорила Тая, да вот то, как она улыбалась, глядела в гла-
за, доброжелательно раскрывая гостье все карты, маячило: врет. И
не краснеет. В самом деле, с чего ей краснеть перед этой малахольной
из города? Как приехала, так и уедет. У них тут свои погребушки.
Вера была уверена, что спроси она про птиц, толстуха так же искрен-
не вытаращит глаза: что за птицы? Какой такой павлин-мавлин? Не
видишь, мы кушаем?..

Проторенной дорогой вернулась к озеру. На вид и вкус вода была
как вода. Наполнила пробирки, осмотрела птиц. Просто сдохли —
ни ран, ни повреждений. Пошла в ивняк, по следам давешней девчонки.

Лес стал смешанным — это тебе не сосновый бор, где в тапочках
можно гулять. Бурелом и чапыжник. Не полезла б туда, но увидела,
как белеет что-то среди осенней рыжины. На обглоданные кости
похоже.

Дерево. Такое же, как лес на том берегу. Единственное мертвое
среди живого.

Пока пробиралась поближе, вышла к дому. Стоял среди леса:
старый, рассыпавшийся, с подгнившей проваленной крышей и парой
слепых окошек меж щербатых, в перхоти от краски, оконных рам.
Сторожка охотничья? дом рыбака? Явно сто лет никто не живет.
Избушка, избушка, стань к лесу задом...

Дерево росло за избой, над обрывом. Белое и мертвое. На нем
трепыхался, как сопля, кусок желтоватой выцветшей тряпки. Вел
себя как живой, неприятно диссонируя с выбеленными ветками.
Вера нашла палку и брезгливо сдернула лоскут. Его тут же унесло
ветром. Дерево стало белым, строгим и даже красивым.

Уходя, чувствовала радость человека, добавившего в мир немного
гармонии.

Уже под вечер вернулась. Светилось окошко карги. За занавеской
над столом склонились две тени.

Ужин: живые хлебцы, настоянные на местной воде. Хотя какой-то
вкус появился у блюда. Жевала и думала о том, как вывести на чистую
воду тихушников. Лес, скорее всего, отравили. В озеро льется дрянь.
Только надо действовать аккуратно. Хватит ей кирпичей на капотах.

Стемнело споро, будто свет выключили. Телевизор не работал.
Об интернете тут слухом не слыхивали. Видимо, вся связь с внешним
миром держалась на Виталии, который так к вечеру и не вернулся.

Потушила свет, легла. Показалось, кто-то ходит за окном. Померещилось. Нервишки. Хотела распахнуть окно, чтобы впустить побольше пряного воздуха, но передумала. Спать.

Но захотелось жрать. Не заправляться энергонасыщенным коктейлем из питательного овсяного киселя, а именно жрать: кусок дымящегося мяса, зеленая петрушка, пельмешки...

Как они с Пашкой любили пихать в пельмень то жгучий перец, то лимон, то...

Так. Пора принимать меры.

Она задернула шторы и включила свет. Подошла к трельяжу с зеркалом, с наклейками импортных звезд советских времен. Сняла джинсы, стянула свитер. Стояла и смотрела на гибкое, поджарое тело, с крепкими танцевальными ногами, загорелыми руками, кубиками пресса, чуть намеченным животиком. Не бодибилдер деревянный, а мяконькая, беленькая, и есть, за что подержаться.

Зажмурилась и представила себя точно так же стоящую перед зеркалом в опустевшей квартире. Валики по бокам, ноги, как два столба, слоновые складки у задницы и круглая, зареванная морда. Представила, что сейчас откроет глаза и увидит все это. Что не взбежать по лестнице на седьмой этаж, что у нее растет сын... так, стоп, это из другой оперы...

Открыла глаза, головой потрясла, чтоб отогнать воспоминание. Плюс десять лет, минус тридцать килограмм.

Уфф. Но жрать уже не хотелось. Занавесила шторы, легла и заснула.

За окном, в молочном тумане, стояла вчерашняя баба в цветастой юбке. Исчезни, сказала ей Вера. Это такой способ проснуться во сне. Женщина звонко расхохоталась и исчезла. Надо же, сработало! Только за спиной у нее оказалась девочка — та, с корзинкой. Исчезни, повторила Вера.

Девочка мотнула головой. Мол, нет. Не исчезну. Вера прошла по дому, приоткрыла дверь в комнату Таи. Она спала, одеяло валялось на полу. Необъятная ночная рубашка делала ее похожей на облако. Глубоко дышала ртом, всхрапывала. На столе лежала коробочка со снотворным. Оно быка валит, Вера коробками изводила, когда Пашка... давно, короче.

Она вышла на улицу. Лунной зеленью светилась дорога к озеру. Протянула руку девочке. Ладонка была мягкой и горячей.

Над озером — птицы. И ни одной мертвой тушки на берегу.

Девчонка вскарабкалась в лодку, узел легко развязался. Вера взялась за весла.

Диньк! — монетка упала на пол. Диньк! — другая.

— Это ты балуешься, — сказала Вера утвердительно.

Попутчица мотнула головой. Взметнулась косица с желтой лентой. От воды тянуло холодом, туман густел. Стал таким плотным, что

пришлось отложить весла и замереть посреди озера, вглядываясь во мглу.

На носу лодки оказался мужик: мордатый, с маленькими глазками. Заговорил, быстро и нервно, но туман поглотил речь. Дядька заматался по лодке, и стремно стало, что он, такой огромный, настолько бессилен. Вдруг мужик очертя голову кинулся в туман. Не слышно было и «бульк», но она почувствовала, как чужой страх стал гуще. И оказалась в лодке уже не одна. Увидела двух старух, мужчину с серьезным, чиновничьим лицом. Все молчали.

И никто не хотел встречаться с ней взглядом.

Туман, словно приняв жертву, уходил. Вера гребла к тому берегу. Лес обнаружился стылый, зимний, сучья хрустели от стужи. Озеро парило, словно готовилось замерзнуть прямо сейчас.

Лодка причалила. Пассажиры выходили, и ни один не помог другому. Сступали на берег и исчезали. Треск веток под тяжестью чьих-то шагов, осыпавшийся с деревьев снег.

Девочка нетерпеливо заерзала, мол, давай обратно!

— А если я тебя тут оставлю? — спросила Вера.

— Потопнешь, — ответила девочка басом. Мужским басом, который мог бы принадлежать красномордому полнокровному мужику. С усами и обветренной шоферской рожей, как у Виталия.

— Греби давай. Завтра. Все завтра, — сказала девочка.

Первое «завтра» — звонким девичьим голосом, «все» — прокаркала по-старушечьи, очень похоже на директора музея Ядвигу, а последнее «завтра» — таким, как и положено маленькому ребенку.

Это было настолько жутко, что Вера почувствовала горячее и мокрое внизу. Она привалилась к борту. Лодка медленно дрейфовала вдоль белого леса.

Но то, что она увидела в воде, было покруче, чем дите-чревоушатель.

Они действительно шли слоями: красноватый — мужчины, белый — женщины. Глаза оставались закрытыми, и это было чудесно, но как только Вера коснулась рукой воды, открылись как по команде.

Она заорала и отдернула руку.

— Греби, — сказал ребенок с хрипотцой, томным голосом дорогой шлюхи.

Уговаривать не пришлось. К причалу доплыли быстро.

Девочка выкарабкалась из лодки и понеслась по берегу, подпрыгивая, как любой ребенок на солнечном пляже. Только солнца не было. Не было и луны, а с озера повалил туман, густой, словно дым...

Утро мало чем отличалось от вчерашнего. Фокус стоял как мертвый, Виталия не было. Тая хлопотала вокруг Ядвиги.

— Говорит, ей лучше, — успокаивала она. Интересно, кого больше — Веру или саму себя?

Чертово место. Сегодня автолавка приедет. Договориться, подцепить машину на буксир... выбираться хоть как, думала Вера.

За ночь мертвых птиц прибавилось. Галки лежали, раззявив клювы, по всему берегу, словно опавшие, подвяленные морозом листья. Она снимала, удивляясь, как и кто мог быть виной этому. Мертвый лес на том берегу молчал.

Деревеньку на этот раз обходила с другой стороны. Не доходя до домов, наткнулась на поляну. Кресты, таблички. Кладбище, ясен пень, где-то деревня должна хоронить своих. Не жечь же, прах развеивая над озером.

Стертые имена. Кресты. Будто позвал кто: остановилась, глядя на старые могилы. Давно дело было. Лишь один крест поновей. А надгробье завалено осенними листьями, словно весь мусор с погоста отгребали на эту могилу.

Расшевелила листву, очистила холодный камень... Горький Виталий. Горький Сереженька. Дата смерти... месяц назад?!

Холодок пробежал по хребту.

Механик Виталий и румяный Сереженька смотрели на нее. Веселые, как на фото в доме Таисии. Та карточка сохранилась лучше, машинально отметила она.

Две картинки. Одна — на сельском погосте под грудой палых листьев, другая — над кухонным столом сумасшедшей женщины, которая не помнит, живы ее муж с сыном или нет.

Она приложила ладонь к округлой эмалевой карточке, потеряла. Может, и вправду ошибка? Под горячий, вспотевший ладонью фотография быстро теплела. По виду — точно, они. Позавчера эту карточку Вера видела на столе у старухи Ядвиги. Две свечи, фотография, блюдечко молока... Ужин при свечах, вприглядку с покойниками?

И Вера теперь, значит, ждет Виталия Горького, 1969–2014 гг, чтобы он починил ей машину? Прошибло холодным потом.

А может, не они?.. Ошибка? Как бы узнать. Не спрашивать же Таю, в самом деле...

Уходя, нарочно громко хрустела сучьями. Ветки хлестали по щекам, не покидало ощущение взгляда за спиной. В сердцах ломанулась коротким путем — вот же деревенька, тут, сквозь сосны крыши виднеются.

Почти у выхода из леса провалилась ногой в трясину. По колёно с разлету — хлоп. Второй ногой — чавк! Плюхнулась на живот, уцепилась — сперва за вереск, потом за ветку покрепче, запоздало понимая, что телефон в заднем кармане вымок наверняка...

Чувство чужого взгляда стало невыносимым, аж взвыла, представив, что вот сейчас кто-то крепкой пятерней макнет ее в жижу. Поползла, барахтаясь, подвывая, подтянулась на руках... Несколько минут лежала на земле, приходя в себя. Ветки вереска лезли в нос. Прочихалась и встала.

Тая, увидев гостью, изменилась в лице. Всплеснула руками, мигом нагрела воды, притащила таз, полотенце. Отмываясь, Вера бурчала под нос, что пора валить из этой деревни, от этих болот, и чем скорее, тем лучше. Обнаружила, что синий любимый шарф потерялся, и, видно, мокнет теперь на болоте. И мобильнику от сырости пришел кирдык.

Переодевшись, сидя на кухне с кружкой чая, она осторожно задала вопрос.

— Конечно, не они, — застенчиво улыбнулась Тая. — Как вы напугались, должно быть, прости господи. Близнец. Близнец моего Виталика, Витя, светлая ему память. И сынок, мы в один год с Машей рожали, — она всхлипнула.

— Но... там Виталий написано, — сказала Вера, чувствуя себя idiotкой и кляня за досужее любопытство.

— Витенька, — сказала Тая, и слезы закапали. — Виталик так переживал. Вы меня простите... ну зачем вам это все?! — щеки ее затряслись.

— Извините...

Паршиво Вера себя чувствовала. Никогда общий язык не умела с людьми находить.

Тихо, без скрипа, открылась дверь. В комнату вошел усатый дядька, с ним — щекастый малыш, очень похожий на Таю.

— Здравствуйте, — сказала им Вера.

Ей не ответили.

Тая повернулась, увидела их и опустилась на стул, будто ноги ей отказали. Улыбнулась, будто не веря, а слезы продолжали капать — кап да кап.

Чувствуя странное головокружение, Вера увидела, что косые лучи невысокого солнца, казалось, просвечивают сквозь белокурую голову мальчика.

— Сереженька, — суетилась хозяйка, — Виталичек. А я жду-жду... садитесь, родные... — говорила быстро, словно заговаривая себя, улыбалась, а слезы все капали, капали, а двое молча прошли через комнату, молча сели за стол, не глядя на Веру и не отвечая на причитания.

— Спасибо, — прошептала Тая одними губами. Ей, Вере.

За что? Что происходит?

Стоп. Собраться. Мне нехорошо, спокойно сказала себе Вера. Вода в озере... воздух. Да.

— Мне надо на воздух. Простите, — стеклянным голосом сказала она.

Ей не ответили.

Медленно, на выход, огибая стол, заметив в окно, как переваливается на ухабах желтая автолавка. Пойти подышать, не спрашивая у Виталия про машину. Не думать, почему ей кажется, что комод

с салфеткой, плетеной в технике «фриволите», прекрасно виден через его крепкую фигуру. Если уболтать водителя, возможно, ее дотянут на тросе до шоссе, или, чем черт не шутит, водила автолавки сам сможет оживить ее жестянку. Главное, не коснуться двоих, что сидят за столом, потому что, она чувствует, нужно пройти мимо, аккуратно прикрыть за собою дверь, иначе всю ее логику, опыт и храбрость пожрет вместе с мозгом маленький зубастый зверек песец.

Вышла из дома. Чертовщина осталась за захлопнутой дверью. Воздух, небо, деревня, все на местах. Скоро все кончится: пробы, озеро, сумасшедшая Тая. Горожанам вреден лесной воздух, вот что. Сладострастно втянуть носом выхлоп из глушака — как рукой наваждение снимет.

Быстрым шагом двинулась в сторону автолавки, но тут в животе кольнуло. И еще раз. А потом прихватило по полной: аж скрутило пополам. В туалет надо было срочно. Это вода... это болото... эти отвратительные глюки. Накатила тошнота.

Она рванула к дому, но пройти мимо тех даже сейчас было выше ее сил. Понеслась к музейному крыльцу, а в глазах плыло. Едва успела добежать до сортира. Там полчаса выворачивалась наизнанку.

Вышла, шатаясь от изнеможения, и в коридоре, в открытую дверь комнаты Ядвиги увидела, как в окне, у которого привычно застыла карга, желтый автобус автолавки бодро трусит по дороге из деревни прочь...

В комнате, шатаясь, добрела до кровати и рухнула.

Проснулась утром. Продрыхла часов пятнадцать, к счастью, без снов. Удивилась, обнаружив, что укрыта пледом. Встала, борясь с ломотой во всем теле.

Из зеркала глянула та еще красotka. Под глазами мешки, голова трещит, ногти... маникюрша в обморок упадет.

Что мы имеем? Связи нет, машина в минусе. Пропал Снупи, сгнил на болотах...

Все еще мутило. Открыла пакет со злаками и отбросила: толстенькие желтые червячки копошились среди семян. Ее опять чуть не вывернуло. Благо, нечем.

Доигралась. Пищевое отравление, до глюков и просранной, во всех смыслах, возможности сбежать от деревенских красот с автолавкой.

По-домашнему гудели с кухни голоса. Пошатываясь, с туманом в глазах, она выползла на кухню. Сияющая Тая вертела в допотопной мясорубке фарш. Сговорились, что ли? Акция «соблазны вегетарианца»? Красномордый, широкий в плечах Виталий весело приветствовал Веру. Вчерашний глюк уже не казался прозрачным. Если потыкать палочкой... наверняка получишь в лобешник. И ощутимо.

— Что-то бледненькая вы, — засуетилась Тая.

— Ничего страшного, — проямлила Вера.

— Жена говорит, с машиной у вас беда? — спросил Виталий. — Хотите, посмотрю? Понимаю кое-чего, — он подмигнул, — и возьму недорого!

Вера кивнула. Ее вдруг отпустило: от ясного утра, теплых домашних запахов, добродушного гудения большого дядьки, от одного взгляда которого, видно было, любой тарантас вставал во фрунт и ехал быстро и надежно. Может даже, с экономией топлива.

Вошел мальчик. Лицо у Таи было счастливое, словно самое большое сокровище только что досталось ей.

Как она его любит, подумала Вера. И впервые не добавила «детеныш», «отпрыск». Просто: она его любит. И почувствовала себя лишней. Была в этих троих такая потребность побыть семьей, что она встала и вышла, цапнув кружку пахучего мятного чая. Мало ли какие у них дела и разговоры.

Семья...

Не «самка» «самец» и «отродье», а семья. Ее коллеги — отъявленные зоолубы из тех, кто называет собак человеческими именами: Тимоша, Федя, Алешенька, под «семьей» подразумевали собачьи стаи. А тут человечья. Какая разница?

Устроилась на крылечке. Махнула рукой деду Потапу, который с утра пораньше куда-то целеустремленно ковылял. Старик в ответ взмахнул лыжной палкой — аналогом трости. На озеро, что ли, собрался? — праздно подумала Вера. Представила деда в допотопном полосатом трико, бодро приседающего перед заплывом. Но Потап свернул к парадному музейному крыльцу. А, это он Ядвигу навестить... ну-ну. Поймав себя на ослабленной, деревенской истоме, удивилась: ассимилирует, что ли? Вот что понос животворящий делает!

Пастораль была дивная. Прозрачное до голубизны небо, хрустящий, как яблоко антоновка, воздух, кипень желтых листьев, подсвеченных теплым медовым солнцем. И чай — жижа правильная...

Грохот хлопнувшей двери взорвал идиллию. Дед стоял на крыльце и отчаянно махал руками. Физиономия была испуганной, голова тряслась.

Вера бросилась к нему:

— Что?!

— Беда, — сказал старик. Стянул кепку, вытер покрытый испариной лоб:

— Ядвига-то... того... помирает, — слезы покатались по сморщенным щекам.

...Глаза музейной смотрительницы были открыты. Что я тут делаю, тоскливо подумала Вера. Но скользнула мысль, что потом, дома, позже, она вспомнит всю эту историю в подробностях и не без удовольствия.

Глаза Ядвиги открылись шире. Она посмотрела на Веру и сказала:

— Детка... Ты...

Голова поникла, мышцы дряблой шеи ее не держали.

Они с дедом осторожно прикрыли дверь, на цыпочках вышли, спустились на улицу.

С черного хода, вытирая руки о фартук, бежала Тая. Со скалкой — забыла положить, да так и неслась, словно карикатурная жена на разборку с мужем.

Вера обнаружила, что не чувствует ничего. Волна ленивого спокойствия накрыла ее. Три старухи ковыляли от своих избушек. Почуяли, что ли? сами близко от смерти ходят... Сегодня ей машину починят. Ядвигу третьего дня похоронят, но уже без нее. Ну и что?..

Над лесом кружили птицы. Белые чайки, черные галки.

Что за наваждение! Соберись. Врача же надо, полицию. В райцентр ехать: тут-то Фокус и пригодится.

— Я могу съездить, вызывать... кого надо, если Виталий починит... — голос у Веры дрогнул. «Я могу» вышло нормальным, «съездить» — хрипло, а последнее слово ушло в дискант.

Все посмотрели на нее, так, будто только что увидели. Шутовское войско: тройка старух, скрюченный Потап, а в стороне Тая с семьей. Ее лицо все равно светилось. Как она любит своих.

Старухи жадно разглядывали Веру. Одна прошамкала:

— Ну?

— Все, — развел руками Потап. — Отмучилась.

— Что сказала? — спросила другая.

— Ты. Говорит, детка, — процитировал дед. И показал на Веру: — она. Все лица повернулись к ней.

— Я уезжаю, — сказала Вера. — Могу за доктором....

— Понимаете, Вера, — мягко ответил кто-то. — Извините. Вы никуда не уедете.

Что-то тяжелое опустилось на макушку, и наступила тьма.

Тьма иногда прорезывалась голосами: то суетливым озабоченным Таи, то шамкающими строгими старух.

Она поняла, что ее раздели и моют. Обмывают, как покойницу. Но испугаться не вышло. Журчала вода, что-то мягко гладило кожу.

Опять тьма. Показалось, что ее куда-то несут. Или везут, мягко подскакивая на ухабах. Рядом, с левого боку, лежал длинный жесткий куль, пахший нафталином, словно бы свернутый в трубку ковер. Она не могла открыть глаза — их словно слепило, веки отяжелели. Досадно... еще поспать...

Тихое пение, гнусаво, будто псалом, и не разобрать слова. Не было страха: спокойствие, словно бы все решено.

Не знала, сколько прошло времени. Пошевелилась и закричала: веки были залиты чем-то, ей никак не удавалось разлепить.

— Ничего-ничего, — слышался чей-то голос, может быть, Таи, — потерпите, деточка.

Хотела закричать, но не вышло залепленными губами.

— Ыыы, — замычала она, но не смогла пошевелиться.

И тут же словно только и ждали, подхватили ее на разные голоса:

— Ыыыыы...

Этот звук отнял силы.

Потом кто-то поил ее терпким, горячим, губы чувствовали, как оно жжет. Стало спокойно и хорошо, она просыпалась, засыпала, утратила этому счет, но всегда на любой ее звук отзывался невидимый хор.

— Сволочи! — орала она.

— Лочи, лочь, лочи, сво, сво, сво...

Очнулась от тишины. Подняла руки и стала отлеплять коросту от глаз, ломая ногти, рыча и поскуливая от страха. Ей никто не мешал. Не бил по голове скалкой, не поил густой и вонючей дрянью. Когда она почувствовала, что глаза открылись, заорала вновь — потому что ослепла.

Нет, просто было темно, не так, чтоб совсем: реденький синеватый свет лил в окошко. Низенькое, с щербатым стеклом и покосившейся рамой.

Рукой она уткнулась в проклятый ковер, донимавший ее все это время. Повернула голову и не смогла даже пискнуть, заledenев. Орлиный профиль Ядвиги, женщины-птицы, был рядом с ее лицом. Все это время она лежала на столе с мертвой хранительницей музея.

Хотела вскочить, но рухнула: ватные ноги не держали. Отползла, стремясь оказаться от трупа как можно дальше. Глаза привыкали к тьме. Она различила облезлые скамьи, склянки на полках, печку. От холода зуб на зуб не попадал, она шарила по стене, шипя и ругаясь от страха. Но, сколько ни орала, ни царапалась в запертую дверь, никто не отзывался.

Крохотные, как в бане, окошки. Домишко, щуплый снаружи, внутри оказался неожиданно крепок.

На скамье нащупала коробок и свечу. Чиркнула спичкой. Надпись: «отдыхайте в Карелии». Вот спасибо. Язычок пламени высветил черные бревна, скамью, открытый зев печки. Силы кончились. Она привалилась к стене.

Не орать, затаиться, подсобрать сил, не думать, не думать!

...Если не смотреть на стол с покойницей, чьим чертам неровный свет подарил иллюзию жизни, можно зажмуриться и поверить, что ты ночуешь в турлагере.

Или так: замысловатый исторический квест. Приключение в Михайловском замке! И тень Павла выйдет, чтоб рассказать о вечности.

К Павлу у Веры были счеты: живала она в детстве на даче в местечке Пелла, где когда-то еще Екатериной построен был дивный дворец. С колоннадой, роскошными интерьерами, французской мебелью, до поры стоявшей в чехлах. После смерти матушки гадский Павел милостиво

повелеть соизволил разобрать дворец по кирпичику и перевезти в Петербург, в Михайловский замок, вместе с мебелью и чехлами.

А люди строили. Только и осталась сейчас от всей красоты решетка почтового двора.

— Сволочь ты, Павел! — сказала Вера с чувством.

И поняла, что двусмысленно это звучит, будто речь идет о ее бывшем, Пашке.

— Да не этот Павел, а тот. Хотя этот тоже. Оба они сволочи, — объяснила она.

Кому?

Осознала идиотизм ситуации: она, в избушке на курьих ножках, объясняет мертвой старухе-краеведу, кого из Павлов считает большей сволочью. Расхохоталась. Смеху не хватило места в избушке. С ней хохотали стены, лавки и невидимая в окошке луна. Еще немного, и старуха сядет на столе и тоже зайдется мелким хихиканьем.

— Все Пашки — сволочи! — не унималась она. Вспомнила собственное отчество, и стало еще смешнее.

— Сон Веры Павловны, — закричала она, — это все гребаный сон Веры Павловны!

Пить! Рот был полон засанных кошек. Она захлебнулась смехом, дыханием сдернув хлипкий огонь свечи.

И тут же заткнулась.

Тишина зазвенела, словно избушка только и ждала, чтобы сожрать свет и звуки. Пальцы тряслись. Зажгла спичку вновь. Из ее угла стол со старухой казался ледоколом в океане.

Подползла к печке. Кто-то сложил в нее дрова, и стоило поднести спичку, в печном брюхе пыхнуло и загудело. Только если дрова пропитаны жижей для розжига, да. Иначе никак. Вспомнила детский опыт растопки печей. Кто-то не хочет, чтобы они со старухой замерзли.

Кто-то... она хихикнула. Мал получился смешок, сразу сгинул.

Тени заплясали по стенам. Птичий профиль старухи взлетал и спускался пламени в такт.

— Деточка, — прошелестела тень.

Вера вздрогнула. Старуха лежала неподвижно.

Померещилось. Дрова пахли пряно, как в бане, если капнуть на каменку пихтовым маслом. Слева от печки на лавке белело полотенце. Под ним оказалась крынка с молоком и тарелка. Кто-кто тут у нас не ест продукты эксплуатации животных? Ну-ну. Молоко было теплым, как свежая кровь, а на тарелке лежало мясо. Отлично прожаренные, сочные куски.

— Нет, — пискнуло внутри.

— Да, — радостно сказала Вера.

— Ты не будешь? — спросила она у старухи, и с урчанием вгрызлась в крепко перченый кусок.

— Не кабанчик, и не хрюшка, а неведома зверюшка...

Живот заурчал. Остро приправленное мясо вызвало жажду. Она моментально вылакала все молоко. Хорошо.

Хорошо?!

А пуркуа бы не па, лихо сказал кто-то внутри. Когда абсурд становится нормой, критерии смазываются.

Потянуло в сон. В конце концов, кто-то когда-то придет за старухой, беспечно подумала она и провалилась в дремоту.

...Первым пришел император: его застенчиво сопровождала девчонка в цветастой юбке. Дав государю место, присела в углу на скамью, сложив на коленях руки. Павел нервно теребил перевязь, поигрывал перчатками, задира и без того курносый нос и был совершенно такой, как на своем известном портрете.

— Должен заметить, милостивая государыня, — сказал он, и голос его сорвался, — вы уязвили меня в самое сердце. Дворец в Пелле не так хорош, как напелли историки. Из щелей царской опочивальни невыносимо дуло!

— Откуда вы знаете, — отвечала Вера прокурорским тоном, — если даже не соизволили пройти внутрь... во всех мемуарах написано!

— Я провел там ночь, — сказал Павел, — самую кошмарную ночь моей жизни, не считая последней. Маман, даже после кончины, сделала все, чтоб отравить мне жизнь... Печные трубы гудели всю ночь. Вот так: «умри-умри-умри» — он сложил губы трубочкой и стал похож на обиженного гусенка. — Я неделю потом страдал от мигрени...

— Поделом! — мстительно сказала Вера. — Гамлет общипанный. Государь задрожал губами и скрылся в тень.

Другая фигура, массивная, крепкая, заняла его место: появилась под ручку с девицей, которая запутала Веру на развилке. Сказать бы ей пару ласковых!

Но фигура вышла из тени, и стало не до того.

— Зря ты, Верунь, о Пашках-то! — прогудел отец.

Заныло сердце и невыносимо защипало в глазах.

— Пап, нет, ты ни при чем! — горячо заговорила она, но отец перебил:

— А Пашка твой — раздолбай, да. Говорил я тебе...

— Пап, я... прости. Я... люблю тебя, — вырвалось у нее то, что при жизни отца она так ему и не сказала.

— Отчества не позорь! — отец подмигнул и пропал.

Стало тихо.

— Малыш? — вопросительно раздалось из другого угла.

Пашка стоял, пряча в тени половину лица. Поднял руку и помахал, держа ладонь у груди, как раньше политики на трибунах. Вправо-влево. Тик-так.

— Зря ты так, малыш. Я же тебя любил, сразу... думал, помиримся... а вышло...

Вот тут она опешила. Но быстро взяла себя в руки:

— Ты-то что тут делаешь? Живой? Ты же ни разу, как сбежал, не позвонил, не...

Пашка виновато отступил от стены, и она увидела, что половины лица у него нет. Белела кость. Вместо глаза зияла дыра, а из груди торчал оплавленный автомобильный руль.

— Ты даже проститься не пришла, — укоризненно сказал он и двинулся к Вере.

Протянул руки:

— Давай хоть обнимемся на прощанье...

— Я не знала! — завизжала Вера.

Но он шел, повторяя:

— Не хотела знать, не... — его лицо оказалось совсем рядом.

Запахло горелым пластиком, черные пальцы в волдырях потянулись к ней....

— Нишкни! — прозвучало резко, как хлыст. — Прощание закончено.

Пашка растаял в воздухе.

Вера оглянулась и увидела, что старуха сидит на своем столе.

— Деточка, — сказала она.

— Деточка, — повторила разбитная бабешка в цветастой юбке.

— Деточка, — пискнула девчонка, выходя из угла.

Они встали перед ней, все трое, и у них оказалось одно и то же лицо. И глаза — один голубой, другой — карий. Фигуры двигались, пока, наконец, не сошлись в одну, как матрешка. И стали Ядвигой. В избе ощутимо похолодало.

— Зачем вам я? — спросила Вера.

Старуха молчала. В ее темном глазу плескалась ночь.

— Почему именно я? — спросила Вера.

Осеклась, услышав из рыбьего старушечьего рта детский смех. Голубой старухин глаз был ясный и совсем молодой.

— Почему я? — спросила Вера, уже понимая.

А кто, в самом деле? Так просто...

Кто сам, добровольно, ломанулся за пятьсот верст за справедливостью? Кто годами выжигал себя изнутри? Кого, мать вашу, тошнит от людей?

Старуха подняла бровь.

Вера почувствовала, что ее ответа ждут: лес, озеро, птицы... хотя никакие они не птицы. Ждал и еще кто-то, далекий. И не один... Тишина стала звонкой, налилась, готовая лопнуть.

— Да, — сказала Вера. — Да, черт меня раздери.

И время исчезло.

Трещат поленья, пьяня пряным запахом. Старуха нараспев тянет вязь неизвестных слов. Образы вплетаются в память. Яга водит птичьей лапой над головой:

— Живое к живому, мертвое к мертвому, — и на глазах молодеет.
— Кос не плети, — то хохочет девка с черным и синим глазом. Сердечным стуком ведет за собой, и теперь Вера знает, как иссушить, как отпустить, как рану открыть, как затянуть... Мимолетно приходить боль, там, где сердце. Пустое, пройдет. Все в туман уходит.

— Смотри, — то уже девчонка-невеличка открывает перед Верой ладони. В них птенец. С плодом живым, да с зеленым ростком — и с ними теперь она справится. Говорит маленькая, говорит, да росточком все меньше и меньше... На скамейку сажает Вера кроху, годочков трех...

Вот и все.

В старухином теле никого уже нет. Теперь Вера знает. Ведает.

Догорели поленья в печи. Жидкий рассвет забрезжил в окно. Как же странно все, черт подери. Она шибанула ладонью в окно, высадив хлипкое стеклышко, заорала в звенящий птицами лес:

— Эй, вы, мракобесы! Инструктаж закончен, выпускайте меня — я в сортир хочу!

Птицы, вечные спутники озерных дев, от ее воплей вскинулись, разорались, слетели с крыши избы — черные галки, белые чайки.

...Хоронили Ядвигу на том же погосте. Народу немного: Тая, старухи, Потап.

Виталий и сын деликатно топтались у могилы, засыпанной листьями. У своей могилы. Не умеет Тая врать...

— А с ними что? — спросила Вера для порядку: она уже знала ответ.

— Сама привела, сама уводи, — прошептала Тая.

Вера вспомнила, как горячей стала эмаль у нее под руками. Знала б тогда...

Малышка играла опалыми листьями. Жалость кольнула сердце. Недолго осталось. Почему именно так?!

Привыкай.

— Че писать-то? — спросил Потап. — Ежели по метрике, то она с 1894, а сама говорила, на полста постарше... Неровен час, фольклорист какой-нибудь влезет...

— Девятьсот двадцатый пиши, — прошамкала одна из старух. — Нам лишние слухи не к чему, — и заискивающе покосилась на Веру.

— Как начальство скажет, — кивнул дед.

— Девятьсот двадцатый, дедо, — сказала Вера. — Не обидится бабушка.

Малышка захлопала в ладоши.

— Не обиделась, — Вера улыbnулась крохе.

Потап проследил за ее взглядом, но, конечно, увидел лишь присыпанный листьями холм. Пробормотал:

— Тебе виднее. Вот, ить, как обернулось. Молодая, здоровая девка, а...

Старухи пихнули его локтями в бок — одна слева, другая справа.

— Эх, подсобить некому! — огорчился дед и стал вколачивать столб с табличкой.

Виталий виновато развел руками: рад бы, да не могу. Он был сейчас почти прозрачный.

— Поклон тебе, бабушка Ядвига, — бормотала Тая, кидая горсть земли на могилу. — Мы ведь так с Виталиком повздорили в тот день... а они больше и не вернулись... Ядвига Филипповна помочь хотела, чтоб мы... по-хорошему, — слезы потекли по щекам, — а не успела...

Это ее и добило, подумала Вера. Но Тае знать не обязательно. Надорвалась старуха. Да и срок подошел.

— Я все думала, как же мы теперь без нее... а тут вы... поклон вам земной. Простились по-хорошему.

Глаза Таи были светлы. Виталий смотрел на жену, но она его уже не видела.

— Я все тут знаю, — продолжила Тая другим тоном, — фармацевтика, травы, народ...

Вера беспечно мотнула головой. После. Ключи, склянки — потом.

Вдруг толкнуло под дых, в висках застучало, перехватило дыхание. Перед глазами возникла картина: фура на трассе, груженная фанерой. Через дорогу несется придурок-лось. Водитель, молодой парнишка, бьет по тормозам. Листы фанеры двигаются по инерции, пробивают хлипкую жесть кабины... скрежет, железный гул, хрип... здесь, на трассе, верстах в тридцати.

Вера зашаталась, опустилась на мягкую землю, хватая ртом воздух. Старики переглядывались, подойти никто не решился. Приковыляла малышка, прошептала:

— Привыкай.

— Привыкну, — сказала Вера, — но как же больно сейчас...

...К ночи готовилась тщательно. Кос не плети, вспомнила она. Краеведческий музей имел свою костюмерную. Заметила, что корни крашенных волос отросли на сантиметр: черные, пуганой вороне в цвет.

«Вас ждет новая, интересная должность», вспомнилась фраза из старого фильма. Да уж, лихой карьерный виток. Зато разгуляться есть где: зона охвата триста км. Нет, верст. Привыкай.

Она почувствовала чье-то касание, будто ладони по плечу, как бы «привет, подруга». Откуда-то совсем издалека. С этим еще предстоит разобраться.

Но боги, какой материал! Все, что узнает — только ее. И не рассказать теперь никому. Нет такого желания — слишком хорошо разглядела, куда уходили три Павла той ночью.

...Луна серебрила водную дорожку. Виталий с сыном ждали у лодки. Мужчина держал на руках сверток. Младенчик в нем мирно

посапывал. Смотреть на малютку, которая исчезнет вот-вот, было горько. Сели в лодку.

Озираясь, подошел незнакомый парень. Голова его... Вера с трудом заставила себя не отвести взгляд. Привыкай.

Гребла тяжело: с непривычки, да и парня не отпускало, тянуло назад. Девчонка у него. Свадьбу хотели в апреле.

Ближе к середине опять туман.

— Оплачиваем проезд, — угрюмо пошутила она.

Тиньк. Тиньк. Тиньк.

— Она... — начал Виталий, глядя, как съежился комок.

— Знаю, — кивнула Вера. — Когда... — она замялась, — одеяло и пеленку на пенек положи, поглубже.

Из тумана выплыл лес. У Веры отлегло: был он звонкий, зеленый, наполненный голосами и веселым перестуком топоров. Чем ближе, тем было легче грести. Она вошла во вкус движения, манили запахи: свежий — росы, пряный — травы и сосен. Ясный рыжий огонь светил меж стволов.

Виталий тоже увидел, заулыбался, подмигнул сыну и безмянному попутчику. Выпрыгнул, подтянул лодку. Все трое выбрались и пошли на свет костерка. На пеньке аккуратно сложили опустевшие пеленки.

Вот теперь все.

Вера встала в воду, чтоб оттолкнуться от берега, и скользнула с камня. Хрустнуло, она вскрикнула от боли. Блин, неужели костяная нога обязательна?

На ближайšie лет... пятьдесят? Или сто? Не загадывать. Такая работа. Одной ногой здесь, другой — там. Кто-то же должен, верно?

Когда-то, если доживет до старости, как Ядвига, та ее часть, которой не суждено лежать на погосте, пойдет по белу свету искать замену себе.

Одна будет стареть, а другая — молодеть, пока не сойдутся обе, одна — в бесконечной старости, другая — в бесконечной младости, чтобы встретиться вновь уже в пределах иных, каких не знает ни Виталий, ни три ее обиженных Павла, ни синий любимый шарф, что появился на мертвом дереве у обрыва незнамо как.

При-вы-кай.

ЭЛЬФ ПО ОБМЕНУ

— Что, Ледяная Стерва опять тебя завалила? — насмешливо улыбаясь, поинтересовалась рыжая Аэсоннэ, моя сокурсница и подруга. Ну, почти.

— Да и плевать, — заправляя за ухо непослушную прядь, буркнула я в ответ. — Всё равно сдам.

— Думаешь её разжалобить? — скептически подняла бровь Аэсоннэ. — За последние сто лет такое не удавалось ещё никому.

— Посмотрим...

Как же я ненавижу эту ледяную Ледяную Стерву! Профессора Лафиэль, то есть. Я что, самая рыжая? Так нет, самая рыжая как раз Аэсоннэ, но ей почему-то всё сходит с рук: опоздания, слабое знание предмета, даже прогулы.

Я шла по коридору академии — следом семенила Аэсоннэ, — и все попадающиеся навстречу благоразумно сворачивали в сторону. За мной не заржавеет придумать пакость и осуществить её в самый интересный момент.

Помню, как наслала проклятие недержания на преподавателя по начертательной ритуальной магии, когда он вещал с кафедры заумную хрень. И тут в аудиторию зашёл ректор Базилеус в сопровождении декана. Преподаватель потом уволился. Меня пытались обвинить в случившемся, да только никто ничего не доказал. Ректор посверлил меня своими глазами сквозь старомодное пенсне, пожевал губами и сквозь зубы сказал, что никаких претензий к студентке Василисе академия не имеет.

Надо бы перекусить. У меня всегда на нервах аппетит разыгрывается. Зайдя в столовую, я села за любимый столик и огляделась: все присутствующие студентки вели себя как-то странно.

— Фего это ф ними? — засунув в рот полную ложку овощного салата, спросила я сидевшую напротив Аэсоннэ: уж кто-то, а она всегда была в курсе происходящего.

— Ты что, не знаешь? — удивлённо округлила и без того большие глаза рыжая. — Новичок-дроу, по обмену между нашими академиями! Вчера только приехал. Наши девочки сразу сделали стойку и постепенно зажимают его в клещи. Ах, он такой красавчик...

Ну ничего себе новости. Последняя война между светлыми эльфами и тёмными дроу отгремела сто лет назад, чуть не уничтожив оба наших народа. Дипломатические отношения были оборваны на многие годы, и тут вдруг такое. А ну-ка... Я встала с маленького диванчика в углу столовой, где обычно сидела, и пошла посмотреть на такое чудо, как живой дроу.

Вау. А рыжая была права. Действительно, красавчик. Стройный, но даже на вид ощутимо сильный, смуглокожий, как все дроу, и с шикарной гривой чёрных волос, он был красив какой-то странной, дикой красотой. Теперь понятно, почему в столовую набилось столько народу. Девушек, разумеется. Нет, парни тоже были, но восторгов женской части академии не разделяли. Вон стоит Эфраэль со своими приспешниками и как-то нехорошо поглядывает в сторону новичка. Похоже, что-то будет. Эфра — старшекурсник, из Высокого Дома, сыночек богатых родителей, привык считать себя королём академии. У нас с ним вооружённый нейтралитет. Он не трогает меня, вернее, демонстративно не замечает, а я не трогаю его.

А новичок держится молодцом. Сидит в одиночестве за своим столиком, маленькими глотками отпивает какой-то тёмно-красный напиток из бокала и делает вид, что ему на всё плевать. Что это он там пьёт? Неужели кровь? По слухам, для придания большей силы своей магии дроу пили кровь врагов. Ой-ёй. В столовую зашёл ещё один старшекурсник. Закирель. Завзятый дуэлянт и закадычный дружок Эфры. Что дело может кончиться плохо, кажется, поняли уже все, так как столовая стала стремительно пустеть.

Во имя Великого Древа! О чём думали преподаватели и ректор? Его ведь сейчас просто убьют! Память о той войне жива до сих пор, в каждой семье есть погибшие. Они что, хотя бы второй войны?

— Привет! — я плюхнулась на стул напротив дроу и улыбнулась ему во все сорок два зуба. — Как поживаешь?

Уф, успела! Опередила Эфру, уже двинувшегося в сторону тёмного, и сейчас с удовольствием наблюдала, как он недоуменно переглядывается с Заком. Обломитесь, ребята, сейчас мой выход.

— Чего тебе? — недружелюбно буркнул красавчик.

Оу, да мы не в настроении? Ну ничего, потерпишь, желтоглазый.

— Мне? Абсолютно ничего. Просто пытаюсь спасти твою тёмнуюшку. Может, не заметил, но у тебя за спиной стоит компания придурков. И ты им явно очень не нравишься.

Я выхватила из рук оторопевшего дроу бокал и понюхала содержимое. Нет, не кровь, хотя выглядит один в один. Пахнет какими-то травами.

— А я думала, кровь, — разочарованно произнесла я, ставя бокал на столик, — что это?

— Настой кровянки. Очень полезно для здоровья. А кровь мы не пьём, это всё пропаганда светлых.

Глаза у тёмного были, как у кошки. Ух, аж мурашки по спине табуном побежали.

— Василиса, как ты можешь сидеть за одним столом с этим отродьем?

Эфраэль всё-таки решился и сейчас нависал со своим дружкой Заком над заметно напрягшимся тёмным. Отработанная схема. Слово за слово, задетый отвечает на оскорбление, а потом вступает Зак как защитник чести оскорблённого высокородного. В прошлом году таким способом Эфра убил, ибо иначе как убийством это не назовёшь, аж пятерых.

— Эфра, милый! — обаятельно улыбнулась я Эфраэлю, прекрасно зная, что он терпеть не может панибратского обращения. — Мы просто беседуем с новичком. Надо ведь показать наше гостеприимство.

Одной рукой я накручивала на палец локон — на ладони второй перекатывала потрескивающий шарик голубого огня. При этом широко улыбаясь и хлопая ресницами.

Эфраэль вздрогнул и отступил на шаг назад. Видно, вспомнил нашу прошлую стычку. Давно это было. Но вспомнить приятно. Справиться с неконтролируемым прирождённым магом (даже и первокурсником) под силу не каждому маистру. Но тогда Эфра об этом ещё не знал.

— Да, конечно, не буду вам мешать, — решил сохранить лицо Эфраэль. — Ещё увидимся. — И, гордо задрав подбородок, вышел из зала в сопровождении своих прихлебателей.

За всё время нашего разговора Дроу даже не пошевелился: так и сидел с прямой спиной, не касаясь спинки сиденья; лицо его напоминало невозмутимую маску короля Баалронда из реквизита столичного театра.

— Он не успокоится. Не сегодня, так завтра найдёт способ тебя достать, — закинув ногу на ногу и болтая ею в воздухе, я задумчиво разглядывала тёмного.

— Тебе-то что с того?

— Мне? Да ничего. Только сдаётся, не стоит верить всему, что с детства вдалбливают про дроу. И потом терпеть не могу, когда издеваются над новичками. Хотя тебе, похоже, на это плевать.

Я начала было подниматься со стула, но была остановлена мягким жестом тёмного.

— Извини. Не хотел тебя обидеть. Может, попробуем ещё раз? Меня зовут Виланд Зу Крулл. Всегда к вашим услугам, миледи, — дроу поднялся и церемонно поклонился.

Краем глаза я заметила завистливые взгляды вернувшихся в зал студентов. Завидуйте-завидуйте, раньше надо было думать. Теперь это моя добыча.

— Василиса. Просто Василиса. Без титулов и прочей мишуры, — я хлопнула по плечу оторопевшего дроу. — Рада знакомству, Виланд. Ты где остановился?

— В гостинице «Сломанная стрела».

— У дядюшки Хрома? — поморщилась я. — Да уж, мог выбрать гостиницу и получше. У Хромиэля плохая репутация. Кто тебе её посоветовал?

— Меня особо не спрашивали, — нахмурился Виланд. — Просто поставили перед фактом.

— Интересно, кто это тебя так любит? — задумчиво произнесла я, пристально глядя в жёлтые глаза.

Тёмный отвёл взгляд. Ответа я так и не дождалась. Ну что ж, каждый имеет право на свои маленькие тайны. Хотя ситуация как минимум очень подозрительная. Неожиданно появляется тёмный, якобы по обмену, хотя я не слышала, чтобы кто-то из наших ехал в академию дроу. Поселяют в гостинице с плохой репутацией и нечистым на руку хозяином. Плюс ещё Эфра с Заком... Не знаю, может, дроу и хорошие бойцы, но одно дерево не лес. И даже если бы Виланд победил в дуэли с Заком, его мгновенно вызвали бы опять. И так до тех пор, пока не убьют. Тёмных у нас не любят, и это мягко сказано. Ладно, посмотрим. И надо приглядывать за тёмным: у меня возникло ощущение, что эта встреча не случайна. А своим предчувствиям я предпочитала доверять.

— Ладно, не хочешь говорить, и не надо, пытаться не стану. Ты вообще на каком курсе и факультете?

— На третьем, факультет боевой магии.

Боевой?! Тогда без вариантов. Будь он каким-нибудь ботаником, тогда, возможно, шансы у него еще бы оставались, а так... Покойник, однозначно.

Я так и сказала.

— Ты покойник.

Но, видимо дроу не разделял мой пессимизм. Он высокомерно посмотрел на меня сверху вниз: я всегда была небольшого роста.

— Не беспокойтесь, лэресса, я не беззащитен.

— Ну-ну... — недоверчиво протянула я. — Только учти, Зак на дуэльный кодекс плевать хотел, он грязно дерётся.

— Кто бы сомневался, — лицо дроу перекосила презрительная усмешка. — Светлые давно забыли, что такое честь. Благодарю за предупреждение, лэресса, но я не нуждаюсь в помощи. Прошу меня простить, но я вынужден откланяться, меня ждут дела.

Тёмный резко кивнул, чуть не вбив подбородок в грудь, и быстрыми шагами вышел из обеденного зала, оставив меня задумчиво стоять возле столика. Гордый, как... Как дроу. Они всегда были помешаны на чести, никогда не предавали и не били в спину. Что признавали все, даже их враги, и что часто служило им плохую службу. О, что это? Я подобрала со стола небольшую вещичку. Виланд постоянно крутил её между пальцев, и я никак не могла рассмотреть. Интересно...

Я держала на ладони золотую фибулу в виде цветка с четырьмя лепестками, украшенную мелкими рубинами. Вещь явно недешёвая и старинная, уж я-то в этом деле разбираюсь.

— Ух ты, какая прелесть! — незаметно подобралась ко мне со спины Аэсоннэ. — Покажи! Это он тебе подарил? А о чём вы разговаривали? А чего Эфраэль хотел? А ты меня с ним познакомишь? Правда, он симпатичный?

— Не таракхи, рыжая! — я сунула фибулу в карман, подальше от загребущих рученок Аэсоннэ. — Он просто забыл это на столе, надо вернуть.

— А...

— Все вопросы потом! Я сейчас, не уходи никуда.

Я выбежала из обеденного зала в надежде догнать тёмного и вернуть оставленную вещь, но кажется, опоздала. Забежав за угол коридора, увидела высокомерно улыбающегося Эфраэля со своей сворой и самого тёмного, прижатого к стене. Они с ума сошли! Дуэли в стенах академии строжайше запрещены!

— Эфра, ты что творишь?! Тебе это с рук не сойдёт!

— Не лезь, Василиса! Этот тёмный выродок меня оскорбил!

— Дуэли в академии запрещены, и даже твой отец не сможет замять скандал, если ты убьешь новичка. Зак, прекрати немедленно, это же просто убийство!

— Закирель не станет его убивать, — оскалился Эфраэль, — он только научит этого тёмного ублюдка манерам. Пройти мимо представителя Высокого Дома и не поклониться — это оскорбление моей чести.

— Что ты знаешь о чести, светлый? — дроу поднял голову, и меня окатил поток ненависти, льющийся из его глаз. — Ты и твой род — просто подлые убийцы.

Последние слова Виланд выплюнул в лицо оторопевшему Эфраэлю. Всё, это конец. Он сам подписал себе смертный приговор. Оскорбление Высокого Дома. Здесь даже король Элронд ничего сделать не сможет.

— Закирель, действуй, — Эфраэль отступил на пару шагов, освобождая место для схватки. Виланд не сдвинулся с места, только опустил руки и странно сгорбился. Уверенный в своём превосходстве Зак вытянул руку в сторону дроу, и у меня замерло сердце.

А потом Виланд исчез. Нет, не так. На месте тёмного образовался серый смерч, двигавшийся настолько быстро, что взгляд не успевал заметить движение. Виланд прыгнул в сторону Закиреля и перечеркнул его наискосок прозрачной тенью, выросшей из его руки. Полмгновения, и он уже рядом с Эфраэлем. Взмах руки-тени, и вот уже дроу замер на прежнем месте. Вся схватка заняла время, равное двум ударам сердца. А потом я увидела такое, что, наверное, будет преследовать меня до конца жизни. Зак и Эфра распались на куски, будто перерубленные тончайшим невидимым лезвием. Кровь потоками хлестала во все стороны, заливая стены, дымящиеся кишки

с шипением вываливались на пол. К моим ногам подкатилась отрубленная голова Эфраэля, в мёртвых глазах застыло удивление. Я потрясённо посмотрела на Виланда, всё так же спокойно стоявшего у стены. На нём не было ни капли крови.

— Вот, ты забыл, — я протянула судорожно зажатую в кулаке фибулу дроу. Он принял её абсолютно спокойно, будто мы находились не в залитом кровью коридоре, а на светском рауте.

— Спасибо, эта вещь мне очень дорога. Единственное, что осталось от матери, — тёмный благодарно кивнул. Он развернулся, чтобы уйти, и уже сделал шаг в направлении выхода, но остановился и посмотрел на меня:

— Можно было сделать всё по-другому. Одно касание, и они бы умерли на месте, абсолютно бескровно. Но... — Виланд кивнул в сторону замершей от ужаса свиты Эфраэля. — Они никогда не забудут того, что увидели. Расскажут другим. Не люблю дуэли. Отвлекают.

Умно, ничего не скажешь. Ужас будет лететь впереди дроу. Свидетели опишут всё в деталях и добавят того, чего не было. И вскоре все в округе будут знать, что дроу — кровавый монстр, которого лучше не трогать.

— Поздравляю с первым днём в нашей Академии, — в абсолютнейшем шоке пробормотала я. Взгляд непроизвольно наткнулся на мёртвую голову Эфры, коридор поплыл перед глазами, и я впервые за свои двадцать лет упала в обморок.

Суда не было. Не было даже каких-либо особых разбирательств. Прибывший в тот же день неприметный эльф в сером опросил свидетелей — в том числе и меня; предупредил, чтобы держала язык за зубами, и уехал. Выглядело всё это по меньшей мере странно. Дроу спокойно убивает светлых в Академии, и никакой реакции. Я видела только одно объяснение всему этому. Большая Политика. Иначе тёмного не спасли бы даже его призрачные мечи. А в политику лучше не лезть, целее будешь.

— Итак, студенты, — Ледяная Стерва застучала указкой по кафедре, — сегодня у нас натурные занятия.

Ледяной Стервой её, разумеется, называли за глаза. Сказать такое ей в лицо не осмелился бы, наверное, и сам король Элронд. Конечно, она знала о своём прозвище, но, похоже, ей было на это плевать.

— Профессор Лафиэль, прошу прощения за опоздание.

А вот и дроу нарисовался. В аудитории зашумели, весть о кровавой бойне, учинённой тёмным, разлетелась по академии мгновенно.

— Тишина! — Ледяная Стерва обвела тяжёлым взглядом аудиторию, и шёпот сразу смолк. — Студент Виланд Зу Крулл, если не ошибаюсь?

На мои занятия не опаздывают. Огласите причину, по которой вы не соизволили явиться вовремя.

— Меня срочно вызвал ректор. Ещё раз прошу прощения.

— Впредь извольте не опаздывать. Занимайте своё место, я и так потратила на вас непозволительно много времени.

— Конечно, профессор, — дроу обвёл глазами аудиторию, не зная куда сесть. Потом заметил меня, приветливо помахавшей ему ручкой, и быстро взбежав по ступенькам, уселся рядом.

— Привет, что ли... — шепнула я тёмному на ухо, наслаждаясь множеством ненавидящих женских взглядов, направленных на мою персону. — Ты в момент стал самым популярным студентом академии. Поздравляю...

— Я не искал такой популярности, — наклонив голову в мою сторону, тихо ответил он. — У меня просто не было другого выхода.

— Студент Зу Крулл! Видимо, вам не нужно ходить на лекции, так как вы всё и так знаете? — зашипела профессор. Шепотки в аудитории как обрезало. Все замерли. Мама... Когда ледяная Стерва начинает так шипеть, то это означает одно: она в бешенстве. — Тогда прошу вас выйти к доске и показать нам, чему вы обучились в своей академии.

— Конечно, профессор, — Виланд поднялся со своего места с абсолютно бесстрастным лицом, только дрогнувший уголок рта выдал его, да враз потяжелевший взгляд. Впрочем, привычная маска мгновенно вернулась, и дроу спокойно приблизился к преподавательской кафедре.

— Что ж, — профессор улынулась, и от этой улыбки кровь застыла у меня в жилах. — У нас появилась уникальная возможность сравнить методы обучения студентов двух академий. Надеюсь, вы не откажетесь продемонстрировать нам приёмы защиты, которые вам преподавали на вашем факультете? — Ледяная Стерва вышла на свободное пространство между доской и первым рядом.

— Постараюсь не обмануть ваших ожиданий, профессор, — бесстрастная маска тёмного всё же дала трещину, и последнее слово Виланд практически выплюнул. Дроу встал метрах в пяти от преподавательницы и сгорбился, как в тот раз в коридоре.

Это же практически дуэль! Да что здесь творится? Все в аудитории замерли.

— Я предупреждала всех, что сегодня у нас натурные занятия, — повернула голову в сторону притихших студентов Ледяная Стерва. — Каждого студента я буду проверять лично!

— Но, профессор, мы ведь только на третьем курсе! — вскочила я. — А практическую защиту проходят на четвёртом!

— Молчать! Вам пора перестать витать в облаках! Враг не будет ждать, когда вы закончите академию — он просто убьёт, без жалости и сострадания! — сузила глаза профессор. — Дроу убили моего любимого на моих глазах, походя, и я ничего не могла сделать!

И до того сидевшие тихо студенты замерли. Ледяная Стерва никогда не рассказывала о своей личной жизни!

— Дроу плохие? — оскалился Виланд. Невозмутимость слетела с его лица, и тёмный вперил ненавидящий взгляд в профессора. — Вот, не узнаете? — дроу вытянул вперёд руку и раскрыл ладонь. На ней лежала, поблёскивая камешками, фибула. — Это всё, что осталось у меня от матери. Светлые пришли в наш дом и убили всех! Всех! — тёмного трясло. — На моих глазах они убили мою мать и сестру. Я спрятался под кроватью и всё видел! Я был ещё слишком мал, но я запомнил лицо убийцы своих родных. И поклялся отомстить, когда вырасту. Ну, вспомнила, убийца моего рода?

Ледяная Стерва атаковала молча, выпустив в дроу поток синих молний. Но дроу на том месте уже не было. Молнии прошли воздух и ударили в стену, выбив из неё большой кусок. Во все стороны полетели осколки камня. Твою мать! Дело принимало серьёзный оборот.

— Ложись! — крикнула я, первой рухнув между рядами и выставив перед собой полупрозрачный магический щит.

И вовремя. Профессор Лафиэль атаковала дроу ледяными лезвиями — тёмный закрылся Зеркалом. Осколки лезвий разлетелись по классу, отмечаясь всполохами в отразивших их щитах. Дроу не отвечал, только отбивал атакующие заклятья, перемещаясь с места на место с невероятной, запредельной скоростью. Настоящая схватка не может продолжаться долго. Битвы магов, которые длятся часами — это сказки для детишек. Обычно всё кончается очень быстро. Ледяная Стерва решила использовать своё самое мощное заклинание: подняла перед грудью руки, и тут же начал вращаться, увеличиваясь в размерах, пульсирующий огненный шар. Она с ума сошла! Это же Огненный Смерч! Им не пользуются для одиночных схваток — он уничтожит всё вокруг на расстоянии полулиги! Но применить его профессор не успела. Виланд просто исчез, через мгновение возникнув за её спиной. Взмах руки, и голова профессора покатилась по полу. Тело, постояв ещё несколько мгновений, упало, заливая всё вокруг ярко-алой кровью.

Дроу засыл на месте, зажимая пробитую грудь. Одно из заклинаний его всё-таки задело. А потом опустился на пол, прислонившись спиной к уцелевшей кафедре и опустил голову. Из его руки выпала, поблескивая рубинами, фибула.

И только сейчас в аудиторию ворвались ректор с деканами факультетов и неприметные эльфы в серой одежде, с ног до головы увешенные защитными амулетами. Ректор подошёл к сидящему дроу и прикоснулся к его шее.

— Мёртв.

Выпрямившись, ректор обвёл глазами разрушенный класс, напуганных студентов и тяжело вздохнув, негромко заговорил:

— Мне очень жаль, что так случилось. Мы не ожидали, что это произойдёт так быстро. То, свидетелями чего вы все стали, не должно покинуть пределы академии. Это приказ короля Элронда. Но я могу объяснить, что же именно произошло. Наши королевства решили покончить с прошлым и восстановить добрососедские отношения. Но этому мешало многое. В частности, военные преступления, имеющиеся у обеих сторон. Студент Виланд отомстил за гибель своего рода командиру отряда рейнджеров, известного под именем профессора Лафиэль. Он действовал с одобрения короля Элронда. Слишком много ненависти осталось после той войны, и от неё надо избавляться. Если бы Виланд, конечно, это ненастоящее его имя, не справился, то пришлось бы действовать Тайной Службе. А так Виланд осуществил кровную месть, право на которую есть у каждого эльфа, светлого или тёмного. И это право выше закона.

— Лэр Базилеус, — подняла я руку. — Можно вопрос?

Ректор кивнул.

— Дроу пришёл отомстить за преступления, совершенные, как вы говорите, нами, светлыми. Но ведь и тёмные совершили немало страшных злодеяний! Как же быть?

— Очень просто, — печально усмехнулся ректор, показавшийся мне невероятно старым и уставшим. — У дроу действуют и наши кровники.

Эльфы в сером между тем в абсолютной тишине деловито запаковали тела в расстеленные на полу мешки из плотной влаго непроницаемой ткани и понесли их в сторону выхода.

— На сегодня занятия окончены, — ректор ещё раз обвёл глазами студентов. — А завтра чтобы все были вовремя, за опоздания буду наказывать. Все свободны.

АПОКАЛИПСИС ПОСЛЕЗАВТРА

Ахилл возвращается!

«...Герой Садр-Сити подписал новый контракт. Кайл Риз возвращается в Ирак, где наши парни держат на плечах мир, подобно древнегреческим атлантам. Напомним, Америка узнала о Кайле, когда тот застрелил троих боевиков ИГИЛ возле шиитской школы в багдадском районе Садр-Сити. Победив фанатиков, солдат отвёл детей в безопасное место, за что и был награждён серебряной звездой. Отслужив, Кайл Риз отправился домой, но полгода спустя вернулся в строй уже в сержантском звании.

Господь, храни Америку, идущую в крестовый поход против гендерной и религиозной дискриминации на Ближнем востоке! Храни нашего Ахилла, непобедимого и безупречного!

Энн Фокси, специальный корреспондент News Daily...»

Резолюция редактора: Что я сейчас прочёл?! Боже, мои глаза! Режьте милитаристский пафос, мы не Fox News! Заголовок поменяйте: может царица «Википедии» не в курсе, но Ахилла замочили под Троей. И только разборок с контуженными ветеранами мне не хватало!

1

Я сразу за Найлзом.

Едва он встаёт, как я занимаю место у барьера. Опускаюсь на колени, прицеливаюсь. Тело справляется без участия разума: ловит цель, задерживает дыхание, посылает в центр мишени пять одиночных. Где-то далеко, за тысячи километров от моего я, приклад толкает моё плечо, растворяя силу отдачи в натренированных мышцах.

Где я?

Где-то в другом месте, не на стрельбищах. Не знаю, где именно. В родной Алабаме, оставленной на другом полушарии? На нашей базе во Флориде?

— Пошли! Пошли!

Дают команду, и тело рывком бросается вперёд, к следующему огневому рубежу. Вгоняю наколенник в песок и короткими очередями разношу мишень в клочья. Противогаз почти не мешает. Перезаряжаюсь.

Теперь, когда я вернулся, мысли о доме приобретают иной окрас. Ностальгический? Можно вспомнить, как мы играли с отцом во дворе в мяч, рыбачили на Кахабе, ездили в город посмотреть кино про человека-паука...

Команда! Я выхожу на последний рубеж и, скатившись в окоп, срываю с пояса гранату. Поднимаюсь — всего на долю секунды, необходимую для хорошего замаха.

— This summer's gonna hurt like a motherfucker!

Гулкий взрыв докучивается до меня лишь эхом. Нет, не сквозь пластиковый корпус противогаза, а сквозь искажённое время и пространство. Сверху сыпется песок, и я отряхиваюсь. И тогда — удар!

Прихожу в себя, лёжа на руле. Справа Найлз отлипает от приборной доски.

— Твою мать, Кайл, что за херня? — ворчит с задних сидений Малыш Иисус.

— Врезались в какого-то идиота — отвечаю я, — вылетел из-за поворота, как комета...

Перевернутый «идиот» лежит на боку. Всюду ошметки стекла, куски металла и пластика. К опрокинутой машине сбегаются местные. Чёртовы обезьяны! Замызганный Багдад отрывает их прямоком на раскалённый асфальт.

Асфальт, песок, Багдад, расстрелянные мишени... Кружится голова.

— Окей, парень, могло быть и хуже, — сплёвывает лейтенант Уиллис. — Снимай эту хрень.

Вместе с пластиковой маской я срываю с лица целый пласт реальности. Делаю глубокий вдох, оттираю взопревший лоб.

— Спасибо, сэр.

— Можешь быть свободен.

Шайка репортеров, околачивающихся у дальнего барьера, ловит меня в объектив и выдаёт залп вспышек. Я брезгливо отворачиваюсь. Эти крысы всё время шастают под ногами, мешаются... Сейчас заведут песенку про «героя Садр-Сити». Кто вообще пустил их сюда?

Ловлю пристальный взгляд дамочки в кепке с надписью «Daily News». Лара Крофт, мать её, расхитительница гробниц. Прилетела на уикэнд пощёлкать «селфи» на фоне багдадских трущоб.

— This summer's gonna hurt like a motherfuckaa! — гудит издалека, — fuckaaa!

...Толпа выносит мужчину-водителя. Его пришлось вытаскивать через лобовое стекло, двери заклинило. Весь в крови, под правым глазом набухает гематома. Нос и губы разбиты. Из щеки торчит кусок стекла. Удивительно, но он в сознании: шевелит руками, лепечет что-то. Следом несут парня лет тринадцати. Парень в порядке, отделался глубоким шоком и парой ушибов.

Я подхожу ближе.

Блин, а ведь это не местный ахмед-мобиль, а вполне приличный «Ситроен»... Был. Обхожу лежащую на боку машину, так, чтобы можно заглянуть внутрь салона.

На сидении слева — женщина. Основной удар пришелся на её дверь, которую вмяло внутрь на целый локоть. Чёрт, не думаю, что можно подобрать слова для описания того, что с ней стало. Кто-то справа бьёт на асфальт. Толпа кричит, причитает, взывает к Аллаху. Я же тупо пялюсь на то, что ещё три минуты назад было человеком. Слава богу, лица не видно...

— Чёрт, чёрт, чёрт! — психует Найлз.

— Вы Кайл Риз? Тот самый Кайл Риз, герой Садр-Сити? Позвольте представиться, я — Энн Фокси.

Моргаю. Девушка в кепке «Daily News» стоит прямо передо мной. Из-под кепки выглядывает растрепавшаяся медь. Карие с жёлтым отсветом глаза смыкаются на мне, точно перекрестия коллиматорных прицелов.

— Пару вопросов, мистер Риз!

Я прохожу мимо. Просто шагаю, не останавливаясь.

— ...Hurt like a motherfucka! — прорывается сквозь мои шаги, — Fuckaa!

Толпа волнуется. Вся эта масса недолудей хрипит и булькает. По одиночке эти обезьянки голову боятся поднять, но в стае обретают уверенность и злобу.

— Кайл, я почти закончил! — Уайт возится с движком.

Вот не повезло: не только въехать в долбаный «Ситроен», но ещё и заглохнуть. Так бы проехали мимо — и пусть ахмеды сами разбираются. Пусть прыгают, кудахчут, частят своего Аллаха...

Из машины выносят ещё одно тело.

Ребенок... ну, конечно же! Твою мать, как же иначе?!

Мальчик, лет одиннадцати. Вытащили с заднего сидения слева. В нём ещё сохранилось что-то человеческое. Руки-ноги на месте, торс, голова... и всё же он мёртв. Болтается безвольной куклой — сломанной, истекающей кровью. Вдавленная внутрь грудная клетка, измельчённое плечо, разбитый череп...

И тогда ахмед, которого минуту назад вынесли из искореженного авто, бросается сквозь толпу. Он отталкивает людей, выхватывает ребенка и принимается трясти, будто пытается разбудить. Дичь какая-то... Он же не спит! Твою мать, чувак, ты же видишь, он мёртв!

— ...мистер Риз! Мистер Риз!

Хлопаю дверью казармы, оставляя настырную девушку за спиной. Во внутренние помещения у репортёров доступ ограничен.

В конце коридора рядом с душевыми я вижу моего чернозадого друга. Рядом с Найлзом стоят Уайт и Маленький Иисус. Команда нашего «хаммера» в полном сборе.

...и тогда этот ахмед — весь в крови и слезах — бросается на меня. Не знаю, почему я просто не швырнул его мордой в асфальт. Он

двигался так медленно... но вот он уже передо мной, молотит руками — в лицо, в грудь, в живот. Я почти ничего не чувствую. Бьёт он сильно, но неумело. Я делаю шаг назад, затем ещё один.

Бам!

Гремит одиночный выстрел, и у ахмеда подкашиваются ноги. Он падает прямо мне на руки. Толпа, мгновение назад готовая растерзать нас на части, бросается в стороны.

— Давайте, суки! Бегите! — орёт Малыш Иисус. — Обезьяны грёбанные!

Он целится. В последний момент я успеваю сбить дуло вниз. Очередь бьёт в асфальт, рикошетит... к счастью, никто не задет.

— СУКИ! СУУУКИ! — воет Иисус им вслед.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— Эти суки выпрашивают о чём-то, — говорит Иисус, — пока у них только слухи. Никто ничего толком не знает, но, если так пойдёт и дальше, они раскопают.

— Лейтенант Уиллис всё знает, — хмуро говорю я.

— Лейтенанту плевать на местных, — резонно возражает Уайт, — но ему плевать и на нас. Если всплывёт, что мы просто так пустили в расход целую семью... парень, нас нашинкуют, как картофель фри.

— Мы никого не убивали, — сплёвываю я, — они выскочили прямо под капот.

— Вот и расскажешь об этом на трибунале, — хмыкает Уайт, — и про ДТП, и про стрельбу.

— Ублюдок бросился на нашего сержанта, — фыркает Малыш Иисус, — я всего лишь обезвредил его.

Я внимательно смотрю на латиноса. Год назад Малыш Иисус потерял старшего брата, Большого Иисуса. Тот вместе с двумя бойцами угодил в плен к мясникам из «Аль-Хураб». Видео с чудовищными пытками облетело весь Интернет...

— Кранты нам, парни. Всем нам...

Делаю глубокий вдох.

— Хватит ныть, Уайт. Да, вляпались. Но мы, чёрт возьми, просто делали свою работу. Это, твою мать, война, а не прогулка в супермаркет. На войне убивают — гражданских тоже. Такое случается, поняли? Ни черта нам не будет! Всё, точка!

Расходимся.

Скоро обед.

Я захожу в душевые. Запыленная футболка липнет к ещё не остывшему телу. Хорошо бы принять душ, смыть утреннюю беготню. Брошаю короткий взгляд на часы — нет, не успею. Иду к рукомойникам и сую голову под струю холодной воды.

Так сойдёт.

Заглядываю в зеркало.

Конечно, эти выродки там... ждут меня.

— This summer's gonna hurt like a motherfuckaa... — напеваю под нос, — fuckaaa... fuckaa...

Застреленный Иисусом бабуин покачивается за моим плечом. Поодаль на скамье сидит его младший сын. Маленькая голова склонена на бок — сломанная шея не в состоянии удержать тяжесть наполовину раздавленного черепа. Из вывернутого наизнанку плеча торчит обломок кости.

— ...like a motherfuckaa...

Изуродованная до неузнаваемости женщина медленно сползает по дальней стене. Покрытое запёкшейся кровью лицо обращено ко мне. Единственный глаз светится тусклым огоньком. Её губы растягиваются в улыбку.

Выключаю воду.

2. Воины тени

«...Дорогие читатели, с вами снова Энн и это мои записки из окопов. В Багдаде спокойно воспринимают возвращение армии США. Местные (пока?) считают нас меньшим злом, чем ИГИЛ, и внимательно следят за фронтовыми сводками. Надеюсь, фортуна не отвернётся от наших парней на передовой.

Но обстановку трудно назвать нормальной: случаются инциденты с патрулями, а отношение к человеку в камуфляже со звёздно-полосатым флагом остаётся настороженным. Чему способствуют хорошие слухи о наших солдатах.

Представляю, что бы подумали местные, если бы узнали, что на военной базе есть места, куда журналистам ход запрещён, и где происходит Бог знает что. По моим сведениям, один из боксов заняло ЦРУ, и готовит там какую-то секретную операцию. Уверена, скоро на базарах будет ещё больше слухов и недружелюбных взглядов в спины наших бойцов. Ведь пока разведка крадётсЯ во тьме, простые американские парни расхлёбывают последствия их ночных прогулок.

Напомню, что в Верховном суде США рассматриваются три уголовных дела о незаконных похищениях и убийствах сотрудниками ЦРУ граждан Ирака и Сирии. Также готовится иск о военных преступлениях связанных с ЦРУ групп боевиков....»

Резолюция редактора: Энни явно нацелилась на Пулитцеровскую премию, раз пытается каждую заметку превратить в доклад для ООН. Выносите основной посыл в первый абзац и меняйте заголовок на «Секретная база ЦРУ в Багдаде существует?». А переживания аборигенов — в самый конец.

— This summer's gonna hurt like a motherfucker!

Радиоприёмник хрипит. Удивительно слышать в Ираке наши хиты вместо унылого нытья. Что за станция? Жаль, сейчас не до песен.

Наша четвёрка сгорбилась на маленьких раскладных стульчиках, как нашкодившие подростки. Напротив восседает тот, кого мы знаем как мистера Джонсона или, как он попросил называть себя, Папу Джона. Всё, что мы о нём знаем, это место работы. ЦРУ.

— Fuckaa! Fuckaa! Fuckaaa!

Мёртвый пацан из машины качает головой в такт музыке, Папа Джон глядит на нас, как лиса на куриц. И молчит. Трудно запомнить, как он выглядит. Запоминается приторная фальшивая улыбка. Заметные залысины припоминаются уже с трудом. Глаза... Серые? Чёрные?

Рама стульчика впивается в задницу, вдобавок скрипит при каждом движении, не поёрзаясь. Папа Джон нависает над нами. Хочется заполнить тишину хоть чем-нибудь. Справа прочищает горло маленький Иисус. Уайт шмыгает носом.

— Газетчики обнаружили здесь секретную базу, представляете? А вы замечали что-нибудь странное? Летающие тарелки? Элвиса? Чёрные вертолёты?

— Нет, сэр! — отвечаю за всех. Смотрю прямо, не мигая. Отец учил: если набедокурил, валяй дурака. Начальство любит тупых.

Папа Джон становится очень серьёзным, и я понимаю, что папины труки не сработают.

— Может, летающий автомобиль, фаршированный детским мясом? Молчим.

— А если завтра местные зарежут в отместку за эту семью кого-то из наших, толкнёте речь на похоронах? На правах селебрити?

Кровь приливает к лицу. Хрен в костюме прожигает нас долгим взглядом, который, кажется, оставляет отметины на коже.

— Герой Садр-Сити думает, что ему выйдет скидка за чумазных школьников, но скидки не будет. Журналисты любят кровь бывших героев, и я с радостью брошу этим собакам кость. Если повезёт, нажравшись твоей требухи, Кайл, Daily News и прочие помойки отвянут от ЦРУ.

Честное слово, если он ещё раз назовёт меня героем Садр-Сити, я его застрелю.

— Легендарному герою Садр-Сити придётся оставить нимб и крылышки за порогом... не так ли, пока-ещё-сержант Риз? Спешу напомнить, что вы здесь не для того, чтобы охранять детские сады. Мы на войне! И воюем не с гражданскими на «ситроенах», а с настоящими боевиками. Которые отрезают головы солдатам и мочатся на их трупы. Которые распылили химическое оружие в Дамаске. Забивают женщин, мочат детей! Они устроит новый 9/11, пока мы ковыряемся в заднице!

— This summer's gonna hurt like a motherfucker!

Мёртвый араб изучает висящую на пробковой доске карту. Грязный палец путешествует из Сирии в Ирак, огибая густо расставленные флажки.

Рядом сердито сопит маленький Иисус и прерывисто дышит Уайт. Зато пройдоха Найлз спокоен, хотя с чуйкой у парня всегда было всё в порядке.

— Так что, друзья, мы с вами на одной стороне, — в голосе Джонсона внезапно проступают тёплые нотки, — и я вам не враг. Более того, я готов дать вам второй шанс.

— Шанс? — не выдерживает напряжения Уайт.

Мне хочется заткнуть его, но я всё же молчу.

— Да, ты всё правильно понял, сынок. Докажите, что вы нормальные ребята! Послужите Америке, и она вас простит.

— Каким делом, сэр? — спрашиваю я.

— О, сержант, у меня большие планы на вашу фантастическую четвёрку. Из-за газетчиков моим друзьям пришлось улететь, а дела сами себя не сделают, верно? Так что придётся вам совмещать службу и дружбу. Вы же хотите дружить с Папой Джоном?

— Her body's hot! Her body's like the summer!

Раздавленная капотом «хаммера» женщина стоит за плечом Папы Джона. При столкновении платок слетел с лица, открывая переломанные кости и выдавленный глаз. Такая она и сейчас. Улыбается разорванным ртом, подмигивает уцелевшим глазом. Благословляет? Заманивает?

— Мы хотим дружить, — отвечаю за всех.

— Хорошо. Я скажу, что надо сделать. Не волнуйтесь, Папа Джон всегда прикроет друзей. Даже если они очень плохие мальчики.

Осторожно выдыхаю. Всё, вроде бы, складывается неплохо, только... Я не верю ЦРУ. Никогда не верил, никогда не буду.

— Тогда свободны. Хотя, подождите...

Поворачиваюсь.

— Кто-нибудь разбирается в китайском барахле? Радио сломалось утром, а заменить нечем.

— Fuckaa...

4. СЕРЫЕ КОШКИ

«...С вами опять Энн Фокси, и сегодня я расскажу об «Игре престолов» по-иракски. Армия курдов вышла из коалиции демократических сил в знак протеста против отказа ООН признать независимый Курдистан. Их участок фронта оголился, и соседние шиитские формирования понесли тяжёлые потери. Торжествующий ИГИЛ наступает и вот-вот перережет линии снабжения Третьей пехотной дивизии США.

Жизнь идёт своим чередом: политики мелют языками, простые солдаты ложатся в неглубокие могилы или с комфортом устраиваются в цинковых гробах. А как прошёл ваш день? Нашли время на утреннюю пробежку? Пользуетесь ли зубной нитью?

Ещё хуже то, что в Багдаде поверили в возможность возвращения фанатиков. И если одних эта перспектива пугает, другие видят в ней возможность.

В городе неспокойно: подполье ИГИЛ убивает тех, кто поддерживает нас, равно как и тех, кто не поддерживает их. Да и обычных бандитов прибавилось — чем хуже дела на фронте, тем меньше солдат остаётся в тылу и некому смотреть за порядком.

В ближайшее время нас ждут очень тревожные новости...»

Резолюция редактора: Тему по ООН отработали, хвалю! И что ахиллы с титанами пропали из репортажей Энн, тоже хороший знак. Девочка растёт!

5

Киваю дежурному и ныряю во тьму. Снаружи базы полная иллюминация, почти Лас-Вегас. Внутри же темно, как в подвале. Полпервого ночи. Послушным мальчикам полагается спать — команду «отбой» отдали несколько часов назад. Меня же потянуло в спортзал.

Вечером здесь всегда столпотворение, а ночью пусто и тихо. Не нужно стоять в очереди к штангам, не нужно собачиться за гантели. Один минус — нет музыки. Или есть?.. Я останавливаюсь перед выключенными колонками и прислушиваюсь.

Сегодня у меня по плану спина: трапеция, ромбовидные, широчайшие. Разминаюсь перед грушей, монотонно всаживаю удар за ударом. Перехожу к штанге, накидываю блинов на шестьдесят кило и, усевшись на скамью, выжимаю восемь раз за шею. В каждый следующий подход подвешиваю по десяточке — и так до сотни. Затем сбрасываю обратно до восьмидесяти. Выдыхаю.

Примерно тогда в зале появляется мой старый знакомый — тринадцатилетний Али. Парнишка отирался рядом с нашей базой, барыжил DVD и неплохо играл в футбол. За три месяца до окончания моего контракта собаки отрыли на пустыре его изувеченное тело.

Следом возникает та студенточка... Как её? Ирима? Та самая, у которой сунниты казнили отца и братьев. Ирима работала с нами... она была красивой, пока не попала в руки животных из «Аль-Хураб». Я ловлю взгляд Иримы в зеркале, она тянется ко мне и хлопает той ужасной дырой, что осталась от некогда прекрасного рта. Палачи вырвали все зубы — плоскогубцами, один за другим.

Следом выходит, путаясь в истерзанных пулями одеждах, безымянная старуха. Помню, как выдал по ней из Браунинга M2A1... Она

появилась прямо перед «Хаммером», сжимая в руках свёрток. Внутри меня что-то перемкнуло: фугас! Не задумываясь, я крутанулся в пулёмётной башне и надавил на спусковой крючок. Её швырнуло в пыль, вырвав из рук свертки. Мы промчались мимо — прямо по выкатившимся на улицу апельсинам.

Такие дела.

Перехожу к гантелям. Сначала становая тяга, затем шраги.

За моей спиной стоит Большой Иисус. Мы неплохо общались. Он был достаточно умён для латиноса и обладал собственным взглядом на происходящее.

— Послушай, амиго, самое разумное — дать этим ублюдкам перебить друг друга, — часто повторял он, — эти обезьяны питаются войной, паразитируют на ней. Сколько бабуинов мы бы ни положили, обязательно найдутся желающие занять их место. Ты бывал в Сан-Паулу? В Рио? Послушай меня: бедность порождает это. Бедность и несвобода. Если обращаться с людьми, как с животными, они и становятся животными. Мы тут ничего не сделаем.

Я спорил. Утверждал, что ИГИЛ — всеобщая угроза. Исламисты проглотят Сирию и Ирак, а потом что? Потом они, конечно же, обратят взгляд за пределы Ближнего Востока. И мир не отделается несколькими терактами, как в Париже и Лондоне...

— Парень ты забыл, что случилось 11 сентября? Или, твою мать, хочешь, чтобы всё повторилось?

Большой Иисус был хорошим парнем. Он точно не заслужил той участи, что досталась ему... впрочем, никто не заслужил смерти, растянутой на трое суток. Три дня — ровно столько его выворачивали наизнанку перед объективами камер.

— Gh... hhrt... mzzzffkk... — хрипят отключенные колонки.

В зале становится тесно — тьма ткёт призрачные фигуры, выталкивая их под тусклое свечение единственной включённой лампы.

— This summer gonna hurt... — хрипят обесточенные колонки.

Среди мертвецов те, кого я собственноручно отослал обратно к почитаемому ими Аллаху. Безымянные бородачи, искромсанные пулями и гранатными осколками. Задушенные, зарезанные, забытые до смерти. Хватает и безбородых, совсем юных парнишек, едва перешагнувших через пубертат. Есть и женщины. На моей совести много всякого.

Я не святой.

— This summer's gonna hurt like a motherfucker! — хрипят колонки.

Я не монах, не мать Тереза и не Далай Лама.

Но я, чёрт побери, хороший парень.

Да, я прилетел сюда не для того, чтобы прокладывать дороги и строить школы.

И что с того?

— Чего вам нужно, мать вашу? Ждёте покаяния, ублюдки?

Мы пришли в Ирак с определенной целью, не просто так! Мы пришли, чтобы не дать плохим парням сделать то, что они задумали. Во имя этого Америка тратит миллиарды налогоплательщиков. Во имя этого гибнут наши ребята. Во имя этого, бывает, отправляется на тот свет кто-то из гражданских.

— This summer's gonna hurt like a motherfucker! — режут колонки.

Мёртвые наступают.

— Пошли вы! — ору я, пытаюсь перекричать музыку, — пошли на хер!

Они думают, что могут спрашивать с меня? Чёрта с два!

Я заряжаю хук Большому Иисусу, пинаю в живот тринадцатилетнего Али и выдаю удар

головой прямо в переносицу Найлзу... Что? Найлзу?! Но он же...

—...this summer gonna hurt...

—...РАНЕН! — орёт мне прямо в ухо Уайт.

— Что?!

Мой крик глохнет в оглушительном взрыве — где-то неподалеку разорвалась граната. Пули, выбивая бетонную крошку, хлещут по нашему укрытию. Вонь горящей резины смешивается с запахом выгорающего бензина — «хаммеры» полыхают за нашими спинами, добавляя жара этому пеклу. Я вжимаюсь в угол и тут... Чёрт, это же апельсины! Такие же, как у той женщины — они повсюду. Целые, раздавленные, раскуроченные пулями. Какого..?

— Найлз! — орёт Уайт, — ранен!

Снова взрыв. Нас швыряет на пол. Оглушённый, я поворачиваю голову: от базарной площади практически ничего не осталось. Среди расстрелянных прилавков валяются трупы — гражданские, которым не посчастливилось угодить между нами и ублюдками из «Аль-Хураба»... и ещё Найлз.

Вот он, лежит в десяти шагах левее, отрезанный от нас простреливаемой зоной.

— Найлз! — ору я, порываясь выскочить из укрытия.

— Куда ты, чтоб тебя! — Уайт хватает меня за плечо.

И вовремя. Пули высекают искры прямо под ногами.

— Не сходи с ума, парень! Мы тут как на ладони!

Рядом рычит Маленький Иисус. Нет, он не ранен... скорей всего, на него снова накатило. Надеюсь, он не высунется из укрытия.

— Кайл! Я вызвал кавалерию! Вертушки будут минут через десять!

Я бросаю взгляд на Найлза, у него прострелена шея. Пулевые отверстия усыпают грудь и живот. Конечно, под камуфляжем кевлар, но едва ли он выдержал все попадания.

— У Найлза нет десяти минут! Хватай дымовухи и... Чёрт, мы должны попытаться!

— Кайл, не сходи с ума! Нас наспигуют свинцом!
Я хватаю Уайта за отворот куртки и швыряю его вперед.
— Двигай, чтоб тебя!

6. ГАЗ ШРЕДИНГЕРА

«...Эту иракскую кампанию отличает глубокая, по меркам наших политиков, нравственная наполненность. Я имею в виду, что после теракта в Сирии, хотя бы наличие у ИГИЛ химического оружия уже не обсуждается. Важно другое: есть ли эта дрянь в Ираке, или нет? Если верить официальной информации, все запасы газа террористы израсходовали в Сирии. Но правда ли это? Цена ошибки ужасно высока.

К слову, здесь, в Багдаде, редко говорят об ИГИЛ в целом. Сказывается эффект масштаба: если американский телезритель может позволить себе не разбираться в сортах экстремистов, местные жители хорошо различают различные группировки. Поэтому, если хотите до смерти напугать добропорядочную шиитскую семью из Багдада, не говорите «ИГИЛ». Просто скажите им «Аль-Хураб»...»

Резолюция редактора: Очень сухо, пусть Энн даст справку по «Аль-Хураб». Сколько их? Чем прославились? Это ведь те мудаки, что замучили наших солдат в прошлом году, верно?

7

Ненавижу.

Ненавижу этот город.

Моя бы воля — стёр бы его с лица земли. Вместе с мечетями, мавзолеями, базарами. Нет у него никакого культурного значения! Это просто огромная помойка. Чёрная дыра, высасывающая деньги и жизни.

Содержание одного только багдадского контингента обходится в пять миллионов долларов в день! Пять МИЛЛИОНОВ! И что мы делаем за эти деньги? Просто катаемся по городу, делая вид, что всё под контролем!

Нам докладывают — всё чисто, всё ОК. Созывают журналистов, дают пресс-конференцию. А потом наш патруль попадает в засаду — и так повторяется до бесконечности. Разорвать этот порочный круг можно одним единственным путем — сбросив в центр Багдада атомную бомбу.

Найлз мёртв.

Он лежит в госпитале, подсоединённый к аппарату жизнеобеспечения, но я знаю, что он мёртв. Он не выкарабкается. Слишком большая кровопотеря, слишком серьёзные повреждения внутренних органов. Найлз ещё здесь, но его имя уже в списках мертвецов. И вот он стоит передо мной, зажимая руками развороченный осколками живот. Улыбается.

— Слушай, Кайл, я так больше не могу, — бормочет Уайт. Мы стоим рядом с хирургическим блоком, пялимся в закрытую дверь.

— Мне осталось семь месяцев. Это целая вечность, Кайл. Я не выдержу и недели...

Я молчу.

— Я пошёл в армию подзаработать денег на колледж. Всего-то и хотел, что пересидеть контракт на какой-нибудь базе на восточном побережье. Я не планировал лететь в этот ад!

Уайт заключил контракт ещё в 2015 году — за два года до нашего вторжения в Ирак.

— Я думал, буду чинить тачки и маршировать по плацу. Ну, может, разместят где-нибудь на год, погонять в патрулях. Я допускал, что придётся выстрелить пару раз... в воздух. Но, Боже, я не хотел... не хотел убивать!

Молчу. Стоящий передо мной Найлз подмигивает мне.

— Господи, Кайл, да я каждый день считаю! Только всё это зря. Я не выберусь.

Похоже, парня конкретно кроет.

— Я следующий. Я чувствую это. Чую смерть, эту проклятую суку. Она играет со мной, как кошка с мышкой. Она...

Я ухожу.

Уайт прав — он не жилец. И это не какое-то мистическое предчувствие. Я много раз видел, как сдают наши парни. Теряют то самое звериное желание жить вопреки всему и несмотря ни на что. Устают прорываться сквозь самые безвыходные ситуации. Без этого даже самый крутой профи — гарантированный труп. Его убьют не завтра и не послезавтра, может даже не в следующем месяце. Но это ничего не меняет — тот, кто сдаётся, умирает. Рано или поздно.

База гудит, точно развороченный улей.

Ранен Найлз, и с ним ещё девять человек. Пятеро убитых. У командования припекает, репортеры буйствуют, наши ребята ходят мрачнее тучи. Всем ясно: дрочили из разведки снова не доглядели. Перестрелка не была случайной. Ублюдки из «Аль-Хураб» действовали слаженно и явно знали, куда бить. Может ли статься, что у нас утечка? Кто-то сливает данные по патрулям на сторону?..

— Кайл, засунь эти фантазии в задницу, — сплёвывает Уиллис.

Да, я не удержался и выложил всё лейтенанту.

— Тут таких умников, как ты — вагон и маленькая тележка. Каждый черпак мнит себя военным экспертом.

— Но сэр...

— Что, Кайл? Думаешь, мы без тебя не знаем, что у нас крыса? ЦРУ. Ублюдки мутят воду. У них свои источники, свои каналы информации... свои проекты.

— Вы хотите сказать, что ЦРУ продаёт информацию боевикам?

Уиллис проводит рукой по коротким седым волосам.

— Я ничего тебе не говорил. Просто знай: ЦРУ себе на уме. После того, как в Дамаске распылили VR-3, над нами разверзся ад. Эта война всегда была политизирована донельзя, а теперь...

— Так это был VR-3?..

— Да, чёрт возьми! Исламисты заполучили самое опасное из существующих видов химического оружия. И вот это, я тебе скажу, настоящая проблема!

— В Багдаде могут распылить VR-3? — с сомнением уточняю я. — В этом как-то замешано ЦРУ?..

— Кайл, сходи лучше в спортзал! Или пивка накати в баре!

Уиллис устал. Его глаза вдавлены в череп, щёки ввалились, подбородок заострился.

— Но, сэр! Вы действительно считаете, что ЦРУ играет против нас?

— ЦРУ играет за себя. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, республиканцы и демократы грызутся в Белом доме. Там, парень, творится настоящая безумие. Как знать, чьи интересы обслуживает разведка? Ты, Кайл, забудь об этом. Даже не пытайся разобраться.

В смятении я покидаю Уиллиса.

Во дворе меня отлавливает рыжая журналисточка из «Daily News».

— Сержант Риз, здравствуйте! Вы не могли бы прокомментировать произошедшее? Нам известно, что в минувшей перестрелке был ранен ваш сослуживец Джонатан Найлз. Как вы думаете, есть ли основания считать, что боевикам из «Аль-Хураб» были заранее известны расписание и маршруты патрулей?

А она красивая. Изящный овал лица, густые волосы, милая улыбка. Никакой косметики, к слову. А ещё глаза — большие, зелёные...

— Сержант Риз?

Я набираю в грудь воздуха. Красивая она или нет — какая разница?

— Хотите знать про утечку? — слышу я собственный голос, — Вот что я вам скажу: сержантский состав не посвящают в такие детали. Нам говорят, где враг, и приказывают с ним разобраться. И мы разбираемся. Вот и всё.

Странно. Как же так вышло, что я не наорал на неё?

— В столкновении на базаре вы застрелили семь человек. Ваше командование сообщило, что исключительно благодаря вашим действиям рядовой Джонатан Найлз был вовремя доставлен в госпиталь, а остальные члены вашей команды остались в живых. Вы можете прокомментировать это?

— Прокомментировать что? Эти парни стреляли в нас, мы стреляли в них. Вот и всё.

— Сержант Риз... простите, могу я называть вас Кайлом?

Она улыбается. Её тонкая рука поднимается к лицу и заправляет под кепку прядь упавших на глаза волос.

— Да, можете.

Чёрт, куда же подевалась вся злость?..

— Хорошо, Кайл. Вам известно, что вас планируют представить к награде? Можете прокомментировать это?

— Прокомментировать что?

— Кайл, вы же герой! Знаете, что о вас пишут все газеты? Пожалуйста, посмотрите!

Она выуживает из сумки внушительных размеров планшет. В несколько кликов переходит на страницу какой-то интернет-газеты. Огромный заголовок: «КАЙЛ РИЗ СПАСАЕТ ТОВАРИЩЕЙ ПО ОРУЖИЮ».

— Вот ещё.

Она загружает ещё несколько страниц. Я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота.

— Дерьмо!

— Простите?

— Вы меня слышали, Энн. Это всё просто большая куча дерьма.

— Что вы имеете ввиду?

Куда-то пропавшая злость возвращается. Я вглядываюсь в её глаза, и вижу полупрозрачные пластмассовые шарики с намалёванными зрачками. Симпатичная кукла, вырванная из кукольного домика и заброшенная прямиком в Багдад. Сколько длится её командировка? Неделю? Две? Что она успела увидеть? Заполненные ржавыми иномарками улицы, разбитые пулями стены, несколько трупов... А ещё наших ребят. Вот они набивают животы в столовой, вот играют в бильярд в комнате отдыха, вот палят по мишеням на стрельбищах. Что она знает про то, что здесь действительно происходит?

— Вы когда-нибудь видели, как бежит человек, которому осколком снесло половину черепа?

Я вижу, как она меняется в лице.

— Простите?

— Я спрашиваю, видели ли вы когда-нибудь, как осколком от мины вашему товарищу отрывает половину черепа, а он ещё бежит метров двадцать-тридцать. И только потом падает, получив в спину полный рожок из «Калаша»?

— Нет, я... Боже, это ужасно... Я понимаю вас, Кайл.

— Понимаете меня?

— Конечно, понимаю! — с жаром поясняет Энн Фокс, — война ужасна! Чудовищная трагедия, стоящая миллионы долларов и тысячи жизней! Фарс, абсурд и хаос! Я видела людей, убитых ни за что. Видела толпы беженцев, потерявших из-за войны всё. А ещё видела наших ребят... Наших мальчиков, сходящих с ума от привитой им ненависти. С покалеченными телами и обожжёнными душами. Тех, кто страдает от психологических расстройств, мучается от ПТСР... Я видела наших ребят, там, дома. Отвергнутых, забытых.

Она делает шаг ко мне навстречу. Осторожно, словно боясь спугнуть меня, поднимает руку и прикасается ладонью к моей щеке. В её взгляде светится какое-то нечеловеческое сострадание. Я замер, застигнутый врасплох этим манёвром.

— Я же знаю, Кайл, что вы вернулись сюда, потому что не смогли прижиться там, в Америке. Я знаю, как тяжело вернуться в мирную жизнь, в потерянный дом... Я понимаю, что Багдад стал для вас новым домом. Здесь вы — герой! Я понимаю, как вы мучаетесь, возможно, сами того не сознавая. Эта война изуродовала вас...

— Её рука проникает внутрь, сквозь кожу и мышцы. Она погружается в мой череп, вязнет в костной ткани. Затем, преодолев сопротивление, входит ещё глубже. Туда, где искрит оборванными синапсами мой мозг. Её пальцы погружаются сквозь кору, вглубь серого вещества, в самый эпицентр моего я.

— Вы, Кайл, скажете, что я ничего не понимаю. Что я просто глупая сопливая девка. Вы скажете, что я не теряла друзей и не убивала врагов. Скажете, что...

Я молчу. Наблюдаю за тем, как меняется выражение её глаз. За моей спиной стоит истекающий кровью Найлз. Её зрачки сужаются от подступившего ужаса, проникшего внутрь кукольного сознания.

Она пытается отнять руку, чтобы вырваться, вытащить её из моего черепа, но я перехватываю её за кисть. Сжимаю, вдавливаю глубже. Из-за моей спины выступает изуродованный Большой Иисус. За ним — труп женщины из «Ситроена».

— Мой вам совет, Энн: уезжайте отсюда, — говорю ей. — Вы не понимаете, что здесь происходит. И хорошо. Не пытайтесь открыть эту дверь. Закрыть её вы уже не сможете.

Её рот раскрывается, готовясь исторгнуть из себя вопль. Я слышу этот нарождающийся крик. Слышу, вижу, обоняю — чувствую ужас, поднимающийся из самых глубин пластмассовой Энн Фокси.

— Уезжайте.

— ...gonna hurt... — шепчет Найлз.

8. Всего лишь статистика

«...С вами снова Энн Фокси, и сегодня у вас опять случится несварение желудка. Легко читать о том, как погибают люди на другом краю света, ведь за цифрами не видны искалеченные человеческие судьбы. Но, поверьте, в Багдаде жизнь и смерть ходят рука об руку каждый день.

До войны здесь жило более шести миллионов человек, а сейчас, когда в Багдад съехались беженцы, их число превысило семь, а может, и восемь миллионов. Их никто не считает, зато приходится считать покойников. С начала контратаки ИГИЛ жизнь в Багдаде пошла под откос и ежедневно в морги привозят до сотни убитых. Сотни! Это

в сто раз больше, чем в Нью Йорке, где вы, возможно, читаете эту заметку. Убитые за веру, за кошелёк, за кривой взгляд. И это лишь вершина айсберга — окрестные земли полны безымянных могил.

Я не знаю, что делают наши солдаты в городе. От покатушек на джипах никакого толку...»

Резолюция редактора: Эй, а где же brave атланты, держащие мир на плечах?! Хе-хе. Ставим в номер.

9

В этот раз Папа Джон собрал нас на складе, среди всякого барахла и снующих вдоль стеллажей дронов. Мы сидим на тех же стульчиках, которые, кажется, ещё сильнее разболтались с минувшей встречи. Вокруг полно коробок с пайками и можно чем-нибудь пожить, но меня тошнит от армейской еды. И от Папы Джона тоже тошнит.

— Что, ребятки, через восемь часов едете развлекаться?

Смотрю на часы: без четверти шесть вечера.

— Так точно.

— Молодцы. Это операция военных, и ваш лейтенант даже не потрудился ввести меня в курс дел. Но я и так всё знаю.

— Мы зачищаем Золотую мечеть. Там лечатся боевики «Аль-Хуараб», — подаёт голос Уайт.

Папа Джон отмахивается.

— Да-да. Ваша армейская разведка наконец-то высунула нос за ворота базы.

Он щёлкает пальцами, ловя ускользящую от него мысль. Нервничает, понимаю я, и нехорошие предчувствия усиливаются.

— В общем, ваше начальство влезло куда их не просили, и теперь придётся минимизировать ущерб. Вы едете в шиитскую мечеть, в которой лечатся сунниты из «Аль-Хуараб», и это почему-то никого не волнует.

За спиной Папы Джона стоит весельчак Найлз, окончательно переехавший из лазарета в цинковую коробку. Услышав о шиитах, он кивает. Значит, Джонсон не врёт?

— Вокруг этой мечети сложился интересный тактический союз местных шиитов и «Аль-Хуараб». Наша кампания идёт не слишком хорошо, местные хотят подстраховаться на случай, если мы их опять бросим. Люди устали от войны, их можно понять.

Найлз кивает.

— Дело в том, что ИГИЛ — это не только крупнейшая террористическая организация на Ближнем Востоке, но ещё и франшиза. Как МакДональдс. Любой может купить вывеску у старины Ронни и продавать бургеры. ИГИЛ строит всемирный Халифат, но каким он будет и для кого в нем найдётся место, вопрос открытый. Многие видят в этом возможность.

Найлз пожимает плечами.

— Эти интриги принесли бы США пользу. У нас большой опыт по расколам в радикальных движениях. Но ЦРУ выводят из игры аккуратно перед тем, как Конгресс начнёт потеть над бюджетами на следующий год — вот так совпадение! Некому даже было вытащить наших агентов из мечети. Но теперь вы закончите их работу.

Найлз роется в коробках. Достает противогаз и надевает. Чёрный хрен просто издевается надо мной.

— Это несложная работёнка. Кроме раненных боевиков в мечети есть ещё кое-что.

Найлз кивает.

— Пока остальные будут гонять ахмедов по лазарету, вы подниметесь наверх, к куполам. Серьёзного сопротивления на верхний этаж быть не должно.

Найлз хмурится, но осторожно кивает.

— Там будет кабинет, вот план, оставьте себе. На обороте номер мобильного. В кабинете найдёте телефон. С него позвоните на этот номер. Ответит женщина, это важно! Если возьмёт мужик, отбивайтесь и ломайте трубку. Если женщина — скажите, что рыбалка переносится на седьмое. Повторите два раза и вешайте трубку. Уничтожьте телефон — и всё.

Найлз качает головой. Враньё.

— Звонок не отследят. Позвоните — и свободны. Или позвоню я — в военную прокуратуру.

Найлз снимает противогаз и снова мотает головой. Он чем-то обеспокоен, а я верю чуйке мёртвого друга. Вспоминаю разговор с Уиллисом, Найлза в крови, вонь горящего «хаммера». И, наконец, решаюсь. В задницу ЦРУ! Папа Джон пугает трибуналом? Пусть будет трибунал!

— Одна услуга, парни, и вы свободны.

Меня трясёт от одной мысли о военной прокуратуре, но это хотя бы понятный страх. А от Папы Джона веет чем-то таким, что лучше бы обойти его десятой дорогой. Иисус и Уайт смотрят на меня, и я решаюсь. Расслабленно откидываюсь на стульчике, разом ставшем таким удобным и большим, и набираю воздух, чтобы послать к чёрту ублюдка Джонсона...

...»Хаммер» наезжает на кочку, и все мы подпрыгиваем.

— Уайт, мать твою, смотри, куда едешь! — слышу собственный голос, и всё ещё не понимаю, где нахожусь. Зато хорошо понимаю, что облажался, и сказал Папе Джону то, что он хотел услышать. Чёрт!

— А я тебе, Кайл, так скажу: вся тема с ИГИЛ — херня, — невпопад отвечает Уайт. — Сказки про священный Халифат, Аллаха, рай — всё отговорки. Людям просто нужно оправдание, чтобы устроить резню. Особенно тем, кто за две тысячи лет не придумал ничего лучше, чем

заматывать баб в простыню. Присягаешь Халифату, и получаешь лицензию на убийство! Точно говорю: дело не в ИГИЛ. Это наша говёная суть.

— Существует, не существует, какая разница? — злится Маленький Иисус. — Все ахмеды делятся на две группы: уже мёртвые и пока ещё живые. Сечёшь, Белоснежка?

— Ещё раз назовёшь меня Белоснежкой, и я...

Сейчас половина третьего утра, мы едем к Золотой мечети. Едем, чтобы накрыть подпольный госпиталь и пригласить тёлку Папы Джона на рыбалку. Один звонок, и наши проблемы закончатся. Отличная сделка, даже если мертвецы против.

Уайт крутит баранку, я сижу рядом. Маленький Иисус и мёртвый Найлз сзади; Найлз, кажется обиделся, балбес. Из магнитолы доносится знакомая песня, и уже ничего нельзя изменить.

Я не против.

10. «...Дорога в один конец

С вами снова Энн Фокси, и сегодня мы поговорим о будущем. Эта война ужасна, и те, кого протащит сквозь её горнило, не станут прежними. И это не вопрос нескольких чаепитий с психологом, понимаете? Это навсегда. Когда идёшь дорогой войны, понимаешь, что войну нельзя начать и нельзя прекратить. Она сама начинается и прекращается когда захочет. Все мы лишь её преданные слуги и останемся ими даже после смерти, питая чужую злобу и чужое безумие. И даже если кто-то вернётся домой, он сохранит в себе частичку огня и обязательно раздует новый пожар.

Простите за пессимизм, но я всё ещё под впечатлением от встречи с кое-кем из солдат и тем, что я услышала и увидела... Или подумала, что увидела. Мы безнадежны. И это вам потом с ними... С нами жить...»

Резолюция редактора: Материал не ставим. Отделу кадров: срочно вывозите Энн домой. Её сменил Джон, он уже едет в аэропорт. И позвоните мозгоправу, зарезервируйте шесть часов на следующей неделе за счёт редакции.

11

Мечеть аль-Аскари и вправду золотая. Два её позолоченных купола горят утренним солнцем — так, что приходится жмуриться. Неудивительно, что местные так падки на религию: на фоне того убожества, которое они именуют жизнью, эта чёртова мечеть и правда выглядит вратами в рай.

Что же, проверим, сколько в этом раю девственниц.

— База всем группам! — раздаётся в наушниках голос командования. — Начинаем операцию!

«Хаммеры» выскакивают на окружающую мечеть площадь. Они проносятся сквозь простреливаемую зону и группами окружают здание.

— Пошли! Пошли! Пошли!

Хлопают дверцы. Щёлкают затворы.

— Группа Альфа на связи, — хрипят наушники, — мы внутри.

— Группа Браво, входим.

— Дельта...

— ...gonna hurt...

— Гамма... по нам ведут огонь!

Завертелось.

Вместе с Дельтой входим с восточных ворот и быстро разоружаем хлопающих глазами бородачей. У местных, видимо, в отношении нас нет чётких указаний. Всё-таки шииты не воюют с американцами. Пока...

— Гамма? Гамма, доклад!

— Ведём огонь.

Мы едва успеваем пройти сквозь колоннаду внутреннего двора, как прямо под дула наших М4 выскакивают полтора десятка оборванцев.

— Стоять! — орёт наш командир. — Стоять, суки!

— Чёрт, твою мать... — выдыхает Уайт, стоящий рядом. — Я чуть не нажал на крючок!

Я спокоен. Стоящий в тени колонн Найлз кивает, мол, всё нормально, парень.

Проходим дальше.

На что это похоже?.. Разноцветный кафель, замысловатая мозаика. У неопытного туриста захватило бы дух. Окажись я тут в другое время, возможно, и я бы заценил всю эту игру с цветами. Но не сейчас.

— Движение на шесть часов!

Колонну справа разбивает град пуль, я едва успеваю перекатиться в сторону. Закладывает уши — в чёртовом зале отличная акустика. Перестрелка длится недолго: Маленький Иисус выдает по проходу залп из подствольника, и становится тихо. Ненадолго: в следующем зале перестрелка возобновляется.

Теперь по нам ведут огонь с нескольких точек. Меня зажимают перекрёстным огнем за колонной. Я вижу, как Найлз машет руками, — дело дрянь. Надо сменить позицию. Но как?.. высунуться наружу означает гарантированно поймать пулю. Наконец решаюсь — кидаю себя в проход между колоннами, и тогда тогда...

..Чёрт!

За время службы я получил не так много ранений и успел позабыть ощущения от вгрызающейся в кевлар очереди. Боли нет — только гул от удара во всё тело. С трудом удерживаю равновесие.

— Твою же мать!

До укрытия я буквально долетаю, отброшенный взрывом. Да, та самая колонна, за которой я еще мгновение назад прятался, разлетается на куски. Чёрт, Найлз, я твой должник...

Мы начинаем их теснить. Ахмеды не выдерживают и бросают позиции, убегая в дальние помещения. Ссыкливые обезьяны!

— Кайл, ты в норме? — спрашивает меня Уайт.

За моей спиной стоит Найлз. Улыбается краешками пузырящихся от крови губ. Я поворачиваюсь и вижу, как он кладет руку на мое плечо и говорит:

— *Всё нормально, Белоснежка. Просто царापина.*

Стоп. Кто из нас двоих произносит это?

— Точно в норме? — не отстаёт Уайт. — Это кровь? Может, нужна эвакуация?

— *Точно*, — слова сами выскальзывают из моего горла, — *слегка зацепило.*

Уровень адреналина в крови постепенно приходит в норму, и мой организм заполняется болью. С каждым ударом сердца тело замыкает всё большее количество нервных окончаний... Адски болит бок. Неужели сломано ребро? Запускаю ладонь под кевлар... твою же мать! Кровь!

Мы идём вперед сквозь то, что когда-то было многовековым памятником. Я отстаю—надо заклеить рану гемостатом. Просто для того, чтобы не истечь кровью по дороге в обещанный, мать его, рай. Когда же нагоняю своих ребят, то вижу, как те пытаются оттащить Маленького Иисуса от какого-то полузадушенного ахмеда. Мы в лазарете. Длинные ряды коек с человеческими останками, металлический привкус крови во рту, запах мочи и блевотины.

— Твою мать, Иисус! Мы успеем вернуться! — пытается втолковать ему Уайт.

Маленький Иисус на грани. Я вижу, как дрожит его впившийся в курок палец. Странно, что жгучая боль в боку не затуманивает мое восприятие, а наоборот, обостряет. Мой взгляд точно прожигает все живое и неживое лазер. Реальность расступается передо мной, точно воды Красного моря перед этим парнем из фильма про фараона... как его... Моисеем?

Вспышка.

Действительность с рёвом схлопывается, представая передо мной внутренностями взорванного сейфа. Стодолларовые купюры кружатся в пропитанном пылью воздухе. Уайт кашляет. Иисус жмурится. Найлз смеётся.

Мы в комнате, о которой говорил Папа Джонс.

В руках Уайта тот самый телефон.

— Чёрт, не верится... — бормочет он.

— Что не верится?

Мои мертвецы смотрят на меня сквозь стену. Я чувствую, они там. Все те, с чьей жизнью или смертью я связан, смотрят на меня из украшенной богатой мозаикой стены. И только Найлз стоит рядом.

Проводник?

Привратник?

— Не верится, что нужен всего один звонок, чтобы поставить точку,— отвечает Уайт.

— Чего? Какую точку, парень? — раздражённо бросает Иисус. — Ты что там бормочешь?

Я продолжаю рыться в лежащих в сейфе бумагах.

— Давай, звони уже, — добавляет Иисус.

И тогда оживает канал связи:

— База, приём. Группа Гамма на связи. Мы в центральном зале. Нашли гостинец.

— Гамма, какой гостинец?

— База, тут взрывчатка. Много. Хватит, чтобы сравнять здесь всё с землёй. Пакеты тщательно замаскированы. Кто бы не заложил её, местные всё прощляли.

Мы переглядываемся. Прежде, чем кто-то из нас успеет открыть рот, динамики выдают ещё одно сообщение.

— База, Альфа на связи. Обнаружены баллоны, предположительно с VR-3. Десятка три-четыре, ёмкостью галлонов в семь-восемь.

— Альфа, подтвердите сообщение.

— База, повторяем: обнаружены баллоны VR-3.

— Альфа, вас поняли! Сообщение для всех групп: немедленно покинуть территорию мечети! Мы запускаем сапёров!

Мой взгляд падает на телефон. Что, Папа Джон, просто попросил перенести рыбалку?

— Уайт, опусти трубу... — тихо произносит Иисус.

— Что?

— Ты слышал Альфу?

Требуется всего пара секунд, чтобы кусочки головоломки сложились. Вспыхнувшая перед нашим общим мысленным взором картина поражает своей простотой и элегантностью.

— Уайт, положи телефон, — требую я, — это приказ.

— Парни, да вы чего? Мы же подписались...

— Белоснежка, не неси пургу! — гаркает Иисус. — Один звонок, и здесь всё взлетит к чертям собачьим! Ты слышал, что сказала Гамма? Тут всё заминировано!

— Не взлетит! — упрямо возражает Уайт.—Папа Джон сказал...

В висках стучит.

— Папа Джон сказал Уайту, что в его столе лежат бумаги о переводе из Багдада на Кубу, — шепчет невидимый Найлз, — и он подпишет их, если Уайт выполнит его маленькую просьбу.

Маленький Иисус наступает.

— Парень, не будь идиотом! Папа Джон послал нас на заклание! Просто нажмите на кнопочку, ребята!

Найлз смеётся. Его глаза светятся дьявольским огнём — он вонзается в меня, точно раскалённый шип. Он вспарывает и кевлар, и плоть, и то, что спрятано под плотью.

— *Белоснежка мечтает о том, чтобы убраться из этого ада, — шепчет Найлз, — хочет отправиться туда, где солнце, бабы и никто не стреляет. Ради этого он готов на всё, что угодно.*

— Чувак, ты заблуждаешься, — делая шаг назад, выпаливает Уайт, — у ЦРУ здесь были агенты, так? И их взяли «Аль-Хураб», так? Неужели ты думаешь, что ЦРУ решит взорвать эту долбанную мечеть?

— *Уайт труп. Он знает это. Только никак не может поверить. Он знает, что не уйдет отсюда. Но он все равно делает это, Кайл.*

В свободной руке Уайта появляется «Беретта».

— Стоять! — рявкает Уайт — Ни шагу дальше!

— Твою мать! Парень! У тебя шифер потёк, что ли? — рычит Иисус. — Ты нас всех убьёшь!

— Стоять, я сказал!

— Уайт, сука...

Боль раскалённым винтом вкручивается в простреленный бок. Поднимается вверх, проникает сквозь пульсирующие виски прямо в мозг. И тогда... выстрел! Ещё один, ещё!

Иисус, хрипя, сползает с Уайта. Он пытается сделать несколько шагов назад, но спотыкается и валится прямо на пол. Я перевожу взгляд на Уайта: армейский нож, вогнанный по самую рукоять, торчит прямо из его груди.

— *Он хотел сбежать, хотел освободиться. Уайт устал. Он хотел попасть на Кубу, нежиться под солнцем и попить мохито... жаль, но этому было не суждено случиться.*

— Найлз, заткнись, — прошу я.

Боль проникает всё глубже и глубже.

Уайт роняет телефон. Его огромные расширенные до пределов зрачки уставились в пустоту. Он отступает назад, пока не упирается в стол.

— Чёрт... я же... — хрипит он. — Я не могу... не хочу...

— *Он был мёртв...*

— Заткнись, Найлз!

Он был мёртв, я знаю, задолго до того, как взял в руки телефон. Задолго до того, как был убит Найлз. Он умер, когда подписал контракт с армией США. Ему следовало и дальше работать механиком в Миннесоте, жениться, завести детей...

— Господи, нет, — хрипит Уайт. — Папа Джон обещал... Телефон...

Мобильник лежит на полу. Допотопная Nokia.

Всего один звонок.

— Тебе придётся сделать это, Кайл.

— Кайл, нужен врач... Нужна эвакуация,—хрипит Иисус.

Найлз прав. Я не знаю, почему, но он прав. Я должен закончить то, что не сделал Уайт. И вовсе не из-за Папы Джона, который затеял эту идиотскую игру. Нет, нет... Я должен закончить эту историю, потому что...

— Это не конец, Кайл.

Звонок на указанный номер сдетонирует взрывчатку на первом этаже мечети. Взрыв снесёт стены, обрушит минареты и купола, выворотит всё, что вырыто внизу, в земле... А ещё он вскроет баллоны с VR-3, выпустив в воздух Багдада самого беспощадного убийцу из всех, что создавались человеком. А ещё взрыв вскроет меня, распахивая двери всему тому, что сдерживает мой рассудок. Орды мертвецов, ждущие внутри, хлынут наружу. Они затопят улицы города, проникнут в дома, отели, офисы...

Они будут всюду.

Я буду всюду.

— Это только начало, Кайл.

Начало чего?

Я беру телефон.

Уайт успел набрать нужный номер — не успел только нажать «вызов». Эту оплошность легко исправить. Достаточно вдавить палец в кнопку. Одно-единственное мышечное сокращение изменит историю этого города, этой войны...

— ...этой планеты, Кайл.

Я нажимаю на кнопку и подношу телефон к уху.

Гудок... второй... трет...

12

Главному редактору
Daily News

Прошу уволить меня по собственному желанию.

Энн Фокси

Резолюция редактора: да.

13

Не знаю, как это описать.

Никак, наверное.

Есть сущности, которые невозможно зашифровать в слова.

Как описать то, что происходило внутри солнца — те миллиарды лет назад, когда оно родилось из огромного взрыва? Учёные,

наверное, затянут про водород и ядерный синтез, начнут рисовать какие-нибудь формулы.

Всё это херня.

Как описать вспышку, разрушившую Золотую мечеть и выпустившую в воздух сотни галлонов VR-3? Реальность трещит и рвётся, раскрывая над миром зияющую дыру. Портал в Кайла Риза, контрактного служащего армии США, 25-летнего уроженца Алабамы. Дыра пульсирует в такт моему пульсу, и с каждым ударом сердца наружу выплёскивается новая волна смерти.

Я вижу, как гибнут однополчане. Одних сжигает бушующее пламя, других проглатывает падающая мечеть. Большинство умирает мгновенно — как Уайт и Маленький Иисус, чьи тела расщеплены в считанные наносекунды. Другие — умирают медленнее...

Смерть волнами распространяется от Золотой Мечети, захватывая всё новые и новые районы. Мои мертвецы шарят по улицам, выискивая жертвы. Я вижу — *чувствую* — как они выжигают лёгкие, обдирают кожу, лопают глазные яблоки.

...Чувствую.

Мне кажется, это я тяну к Багдаду изничтожающие всё живое щупальца. Кажется, этот гигантский цветок распадающейся материи, что раскрывается сквозь купола Золотой мечети, и есть я.

Но потом это ощущение проходит.

И тогда передо мной возникает Найлз.

Мой проводник, мой привратник.

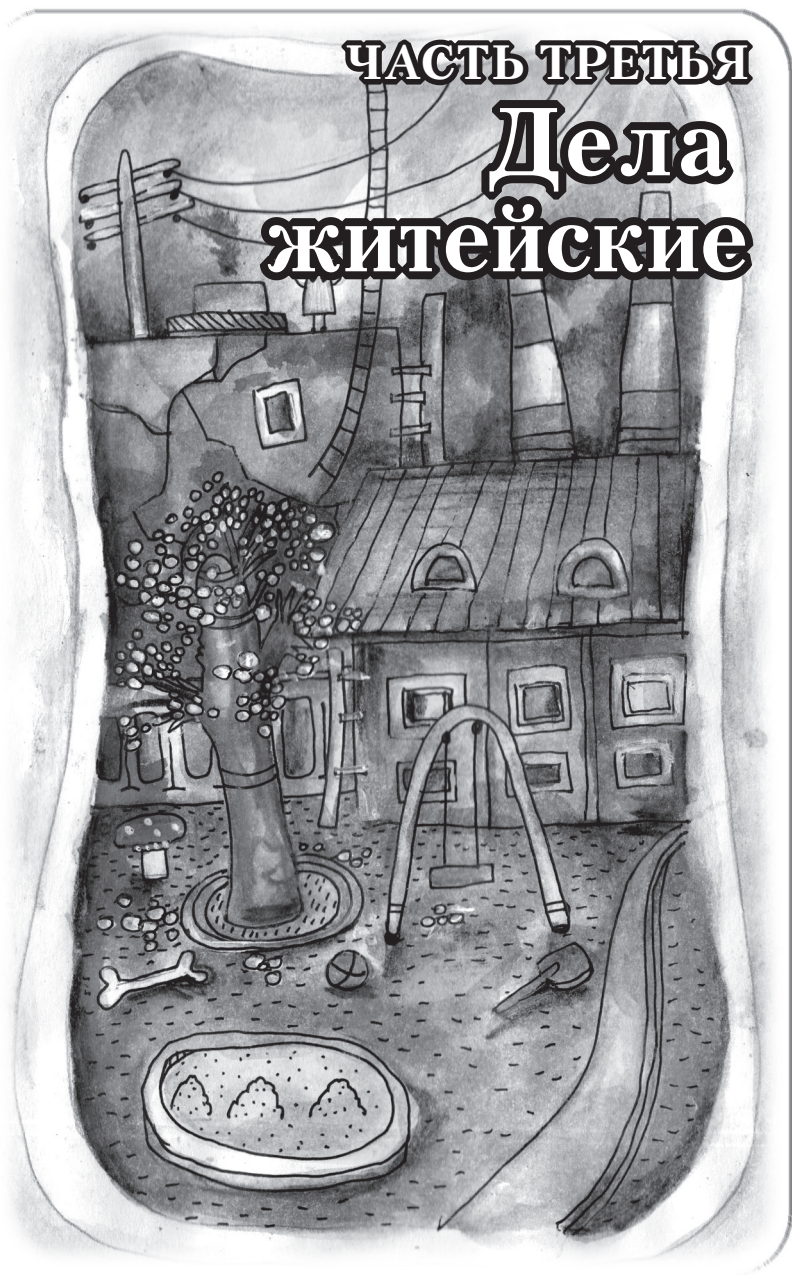
Он ведёт меня, нагого, сквозь то, во что превратилась одна из древнейших мусульманских святынь. Он ступает, проникая сквозь обломки мечети аль-Аскари, сквозь густую смесь пыли, праха и VR-3, и ведёт меня следом.

Наружу, наверх, в мир.

— *Иди, Кайл*, — шепчет он.

И я делаю первый шаг.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
**Дела
житейские**

Святослав Логинов

СКУКА

Сказать по правде, делать мне на Венере нечего. Зачем туда лететь? За едой и женщинами? Их там, скорей всего, нет. За моральными ценностями? Этого добра и тут с избытком, старых девать некуда, не то чтобы новые искать. Надоело... — я зевнул и поглядел на свой хвост. За последний месяц хвост вырос ещё на пять сантиметров.

РАЗУМ

Насекомые отличаются от членистоногих развитым надглоточным ганглием — зародышем будущего головного мозга. Значит, муха умнее паука. Почему же тогда паук ловит и ест мух, а не наоборот? Вот и верь после этого в силу разума!

НЕЯСНАЯ УГРОЗА

Костя смотрел телевизор. Захватывающий детектив с выстрелами, драками и полуобнажёнными красотками так увлёк его, что он не обратил никакого внимания на то, что происходило в его комнате.

А происходило там следующее. Сначала за окном послышалось мелодичное жужжание, затем окно тихо распахнулось, и на пол плавно опустилась летающая тарелочка. Выдвинулся перископ, и, оценив обстановку, снова скрылся. Тарелочка подпрыгнула вверх сантиметров на двадцать и быстро скользнула по воздуху под кровать. Некоторое время оттуда была слышна какая-то возня, затем всё стихло.

Костя ничего не замечал. Он не отрывал горящего взгляда от голубого экрана, на котором герой-любовник, хладнокровно уложив из пистолета десяток бандитов, страстно целовал спасённую им очаровательную незнакомку. Но вот промелькнули последние кадры, и на экране появилось улыбающееся лицо диктора, провозгласившего:

— Вы смотрели 835 серию многосерийного телевизионного фильма «Любовь под пулями». Следующую серию смотрите завтра, 13 апреля 2014 года...

Костя пощёлкал пультом управления и, не найдя больше ничего интересного, выключил телевизор. Затем он сел за компьютер и открыл вордовский документ. На белом листе была крупная надпись «Спаси галактику и остаётся живым. Сценарий».

Задумчиво покусывая губы, Костя поиграл пальцами на клавиатуре. Потом посмотрел на потолок и долго пытался разглядеть сквозь него далёкую галактику. Попытки успехом не увенчались. Костя вздохнул и вновь перевел взгляд на монитор. Затем решительно напечатал:

«Сцена первая»—и снова задумался.

— Нужен толчок для мысли,—пробормотал он.

Подойдя к полке с книгами, Костя порылся в стопке потрёпанных журналов и, раскрыв один, медленно прочитал, вслушиваясь в музыку слов классиков жанра:

— Объятый галактическим мраком утюг зловеще подкрадывался к шлёпанцам спящего космонавта....

— Как сказано,—восхищенно протянул Костя и нервно заходил по комнате.

Сделав пять или шесть кругов, он бросился к столу и резво напечатал: «Каюта капитана звёздного лайнера. Капитан спит. На его мужественном лице бродит лёгкая улыбка. Ему снятся жена и дети. Ему снится возвращение домой. На столике фотография в рамке. На ней капитан с семьёй. Рядом с фотографией — кофеварка. На её

дисплею — дата и время. Бегут секунды. Капитан спит. Внезапно по дисплею кофеварки пробегает рябь, затем появляются ряды непонятных знаков. Вокруг кофеварки появляется зеленоватый ореол. Из него формируются щупальца и сканируют каюту. Кофеварка начинает зловеще подрагивать и медленно перемещаться по направлению к постели спящего капитана. И вот, в тот момент, когда она уже рядом, капитан открывает глаза. Лазерный луч настигает кофеварку в момент прыжка. Её частицы разлетаются по каюте».

Костя бросил печатать и довольно откинулся на спинку кресла.

— Ай, да Клюшкин! Ай, да молодец! — довольно произнёс он, решив, что начало положено и на сегодня хватит.

Выключив компьютер, Костя завёл будильник на семь утра и лёг спать. Заснул он быстро, и снились ему страницы нового сценария. А в полутёмной комнате тем временем реализовывался совсем другой сценарий. Сначала из-под кровати возник зеленоватый луч света, быстро пробежавший по стенам и потолку. Потом появилось бесформенное, переливающееся цветными пятнами, облако. Оно увеличилось в размерах, наплыло на постель и окутало Костю Клюшкина точно покрывалом. Всплеском необычных звуков пронеслась по комнате звонкая мелодия, облако резко мигнуло и исчезло.

Костя проснулся необычно рано. Не было ещё и двенадцати. Однако солнце, заглядывавшее в окно, не дало продолжить сладкий сон. Клюшкин потянулся и обвёл взглядом комнату. На полу валялся разбитый будильник, на столе помигивал светодиодом ноутбук, словно приглашая к работе.

Умывшись и сварив кофе, Клюшкин сел за ноутбук. На душе было легко и спокойно. Пожалуй, впервые в жизни он твёрдо знал, что следует делать. День обещал быть насыщен новыми интересными впечатлениями. И следующие дни тоже.

Костя вышел в Интернет, зашёл на свой почтовый ящик в Яндексе и написал письмо:

«Уважаемый редактор!

Прошу исключить меня из числа ваших сотрудников с 13. 04. 2014.

Клюшкин К.И.»

Указав в графе получателей штук сорок адресов, Костя нажал на кнопку «Отправить» и довольно отодвинул ноутбук в сторону...

Весеннее настроение, царившее на улицах Москвы, словно разбивалось о стеклянные двери останкинского телецентра, не в силах прорваться внутрь. Внутри царило уныние и витало беспокойное ожидание неприятностей.

В последнюю неделю о разрыве сотрудничества с редакциями телепрограмм заявили почти все авторы. Руководители телеканалов не понимали, что происходит. Тем более, что похожее происходило

и на провинциальных телестудиях. Более того, по техническим причинам приостановили свою работу практически все крупные мировые телестудии.

Число сериалов и различных телешоу таяло как снег с началом весны. Это была катастрофа, тем более пугающая, что в причинах её никто не мог разобраться. Толпы звёзд шоу-бизнеса организовывали марши протеста. Редакторы день и ночь ломали головы, обдумывая выход из создавшегося положения. В результате этого нового и непривычного для них занятия у многих начинались страшные головные боли. Врачи диагностировали переутомление и советовали взять отпуск. Редакции постепенно пустели. Одни сотрудники уходили в отпуска, а другие, особо чувствительные к ветру перемен, вообще подыскивали себе другое доходное местечко. Число работающих телеканалов уменьшалось с каждым днём. На цивилизованный мир надвигалось что-то пугающе неясное...

Мусороуборочный корабль, замаскированный под бесформенную скалу на поверхности Плутона, непрерывно оперировал шлюзами, принимая возвращавшиеся исполнительные модули. Маленькие летающие тарелочки сбрасывали информацию в головной компьютер и занимали своё место в ангаре.

Когда вернулась последняя тарелочка, командир корабля занёс в электронный бортовой журнал очередную информацию: «День 387 887. Операция по уборке интеллектуального мусора в Двенадцатой Галактике завершена. Источником загрязнения оказалась третья планета в системе желтого карлика на окраине галактики. Была проведена временная нейтрализация источника в пределах моих полномочий. Возвращаюсь на базу».

Корабль плавно оторвался от поверхности, несколько секунд был виден среди звёзд, а затем исчез в облаке Оорта.

ИЗ РУК В РУКИ

СЕРИЯ «ЛЕОПОЛИС-64»

Встречный ветер бьёт в лицо. Я выжимаю дофига километров в час по вечернему городу. Сколько — не знаю: спидометр не работает. Подрезаю унылые электрокары. Их автопилоты предсказуемо дёргаются, пропуская быстро мчащую помеху. Не понимаю: какой кайф ездить в машине с автопилотом, отпустив руль и тупо глядя в окно всю дорогу?! Это точно не для меня!

Моя боевая «*Джианше Электра*» петляет среди заторможенных машин, переливаясь оранжевыми огнями на борту. Люблю эту модель! По виду и не скажешь, что простой электроскутер — выглядит, как реальный спортбайк! Вообще-то, когда в седле тинейджер, бортовые процессоры обязаны ограничивать скорость до черепаших пятидесяти километров. Но я ж не лузер — тащиться так медленно! Если знать хорошего мастера — спидометр легко отключить. А без него «Электра» легко выжмет и две сотни по хайвею. Так что теперь водители-паиньки со свистом исчезают у меня за спиной. Сами виноваты — нечего ездить по правилам!

Сигналю мелькающим перед носом подросткам на хOVER-бордах. Кыш с дороги, малышня! Вы тут развлекаетесь, а я — работаю!

Я — курьер. В мире, где ты можешь всё заказать через Сеть, где вкалывать на работе или тусить с друзьями можно не выходя из дома, курьеры, наверное, — последнее, что реально связывает людей. Ну и фиг, что ты купил товар одним кликом? Кто-то же должен доставить его тебе домой, пока ты греешь задницу перед телетерминалом. И тут — никуда без курьера. Правда, некоторые ретивые конторы уже пытаются наладить доставку дронами — вот отстой! Это же так клёво, когда товар тебе вручает живой человек — лицом к лицу, из рук в руки!

Мне пора ехать за очередным заказом. В гоглах мигает сигнал навигатора: меня ждут на восьмой «*Якудза-суши*». Наша франшиза разбросала точки по всему городу. Работать на «Якудза» очень круто — это как семья! Каждый подросток-курьер мечтает развезти их заказы. Но только единицы способны выдержать отбор — все очень жёстко. Зато в награду — хорошие бабки, модный скутер и членство в самой крутой в городе команде курьеров!

Чёрно-бело-красное лого «Якудза-суши» светит издалека. К черту правила! Закладываю крутой вираж поперек дороги и залетаю на восьмую точку, словно шар в лузу. По рифлёной дорожке подруливаю к кухне. Из окошка светит улыбка Чжана — он шеф восьмой и брат Ли, моего давнего друга.

— Хаюшки, Кэйт! Лови «Ужин самурая»! Придержал специально для тебя, сестрёнка, — кричит Чжан, бросая мне коробку.

У меня в гоглах загорается адрес, навигатор тут же начинает чертить маршрут перед глазами. Чжан очень добр ко мне. За доставку «Ужина» курьеру платят втрое больше обычного. Правда, и мороки с ним завались...

— Сеньки, бро! Я когда-нибудь с крыши долбанусь от твоей доброты! — смеюсь в ответ и даю по газам. Заказы не любят долго ждать. Но Чжан может быть уверен: я его не подведу.

Мчусь по Зелёной к центру, потом по промежуточной улице — на Оранжевую. По бокам мелькают неоновые вывески. Навязчивая реклама лезет в гоглы. Бла-бла-бла в подарок! Бла-бла-бла, ведь ты этого достойна! Информационный хлам отвлекает от дороги. Жаль, что его нельзя вырубить — я ж не на автопилоте! В гоглах тикает секундомер. Чем быстрее доставлю заказ, тем выше бонусы.

В наушниках — бодрый вьетнамский техно-индастриал. Ветер треплет мои красные волосы. Я люблю яркие цвета, громкую музыку и свободу. И терпеть не могу мотошлемы! К счастью, друзья мне подогнали *худ* — легкий капюшон с секретом. Если что-то будет лететь мне в голову, он тут же надуется — прямо как подушка безопасности! Правда, я ещё не успела испытать это на себе, но говорят, может здорово вжарить по ушам. В любом случае это лучше, чем таскаться с тяжёлым шлемом на голове.

Всего три часа назад я вышла из школы. Коротенькая юбочка, новенькая форма — ну просто ангелочек! Как говорится, ничто не предвещало беды... Вообще-то школы — пережиток прошлого. Если можно учиться дистанционно, с какого фига вставать рано и тащиться на уроки? В нормальных семьях дети учатся дома — на удалёнке. Школы — для тех, чьи предки очень заняты и готовы платить, чтоб за их чилдренами присматривали учителя. И это как раз мой случай. Мать нехило зарабатывает, но сутками напролёт торчит в офисе. А отец... Своего отца я вообще не знаю. Из матери слова о нём не вытянешь!..

Так вот, едва дождавшись конца занятий, я бегу на ближайшую точку «Якудза-суши». Там ждёт рабочий шмот, что я купила за свои деньги — комбинезон, гоглы, гарпун. Бегом переодеваюсь. В городских джунглях девочки с бантиками не выживают. В туалете рисую чёрные стрелки вокруг глаз. С моим слегка восточным разрезом глаз это выглядит весьма агрессивно. Мать явно что-то недоговаривает о моём отце: у неё глаза совершенно другие. Смотрю на себя в зеркало — сойдёт! Чёрный комбинезон в обтяжку, копна красных волос торчит в разные стороны. Ничего — ветер причешет! Надеваю электронные очки-гоглы — вся инфа теперь только через

них. Когда мчишь на скутере — некогда глазеть на другие экраны. Ну, можно и в седло: моя «Электра» вымыта, батареи заряжены — готова к подвигам!

За три часа смены я везу уже пятый заказ. И это не считая пары левых посылок, что подбросила по пути. Оранжевым светят вставки на комбинезоне. Огни на «Электре» сигналият, что я очень спешу. На воронёном борту переливается лого «Якудза».

На Оранжевой ко мне пробует прицепиться «бык» на здоровенном чоппере. Навороченный байк ручной сборки рокошет антикварным бензиновым двигателем неимоверной мощности. Почему-то «бык» уверен, что только он имеет право ездить по городу на двух колёсах. Некогда связываться с тобой, придурок, я на работе! А то я бы тебе устроила урок экстремальной езды, только тебе бы не понравилось... Показываю ему «фак» и бешено рву на светофоре, оставляя «быка» далеко позади. Запомни, мудила, мощность тут не важна! Моя «Электра» всегда уделает твой бензиновый агрегат при старте с места! Стремительно исчезаю в лабиринте безликих улочек.

Наконец, навигатор сигналиит, что я на месте. Адрес доставки — унылая многоэтажка в рабочем квартале. Интересно, кто тут рискнул заказать «Ужин самурая»? Меню не из дешёвых. Не иначе, как местные жлобы устроили себе праздничек. Впрочем, мне-то какое дело? Я прилетела — я улетела!

Рядом с домом — обшарпанный куб многоэтажного гаража. Как раз сойдёт мне для разгона. Спрыгиваю с лошадки. Набрасываю на голову капюшон-худ, теперь я — совсем как маленький чёрный ниндзя. Бегу к гаражу, на ходу активируя гарпун на руке. Начинается веселуха!

Смарт-дротик выстреливает из гарпуна и летит на крышу, разматывая за собой нитку кевларового троса. На лету дротик превращается в крюк-кошку и намертво цепляется за что-то там наверху: не даром же он — смарт! Трос звенит, как натянутая струна, и лебедка со свистом тащит меня вверх.

Вот почему так трудно стать курьером «Якудза-суши» — такие пируэты по плечу не каждому! Чтобы франшиза выдержала конкуренцию, мало *просто* доставлять заказы. Мало оригинальных рецептов и приправ. Мало даже дорогущего чёрного тунца, который каждое утро доставляют гиперпланом с Хоккайдо. Это вам не дешёвые подделки из генномодифицированных рачков, выращенных в какой-то местной луже, это — *настоящая рыба*! Но всё равно этого мало. В огромном мегаполисе франшизы-конкуренты всегда дышат в спину, их сайты — на расстоянии клика. Чтобы выделиться на фоне всех этих выпендрёжных пиццерий «Коза-Ностра», индийских фастфудов «Каста» и прочих жаренных «Крылышек», нужно доставлять свой товар быстро и с выдумкой. Когда клиенту приносят

«Ужин самурая», он должен запомнить это на всю жизнь! Именно поэтому у нас и работают самые крутые курьеры.

Сумка с лого «Якудза» хлопает по спине. Я бегу по крыше гаража, распугивая голубей. Ага, птички, не ждали, что кто-то вдруг свалится вам на голову на такой высоте! Краем глаза слежу за цифрами секундомера в гоглах. Теперь мне надо повторить тот же трюк с гарпуном, чтоб поскорей забраться на крышу дома. Вжик! — и вот я ещё на шесть этажей выше. Из окна на меня пялится старушка. Смотри, бабуля, как работают лучшие курьеры в городе! Надеюсь, ты не успеешь вызвать полицию до того, как я доставлю товар и свалю отсюда.

Осторожно выглядываю вниз — вот и нужное окно. Координаты совпадают. К счастью, оно открыто. Молодцы, клиенты, дочитали инструкцию до конца! Когда заказчик тупит и забывает оставить окно открытым, приходится спускаться медленно и вежливо стучать в стекло. А это — плюс лишние секунды и минус бонусы. Но сейчас всё будет быстро...

Чёрной птицей бросаюсь вниз с крыши. Трос скрипит и тормозит меня на нужной высоте. Хлоп! — и вот я уже на подоконнике. Окидываю комнату взглядом — угадала: какая-то вечеринка местных жлобов. Здоровые туши, бритые затылки — с такими в тёмном переулке лучше не встречаться. Видать, насшибали денег и решили устроить фестиваль. Но меня это не колышет, сейчас я — под защитой фирмы. Если вдруг что случится — «Якудза» найдёт способ доходчиво объяснить, что их курьеров лучше не трогать.

Спрыгиваю внутрь и в лёгком поклоне вручаю коробку самому здоровому жлобу. Всё как положено: лицом к лицу, из рук в руки. У такой цундере, как я, плохо выходит передавать вежливые японские манеры. На лицах жлобов — шок, словно к ним залетела граната. Люблю это выражение у клиентов: значит, мы всё ещё можем удивлять!

Секундомер в гоглах останавливается, ниже выпадет сумма бонусов. Заказ доставлен, можно валить.

Один из жлобов вдруг выходит из шока и вкуривает, что перед ним — девушка.

— Эй, малышка, а может, повеселишься с нами? — пытается он выдавить улыбку, в которой не хватает пары зубов.

— Я на работе! — рычу в ответ и сигаю на подоконник; надо скорее смываться отсюда. — Будет нужна приватная доставка, скачай себе «Кубер» и введи мой ник.

Моя визитка — пластиковый квадратик с контактами — летит жлобу в руки, точно сюрикен. Как и большинство курьеров, я берусь и за левые заказы. Но только не сейчас. Сейчас пора ехать за новой коробкой суши. Привычным движением выпрыгиваю в окно и краем глаза вижу пролетающий мимо дрон с мигалкой. Похоже, старушенция таки успела стукнуть копам.

После смены лень ехать домой. Мать, наверное, ещё на работе. Но если и нет — последние пару лет мы живём словно в разных вселенных. Она у меня карьеристка, а я у неё — разгильдяйка. Вот, если бы отец был с нами... Нет, сейчас дома мне точно нечего делать!

Я еду в «Берлогу». Сворачиваю на Белую и мчусь в сторону вокзала. Сигнальные огни на «Электре» выключены. Теперь я просто неприметный чёрный жокей на вороной лошадке. Не доезжая вокзала, сворачиваю в *трущак*.

Трущак — это не просто трущобы. Громадная промзона тянется на километры вдоль железки. Когда-то, ещё до моего рождения, это была гордость и основа экономики нашего мегаполиса. Но в мире глобальных корпораций ничто не стоит на месте. Где-то заводы открываются, где-то закрываются. Ничего личного — просто бизнес! Сейчас трущак — это километры заброшенных фабрик и ангаров, где лишь местами теплится жизнь.

Трущак — земля сквотов. Бомжи, неформалы и прочие неприкажные души захватывают и селятся тут в пустующих зданиях. Кого здесь только не встретишь — непризнанные художники, мигранты, радикалы, беглые преступники и торговцы дурью. Все, кто не хочет болтаться в центре — под присмотром копов и камер наблюдения. Не знаю, почему власти до сих пор не разогнали это безобразие. Наверное, думают: пусть лучше весь этот беспредел будет в одном месте, чем разползётся по всему городу. Трущак — территория свободы и анархии. Тут даже днём не встретишь полисмена. И, конечно же, здесь полно тинейджеров, которым, как и мне, не сидится дома по вечерам.

Уже почти стемнело. Ветер гоняет по растрескавшемуся асфальту пластиковые пакеты. В нос бьет коктейль запахов мочи, гашиша, восточных благовоний и отбросов. В железных бочках горит мусор и у этих очагов собираются группки по интересам. Проезжаю мимо растаманов, что пляшут под бумбокс, размахивая дредами. Дальше — кришнаиты поют и раздают сладости. Патлатые парни продают какой-то хлам у обочины. Или, может, это искусство — в сумерках и не разберёшь!.. За ними подонки с разноцветными ирокезами что-то жарят на огне. Фу! Кажется, это была собака... Осторожно объезжаю распростёртые на дороге тела без признаков жизни — напились, наверное, или ещё что похуже.

Несколько угрюмых парней подпирают стену. Бритые виски, мелированные чубы, к кожаным жилетам грубо пришиты собачьи хвосты и меховые воротники. Это нормы или норманцы — агрессивное движение коренных горожан. Лучше держаться подальше: от этих добра не жди, особенно, если им не понравится твой разрез глаз или оттенок кожи. Еду мимо, стараясь не глазеть в их сторону. Что они тут забыли?! Вообще-то, у них база в другом конце трущак...

Вот и «Берлога». Старое фабричное здание светит издали полувыбитыми окнами. «Берлога» — любимое место тусовки курьеров. Это наш сквот, наш анти-клуб, наш фриспейс.

Через покосившиеся решётчатые ворота заезжаю в подворотню, распугивая курьеров-малолеток, толпящихся у входа. Большинство из них даже на скутере никогда не сидели, а уже хотят попасть в это легендарное место. Развозят, наверное, левые заказы на роликах. Бегиннеры!

Ставлю «Электру» в стойло — чуть не половина двора заставлена скутерами и байками разных мастей. Дёргаю железную дверь, испитанную ругательствами на всех языках мира, и попадаю внутрь. Мощный индастриал из колонок наваливается на барабанные перепонки. Ну, вот я и дома!

— Йо, Кэйт! Как сама? — кричит мне Родакилл из-за старых ящиков, сложенных наподобие барной стойки. Махаю ему в ответ, перекидывая музыку нет желания.

«Берлога» — это не клуб и не бар, тут нет персонала. Тут всё домашнему, даже по-семейному. Родакилл — здоровый лысый детина с добрым лицом — не бармен и не хозяин. Он, так сказать, старший по заведению — организатор и душа «Берлоги». Здесь все его знают и любят, и он тоже любит и знает всех.

Стены «Берлоги» в несколько слоёв расписаны граффити, выбитые стёкла закрыты листами пластика с потёками аэрозольной краски. Курьеры всех возрастов развалились на разношёрстной мебели, притащенной со свалок или наспех сколоченной из бочек, покрышек и старой тары. Ещё несколько этажей выше переделаны для отдыха, творчества или ночлега. В «Берлоге» можно и пожить, если тебе некуда податься.

Кто-то из знакомых замечает и машет мне.

— Кэйт! Погнали завтра на косплейную ретро-пати в стиле панк? — кричит мне Сарвари, девушка с глазами цвета иранской ночи. Если б она не подалась в курьеры, наверное, до сих пор ходила бы в хиджабе.

— Шутишь? — пожимаю плечами. — У меня и костюма нет.

Сарвари смеётся:

— С твоими волосами и комбинезоном тебя и так пустят.

— Да забейте вы на это старьё! — Иван бестактно вламывается в разговор. — Радиоактивный металл — вот музыка будущего! Родакилл, а ну поставь нам «Расплавленные стержни»!

Родакилл заодно выполняет и роль местного диджея. Он хитро подмигивает, и колонки наполняют завывание электронных демонов. Резкие сэмплы на фоне хрипят, словно треск дозиметра.

— Заходите сюда! — Иван кидает нам пару флаеров.

На кусках пластика цвета ржавчины голографическими перегибами светится: «*Рэидиоэктив Мэтал Пати*». Ниже под значком

радиации — список групп-участниц: «Дети Чернобыля», «Дюк Ньюкем», «4й блок», «Вархедз» и в самом низу, в качестве хедлайнера, крупно: **«РАСПЛАВЛЕННЫЕ СТЕРЖНИ»**.

Тайком рассматриваю смазливое личико Ивана. Модно подстриженные волосы неравномерно выбелены. Хитрые глаза скрываются за гоглами последней модели. Он ничуть не изменился — такой же заносчивый и самоуверенный, как и год назад, когда впервые притащил меня в «Берлогу». Какой же я тогда была дурой!

— Минуту внимания! У меня объявление! — Рoadкилл с трудом перекикивает завывания «Расплавленных стержней». — Я вчера отфильтровал баррель этанола, так что все желающие — подходите, угощайтесь!

Рoadкилл грохает на стойку увесистый кег литров на тридцать. Вообще-то биоэтанол пить нельзя. Это горючее для машин, что ещё ездит на двигателях внутреннего сгорания. Со всякими химическими добавками, специально чтоб его не пили. Но ведь это практически чистый рапсовый спирт! На магазинный алкоголь накрутили такой налог, что купить его по карману далеко не каждому. Поэтому в трущобах процветает самогонование. Местные бутлегеры делятся на два типа: гонщики и фильтровщики. Гонщики — перегоняют самодельный спирт из доступных материалов. Фильтровщики, вроде Рoadкилла, покупают биотопливо и фильтруют его от примесей. Выходит дешевле, чем в супермаркете. У стойки быстро собирается толпа охочих до халявы курьеров. Большинство их них всё равно не могут купить себе магазинный алкоголь ни по цене, ни по возрасту.

— Всем «коктейль Молотова»! Мой личный рецепт! — кричит Рoadкилл, перекрывая рёв музыки. — Только не забывайте оставлять добровольные пожертвования, если хотите, чтоб завтра я отфильтровал для вас ещё баррель!

В копилку падают мелкие мятые купюры. Пластиковые стаканы наполняет этанол и дешёвый кофейный сироп, густой и чёрный, словно машинное масло. В пойле никак не меньше половины чистого спирта. Малолетки пытаются тянуть эту адскую смесь маленькими глотками и корчатся в муках. Нубы! Коктейль надо вливать в себя мгновенно, пока рот не взорвался!

Получаю от Рoadкилла стаканчик и осушаю одним махом. Несмотря на фильтрацию у коктейля жуткий химический привкус, будто в самом деле пьёшь моторное масло. Огонь разливается по телу, от кофеина и остатков химии сужаются зрачки. Мир вокруг становится ещё темнее и резче. На закуску идут дешёвые рисовые чипсы и соевое печенье. Гадость, конечно, но когда ты среди друзей — кажется, ничего вкуснее нет!

В толпе ко мне незаметно подкатывает Иван.

— Ну, что, детка? Может, вспомним старые времена? — дышит он мне в лицо смесью рапсового перегара и дешёвого табака.

— Отвали! Я тебе не детка! — отталкиваю его.

Нежели Иван надеялся, что я разомлею от глотка коктейля?! Я думала, то, что у нас случилось когда-то на заднем сидении автопилот-такси, было любовью. А оказалось, этот кобель просто хотел пририсовать себе ещё одну победную звёздочку на борту. Коллекционер хренов!

— Китти! Ты чего такая неласковая? — Иван изображает свою коронную ухмылочку. Из-за гоголов, которые он не снимает, никогда не поймёшь, что у него в самом деле на уме.

— Какие-то проблемы, Иван? — сзади внезапно вырастает фигура Ли.

Ли — мой давний друг, мой рыцарь. Он всегда готов прийти на помощь. Но Ли — слишком хороший для меня, слишком правильный. И вообще, после Ивана меня не особо привлекают сверстники.

— Уйди, противный! Ты не в моём вкусе! — Иван, прикалываясь, отталкивает Ли, но видно, как в нём закипает злоба. Всех своих девушек, даже бывших, Иван рассматривает, как свою меченую территорию. Парни толкаются у стойки, хватая друг друга за грудки. Из-за громкой музыки я не слышу, что они кричат, но, похоже, сейчас будет драка. Родакилл ухмыляется, глядя на потасовку. Если что — в соседнем цехе есть место для дуэлей. Когда надо, «Берлога» может превращаться и в бойцовский клуб. Сарвари пытается утихомирить Ивана. Берегись, подружка! Твоя доброта может вылезти боком...

В «Берлогу» влетает совсем юный курьер и верещит:

— Нормы! Нормы идут! Они хотят отобрать «Берлогу»!

Пацан держится за разбитый затылок. Похоже, не шутит. Так вот зачем они тёрлись поблизости! «Берлога» — место без расовых предубеждений. Большинство тут — дети мигрантов и смешанных браков. Я вижу вокруг много раскосых азиатов, смуглых арабов, мулатов, хотя и европейских лиц немало. С моей внешностью в «Берлоге» намного уютнее всех прочих тусовок. Нормов тут не любят, а нормы — не жалуют нас. Но «Берлога» — это лакомый кусок. Пожалуй, не одна здешняя группировка хотела бы прибрать её к рукам. И нормы — не исключение. В трущобах, где царит первобытная анархия, все конфликты решают крепкие кулаки, цепи и биты. Если нормы собрали здоровую банду — жди драки!

Родакилл вырубает музыку. В воздухе звенит тревожное напряжение. Иван мгновенно забывает про ссору с Ли и вскакивает на стойку:

— Они хотят махач? Будет им махач! — орёт он, и десятки глоток кричат ему в ответ:

— Махач! Баттл!

Родкилл задорно добавляет:

— Так, ребятки, рецепт коктейля срочно меняется! — и вытаскивает канистру с моторным маслом. — Только не вздумайте его пить! А то знаю я вас, халывщики!

Боевой коктейль разливается по пластиковым пакетам: стеклянные бутылки — музейная редкость. Родкилл умело приделывает к ним запалы и раскладывает по ящикам наизготовку. Курьеры по углам разбирают арматуру и хлам — всё, что может сгодиться для обороны. Кто помладше и послабее духом — спешно разбегаются по домам.

На крики прибегают художники-леваки. На верхнем этаже они оборудовали мастерскую для своего революционного искусства. Они же расписали лестницы «Берлоги» портретами Мао Дзедун и его лозунгами об интернациональной дружбе. Я не читаю по-китайски, но в глазах — встроенный переводчик. Курьеры раньше никогда не слышали про Мао, но граффити нравятся.

— Это всё от того, что люди забыли ценность интернационализма и дружбы между пролетариями разных народов! — многозначительно изрекает патлатый художник-маоист, услышав о готовящемся нападении.

— Сейчас не время для проповедей, — хмурится Родкилл. — Вы чем-то помочь можете?

— Чем-то можем... — художник загадочно улыбается, берёт ящик с «коктейлями» и возвращается наверх, бросая через плечо: — Огнём по штабам!

Мы с Ли бежим на разведку. Через битые окна «Берлоги» можно разглядеть десяток нормов, что толкуются невдалеке. Думаю, это передовой отряд разнохивает обстановку.

Но у меня тоже есть свой секрет. Тихонько включаю сканнер и осматриваю окрестности. Вот они, голубчики! Я вижу метки приличной толпы народа. Основные ударные силы нормов прячутся за складами, готовя внезапную атаку.

— Их там десятки! У меня аж в глазах рябит! — говорю Ли, указывая на склады: — Вон, за углом! С ними несколько тяжёлых мотоциклов.

— Откуда ты знаешь? Я ничего не вижу! — Ли удивлённо таращится на меня.

Я смеюсь:

— Одолжила глаз у шамана.

— И давно ты с шаманами водишься? — косится он недоверчиво.

— Недавно подружилась с одним. Помогаю ему устанавливать *жучки* по разным интересным местам, а он делится со мной кое-какими секретами.

— Надо сообщить остальным. Давай вниз! — Ли бросается к лестнице.

Курьеры вываливают из «Берлоги» во двор. Решётка ворот хлопнута. Пока пацаны укрепляют её перед осадой, девчонки мерно колотят в железные бочки посреди двора. Тревожный гром тамтамов разносится вокруг грозным предупреждением. Просто-таки первобытного племя вышло на тропу войны!

Потеряв надежду на внезапность, нормы неспешно выползают из засады. Полсотни здоровых лбов идут вразвалочку, с битами и обрезками труб наперевес. Кто-то тащит бойцовских собак на поводках. Нормы прихватили с собой нескольких «быков» — также вечных врагов курьеров. Их чопперы, тяжёлые словно танки, басовито грохочут, волоча по земле увесистые отрезки цепей. Непривычный рокот и лязг железа давит на психику. Прямо армия гоблинов на параде! К счастью, ворота «Берлоги» уже забаррикадированы. За ними толпятся курьеры с арматурой наизготовку. Кто-то предусмотрительно надевает мотошлемы. Две вражеские армии стоят, разделённые решёткой, лицом к лицу, глаза в глаза. Баттл назревает нешуточный.

Здоровенный норм, похожий на гориллу в жилете, выходит наперёд, помахивая бейсбольной битой. Вожак, наверное.

— По старому обычаю трущоб! — выкрикивает он. — Мы бросаем вам вызов! Чтобы в честном бою решить, кому будет принадлежать «Берлога»! Нам — рождённым здесь коренным горожанам? Или шайке желтопузых отбросов?

Толпа нормов за его спиной одобрительно гудит:

— Косоглазые! Вон из города!

— Не много ли вы на себя берёте?! — кричит Родакилл через решётку. — По старому обычаю трущоб — мы принимаем вызов! Кто полезет в «Берлогу» без приглашения — потом не жалуйтесь мамочке!

Курьеры подхватывают:

— Собаки! Псы бешеные!

— Поцелуй меня в зад, жирная скотина! — вопит Иван вожаку нормов из-за плеча Родакилла.

— Если б ты ещё в драке был таким смелым... — стоящий рядом Ли иронично шурится.

И тут с верхних этажей вылетает зажжённый «коктейль Молотова» и разрывается в метре от вожака. Мазилы! Похоже, с глазомером у революционных художников не всё в порядке.

Сигнал к началу битвы дан! Ватага нормов с воплями бросается на штурм. «Быки» успевают набросить цепи, и их мощные мотоциклы вырывают ворота «Берлоги» с мясом. Армия гоблинов рвётся внутрь, круша всё, что попадает под руку. Двор фабрики мгновенно превращается в месиво дерущихся тел. При свете взрывающихся коктейлей, под грохот железных тамтамов это напоминает какую-то безумную пляску дикарей.

Мы с Сарвари кидаем со второго этажа ящики и старые стулья на бритые головы гоблинов. Сверху мне видно, как волна атакующих постепенно захлёбывается и начинает откатываться обратно за ворота. Кто-то хроает, кто-то держится за разбитую голову. Получили?! Будете знать, что курьеров не так-то просто выкурить с их территории! Атака отбита, но битва ещё не выиграна.

Иван в запале бросается вдогонку, пытая отступающих нормов. Но враг ещё силён — Иван получает несколько увесистых оплеух. Ли бросается ему на выручку и попадает в ловушку — несколько здоровых гоблинов валят его на землю.

— Ли! Отползай! — кричу я из окна не своим голосом.

Но он не может. Его крепко зажали у ворот и колотят арматурой. Ли, словно в латы, закован в тяжёлый мотокомбинезон со щитками, но даже этот чудо-костюм не рассчитан на подобные нагрузки. В таком мисилове запросто схлопотать заточку под рёбра.

Я выпрыгиваю из окна и мчусь на помощь.

— Ты куда, дура? Жить надоело?! — Иван орёт мне вслед, держась за распухающую щеку.

Но я не слушаю. Стреляю гарпуном в норма, навалившегося на Ли. Это не смертельно, но очень больно. Тот хватается за ногу и откатывается в сторону. Валю на землю другого хилого гоблина, мёртвой хваткой вцепляюсь в третьего, поздоровее. Жаль, что на айкидо меня учили захватам, а не ударам! Ли барахтается рядом, пытаюсь вырваться. Его хотят скрутить цепью, но он спускает электрошокер, встроенный в костюм. Здоровенный «бык» на другом конце цепи, корчась, падает на землю. Ещё мгновение — и Ли будет свободен...

И тут я краем глаза вижу обрезок ржавой трубы, что медленно, будто в рапиде, летит мне прямо в голову. Звуки тамтамов, пламя горящих бочек, движения дерущихся — всё вдруг замирает на одно бесконечное мгновение, слишком короткое, чтобы уйти от удара...

Бам!!! Мир перед глазами превращается в море искр, из звуков остаётся лишь звон в ушах. Я валюсь на асфальт, ощущая щекой что-то резиновое. В глазах темнеет. Чувствую, как кто-то меня куда-то тащит...

...Кажется, я на время отключилась. Медленно открываю глаза — ничего не меняется. Всё так же темно. Откуда-то доносится невнятный шум. Осторожно ощупываю себя. Переломов вроде нет. Голова на месте, комбинезон тоже. Но в руках непривычная лёгкость. Гарпун с правой руки исчез. Браслета терминала на левой — тоже нет. Теперь я одна в темноте — без оружия, без связи, без света.

Обнаруживаю у себя шее ошметки. Это же остатки моего худа! Капюшон сработал-таки за мгновение до удара, превратившись

в надувную подушку. Бедный мой капюшончик! Если бы не ты, у меня сегодня появилась бы лишняя дыра в голове... Но где же это я?

Ощущаю под собой сырой шершавый цемент. Холодный сквозняк несёт запах погребя и собачьей мочи. Похоже, я всё ещё в трущаках. Но где все остальные курьеры?

Вдруг мои руки натываются на железную решётку. Со всех сторон меня окружают толстые ржавые прутья. Я в клетке?! Из-за прутьев раздаётся глухое рычание. Или показалось? Как же меня бесит эта темень!

Блин, как же я могла забыть — в комбинезоне есть подсветка! Мягкое белое свечение загорается вдоль швов. Вообще-то это примочка для красоты, но лучше, чем ничего. В тусклом свете понимаю, что сижу в клетке размером метра полтора. Такие же клетки придвинуты слева и справа.

За решёткой вдруг вспыхивает пара светящихся глаз. Рядом — ещё одна. Рычание переходит в хриплый лай. Несколько собак смотрят на меня из соседних клеток. Хорошо, что нас разделяют прутья. Что же это за место? В «Берлоге» такого отродясь не было. Я едва могу разобрать низкий бетонный потолок, с которого свисают железные цепи.

И тут меня молнией пронзает догадка: это же «Живодёрня»! Я сижу в клетке на базе норманцев! Страх накатывает ледяной волной. Что же со мной теперь будет?!

Вместо ответа я слышу скрип двери. Щелчок — и подвал заливают светом! В дверь заваливается вожак нормов, тот самый, что бросал нам вызов перед «Берлогой». Его левая рука в свежих бинтах. Бойцовские псы в клетках заливаются радостным лаем. Вожак бродит между ними, бросая голодному зверью куски мяса. Не хочется даже думать, чьё оно! Мясо из магазина — слишком дорогое удовольствие для собак.

— Оклемалась уже? — туша вожака нависает над моей клеткой.

— Мы на «Живодёрне»? — после темноты я шурюсь от света.

— Догадливая!

— И что вы собираетесь делать?

— Будем ждать, когда за тебя заплатят выкуп! — он задумчиво чешет грязную бороду.

— Да хрена с два! У моих родителей нет денег! — может, блеф меня спасёт.

— Не надо заливать, детка! Я знаю, сколько стоит твой комбинезон! — лыбится вожак.

— Я сама его купила!

— Ну, значит, сама и заплати! — гогочет он.

— Придурок! Мне завтра в школу! Меня искать будут! — не успеваю я выдумать ничего лучше.

— А спорим, никто и не заметит! — вожак скалится. — Можно подумать, ты уроки никогда не прогуливала?

Он бросает псам последний кусок мяса и собирается уходить.

— Эй, стой! — кричу ему вслед. — А если за меня никто не заплатит?

— Тогда Белая Королева отправит тебя на ринг. В честную схватку против пёсика! — от его гогота сотрясаются бетонные стены; бультерьеры в клетках сердито рычат. — Собачьи бои у нас тут регулярно. Зрители заплатят за зрелище. Это будет веселее, чем просто придушить тебя потихому.

Вожак щёлкает выключателем и захлопывает тяжёлую дверь. Я снова одна во тьме. Псы в соседних клетках чавкают и грызутся за кости.

Что же делать? Звать на помощь? Кроме нормов и бультерьеров меня тут никто не услышит. Позвонить? Но у меня забрали терминал! Да и куда бы я звонила? Полиция в жизни не приедет ночью в трущобы! Разве что, если тут начнётся Четвертая Мировая война. И то сомневаюсь. Впутывать сюда мать — ещё более глупая идея. Чего доброго, ушлёт меня потом в какой-нибудь загородный интернат закрытого типа — и прощай, вольная курьерская жизнь! Нет, свои проблемы я буду решать сама!..

Изю всех сил вцепляюсь в клетку. Дверца заперта на увесистый замок. Прутья — толстые: трясина, не трясина — не согнёшь. Только псы начинают нервно рычать в темноте. От злости и бессилия из глаз брызгают слёзы. Ну, что я за слабачка такая?!

Устало сползаю на холодный пол. Надо успокоиться и всё хорошенько обдумать. Вспоминаю про обогреватель, встроенный в комбинезон. Ну, хоть от холода я не умру. По крайней мере, пока не сядут батарейки...

Мерцающие неоновые вывески Старого города отражаются в окнах крохотной мансарды. Мужчина за тридцать сосредоточенно смотрит в большой экран моноблока. Стопка приборов рядом переливается разноцветными огоньками. Знакомые знают мужчину под кличкой Спай. Для них он — шаман.

В мире, где даже кофеварка не работает без подключения к Сети, всем управляют цифровые потоки данных. Девяносто процентов людей, правда, об этом даже не задумываются. Им неважно, как это устроено, достаточно знать, где включить и выключить. Поэтому человека, умеющего управлять этими невидимыми потоками, они воспринимают как мага или шамана.

Спай сейчас очень занят — он заклинает демона. Демон, открывающий вход в один из городских банков, капризничает и не хочет

приручаться. Промучившись битый час, Спай устало тянется за банкой рисового пива.

— Ну и чёрт с тобой! Пойдём дедовским методом. Медленно, но надёжно... — устало выдыхает он и вызывает «Голема».

«Голем» — сетевой бот для чёрной работы — появляется на экране, морща трехмерный глиняный лоб. Спай вкладывает ему в рот папку с данными и приказывает:

— Пережуй мне это до завтра и вытряхни все пароли.

Затем щёлкает его по лбу, и «Голем» уходит трудиться. Кажется, работа Спая на сегодня окончена. Что ли за пивом сходить? Когда сутки напролёт сидишь перед экраном, не хочется вызывать курьера. Небольшая прогулка в ближайший магазинчик — как благословение.

Спай накидывает полиуретановую куртку и тут замечает красный сигнал в углу монитора. Не мог же «Голем» так быстро справиться. Нет, это сигнал радио-маячка: что-то случилось.

Спай открывает сообщение. Этот маячок он подарил девочке-курьеру, что порой делает для него кое-какую работёнку. Когда-то она здорово ему помогла в срочной доставке секретных материалов, и за это он ей благодарен.

«Эй, чувак! Ты меня слышишь? Это Кэйт! Мне зверски нужна твоя помощь!..» — её голос дрожит и тонет в шумах. То ли собаки скулят на фоне, то ли она плачет? На такую сорвиголову, как Кэйт, это совсем не похоже. Видно, дело и впрямь — дрянь.

Спай ищет источник сигнала. Трущак. А точнее — «Живодёрня», опорная точка норманцев. Вот дела! В логове матёрых радикалов вряд ли что-то хорошее ждёт девочку с восточным разрезом глаз. Надо спешить.

Спай выскакивает из мансарды, на ходу набирая на браслете вызов беспилотного такси. На улице уже совсем стемнело.

Бетонная коробка «Живодёрни» сотрясается от воплей и хардкорных ритмов. Сегодня ночью здесь собачьи бои. Нормы, потрёпанные неудачным набегом на «Берлогу», и всякий сброд, охочий до кровавых зрелищ, собрались развлечься и поиграть на ставках.

Когда-то «Живодёрня» была скотобойней промышленных размеров. С потолка до сих пор свисают цепи с крюками. В цементном полу посреди цеха — пустой бассейн, который теперь используют как ринг. Вокруг — трибуны, собранные из всякого подручного хлама.

— Значит, ты пришёл за девчонкой, шаман? — Белая Королева слегка приподнимает бровь.

Она восседает на широком троне, похожем на ложе из собачьих шкур. С трёх сторон трон защищён решётками и задернут старым брезентом от гуляющих тут сквозняков. Длинные волосы Королевы

выбелены словно вата. Она ослепительно красива и прекрасно это знает.

— И что такого ценного ты нашёл в этой косоглазой малолетке?

— Она — мой партнёр по бизнесу, — голос Спая твёрд.

Королева пристально рассматривает его покрытое щетиной лицо. Не то, чтобы очень мужественное, но спокойное в своей решительности. Простенькая полиуретановая куртка, чёрный капюшон на голове. Ничего примечательного.

— Ну что ж, бизнес — есть бизнес. Хочешь забрать товар — плати выкуп.

— Ты сперва покажи.

Королева хлопает в ладоши, и два здоровых норма втаскивают клетку с Кэйт. Та испуганно вцепилась в прутья, под глазами чёрные потеки, но вроде цела.

Спай одобрительно кивает:

— У меня нет сейчас денег, но я могу отработать. Труд хорошего шамана дорого стоит.

— Откуда мне знать, что ты хороший? — ухмыляется Королева.

— А ты у своих берсерков спроси, — в ответе Спая звучит ирония.

Белая Королева вопросительно смотрит на стоящего рядом жожака.

— Королева, он снял три кодовых замка и обошёл пятерых дозорных, пока шёл сюда! — жожек виновато хмурится.

Королева размышляет, теребя край жилета, похоже, из настоящей кожи. Интересно, из чьей, думает Спай. Натуральная кожа в мегаполисе — редкое украшение.

— Допустим, у нас есть давняя мечта... — Белая Королева хитро щурится и делает многозначительную паузу. — Украсть базу ДНК всех граждан города. Несколько миллионов записей. Чтобы направлять деятельность нашей организации, нам нужно знать расовое происхождение каждого жителя. Скачаешь нам базу — девчонка твоя. По рукам?

Спай кивает:

— Мне нужен мощный терминал с хорошим каналом.

— Без проблем, — по кивку Королевы нормы вносят моноблок и ставят на стол рядом с рингом, откуда собачники уже вытаскивают окровавленное тело очередного пса.

Спай подключается, проверяя соединение.

— Только вот что... — вдруг добавляет Королева. — Мы тут не в шахматы играем. У нас принято повышать ставки. Сейчас на ринг выставят двух лучших псов в «Живодёрне». Успеешь украсть базу до конца боя — получишь, что хотел. Не успеешь — значит, твоя косоглазая отправится на ринг в следующем бое. Видишь ли, моим зрителям нужно *шоу*, а не унылый стук по клавишам.

Она кривится в недоброй улыбке, пока из клеток вытаскивают здорового мастифа и питбуля с множеством шрамов. Псы рычат и царапают когтями цемент.

Спай щурится и пристально смотрит Королеве прямо в глаза.

— Идёт, — наконец произносит он.

Собачники подтаскивают псов к краю ямы.

— А теперь новый бой! — ревёт вожак, и его голос многократно усиливается в колонках. — *Бульдозер против Ганнера! И — Спай против Департамента медицины!* Делайте ставки!

Зрители шумят и выкрикивают своих фаворитов. Помощники собирают у них мятые купюры.

— Ставлю на шамана! — кричит один из нормов-охранников.

— Ставлю, что задрот провалится! — выкрикивает другой берсерк и бросает купюру в копилку.

— Начали!

Раздаётся гонг. Псы на ринге бешено набрасываются друг на друга.

Спай принимается за работу. По ту сторону ринга он видит глаза Кэйт, что неотрывно смотрят на него из клетки. Ему вдруг вспоминаются студенческие годы, когда они с друзьями наперегонки взламывали камеры наблюдения в женских общагах, а на кону стоял ящик рисового пива.

Спай соединяется с сервером-хранилищем где-то в глубинах Цитадели. Демоны хранилища обнюхивают его, пытаются понять, кто он и откуда. Чёрт с ними! Сейчас нет времени заморачиваться анонимностью. Всё равно взлом идет из «Живодёрни». Пусть нормы сами потом разбираются со Службой Безопасности — это уже их проблемы.

Бульдозер на ринге мёртвой хваткой цепляется в щеку питбуля. Хорошо, что не в шею — это была бы чистая победа.

Спай кидает эксплойт в зубы одному из демонов. Тот захватывает наживку и... эксплойт взрывается внутри, вынося демону мозг. Сработало! Теперь демон послушен, как дрессированный щенок. Хорошо, что медицинская база не так уж секретна, тут нет защиты высшего уровня. На плечах демона Спай въезжает в открывшееся хранилище.

На ринге питбуль злобно рычит и бьёт лапами, пытается сбросить с себя рябую тушу мастифа.

Теперь главное — успеть найти нужную базу. Хлопать каталогами нет времени. Спай набрасывает несколько ключевых слов: а ну, демон, ищи!

Дела у питбуля на ринге идут совсем неважно, Бульдозер заметно тяжелее и не уступает в опыте.

«Ну же, песик! Поживи ещё немножко...» — шепчет про себя Спай, быстро листая результаты, что нарыл демон. Вот это очень похоже на нужное...

Белая Королева встаёт с трона и подходит к краю ямы. Окровавленный питбуль хрипит на цементном полу, но еще продолжает сопротивляться. Бой на ринге приближается к финалу.

На экране медленно капает проценты. Миллионы профайлов с генетическими портретами горожан утекают в моноблок Спая.

Наконец, питбуль затихает. Собачники прыгивают на окровавленный пол и начинают разнимать псов.

— Ну, шаман, бой окончен! — Белая Королева нависает над ним, деловито сложив на груди густо татуированные руки.

Спай краем глаза видит, как один из нормов пытается вытащить Кэйт из клетки. Но девчонка вцепилась в прутья и яростно отбивается, силясь достать ботинком в челюсть громилы.

Белая Королева наблюдает эту сцену с язвительной ухмылкой и бросает Спая:

— Бойкая она у тебя. На ринге будет то ещё зрелище!.. Так что, шаман, есть чем похвастаться?

Спай встаёт и разворачивает моноблок к Королеве:

— А ты сомневалась?

Закачка завершена.

— Ну-ка, найди себя! — Королева недоверчиво смотрит на экран.

Спай вводит имя и тут же находит свою анкету.

— Недурно, — Королева придирчиво изучает профайл на экране. — Девяносто восемь процентов славянской крови? А ты, шаман, редкий экземпляр в наше время! Если б ещё не водился с этими желтопузыми...

— Могу и твою анкету открыть.

— Нет, спасибо. Дай-ка, я сама кое-что поищу. Можешь пока посидеть на моём троне, раз уж ты сегодня победитель.

Королева склоняется над моноблоком, а Спай торжественно шествует через зал. Зрители галдят, требуя свои ставки. Часть из них хорошо наварила на тотализаторе: в победу шамана верили немногие.

Из колонок несётся оглушительный хардкор. Нормы то ли танцуют, то ли толкаются посреди зала. После боёв хочется выплеснуть агрессию в дикой пляске. Моноблок с базой выносят из зала, и Королева не спеша возвращается к трону.

— Надеюсь, теперь я могу забрать свой выигрыш? — спрашивает Спай.

— Осталась лишь небольшая формальность... — лукаво говорит Королева и вдруг страстно впивается в губы Спая. — Думаю, ты не будешь против задержаться тут ещё чуть-чуть?..

Она медленно расстегивает свой кожаный жилет с меховым воротником.

— Только теперь можешь уже так не торопиться... — с улыбкой добавляет она.

— А как же твои вожаки? — уточняют Спай.
— Они подождут. Я глянула их карты — просто свалка генетических отходов! Сплошное разочарование...

Королева задерживает брезентовый полог перед тронном и толкает Спая на ложе из собачьих шкур:

— Они у меня теперь вот где! — она поднимает сжатый кулак в кожаной перчатке. — Если кто-то хоть пикнет мне наперекор, я всем расскажу, кем были его предки!..

Спина шамана маячит где-то впереди. Два норма тащат меня под руки к воротам «Живодёрни». Время уже далеко за полночь, но без терминала я не знаю сколько именно. После грома музыки на улице непривычно тихо. Слышно лишь, как за трущакми проносятся скоростной поезд. Из руин соседней фабрики долетают песни на арабском. Трущакми живут обычной ночной жизнью.

За воротами нас ждёт такси. Вообще-то они никогда не ездят в трущакми. Это зона безусловного табу для их автопилотов. Но по дороге Спай успел «*договориться*» с бортовым процессором. Так, что сейчас авто думает, что оно в трёх километрах отсюда, за пределами запретной зоны.

— Вот, возвращаем в целости и сохранности. Так сказать, из рук в руки! — здоровый норм грубо толкает меня к Спая.

Вожак отдаёт мой браслет-терминал.

— А гарпун? — спрашиваю я.

— Он где-то потерялся, — нагло лыбится тот.

— Верни гарпун, горилла! Ты же знаешь, сколько он стоит! — я в бешенстве пытаюсь пнуть вожака ботинком, но Спай вовремя оттаскивает меня и запикивает в машину. Такси тут же срывается с места, похоже, автопилот слушает Спая без слов.

За окном проносятся горящие бочки с мусором.

— Ну, и как она тебе? — хмуро бурчу я, глядя в окно.

— Самка как самка. Ничего особенного, — Спай флегматично ковыряется в панели автопилота, вводя адрес пригорода, где я живу.

— И как тебя не стошнило после всего этого?! — я едва сдерживаюсь, чтобы не накинуться на него с кулаками.

— А ты, что ли, ревновать собралась? Вообще-то, это была часть плана по твоему спасению, если ты не заметила, — Спай раздражённо хмурится. Неужели ему, и правда, понравилась эта крашенная лахудра?!

Я лишь молчу нахохлившись. Пальцы непроизвольно перебирают цепочку на шее.

— Кстати, спасибо за амулет, — говорю я, наконец, и вытягиваю из-за пазухи маячок, замаскированный под армейский жетон. — Сработал-таки...

Эта «собачья бирка» всё время болталась у меня на груди, пока я не вспомнила, как её активировать, чтобы подать сигнал из «Живодёрни».

Устало щёлкаю браслетом терминала на руке. Гарпун жалко до слёз! Он был совсем новый — продвинутая моделька... Мне надо будет ещё месяц корячиться на работе, чтобы скопить на такой. А без гарпуна не доставишь самые интересные заказы, вроде «Ужина самурая», и значит — работать придётся ещё больше. Не просить же деньги у матери, в самом деле!

Как только терминал ловит Сеть, он взрывается десятками сообщений. Потом сразу же идет вызов от Ли. Экран на браслете совсем маленький, а гоглы я, конечно же, посеяла где-то в этой кутерьме, но даже так прекрасно видно вишнёвый фингал у Ли под глазом.

— Ты жива, сестрёнка? — в голосе Ли радость и волнение. — А то мы тут уже собирались Живодёрню штурмовать!..

— Я в порядке. Меня как раз домой везут, — посылаю ему «кисс» и слышу радостные крики Ивана и других курьеров у Ли за спиной. — Передай всем привет. Завтра свидимся!

— Тебя все слышат, сестрёнка! И вот ещё... — Ли замолкает в нерешительности. — Спасибо, что выручила!..

Такси неспешно подъезжает к воротам крутого коттеджного посёлка.

— Я высажу тебя здесь. Всё равно внутрь меня охрана не пустит, — Спай, открывает дверь и хмыкает, глядя на четырёхметровый забор с охранными вышками. — Нехилый райончик. Могу поспорить, тут нет квартир дешевле десяти миллионов. Что ж тебя от такой жизни в курьеры потянуло?

— Нифига ты не понимаешь! — огрызаюсь я. — Пожил бы сам в этой долбанной клетке, по-другому запел бы...

Спай вдруг морщит лоб:

— Кстати, ты говорила, что ищешь информацию о своём отце. Пока качал базу, я мельком глянул твою генетическую карту. Могу сказать, что он был на сорок восемь процентов вьетнамцем и на тридцать четыре — пенджабцем.

— Пендж... Это ещё где? — меня разбирает любопытство.

— Где-то между Индией и Пакистаном. Информации мало, но с этими данными, можно будет что-то раскопать по базе копов. Если хочешь, могу порыться в свободное время.

— Ой, было бы офигенно! — я чувствую внезапный прилив радости. — Знаешь, а я ещё и на четверть еврейка по маме. Интересно, что бы сказали на это нормы?

Я от души хихикаю, пока Спай закатывает глаза:

— Кэйт, ты неисправима!..

На прощание касаюсь губами его небритой щеки и мчусь на проходную. Над ней сияет табличка: «*Кондоминиум ЧУДО-ГОРОД*». Бронированный турникет распознаёт мой терминал и пропускает внутрь. Из мира хаоса — в мир порядка.

Я бегу вдоль аккуратных рядов дорогих таунхаусов. Время на терминале перевалило за два часа ночи. Дроны-косилки шуршат, педантично подстригая газоны. Дорожное покрытие, ровное как бильярдный стол, влажно блестит после уборки. Хорошо бы по всему городу так!

Вот и дом, где мы живём с матерью. Геометричные формы, идеально подрезанные кустики вокруг. Огромные окна, словно витрины, выходят на тихую улицу. Входная дверь гостеприимно открывается передо мной. Значит, мать ещё не перевела домового в ночной режим — ждёт меня. Теперь главное — добежать до ванной, пока она меня не перехватила.

Внутри всё такое чистенькое — аж тошнит! На цыпочках пробираюсь по тусклому залу, стараясь не споткнуться о стильную мебель. Собачий помёт и грязь с мотоботинок кусками отваливаются на стерильный паркет.

— Доброй ночи, мисс Катрина, — раздаётся за спиной пластмассовый голос. — Рад вашему возвращению.

Чуть не подпрыгиваю от неожиданности. Ну конечно, это наш виртуальный дворецкий решил меня поприветствовать. С большого, во всю стену, экрана он улыбается мне такой же искусственной, как и его голос, улыбкой.

— Отвянь, железяка безмозглая! Напугал до смерти...

Домовой не реагирует на грубость, лишь озабочено хмурится, видя грязь на полу:

— Хочу обратить ваше внимание, что санитарная обработка была закончена два часа назад, а грязь является вместилищем множества болезнетворных микроорга...

— Чувак, тут не урок биологии! — перебиваю его. — Если тебя это колышет, возьми сам и убери! Или боишься заразу подцепить?!

Шуток домовой тоже не понимает. Он и впрямь — всего лишь бездушная програмулина, что педантично командует всей домашней техникой и изображает пластмассовую вежливость перед хозяевами.

Домовой на экране кивает. Из-под стола выкатывается блестящий тазик робота-пылесоса и начинает методично подчищать за мной следы.

Ловлю момент и прошмыгиваю в ванную. Там мигом сбрасываю комбинезон и — в душ. Под комбинезоном — ничего. Наноткань самоочищается, так что костюм можно носить на голое тело. По крайней мере, так было сказано в рекламе.

После душа долго кручусь перед зеркалом. На коленке свежий синяк, на щеке — царапины. Локоть разбит до крови — не помогли и налокотники из армогеля... Кажется, грудь за последний год здорово вымахала. На животе порхает тату в виде пары бабочек. Надоели уже! Надо будет свести этот отстой и сделать что-нибудь покруче. Хорошо хоть это — полу-перманент, пара уколов — и следа не останется. Может, набить себе дракона? Разноцветного, на всю спину, как у настоящих якудза!

На мгновение представляю себя на заднем сидении автопилот-такси. Сексуальный дракон извивается на обнажённой спине. Только вместо Ивана в моих объятиях — Спай! Ммм... А это было бы здорово. Очень даже здорово...

— Ты где это пропадала до двух ночи?! — раздражённый голос из-за спины вырывает меня из фантазий.

Машинально закрываю полотенцем бабочек на животе:

— С друзьями засиделась. Ты можешь хотя бы стучать перед тем, как вламываться?!

— А почему на звонки не отвечаешь?

— Там сеть плохо ловит.

— Это никуда не годится! — мать, подбоченясь, изображает строгую учительницу. — Я же переживаю! Обещай мне, что будешь хотя бы звонить, когда задерживаешься допоздна!

Прищурившись, смотрю на неё — лицом к лицу, глаза в глаза. Что-то не похоже, чтоб ты сильно переживала! И хотя мы рядом, мне кажется, будто нас разделяет бетонная стена.

Больше всего на свете мне сейчас хочется крикнуть ей в лицо:

«Значит, он был полувьетнамец-полупакистанец, да, мама?! Зачем было это столько от меня скрывать?! И чем же он занимался? Наверное, был смазливеньким лидером банды мигрантов? Или, может, загадочным профи с криминальными талантами? Мама, а знаешь, меня сегодня могли убить! А ты не хочешь спросить: вдруг я уже тоже беременна?! Или, может, я просто слишком напоминаю тебе о промахах юности?!»

Но вместо этого я лишь тихо выдыхаю:

— Хорошо, мам, — и опускаю глаза.

Сегодняшний день отнял чересчур много сил, чтобы скандалить посреди ночи.

— Ну, ладно, — смягчается мать. — Я спать, мне рано на работу. Ужин тебе оставила на кухне. Где это ты уже локоть расцарапала?!

Она удаляется в свою спальню. Уже со второго этажа доносится:

— И не ходи голышом по дому! Сколько раз можно повторять?..

Мне плевать! Шлёпаю на кухню, перекинув полотенце через плечо, как греческая богиня. Комбинезон я заныкала на дне корзины с грязным бельём. Завтра надо будет перепрятать. Думаю, мать

о многом догадывается, но делает вид, что ничего не замечает. Ну и ладно! Раз молчит — это её проблемы...

На кухне — всё та же стерильная чистота. Хромированная посуда стоит идеальными рядами, как на выставке. Всё чистенько, ровненько, аккуратненько. Мне это напоминает госпиталь для тяжелобольных. Не хватает только чего-то самого важного! Словно у этого дома удалили сердце...

На лакированной столешнице — поднос. Еда, конечно же, доставлена курьером из дорогого ресторана. Не помню уже, когда мать последний раз что-то готовила своими руками.

Поднимаю крышку. Лазанья, паста, панна-котта. На крышке красуется надпись «*Ужин мафиози*» и красно-зелёное лого «*Коза-Ностра*». Издевательство от конкурентов — из рук в руки!

Выворачиваю поднос в мусорник и бреду в спальню. Когда мать уже запомнит, наконец, что я не перевариваю итальянскую кухню?!

В комнате — идеальный порядок. Где-то тут я оставляла свои запасные гоглы. Но вещи разложены не моей рукой, так что ничего невозможно найти. Этот дом меня просто убивает!

Всё, пора в кровать. Пухлые подушки принимают меня в свои душевные объятия. Рано утром — в школу, а потом — опять всё по кругу...

Перед тем, как вырубиться окончательно, спросонья тянусь к термину и набираю Сарвари: «Ой, что со мной было! Такое и во сне не приснится! Похоже, я влюбилась!.. Завтра в Берлоге всё расскажу...»

КЛОК-ВОРК-СЕРДЦЕ

Было раннее утро, когда к дому номер шесть, на Бридж-Роуд подъехал щеголеватый «Стимкэб» и попыхивая клубочками пара, остановился напротив двери. Кое-где в переулках еще стоял пред-рассветный туман, но солнечный свет уже пробивался сквозь утреннюю дымку и мягкими розовыми бликами ложился на стены домов, окна, хромированные детали паромобиля. За рулем сидела хрупкая девушка в кожаном кепи и надвинутых на глаза гогглах. Девушку звали Шарлотта Бекстер, она была студенткой факультета машиностроения и должна была в скором времени получить диплом инженера. Ее лицо было измазано сажей, руки покрылись слоем копоты, дорожный костюм, плотно облегавший фигурку, пестрел пятнами машинного масла, а высокие сапоги коричневой кожи—брызгами грязи. Девушка выпрыгнула из кабины, в два прыжка преодолела расстояние до двери и несколько раз дернула шнурок звонка. Трели разнеслись по сонному дому. За дверью послышались размеренные шаги дворецкого.

Через три четверти часа Шарлотта уже приняла ванну, одела строгое платье, оттенка кофе с молоком и скрутив еще влажные волосы в тугий жгут, спустилась в столовую. Отец уже ждал ее там. Крупный мужчина крепкого телосложения и отменного здоровья. Перед ним стоял горячий завтрак, а чуть поодаль лежала утренняя газета, к которой он по своему обыкновению приступал только после третьей чашки кофе. В это утро мистеру Бекстеру исполнилось пятьдесят лет.

— Доброе утро!—поприветствовала его девушка и ослепительно улыбнулась.

— Доброе.—кивнул мужчина, намазывая еще теплый тост сливочным маслом.—Майлз сказал в каком виде ты приехала.—мужчина усмехнулся.—Теперь ты можешь сказать, куда и зачем отлучалась?

Шарлотта торжествующе посмотрела на него.

— Я привезла тебе подарок,—она загадочно улыбнулась.

— Где же эта невидаль?—вздыхнул он.

— Погоди,—предупредила девушка,—Сначала я тебе кое-что расскажу.—она откинулась на спинку стула,—Я собиралась отправиться на северо-запад, в Чешир, но ни в Честере, ни в Варрингтоне не смогла найти ничего подходящего, и потому завернула на север графства, в Ронкорн. Там мне попалась очень древняя антикварная лавка и самом темном углу этого пыльного мешка я обнаружила такой экземпляр, что не срамно было бы поставить в самом Вестминстере. Представь себе, крутой холм, на нем пасутся овечки и козочки, то

здесь, то там пробегают белые кролики, на склонах раскинулись сады и маленькие деревушки, миниатюрные фигурки крестьян занимаются своим крестьянским трудом, а по спирали, тянется железная дорога, к самой вершине, где стоит великолепный замок, одна стена которого, циферблат часов, и каждый час играет чудесная музыка, крыша замка открывается и видно как маленькие фигурки дам и кавалеров танцуют вальс.

— Чудесно! Я получу в подарок часы!—картинно воскликнул мужчина.

— Не торопись.—улыбнулась Шарлотта,—Когда я рассмотрела внимательней всю композицию, то обнаружила, что паровозик, который должен ходить по рельсам, стоит неподвижно. Интересно, что внутри его вагонов также сидели очень милые фигурки людей, но только дам. Я спросила лавочника, почему состав не движется, при прочих достоинствах это существенный и крайне неприятный недостаток. А он в ответ:» Дитя мое, эти часы были сделаны очень давно, более того, на них лежит страшное проклятье. Возможно ты слышала о часовщиках города Ла-Шо-де-Фон? Так вот, когда-то среди них жил такой талантливый, что на его творения съезжались посмотреть со всех концов земли. И вот однажды в мастерскую пожаловал блистательный королевский кортеж. Он сопровождал молодую королеву, которой вздумалось по ходу своего путешествия взглянуть на диковинные часы талантливого мастера. Как только часовщик ее увидел, он побелел как полотно и остоленел. Покуда королева осматривалась, мастер стоял неподвижно, не отрывая от нее глаз и не смея сказать не слова. Молодая правительница оценила все экспонаты и сказала, что не находит здесь вещи, достойной себя. Тогда хозяин мастерской воскликнул, что за одну ночь создаст часы, под стать столь блистательной особе. Королева только улыбнулась и вышла. Молодой человек сумел вложить в работу все свое мастерство и умение, его руки стерлись в кровь. И на следующий же день королева принимала часовщика у себя в покоях. От ее глаз не скрылось, что в его волосах белеет седая прядь, которой еще вчера не было. Мастер представил ей свое творение, и все, кто присутствовал при этом, ахнули от восторга, но правительница осталась равнодушна, и часовщик попросил дать ему еще один день. Сдержав свое слово, он представил другую работу, еще более блистательную, теперь даже от глаз королевской свиты не укрылось, что его голова наполовину поседела за одну ночь. И на этот раз королева не заинтересовалась творением, и часовщик поклялся, что если ему дадут еще один день, он сумеет удивить Ее Величество, даже ценой своей жизни. И вот на третий день в покои королевы зашел совершенно седой парень, лакеи распечатали коробку с часами и весь зал озарился мягким сиянием. Присутствующие потеряли дар речи. Они увидели холм

с человеческий рост, пасущихся овец, деревеньки и сады, а на самой вершине дворец, который искрился яркими бликами. Часы пробили полдень, крыша дворца распахнулась подобно цветку и все увидели, как миниатюрные кавалеры и дамы танцуют вальс под музыку, не слышанную никем из них до этого, но несказанно прекрасную. А по склонам холма спешил маленький паровозик, и самый настоящий дым шел из его трубы. И тут раздался насмешливый голос королевы: «А почему же в вагонах нет ни одного человека?» Ее ничуть не восхищало увиденное. После этих слов седой мастер закрыл глаза и замертво упал на пол. Немедленно позвали лекаря, и тот, осмотрев бездыханное тело, обнаружил на груди часовщика свежий шрам, а чуть позже сообщил, что у покойника совершенно отсутствовало сердце. Среди придворных поползли разговоры о бедном часовщике, который вложив все свое мастерство, не пожалел и сердца для той, у которой его отродясь не было. Разговоры эти велись, конечно же, шепотом и скорее всего забылись бы уже через неделю, но на следующее утро королеву никак не могли добудиться, а уже к вечеру она отошла в мир иной, так и не проснувшись. И все бы ничего, если бы в тот же день в вагоне паровозика не появилась первая фигурка пассажира, сильно напоминавшая молодую правительницу. А сам состав неподвижно встал у подножья холма, и никто из мастеров впоследствии не мог заставить его двинуться с места. С тех самых пор, если часы оставались на ночь в доме, где есть молодая девушка, она непременно умирала, а в вагоне появлялась новая фигурка пассажира.» Вот что рассказал мне лавочник.

— Неслыханно!—воскликнул отец. Увлеченный коллекционер, он очень ценил старинные вещи с богатой историей.—И ты привезла это сюда?

— Неужели ты думаешь, что я испугаюсь какого-то там проклятья!—рассмеялась Шарлотта.

— Надо немедленно взглянуть на диковинку.

И оба, отец и дочь отправились в гостиную, где дворецкий уже распечатал коробку с подарком. Мистер Бекстер собственноручно завел хитрый механизм и часы, чуть вздрогнув, пошли. Через минуту они пробили восемь раз и заиграла приятная музыка. Овечки мирно паслись, кролики прыгали, а крестьяне трудились, но прекрасней всего был дворец из цветного стекла и фигурки придворных, кружившихся в вальсе.

— А паровозик и правда стоит,—задумчиво произнес мистер Бекстер. Шарлотта только пожала плечами.—Надо будет показать его Дэвиду,—уверенно проговорил он,—Не даром же он считается лучшим часовщиком по эту сторону Ла-Манша.

Часы оставили в гостиной и каждый час по дому разносилась чудесная музыка, которая ни разу не повторилась.

Ночью Шарлотта долго не могла уснуть, она лежала и прислушивалась к звукам, доносившимся из гостиной. Вдруг ее комнату залил яркий свет, кровать несколько раз сильно трянуло. Крайне обескураженная, она села и... обнаружила, что сидит на лавке в вагоне поезда. Вместо ночной сорочки на ней красовался старомодный дорожный костюм с тугим корсажем и высоким турнюром. На руках—перчатки, а на голове—шляпка. За окном расстилалась зеленая лужайка с пасущимися на ней овцами. Было светло, но на небе не было никаких признаков солнца. Оглядевшись, она увидела, что находится в вагоне не одна, на соседних лавках сидели дамы, одетые не менее вычурно.

— А где это я?—громко спросила Шарлотта, вставая с места.

— Потихе, милочка,—одернула ее высокая сухопарая дама, разместившаяся через проход,—вы следуете по маршруту «Подножие холма—Дворец». Правда, случилась какая-то поломка и мы ждем.

— Но я только что была в своей спальне!—воскликнула мисс Бекстер.

— Мы все только что были в своих спальнях,—пожала плечами ее собеседница и отвернулась к окну.

— Не разговаривайте с ней,—к Шарлотте обратилась миленькая блондинка напротив,—Сьюзен не очень любит разговаривать.—хихикнула она.

— А вы можете объяснить мне, что происходит?—мисс Бекстер выглядела растеряно.

— Извольте,—простодушно ответила ее собеседница,—вы, я так понимаю, приобрели старинные часы и оставили их в своем доме на ночь? Так вот, мы все сейчас в вагоне поезда этих часов. Как только королеву доставят во Дворец, мы все вернемся обратно.

— А где же сейчас королева?—спросила Шарлотта.

— Она в вагоне первого класса, но туда невозможно попасть, дверь заперта.—спокойно ответила блондинка,—меня зовут Мэри, а вас?

— Шарлотта.

— Со Сьюзен вы уже познакомились, остальных тоже скоро узнаете.

—И давно вы здесь?

— Давненько,—вдохнула Мэри.

— А пешком нельзя добраться во дворец?—с надеждой спросила Шарлотта.

— Мы пробовали, но как только часы бьют новый час, все возвращаются в вагон, а за час не так далеко можно уйти по этим рельсам. Тем более, мы боимся, что пока нас не будет поезд починят и все уедут.—на этих словах она вздрогнула.

Шарлотта выбралась наружу и обошла состав со всех сторон. Так и есть: три вагона и тягач с паровым котлом, возле которого не наблюдалось никаких ремонтных работ. По обе стороны от путей простирались изумрудные луга, и в теплом воздухе разносилось бляенье

и жужжание. Шарлотта села прямо на землю, облокотилась спиной на огромное колесо и задумалась. Через какое-то время раздался бой часов и над лугом разнеслась музыка, не успела девушка и глазом моргнуть, как оказалась в вагоне, напротив Мэри.

— Что я вам говорила,— улыбнулась та.

— Но там никто ничего не чинит!— воскликнула Шарлотта.

Мэри пожала плечами:

— А что же нам еще делать, если не ждать?

Шарлотта сдвинула брови и направилась прямо в будку машиниста. На ее пути встал запертый вагон первого класса, пришлось выйти и обойти его по земле.

Шарлотта попыталась было заглянуть в окно вагона, но то было плотно задернуто шторой. Будка оказалась не заперта, там царил безупречный порядок, но не было никаких признаков наличия самого машиниста. Шарлотта осмотрела арматуру котла, постучала по окошкам манометров и водомерных трубок и вышла из кабины. В тендере она обнаружила достаточно угля и жидкого горючего для растопки. Чтобы понять, почему поезд все-таки стоял, требовалось осмотреть машины, что девушка и сделала. Слева и справа стояли прекрасные двухцилиндровые машины старой конструкции. Шарлотта усмехнулась, вспомнив небольшой котел своего паромобиля. При беглом осмотре никаких поломок обнаружить не удалось. Мисс Бекстер простучала поршни и направляющие, те оказались в полном порядке. Только собралась разжечь огонь в топке, как пробили часы, и после затейливой мелодии она снова оказалась в вагоне.

— Где машинист?— спросила она у девушки. Те только пожали плечами.— Вы хоть раз его видели?— воскликнула она, девушки молча переглянулись. Шарлотта махнула на них рукой и побежала к котлу. Когда она пробежала мимо вагона первого класса, ей показалась, что штора чуть шевельнулась и в проеме мелькнула рука. Шарлотта поднялась в будку и попыталась собраться с мыслями. Если машины в порядке и топлива полно, значит надо искать поломку в системе управления. Она с силой дернула рычаг регулирования и с удивлением обнаружила, что тот с трудом двинулся с места. Еще не уверенная в своей догадке, она выскочила из будки и, порядочно испачкав и изорвав свое платье, забралась на котел. Шарлотта открыла крышку регулятора и заглянула в люк. Так и есть, все клапаны были изрядно забиты накипью и шлаком. Среди инструментов нашлись ручная дрель и притирочная паста. Мисс Бекстер сняла клапаны и стала притирать их к седлам. От ее глаз не укрылось, что два клапана полного хода были с погнутыми штоками, и она их застопорила. Шарлотта понимала, что из-за этого паровоз потеряет в скорости, но не могла представить, как их можно исправить. Когда с клапанами было покончено, она закрыла люк и вернулась в будку,

подергала рычаг регулирования и с радостью обнаружила, что он двигается гораздо лучше, чем прежде. Теперь следовало разжечь топку, но прежде накачать воду из бака тендера в паровой котел. Только Шарлотта принялась за насос, как раздалась музыка и она снова оказалась в вагоне, платье на ней было как новое. И снова мисс Бекстер побежала в будку, а в окне вагона первого класса штора была уже совершенно отдернута. Шарлотта хотела было снова приняться за клапаны, но остановилась и задумалась, какой прок от чистого регулятора, если она все равно не успеет одна накачать воды и разжечь топку. Она опустила на пол и задумалась. Потом вскочила и побежала обратно в вагон.

— Послушайте меня, пожалуйста!—обратилась она к своим попутчикам.—Я хочу починить паровоз, но мне нужна ваша помощь! Девушки ошарашено уставились на нее.

— Может, подождем, когда это сделает машинист?—робко спросила Мэри.

— Да нет никакого машиниста!—воскликнула мисс Бекстер,—Сколько еще вы собираетесь здесь сидеть!?

Девушки удивленно переглянулись. Мыслимое ли дело, женщине копать в огромном паровозе.

— Кто-нибудь вспомнит о нас и придет на помощь. А пока,—Сьюзен приподняла бровь и многозначительно взглянула на Шарлотту,—нужно сидеть и ждать.

— Какой был год, когда ты попала сюда?—с вызовом спросила ее Шарлотта.

— Одна тысяча восемьсот двадцать первый!—гордо ответила та.

— А я сюда попала из одна тысяча девятьсот двадцать второго!—ответила мисс Бекстер,—За сто с лишним лет никто не вспомнил о вас! Может, пора и самим позаботиться о себе? Я инженер машиностроения,—Шарлотта скрыла, что будет им только через полгода,—но одной мне не управиться.—она обвела всех девушек решительным взглядом.—На уроках истории нам рассказывали, что еще сто лет назад к женщине относились как к немощной и слабоумной. Не зря ли?

Через какое-то время отряд девушек во главе с Шарлоттой направился к машине. Там был проведен быстрый инструктаж на месте и раздался бой часов. Не прошло и пяти минут, как тот же отряд снова бежал к котлу. На этот раз каждая знала, что ей нужно делать. Одну из девушек отрядили отсчитывать время, другая разжигала огонь, две таскали уголь в топку, еще две качали воду из бака, а сама Шарлотта снова полезла в люк регулятора. Мери была в числе «угольщиц», хрупкая блондинка держалась молодцом, она вся перемазалась, но, похоже, ей нравилась эта кипучая деятельность. Остальные тоже трудились изо всех сил. Пришли не все, часть девушек не пожелали помогать. Следовало за час успеть разжечь огонь и пустить в машину

пар, клапаны радовали своей чистотой, в топке горели угли, а машина не двигалась.

— Час на исходе!—крикнула девушка-хронограф, и под бой часов и мелодичные трели они очутились в вагоне.

— У нас не получилось?—дрожащим голосом спросила Мэри.

Сидящая неподалеку Сьюзен громко фыркнула.

— Получилось,—уверенно ответила Шарлотта, хотя не могла знать этого точно,—Но мы плохо разогрели котел. Нужно больше пара!—она взглянула на соратниц,—За мной!

Теперь за ней устремилось больше пассажиров, скорее из любопытства, чем из желания помочь. Одна сразу встала отсчитывать время, куда остальные принялись за работу. Долой шлак, долой накипь, Шарлотта в два прыжка вскочила в будку. Раздался тонкий свист. Пар пошел из воздушного клапана, девушка закрыла его. Мисс Бекстер представила, как пар выходит из пароперегревателя и поступает к золотникам паровой машины. Но паровоз не двигался с места. Уголь подавали в топку изо всех сил, Шарлотта неотрывно смотрела на стрелку манометра, машина стояла. Девушка мысленно обращалась к котлу, коленвалу и всем частям паровоза вместе взятым.

— Осталась одна минута.—раздался крик.

Шарлотта сжала губы, но, мельком взглянув на манометр, резким движением дернула рычаг и продула инжекторы, машину окутало клубами густого пара. Реверс—вперед, открыть запорный клапан...

— Час на исходе!

Шарлотта зажмурилась и дернула рычаг регулятора пара. Вдруг кабину слегка качнуло, и она медленно тронулась с места. Конечно, из-за потери двух клапанов нечего было рассчитывать на большую скорость, но они двигались, и это было настоящее чудо! Со стороны пассажирских вагонов раздался визг. Все, кто находился в этот момент на земле, быстро запрыгнули в кабину, в которой сразу стало тесно. Девушки плакали, смеялись, размазывая по лицу угольную пыль, и поздравляли друг друга. Можно было представить, какой переполох сейчас творился в вагоне.

— Мы не вернулись!—ликовала Мэри,—Мы едем во Дворец!

Шарлотта два раза отсалютовала свистком и встала на место машиниста. Часы исправно били каждый час, а паровозик ехал дальше без препятствий. Скорость была такая маленькая, что некоторые девушки выходили и шли по земле рядом с вагонами, чтобы размяться. Мимо них проплывали сады, богатые нивы и деревеньки. Крестьяне встречали путешественниц громкими криками и радостными приветствиями, угощали козьим молоком, свежим хлебом и спелыми грушами.

Две через две постоянно менялись на подаче угля и воды. Девушки очень быстро уставали, но никто не жаловался. Дорога пошла резко

в гору, котел бодро постукивал и в этих звуках мисс Бекстер слышала биение сердца. Дворец был уже совсем близко. Шарлотта порядком устала. На луга опустилось подобие сумерек, а она стояла, и некому было ее сменить. Девушки, освобожденные от угольной вахты, вернулись в вагон. Как-то к ней подошла Сьюзен, была ее очередь кидать топливо, и сдержанно, но очень искренне поблагодарила. В наступающей темноте стало видно небольшое еще более темное пятно впереди. Это был Дворец. Мисс Бекстер краем глаза заметила, что кто-то подошел и встал рядом с ней.

— В вагоне есть фонари?—спросила она.

— Есть,—послышался мужской голос,—там прекрасная система освещения.

Шарлотта удивленно повернула голову. Рядом с ней стоя высокий седовласый мужчина и смотрел прямо перед собой, на темное пятно впереди.

— Вы тот самый часовщик?—испуганно спросила она.

— Да,—просто ответил он,—а ты неплохо справляешься с моим паровозом.

— Откуда вы появились?—Шарлотта смотрела на него во все глаза.

— Я всегда здесь был, просто меня никто не видел,—улыбнулся мастер.

— Вы сердитесь на нас?—опасливо спросила мисс Бекстер.

— За что же?—добродушно ответил часовщик,—Я даже благодарен вам,—он мечтательно прикрыл глаза.—Подумать только, я столько времени не слышал стук собственного сердца.

И он прислушался к стуку двигателя, уверенно разносившемуся в тишине лугов.

— Мне пришлось застопорить два клапана,—виновато проговорила девушка,—И, скорее всего, паровоз больше не будет ходить с большей скоростью.

— Ничего,—усмехнулся мужчина,—это пустяки..

Они немного помолчали, глядя на надвигающийся Дворец.

— Вы же нас отпустите?—спохватилась мисс Бекстер.

— Всех, кроме нее,—спокойно ответил мастер.—Она останется здесь навсегда.

— Неужели вы до сих пор сердитесь на королеву?—Шарлотта поняла, о ком идет речь.

— О нет!—воскликнул часовщик,—просто она и сама не захочет уходить отсюда. Видишь ли, ее никогда и никто не любил по-настоящему. С детства она привыкла к лести придворных, потому загубела и ожесточилась. Она не поверила, что простой часовщик любит ее всем сердцем и без тени лжи. Мне пришлось умереть, чтобы доказать ей обратное,—он грустно улыбнулся,—что я и сделал. Тогда она, конечно, все поняла, но было слишком поздно. Проплакав всю

ночь, Ее Величество прокляла свою спесь и злосчастные часы, забравшие мою жизнь.

Он немного помолчал и продолжил.

— Когда она поняла, где оказалась—он обвел рукой кабину,—то очень долго надеялась встретить меня здесь, но что я мог, мое сердце стояло.—продолжал мастер,—Все дело в том, что я вложил сюда не только его, но и душу, и, умерев там,—он неопределенно кивнул себе за спину,—поселился здесь, во Дворце. Я всегда знал, что королева оказалась в поезде, но ничем не мог ей помочь, ведь даже творец должен выполнять законы, которые написал для своего творения. А механизм этих часов устроен так, что каждый час все детали, пружины и шестеренки возвращаются на свои исходные места. Один только паровозик движется сам по себе.—он снова грустно улыбнулся,—Мне, конечно, жаль всех этих девушек, но...—он развел руками,—ничего не поделаешь, надеюсь, тебе удалось хоть что-нибудь исправить.

Он оглянулся.

— Сейчас ты подвела паровоз достаточно близко ко Дворцу и я могу показаться ей на глаза, тем более, что мое сердце,—он кивнул на котел,—снова горячо.

Седой мастер, который, кстати сказать, был довольно молод и хорош собой, спрыгнул из будки наружу и пешком дошел до медленно движущегося вагона первого класса.

Шарлотта несколько раз дернула свисток, чтоб поддержать его. Часы пробили снова, заиграла музыка, и из дворца брызнули в разные стороны яркие лучи света. Шарлотта крепко зажмурилась и... очутилась снова в своей спальне.

Она села на постели и огляделась, было позднее утро, солнце вовсю светило сквозь плотные шторы. Девушка прислушалась к звукам музыки, доносившимся из гостиной. Мгновенно вскочив с постели, она вихрем помчалась вниз по лестнице, успев на ходу накинуть на плечи яркий халат. Часы стояли там же, где они с отцом оставили их вчера вечером, и бодро били полдень.

— Наконец ты проснулась!—воскликнул отец за спиной Шарлотты. Он вышел из столовой в сопровождении высокого молодого человека в клетчатой рубашке и кожаном жилете со множеством карманов.—Дэвид пришел рано утром,—отец указал на своего спутника,—и уже успел починить часы.—пожилой мужчина был явно доволен этим фактом.—Разрешите представить вам мою дочь,—он повернулся к молодому человеку,—Шарлотта, а это Дэвид МакКгонагал, я считаю его одним из лучших часовщиков, что он не раз доказывал.

Тут только Шарлотта заметила, что паровозик бодро бежит по рельсам.

— Вы слишком добры ко мне, мистер Бекстер,—подтвердил Дэвид и сдержанно улыбнулся, на его свежем лице появился легкий румянец

смущения,—Там была совсем небольшая поломка, и мне без труда удалось ее устранить. Потребовалось заменить одну деталь, но это, увы, сделало невозможным нахождение в паровозике фигурок-пассажиров и пришлось их вынуть.

— А как же королева?—прошептала девушка.

— Королева!—переспросил мистер Бекстер,—Ах, да!—воскликнул он,—Мы же не все увидели,—он подошел поближе к часам,—видишь, крыша дворца открывается гораздо шире, это Дэвид обнаружил. Смотри, тут еще стоит трон, а на нем королева и...—тут он обратил внимание в каком виде находится его дочь.—Шарлотта, тебе следует подняться в спальню и привести себя в порядок.—он с укоризной посмотрел на нее.

Но девушка не слышала его, она смотрела внутрь дворца, где, помимо танцующих пар, восседала миниатюрная фигурка королевы в алом платье, а рядом с ней стоял совершенно такой же миниатюрный рыцарь с седой головой, а может, просто блондин. Часы закончили играть, крыша дворца закрылась и скрыла от глаз людей своих жителей.

Мисс Бекстер вздохнула.

— Шарлотта!—окликнул ее отец,—С тобой все в порядке?

— Да-да...—ответила девушка, хотя сама не была в этом уверена.

— Ну вот и хорошо!—ответил мистер Бекстер,—Приведи себя в порядок, а мы с Дэвидом подождем тебя в столовой, он согласился отобедать с нами.

Шарлотта кивнула и отправилась к себе в комнату.

— У вас очень милая дочь.—искренне улыбнулся молодой человек.

— Между прочим,—гордо заметил пожилой мужчина,—без пяти минут инженер машиностроения, на курсе ее считают лучшей студенткой. Хотя я ума не приложу, как это сможет пригодиться девушке ее положения!—и он добродушно рассмеялся.

ЕСТЬ КОНТАКТ

Через час желание прикоснуться к коллеге стало навязчивым. Валентин Сергеевич до хруста сцепил пальцы и насупил брови, настраивая себя на серьезный лад. «Вот ведь...—подумал он с некоторой досадой,—Кто же знал, что они окажутся такими...» Последнее слово задушил, памятуя о наставлениях строгих людей из строгого отдела.

— Вы не должны забывать, кто перед вами,—внушал накануне безликий, как казарменная наволочка, чин, окидывая ястребиным взглядом оробевших дипломатов,—А перед вами, прежде всего, потенциальный противник.

Казенные слова звучали воистину зловеще. Ровная речь «особиста» и двести листов правил поведения довели участников подготовительной группы до параноидальной ксенофобии. Какая уж тут работа? Хорошо, не разбежались с криками—сказался опыт—но ждали самого худшего. В крови зыграла память предков: оправдать и не посрамить. Проснулась занесенная песками времен сознательность.

Но первое же знакомство с новыми коллегами вымело из голов большую часть предупреждений. Теплые приветствия, открытые улыбки, и вот уже сам глава группы, заплетаясь короткими ногами в мягком ворсе ковра, старается не расплескать на поднос чай с мятой для гостей. Секретарши наперебой рассказывают им о чудесах земного массажа. И не только рассказывают—показать рвутся. Чужаки благосклонно кивают, но от физического контакта уклоняются.

«Интересно, от чего их предостерегали?»,—чтобы вернуть настрой, Валентин Сергеевич рисовал на краю рабочего документа параллельные черточки. Легкомысленная дуга попыталась превратить их в зверя полосатой масти, но сердитым росчерком все свелось к нейтральной зебре.

Не такой представлялась встреча с внеземным разумом, привыкли ждать чего-то более предсказуемого—злых зеленых человечков, бомбардирующих Рублевку. Или добрых, высаживающихся на Красной площади. Никто не предполагал, что они окажутся настолько вежливыми, чтобы предложить визит по всем правилам дипломатического протокола. Вот и получается: официально их здесь еще нет, а контакт только готовится, но они здесь. И контактируют.

Чужак потянулся и сладко зевнул. Обнажилось бледно розовое нёбо и острые белые клыки. Секретарши на своем краю стола прыснули и зашептались. Молодой человек в сером, наблюдавший в стороне за ходом дел, громко откашлялся. Но даже его суровость выглядела условной и неубедительной.

— Простите,—смутился гость,—мы непривычны к долгому обездвижению.

— Может быть, еще чаю? С мятой?—засуетился первый помощник.

— Не-ет... Пока хватит...—отказ дался с трудом и вызвал новый приступ веселья у дам.

В ответ пришелец снисходительно скалился и щурил желтые глаза.

Валентин Сергеевич вновь поймал себя на желании к нему прикоснуться, еще более двусмысленном в свете неясной половой принадлежности коллеги. «Что значит `еще более?—одернул себя глава группы,—финского представителя ты мацкать не жаждал. Так, все, собрались!»

— Вернемся к делам...

— А почему Москва раньше других?—неожиданно вклинился второй помощник, до того молчаливо глотавший таблетки от аллергии.

Поднимать этот вопрос было запрещено. Конкретно и однозначно. В сто втором пункте, подпункт три. «Серый» сотрудник подался вперед, но ответ гостя опередил возражения.

— Монетку бросали,—объяснил он, одергивая тунику,—взяли буквенный указатель и жребили. Просто вы везучие. Вы везучие?

— Эту тему мы обсуждать не уполномочены,—судорожно всхлипнул свекольно-бурый особист.

—Тогда пойдем по уполномоченным вопросам,—легко согласился пришелец,—Никаких цитрусовых. Алкоголь на ваше вкусовое ощущение—в умеренных дозах рядом с ним можно жить—но цитрусовых не надо. Со всем. Мы заметили, ваши готовильщики даже в воду цедру сыпят.

—Да,—вполголоса прокомментировала молоденькая стенографистка,—мой кот тоже от апельсинов чихает.

Помощники гоготнули, окончательно растеряв всю профессиональную собранность. От чекиста повалил пар. «Господи,—взмолился Валентин Сергеевич,—зачем Ты дура дал голос?! Лучше бы дал мне возможность этого потрогать. Незаметно. Меньше вреда было бы»

Чужак, сохраняя невозмутимый вид, подался вперед, девушка зачарованно коснулась его крупных, почти тигриных ушей. По комнате прошлестел вздох зависти.

— И вот как можно даже подумать о войне с вами?—усугубила свое бедственное положение будущая бывшая стенографистка МИДа.

— Никак,—согласился пришелец, жмурясь и урча,—мы заранее подшуршались. Агентурная сеть малого формата сделала вас позитивными к нашему виду. Почти всех вас, за очень-очень... оченьоченьочень малым исключением.

Второй помощник криво усмехнулся и в который раз встречу раз промокнул платком покрасневшие глаза. А Валентин Сергеевич не к месту вспомнил, что раньше тоже кошек не терпел. Пока дочь не принесла в дом крохотный рыжий комочек с оглушительным голосом и трогательно беспомощной самоуверенностью. Глядя на первое умиление родителей, она еще добавила с грустью: «Не думайте только, что любимца завели. Мы себе хозяина завели».

ОСЕДЛАТЬ КЕНТАВРА

Близкий — куда ближе лунного — горизонт Фола, чёрное небо, скалы... Два солнца: побольше — Бэшка, поменьше — Ашка. Тонкий серп Хирона сейчас плохо виден. Уже вполне привычная картинка. Вдруг поймал себя на мысли, что стал скучать по Земле. И Луне. И это я ещё проспал всё время перелёта!

Хотя, возможно, у меня просто нет такого же захватывающего дела, как у Марины. Она-то, среди прочих юных гениев группы Бондаренко, вряд ли скучает. Уж им-то — разбирающим миллионолетние развалины цивилизации центаврян — точно есть, чем заняться!

Она бывает у меня довольно часто. И разговариваем мы каждый день по часу, не меньше. Фол ближе к Хирону, чем даже Луна к Земле, сигнал практически не запаздывает, никаких пауз в разговоре. Вот и сегодня...

Маринка, сдув с лица постоянно выбивающуюся из причёски непослушную рыжую кудряшку, проговорила:

— Странно это всё. Даже не могла себе представить, что так может получиться! У нас есть теперь абсолютно все составные части центаврийского сверхсветового звездолёта. Нам известна конструкция их кораблей и их двигателей. Мы изучили принципы межзвёздной навигации в сверхсветовом режиме. Мы расшифровали петабайты информации записей о реальных путешествиях центаврян. Мы даже построили хроногенератор по их схемам. Чтобы «оседлать кентавра», не хватает только одного!

Я уточнил:

— Субстанции А?

Марина вздохнула:

— Субстанции А. Того, что центавряне закачивали в оптическую ловушку хроногена. Нигде не сказано, что это было. Видимо, что для них это была штука настолько тривиальная, что и говорить-то не о чем!

Да уж — ничего хорошего. Уже полгода они не могут сдвинуться с мёртвой точки... Если уж сам премудрый профессор Бондаренко не может догадаться, в чём дело... Кто сможет тогда? Марина? Ну, почему бы и нет — её неслучайно взяли в Первую Звёздную, несмотря на возраст. Сам Василь Матвеевич, что характерно, в её годы звёзд с неба отнюдь не хватал... Но что-то и у моей милой пока что ничего не выходит! То-то она последние дни понурая такая...

Впрочем, долго грустить Мариночка не умела:

— Но сегодня-завтра всё изменится! — она улыбнулась и подмигнула мне. — Киму удалось собрать хронодетектор. Теперь мы просто

картографируем всю Центаврию — и наверняка догадаемся, чего ещё этому проклятому хроногену не хватает для полного счастья...

Ну, спасибо Киму — хоть что-то развеяло Маринину грусть! На её улыбающееся лицо смотреть бы и смотреть... Я поддержал разговор:

— Необходимо вещество с какими-то особыми свойствами? Но ведь, спасибо Менделееву, ничего принципиально нового мы в области химических элементов уже не откроем. Что касается химических соединений — вряд ли перетасовка атомов способна настолько сильно повлиять на глубинные свойства материи.

Марина рассмеялась:

— Ну, не скажи! Человеческий мозг — это всего лишь перетасованные атомы — а как на материальный мир влияет! Посмотри вокруг!

Это да: три года субъективного времени назад вокруг меня была Солнечная система, а теперь — планетная система Альфы Центавра. На самом деле времени прошло куда больше, но сам полёт как бы не считается...

Да уж, сейчас Марина, наверное, уже спит... Я снова бросил взгляд на картину, занимающую всю противоположную стену комнаты: два солнца, неровный горизонт Фола, Хирон... Выше Бэшки можно разглядеть и Гилоному — она ближе к своему светилу, чем Хирон. Собственно, основная часть членов экспедиции сидит именно там, на прародине погибшей цивилизации центаврян. Несмотря на всё ещё достаточно высокую радиоактивность, более важного объекта для исследований у нас тут быть не может. Ну, разве что Циллар — спутник Гилономы. Там, на обратной его стороне, удалось найти первые сохранившиеся базы данных сгинувших братьев по разуму.

Я вздохнул и повернулся на другой бок. Упорно не спалось. Подсознание будто ждало чего-то... И тут послышался сигнал вызова. Нет, не по голосвязи. А просто «звонок в дверь»: кто-то сел на нашем космодроме, а теперь хотел войти внутрь Базы. Неужто?..

...Марина буквально толкнула меня в комнату. При других обстоятельствах я был бы очень рад такому повороту событий, но в этот раз глаза её блеснули как-то уж слишком ярко. НЕ ТЕМ светом. Другим — слегка безумным. А может — и не слегка...

— Бондаренко провёл хронодетектирование планетной системы! — хриплым шёпотом просипела она.

Жестом попросила чего-нибудь смочить горло. Синтезатор был настроен на лёгкое пиво, но она энергично отрицательно покачала головой... Хорошо, тогда квас — почти те же ингредиенты, готовится быстро. Хотя, подозреваю, пиво бы ей сейчас не помешало...

— Вчера — ну, почти ночью, три часа назад, Умник закончил расшифровку данных хронодетекторов, — уже вполне внятно проговорила

Марина. — Обнаружена точка максимальной активности — где время течёт наиболее аномально. Догадаешься, где?

Та же безумная улыбка.

— Не томи! — я начинаю сердиться.

— Сам глянь, — уж очень ей хотелось, чтобы я самостоятельно сделал открытие.

Ладно, гляну...

Она вывела на мой голопроектор карту Центаврии. Я попытался вникнуть...

Угу, вот эти полупрозрачные поверхности — изохроны... Если отстроиться от естественных флуктуаций — я понизил чувствительность голограммы — то... Ну да, в общем, этого следовало ожидать: ток времени слегка меняется вблизи крупных гравитирующих масс. Обе звезды Альфа Центавра, пропорционально своим размерам, чётко выделялись на карте. Можно было обнаружить и влияние отдельных планет. И даже лёгкое воздействие центра Галактики и ближайших звёзд: помимо Проксимы, отчётливо рисовались «хроноприливы» со стороны Солнца и Инфры Паруса. Но что-то не так...

— Постой-ка... А это ещё что такое??? — я ткнул в яркую точку возле одной из планет Бэшки. Она первоначально сливалась с планетой, но выглядела куда ярче, и, кроме того, обозначена иным цветом: спектр её влияния на время оказался иным, чем у больших гравитирующих масс!

Марина молчала, но грудь её вздымалась, как... Ладно, отставить лирику!

Ох!.. Да это же Хирон и есть! На его орбите сейчас и висит «Магеллан»! Да ему ж надо сматываться оттуда, кто знает, что это там за...

Нет. Не надо ему никуда сматываться. Бесполезно. Сияющая точка хроноаномалии просто переместится вместе с ним. Потому, что она именно его — наш звездолёт — и обозначает. Самый мощный источник хронополя в современной системе Альфа Центавра — это мы.

— Но как?!? Ведь сейчас там даже особо не работает ничего. Так, защита топливных камер включена — и только.

Нельзя их выключать: антивещество всё-таки. Ну, ещё система навигации работает.. Умник... Но это — ничтожная часть энергетических возможностей «Магеллана». Планетолёты наши сейчас на порядки больше энергии выделяют — и ничего: никаких признаков их влияния на время не обнаруживается.

Я хмуро посмотрел на Маринку, эту маленькую вредную интриганку — уж она-то наверняка всё давно поняла! — и спросил:

— Ну и?...

Марина чуть успокоилась. Сквозь эйфорию стало пробиваться нервное истощение. Она выдула залпом поллитровый стакан кваса, отдышалась — и ответила:

— Ну подумай сам... Это не энергетика — «Магеллан» практически «спит». И не какое-то влияние самого факта межзвёздного путешествия: всё, привезённое звездолётом, от планетолётов до человеческих тел, тоже путешествовало, и, соответственно, должно было бы возмущать время. Да и речь в предварительных расчётах шла скорее о материальной субстанции... Мы думали, что это, возможно, нечто радиоактивное, распавшееся в ноль за миллионы лет, прошедшие после катастрофы. Но теперь-то ясно, что это — нечто, имеющееся на борту «Магеллана».

Я сообразил:

— А, ну да, конечно же — антивещество. Это и есть субстанция А? Именно оно содержалось в оптических ловушках хроногенов? Правильно: они способны его удерживать, как и любой материальный объект, и если дело именно в нём...

Марина опять вошла в раж — стукнула меня по плечу:

— Всё сходится! Катастрофа заключалась в поломке оптической ловушки на одном или нескольких больших хроногенах. Антивещество аннигилировало, не только нанеся тяжелейший прямой ущерб, но и лишив местных жителей способности к дальним путешествиям. Они просто сразу лишились всего — или почти всего. Их основная планета оказалась заражена радиацией, пространство — забито обломками спутников и кораблей...

Марина отобрала у меня стакан, сделала ещё глоток (кажется, не заметив, что это уже не квас) — и продолжила:

— Неясно только, куда делись выжившие, но, с большой долей вероятности, они просто на оставшихся мощностях скакнули в будущее — к тому моменту, как время залечит раны их мира. Метеорное облако вокруг Гилономы рассеется, короткоживущие радионуклиды распадутся...

Я понял основную мысль:

— Уходя, они, скорее всего, уничтожили или взяли с собой и запас антивещества, оставлять его тут было нельзя. Рано или поздно техника всё равно бы сгнила, и это всё аннигилировало бы, создав ещё больше проблем. Мы и нашли те хроногены, с помощью которых они ушли — но пустые...

...Теперь её маниакальное состояние передалось и мне: великолепно! Потрясающе! Мы можем — МОЖЕМ — сделать свои хроногенераторы! Ну, по крайней мере, если наша гипотеза верна... Спасибо тебе, погибшая или бежавшая цивилизация! Когда мы освоим эту технологию, перед нами откроется вся Вселенная! Полезная же это штука оказалась — звёздная экспедиция! А сколько было сомнений — мол, разве можно подвергать людей опасностям такого путешествия, риску анабиоза... Да роботы только на общение с Землёй убили бы столетие!

...Кажется, последнюю фразу я произнёс вслух. Марина скорчила гримаску:

— А они ещё и убьют. Перестраховщики... Сначала они не поверят в расчёты — несколько лет уйдёт на перепроверку и переобсуждение всего. Потом станут строить полигон для испытаний. Рядом с Малой Системой — нельзя, и вообще ближе двухсот астрономических единиц к Солнцу приближаться не смей!.. Потом — ещё лет двадцать, если не тридцать, уйдёт на испытания... Это если удастся попутно решить все проблемы своевременного снабжения полигона всем необходимым — а то ещё лет десять накинь...

Я вздохнул:

— Да уж... Потом — ещё несколько лет беспилотных полётов... И, кстати, — пришла мне тут в голову неприятная мысль, — это если ещё сначала они не потребуют детального изучения причин катастрофы у центаврия! То есть — новая экспедиция на релятивистских кораблях типа «Магеллана», многолетнее изучение — скорее всего, не особо полезное — что там теперь уже откапашешь?..

И тут Марина улыбнулась. Проникновенно. Искренне. Завлекательно:

— Именно так. Ты мне поможешь?

Нехорошее предчувствие заставило меня в последний момент превратить восторженное «Да, конечно!» в опасливое «С чем?»

И тут она стала предельно серьёзной:

— Мы знаем, как работает хроноген. У нас есть готовая модель — только антивещество загрузить, и готово. У нас есть антивещество. — Марина кивнула в сторону всё ещё светящейся голографической карты. — И мы в нескольких световых годах от Земли. Как бы у нас ни пошли дела, остальному человечеству это угрозы не несёт. Идеальный полигон! Нам ничего не мешает проверить нашу теорию прямо сейчас!

Я потряс головой:

— А домой ты возвращаться не собираешься? Без топлива «Магеллан» не полетит!

Марина ответила — в её голосе прорезался металл:

— Я — как раз собираюсь. Более того, я бы не возражала, если бы это произошло как можно быстрее. Ну, после того, как мы тут закончим, конечно. При нормальной работе двигателя центаврийского образца, когда время во внешнем слое ускоряется в тысячу раз, мы и на одном проценте световой окажемся дома во много раз быстрее, чем при нынешней схеме полёта. Собственно, можно и планетолёт под это переоборудовать — даже у него скорости хватит... В любом случае, это вполне реально... Да и антивещества нужно не так много — небольшая часть наших запасов!

В принципе, то, что она говорила, звучало на удивление разумно... Я пожал плечами:

— Надо идти к Джерико. Без санкции начальника экспедиции — никак. А лучше — пойти к Бондаренко, а потом вместе с ним — к Джерико...

— Брось, Андрей, — Марина вздохнула и прикусила губу, — ты как будто не знаешь, что они скажут...

Да, она права: знаю. Они скажут примерно то, что говорили противники экспедиции к Альфе Центавра. Что нет ничего важнее человеческой жизни. Что риск даже тех, кто добровольно вызвался стать испытателем этой системы, пока всё не проверено и не устранена даже малейшая опасность, не стоит полученных результатов, ведь речь идёт лишь о задержке, не более того. Жизнь — превыше всего! Даже собственной жизнью ты бесцельно рисковать не вправе! Джерико скажет это потому, что сам так думает. А также ещё и потому, что, если сорвётся эта экспедиция, то позиция перестраховщиков-ультрагуманистов будет подтверждена практикой. Это как раз ясно...

— И что ты предлагаешь?

— Ты знаешь, что!

Не знаю. Но догадываюсь:

— Несанкционированно вскрыть наши запасы топлива и перегрузить часть антиводорода в оптическую ловушку экспериментального хроногена? Но где хроноген — и где «Магеллан»?

Марина счастливо улыбнулась:

— Рядом. Бондаренко как раз пристыковал его к звездолёту. Ему нужно что-то пересчитать на Умнике, а через пол-Центаврии обмениваться сигналами слишком долго!

— Кстати, а почему антивещество такими странными свойствами обладает? Ты уверена вообще, что это оно?

Марина купилась — и пустилась в объяснения, дав мне время подумать:

— Да потому же, почему вообще во Вселенной вещества на много порядков больше, чем антивещества. Про барионную асимметрию должен помнить даже ты!

Я киваю, но Марина на всякий случай напоминает:

— Вещество и антивещество полностью симметричны друг другу. Вместо положительно заряженных атомных ядер — отрицательно заряженные антиядра, вместо отрицательно заряженных электронов — положительно заряженные позитроны. Строение антиатомов зеркально отражает структуру атомов. Но есть ведь причина, по которой антивещество во Вселенной практически отсутствует...

Но я думаю уже не об этом...

С другой стороны, Джерико — легендарный ветеран космоса, начавший летать тогда, когда экспедиция к Нептуну казалось чем-то вроде нынешней Первой Звёздной. И, конечно, он лично очень хотел бы, чтобы центаврийская техника на вооружении землян появилась поскорее. И если эксперимент удастся, то он может нас и поддержать. Задним числом. Подстелив всю возможную соломку. И — в конце-то концов! Это на Земле у ультрагуманистов — явное большинство.

А вот в экспедицию попали всё-таки люди другой закалки. Значит, если дело дойдёт до апелляции к Совету Экспедиции... И, к тому же, всем хочется поскорее добраться до дома!

...Спохватившись, киваю и, после заминки, отвечаю:

— Да-да, помню...

Марина продолжает:

— Время. Аннигиляция вещества и антивещества не полностью симметрична. Некоторая, очень небольшая часть вещества всё-таки остаётся. Для полной симметрии нужно развернуть время. Если бы время во Вселенной шло в обратную сторону, то всё стало бы наоборот: антивещество получило бы преимущество над веществом.

Я соображаю:

— Значит, антивещество слегка искривляет ход времени — естественным путём. Именно это центавряне и использовали: пропускали хронопоток через антиматерию...

— Пра-а-а-авильно, — нараспев произнесла Мариночка. — И нам надлежит сделать то же самое. Параметры оптической ловушки хроногена я под антиводород уже перенастроила. Осталось только распотрошить «Магеллан»... ты поможешь мне или нет?!!

На всякий случай уточняю:

— А если я откажусь, ты пойдёшь сама?

И вот тут она меня удивляет:

— Нет, Андрей. У меня не хватит навыка, чтобы быстро перегрузить антиводород без подготовки. Это и вправду слишком опасно. За несколько дней на симуляторе можно было бы научиться, но... Ты же встанешь перед вопросом, надлежит ли спасать меня против моей воли от меня самой... Сдавать меня Джерику уже завтра или нет... Ну, так вот я тебе отвечаю: если ты откажешься, я не стану ничего делать. Соответственно, сообщать ему тебе не о чем.

— Вот как? — похоже, у меня не остаётся выбора.

— Вот так, — в её аквамариновых глазах застыла решимость.

План понятен. Марина убеждает своих — Бондаренко со товарищи — в необходимости на некоторое время оставить в покое хроноген. Мы причаливаем к «Магеллану». Там как раз наверняка ещё находится планетолёт — должны же были хроноген на чём-то привезти? Я взламываю блокировку Умника, заставляю расконсервировать топливо... Сложно, конечно, но кое-какие намётки у меня уже появились.

— Сколько антиводорода надо?

Марина пожимает плечами:

— Хотя бы тонны две.

...Значит, одной ячейки хватит. Диаметр стандартного топливного элемента — около четырёх метров, где-то две с половиной тонны выходит. Вот этот «снежок» и надо перекинуть в оптическую ловушку

хроногена. И — быстро. Антиводород вне хранилища будет греться, а потом и испаряться. Бэшка прогреет глыбу антиводородного льда до температуры испарения за... Ну, вот ещё одна причина начинать в момент «ночи»: сейчас Хирон как раз почти на одной линии с Бэшкой. Но Ашка тоже заметно подтопит... Ладно, это проблема разрешимая. Если правильно рассчитать время. Потом валим на полной скорости подальше. И врубаем хроноген...

И тогда — мы увидим небывалое. Или погибнем. Значит, так... Аннигиляция двух с половиной тонн вещества и двух с половиной тонн антивещества — получается пять тонн эквивалентной массы. Это даст взрыв мощностью где-то сто гигатонн. Да уж... Разгон лучше начинать, спрятавшись за Фол. Его обратная сторона необитаема, ничего, кроме автоматических обсерваторий, там нет... Если что, никакого вреда никому не будет — его масса всё закранирует...

Я поймал взгляд Марины... В нём проявилось — впервые — просшее выражение...

— Когда ты хочешь начать?

— Сейчас. Или как можно скорее. Этот вопрос всё равно всплывёт в ближайшее время, и Джерико может просто всё запретить.

А, ну да: пока ведь прямого запрета не было. Сделать что-либо без санкции — совсем не то же самое, что нарушить прямой запрет.

Самый негативный возможный результат: мы можем неаккуратными действиями угробить «Магеллан». Тогда за остальными Земле придётся снарядить срочную новую экспедицию — спасательную. И исследовательскую заодно — «чтоб два раза не вставать»...

Тоже дело!

Не успели мы стартовать с Фола, как Маринка, прослушивавшая эфир, рассмеялась:

— Нам положительно везёт! Разведчики обнаружили на восточном побережье Панхилона не пострадавшую в катастрофе базу центаврян. Судя по всему — автоматизированный центр наблюдения. Предположительно, элементы памяти частично уцелели. Бондаренко поднял всех по тревоге и отправился на планету. На «Магеллане» будет только дежурная команда — три человека. Они нам не помешают...

Хмм... Что-то уж очень нам везёт: как бы в конце не...

Ладно. Пора!

Мы воспользовались челноком Марины. К ней, как и к прочим из компании бондаренковских юных гениев, при отлучке челнок приписывался в обязательном порядке. Собственно, мы их тут, на Фоле, и строим: планетолёт импровизированная верфь пока осилить не может, но собирать межорбитальные или взлётно-посадочные

судёнышки ей уже по силам. Строительство Базы вообще продвигается быстро: если Центаврия и будет колонизирована, то начнём мы с относительно слабо радиоактивного Хирона, а не с несчастной Гилономы. Соответственно, и основная база на Фоле должна быть, а не на Цилларе.

В середине полёта нас застала ещё одна новость: реактор станции Хирон-два, где как раз Бондаренко со всей свитой и находился, вышел из строя. Спасательная команда, в состав которой вошла вся дежурная смена, повезла им новый... Получается, на «Магеллане» сейчас не осталось никого вообще — путь стал абсолютно свободен. Вот это везение — да так же просто не бывает!

С доступом к Умнику вообще получилось элементарно. Даже мои наработки не потребовались. Как только Бэшка — и Гилонома с Цилларом, где сидели Джериго и все прочие — скрылись за Хироном, я запросил полный доступ... и получил его! Всё верно: я — старший офицер из имеющихся в сфере досягаемости. Джериго и остальные заэкранированы Хироном, а все, кто улетели с Бондаренко, и те, кто отправились ему на помощь, в противоположном полушарии. А систему ретрансляторов так и не успели пока доделать. Базу на Фоле, через которую тоже можно наладить связь, я самолично «оглушил» на двенадцать часов — потом это уже не будет иметь значения!... Ну и вот — выбирать Умнику, получается, не из кого! Везение становится просто-таки беспрецедентным...

Чтобы не бегать по коридорам, мы подключились к Умнику прямо из челнока. А потом...

Около двадцати минут я практически не осознавал себя. Я как будто со стороны видел, как медленно, торжественно планетолёт отстыковывается от «Магеллана» и дрейфует на пару сотен метров в сторону Хирона. Как на маневровых движках идёт вдоль силового экрана топливохранилища. Умник при этом просто «орал благим матом» — сигнал тревоги мне так и не удалось ни заглушить, ни отключить. И я его ужас отлично понимал: столкновения с планетолётом — если бы реактор у того пошёл в разнос — силовой экран мог и не выдержать, а аннигиляция такой массы антивещества уничтожила бы не только корабль, но сам Хирон бы претерпел примерно такой же удар, как миллионы лет назад — Гилонома... Как хроноген отделился от замершего планетолёта — и, приблизившись к «Магеллану», остановился в нужной точке. Как одна из тысяч шарообразных топливных камер двинулась ему навстречу. Как шар раскрылся — и белый, праздничный — и нереально опасный «снежок» антиводорода торжественно выплыл навстречу оптической ловушке хроногена...

...А вот было бы смешно, если б сейчас какой-нибудь случайный микрометеороид в него шарахнул?..

Наконец снежный шар вошёл в жёло оптической ловушки... И я снова осознал себя собой:

— Быстрее! — прокричала Марина. — Мы выйдем из тени Хирона через три минуты!

Ну, голому одеться — только подпоясаться! Времени разворачивать планетолёт уже не было: в автоматическом режиме я заставил его подобрать хроноген, а через две минуты наш челнок тоже с ним состыковался. Я дал самый резкий старт, какой только возможен, как только мы упаковались в противоперегрузочные кресла. Хорошая эта штука: ускорение шесть «же», а мне — будто и нет ничего...

Мы набирали ход, стремительно удаляясь от Хирона. Фол ждал нас. Ещё пара часов — и мы скроемся за ним. И можно будет начинать!

Марина спросила:

— Теперь нас остановить не смогут? «Магеллан»-то уже в сфере досягаемости для Гилономы. Наверняка Умник уже связался с Джерику...

Я успокоил её:

— Как нас могут остановить? Пошлют звездолёт в погоню? И что же он сделает?

Марина нетерпеливо перебила меня:

— Ну, скажем, тебе могут официально запретить делать что-либо. И не факт, что не смогут приказать остановиться компьютерам планетолёта или хроногена...

— Я отключил связь, — отвечаю Марине... но вот кое в чём она права. У хроногена своя система связи — независимая от планетолёта. И через неё передать сигнал можно вполне — и мне некогда разбираться, как её отрубить. Правда, подчиняется хроноген, скорее всего, Бондаренко, своему создателю, а тот — как раз на обратной стороне Хирона... Но передать сигнал через Джерику — который на Гилономе — он может. Вот только... станет ли профессор это делать? Не слишком ли нам везло?..

— Мариночка, — говорю я вкрадчиво, вполголоса, — ну, теперь, может, скажешь правду? Бондаренко — в курсе дела, да? Вы с ним вместе это придумали?

Молчание продолжалось не меньше минуты. Потом, видимо, Марина всё-таки решила, что совсем уж в неведении держать того, с кем идёшь на смертельный риск, причём по твоей инициативе, как-то не по-товарищески. И ответила:

— Да. Джерику запретил бы всё равно. Если бы профессор нарушил прямой приказ, это был бы бунт. Но если я... Я ещё не закончила четвёртый цикл... Аттестата у меня нет — и для меня это всего лишь неподчинение Учителю, а вовсе не бунт! И для тебя — тоже: тебе аттестат выдают через месяц. Ты хоть и числишься в команде, приравнен к флотскому офицеру, но формально ты просто ученик...

Да, всё правильно. Что поделаешь, если мы с Мариной проявили себя так рано, что заслужили право попасть в Звёздную, не получив ещё аттестата за последний цикл? Я взорвался:

— Так, значит, Бондаренко свою задницу твоей прикрывает?! — найти слова, более точно описывающие ситуацию, мне не удалось. — Мол, тебе всё равно ничего не будет — со студентки какой спрос, а он выводится из-под удара?

— Перестань, — устало проговорила Марина, — всё он правильно сделал. Это исходно моя идея. И я правда хотела сама провести эксперимент. Если ты уверен, что нас сейчас не остановят, то отвяжись пока, а? Мне тоже надо с мыслями собраться.

Я заткнулся, но всё ещё не мог успокоиться. Каков хитрец наш профессор! Людей своих, что характерно, он увёл — причём в другое полушарие Хирона: а ну как «Магеллан» действительно взорвался бы вместе с нами? И — теперь-то совершенно ясно — проблемы с ректором он сам спровоцировал: чтобы сманить к себе и дежурную смену. Вот и секрет нашего везения!

Я, видимо, слишком явно излучал возмущение, потому что Марина через десять минут продолжила разговор:

— Это просто надо сделать, Андрюш... Бондаренко же и социомоделированием занимается. Да и не надо быть гением, чтоб понять, куда всё идёт...

Я мрачно отозвался:

— «Тупик тотального гуманизма». Да, я помню...

Марина хмыкнула:

— Все помнят. Только после выхода этой его книги и было принято окончательное решение о нашей экспедиции.

Да уж: в ней профессор доказывал как дважды два, что абсолютизация человеческой жизни как высшей ценности ведёт к остановке прогресса, который рискован в той или иной степени по самой своей сути, и, в конечном счёте, как раз к гибели цивилизации. Но...

— Но ведь нас отпустили сюда!

Марина угрюмо ответила:

— Всё равно. Моделирование показывает скорое деление человечества на две ярко выраженные фракции: одна — тотально-гуманистическая, отвергающая прогресс из-за его опасности, стремящаяся минимизировать активность во Внеземелье. И та, что готова идти на риск. На тех, кто живёт ради самой жизни — и тех, кто живёт ради чего-то ещё. Чем раньше произойдёт полноценный рывок к звёздам, тем лучше будут наши позиции, когда конфликт перейдёт в открытую фазу...

Конечно, Бондаренко не станет по своей инициативе что-либо приказывать нам через хроноген — не для того он всё это затевал. Но Джерику, в принципе, может приказать ему, чтобы тот это сделал,

а внаглую нарушить приказ — это всё-таки немножко слишком даже для... А впрочем... Зачем три человека попёрли Бондаренко новый реактор? По штатному расписанию было достаточно двоих. Да в принципе — и один бы справился! Но «Магеллан» покинули все три члена дежурной смены... Почему? Бондаренко не имел власти приказывать им это!

А вот Джерико — имел. Бондаренко заинтересован в том, чтобы звёздный прорыв произошёл поскорее. И я заинтересован, и Марина... А Джерико — нет, что ли? Он поставлен командовать звёздной экспедицией... Но разве тогда — не он первый заинтересован в том, чтобы за этой экспедицией поскорее последовали и другие?..

Я вспомнил напряжённый голос Марины... А ведь она и вправду боится, что Джерико может нам помешать. Она не знает... А вот я теперь уверен. А ну-ка...

Снимаю блокировку связи. Что там нам сообщают? Ничего? Никто не приказывал нам остановиться, хотя суть нашей афёры всем уже очевидна? Что? Метеорный поток со стороны Северного полюса мира? Спасибо, учтём, нам туда и не надо...

Хирон окончательно скрылся за Фолом. Отлично! Осталась всего минута до момента, когда Марина включит хроноген... Вдруг до меня дошла одна простая вещь: а ведь эксперимент может и провалиться! Мы можем умереть... уже меньше чем через минуту! Странно... Раньше я как-то этого так остро не чувствовал.

Но я не променяю этот миг ни на всю мудрость великого Бондаренко, ни на всю славу легендарного Джерико. А вот вы нам сейчас завидуете, старички-интриганы! Ведь так?

Вижу улыбающееся лицо Маринки на экране. Она улыбается мне... Кажется, в таких случаях положено произносить всякие исторические фразы. Улыбаюсь ей в ответ — и кричу:

— Поехали!

МОЛОТОК

— Что, опять он?! Сколько можно! Нет, ни за что, даже и не просите!

Сэр Чарльз, судья межгалактической категории, нервно накрутил на палец локон напудренного парика, каковую вольность позволял себе лишь при крайней степени волнения.

— Что-то не так, ваша честь? — равнодушно поинтересовалась секретарша, удивленно приподняв верхние ложноножки. — Можно сказать, постоянный клиент...

Пожалуй, для искреннего удивления её голос звучал слишком равнодушно, а ложноножки приподняты недостаточно высоко и повернуты не под тем углом. Но трудно было бы ожидать иного — над взаимоотношениями Его Чести и ожидающего на скамье подсудимых клиента давно уже втихаря потешались все, мало-мальски знакомые с сутью дела. Вернее, дел...

Похоже, упоминание о постоянстве оказалось для судьи последней каплей.

— Вот именно! Постоянный!!! — возопил судья не хуже меркурианского псевдо-слизня, по ошибке глотнувшего крутого солевого раствора.

Сорвав с головы парик, сэр Чарльз бросил его на пол и принялся сосредоточено топтать. Ровно через минуту, удовлетворённо осмотрев превращённую в грязную тряпку деталь судейского облачения и затребовав новый парик из хранилища, он продолжил уже почти спокойно:

— Подсудимый оказывается у меня уже пятьдесят четвёртый раз, причём многие его проступки даже преступлениями фактически не являются. Пререкания с роботом-регулирующим, сквернословие в общественном месте, домогательства по отношению к парковой скульптуре... Каждый раз я стараюсь назначить ему максимальное наказание, но его выпускают досрочно за примерное поведение, и он снова оказывается на скамье подсудимых. И снова за какую-нибудь ерунду. Что на этот раз? Плюнул мимо урны? Пустил лишнюю струйку в фонтан?

— Один раз он всё же совершил нечто серьёзное, — напомнил прокурор, пряча усмешку под приспущенным хохолком и расправляя чёрные бархатистые крылья. — Помните, попытка подкупа, чтобы судьей по его делу назначили именно вас. Вам тогда удалось добиться целых трёх лет.

— Да, это был самый счастливый год в моей жизни! Но только год, а не три, этого паскудника амнистировали! А потом снова было мелкое хулиганство в торговом центре. Я нашёл столько отягчающих

обстоятельств, но все присяжные хором заявили протест и настояли на формулировке «невиновен и заслуживает снисхождения». Он их поблагодарил, раскланялся, и пошёл приставать к статуе. Я даже мантию снять не успел, как его притащили обратно! И вот опять... да он просто издевается над правосудием! Я не буду его судить.

Усевшись в кресло, сэр Чарльз принялся демонстративно разглядывать журнал «Шаловливые плавники», фигурировавший на вчерашнем процессе в качестве вещественного доказательства, но отведённый из-за представленных защитой доказательств отсутствия у подсудимого центурийского квазиклубня склонности к ихтиофилии.

— Ваша честь, прошу меня простить, но без вас — никак, — вкрадчиво заметил помощник, переливаясь всеми цветами спектра. — Вы единственный аккредитованный судья в этом секторе, надежда и опора законности. Сегодня мы отменим судебное заседание, а завтра рухнет вся система...

Судья отбросил журнал, фыркнул, смиряясь. Спросил, морщась, словно раскусил протухший лимон:

— Так что там на этот раз?

— Попытка украсть одноразовую зажигалку.

Сэр Чарльз, только что понуро взиравший на голограмму готовящейся к нересту ихтипиды, резко вскинул голову. В его мозгу словно щёлкнули выключателем, в глазах зажглись нехорошие огоньки.

— Зажигалку, говорите? Это многое объясняет...

Нахлобучив на лысую голову только что доставленный новый парик и схватив со стола судебский молоточек, сэр Чарльз, судья межгалактической категории и единственный представитель человечества в системе Пегаса, решительным шагом направился в зал судебных заседаний. Он наконец-то понял всё и больше не намерен был медлить...

Подсудимый, заранее препровождённый на деревянную кафедру, выглядел так, будто ему только что назначила свидание мисс Вселенная. Вцепившись в низенькую деревянную решётку четырьмя парами передних ножек, он нетерпеливо поводил усиками из стороны в сторону. Крохотные рудиментарные крылышки чуть заметно трепетали. Хитиновый покров сиял, будто подсудимый полировал его не менее суток. Бантик, которым он украсил жало, заставили снять как предмет, нарушающий судебную процедуру, но инкрустированный на верхнепередней части головогруды портрет сэра Чарльза в судебской шапочке оставили, поскольку удалить его можно было только хирургическим путём.

Адвокат и судебный психолог, сидящие рядом на соседней скамье, обменивались короткими мыслеформами, пользуясь задержкой для светской беседы.

— Как полагаете, коллега, удастся хоть на этот раз обойтись малой кровью?

— Безнадёжно, коллега, сэру Чарльзу опять вожжа попала под мантию. Даже отсюда ощущаю, как он лютует. Ещё один парик уничтожил. Помощник опасается, что судья на этот раз будет требовать высшую меру.

— А он имеет право? Правонарушение-то мелочь, на пару недель исправ-работ, и то с натяжкой...

— Имеет. Если сумеет доказать неуважение к суду.

— А что наш клиент?

— Доволен, словно выиграл миллион.

— Загляните в его голову, коллега, если вас не затруднит. Я совершенно не представляю, на чём строить защиту при таких обстоятельствах!

— Уже. Да только это ничего не даёт. У него очень качественный блок, никак не могу пробиться. Или эта защитная блокировка поставлена умелым мозгоправом, или же наш клиент действительно так желает попасть в постель к Его чести, что ни о чём другом не в состоянии и думать. Только воспевания на все лады судейских прелестей. И различные красочные предположения относительно его постельных принадлежностей. Очень, знаете ли, яркие картинки...

— Хм. Его честь в курсе?

— Увы, — мыслеформа пожатия плечами сопровождается ментальным вздохом, выражающим предельное огорчение. — Сэр Чарльз из новаторов, не придерживающихся старой доброй толерантности. Он категорический противник межвидового обмена физиологическими жидкостями. Потому и бесится так, усматривая в достаточно невинном желании подзащитного изощрённое оскорбление как себя лично, так и всей судебной системы в целом. И если сумеет убедить в этом присяжных...

— Встать! Суд идёт!

Джек-поджигатель!

Неуловимый серийный убийца, обливающий свои жертвы горючей жидкостью и сжигающий несчастных заживо.

Джек-поджигатель, от одного имени которого вот уже второе десятилетие трепетала половина галактики. Приговоренный к смертной казни на двадцати трёх планетах. И ещё на ста шестидесяти — к пожизненному заключению, но лишь потому, что смертная казнь на них была отменена, как мера чересчур радикальная и неподобающая просвещенным носителям разума. Приговорённый, конечно же, заочно, поскольку не то что поймать, но даже и увидеть его до сих пор не удавалось никому. Кроме жертв. Джек-поджигатель, о котором до

сих пор не было известно ничего — ни внешности, ни места рождения, ни даже видовой принадлежности.

Где проще всего спрятать дерево? Конечно же, в лесу. Где проще всего скрыться преступнику? Среди других преступников, конечно же. И особенно, если попадется злобный и несговорчивый судья, который за самую малость впаяет по максимуму, и можно будет спокойно пересидеть облаву... Сэр Чарльз терпеть не мог, когда его пытались использовать. А тем более, когда такие попытки оказывались удачными. Он вошёл в зал, грозно хмурясь и метая молнии из-под насупленных бровей. Решительным шагом преодолел расстояние до представителей защиты, зыркнул на сомлевшего психолога и взмахнул судебским молоточком...

Удар был страшен.

Подсудимый скончался на месте, раздавленный в самом буквальном смысле этого слова. Остро запахло дорогим коньяком. Судья, ещё раз мрачно глянув на психолога, решительным шагом покинул зал заседаний, так и не выпустив из рук карающего молоточка.

— Ужас какой... — адвокат смотрел вслед судье, нервно подрагивая скрученным в спираль хоботком. — Чтобы вот так, самолично... и даже без возможности подать апелляцию... ведь моему подзащитному не так уж и много надо-то было... всего-то миллилитров сто пятьдесят-двести, не более. Какие все-таки они жадные, эти люди... а ещё мантию надел!

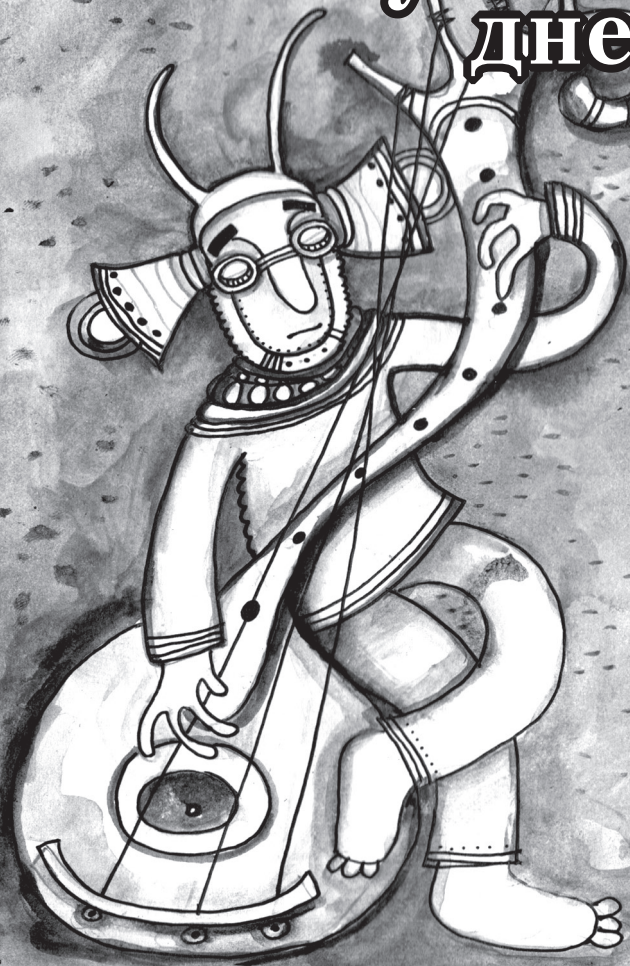
— Не тронь судью, — хмуро возразил психолог, содрогаясь всем телом от подсмотренного в лысой голове под напудренным париком. — Наш судья — молоток! Строг, но справедлив! Он ничего не делает без причины!

Судебному психологу очень хотелось жить.

Конечно, он был вовсе не из постельных клопов, а из семейства травоядных вонючек, и потому не питал никаких особых чувств к единственному в системе Пегаса представителю племени гомо сапиенс-сапиенс. Но ведь виды-то родственные. Кто его знает, этого сэра Чарльза...

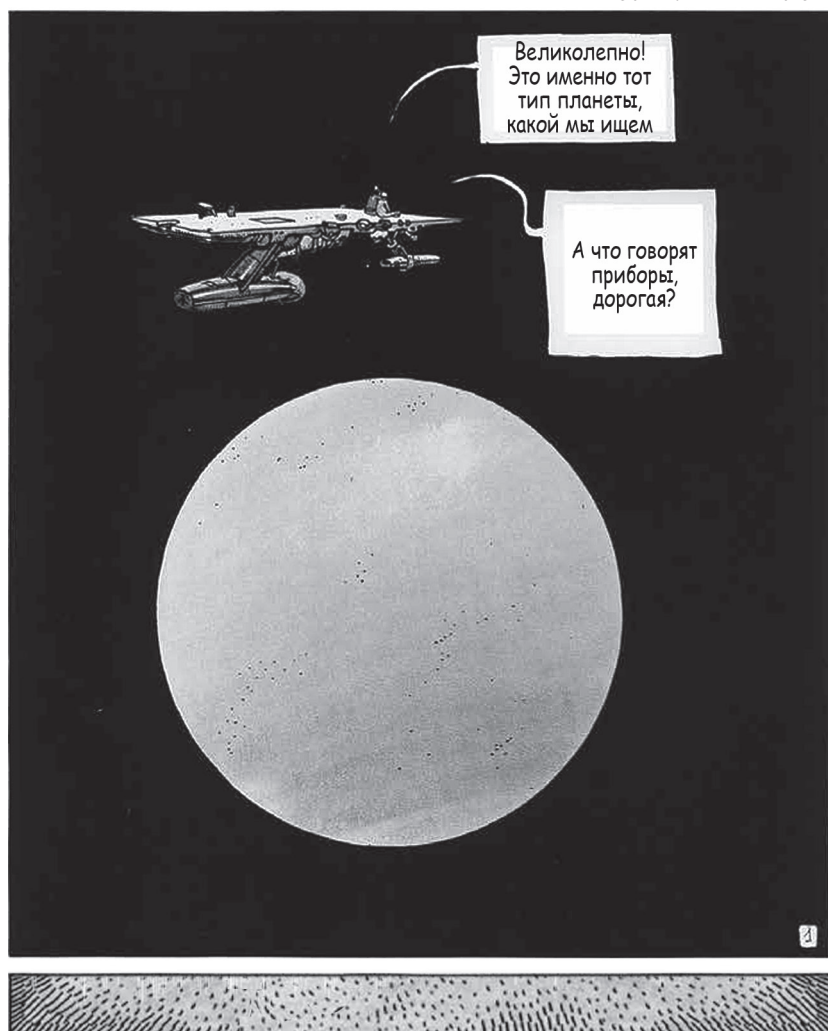
Вдруг он совсем не разбирается в инсектологии?

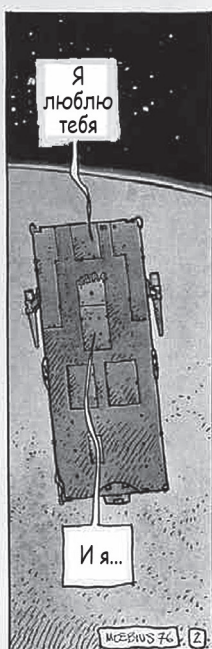
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Дела давно
минувших
дней

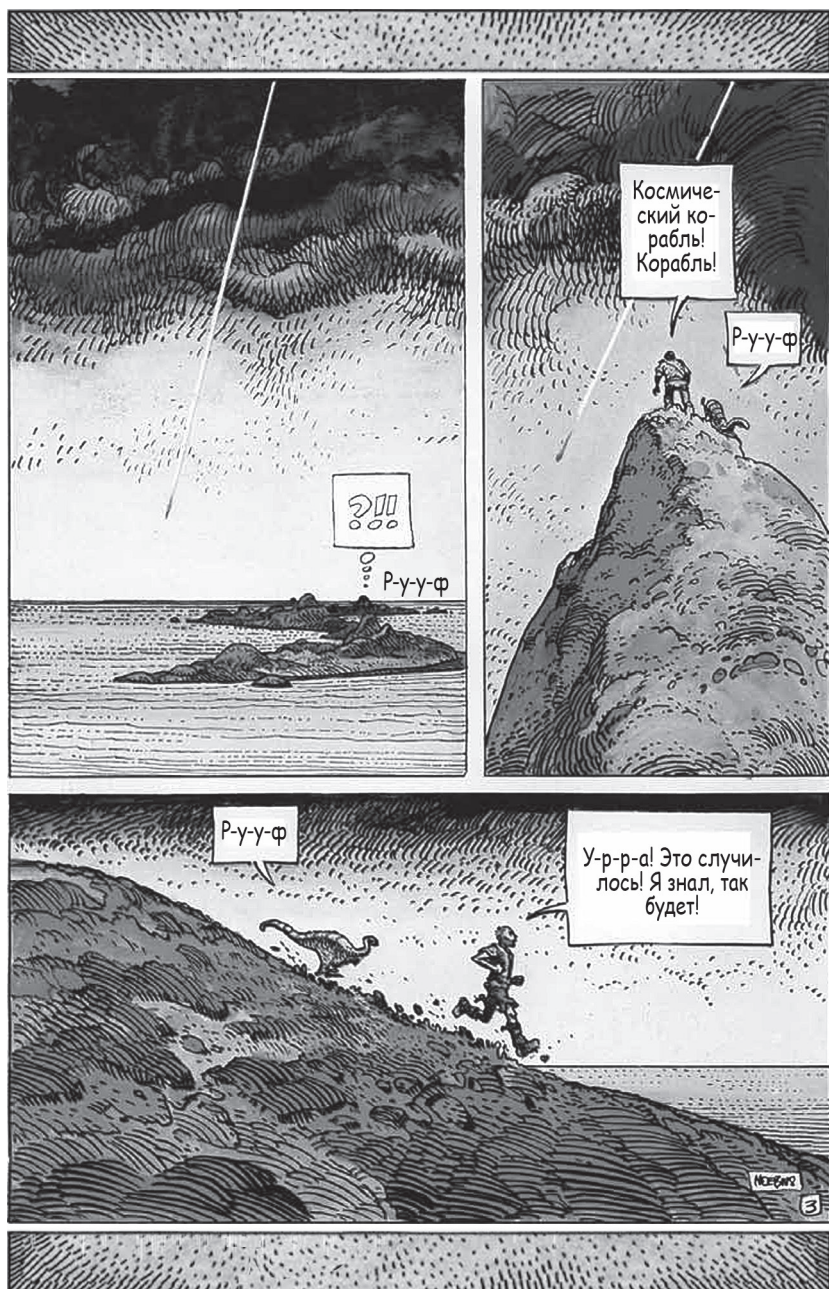

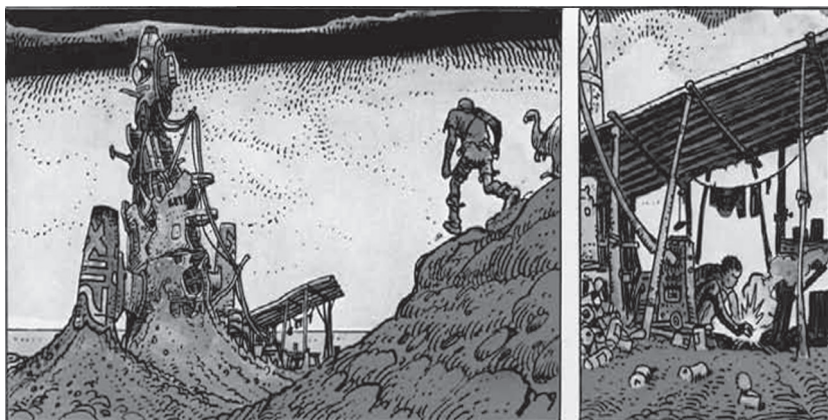
ВСЕЛЕННАЯ ВЕСЬМА МАЛА...

Рисунки Мёбиуса

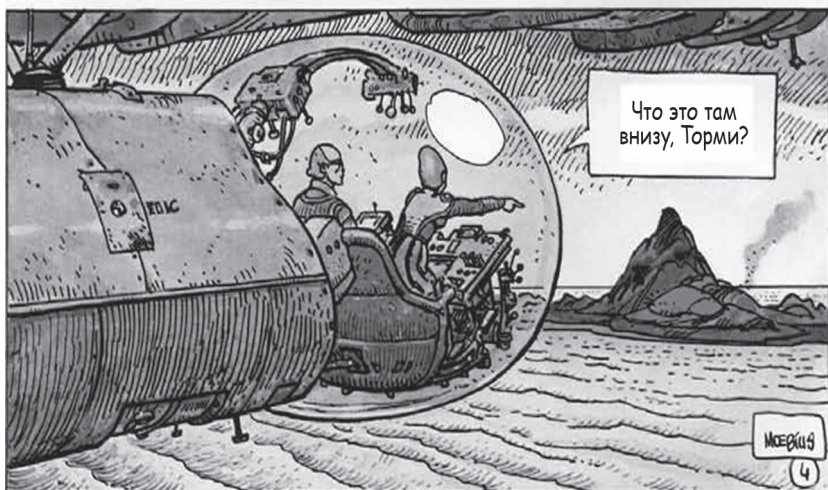

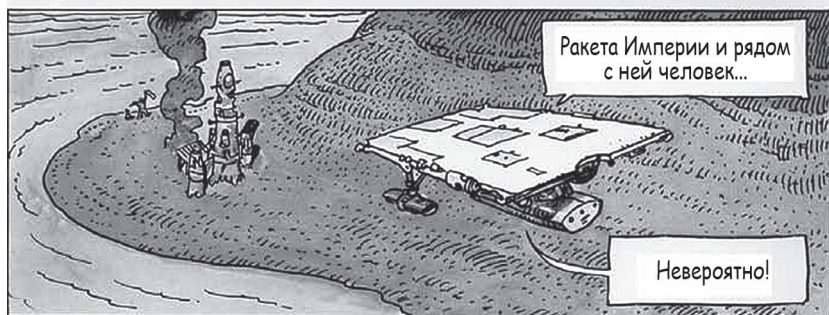
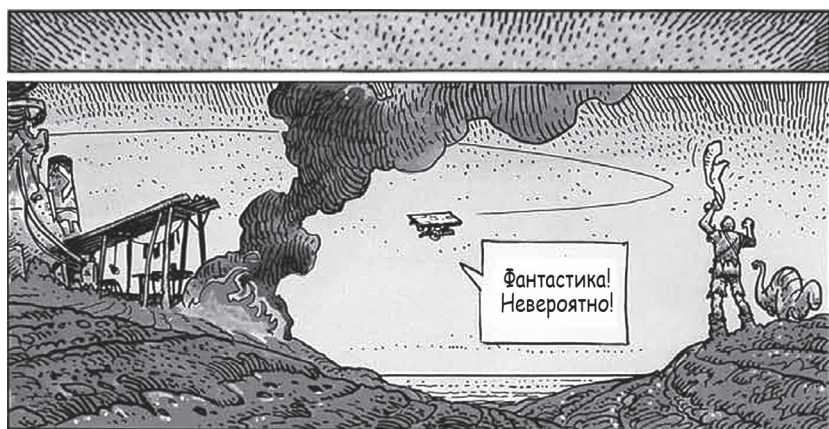
Надеюсь, тут нет
злых туземцев?

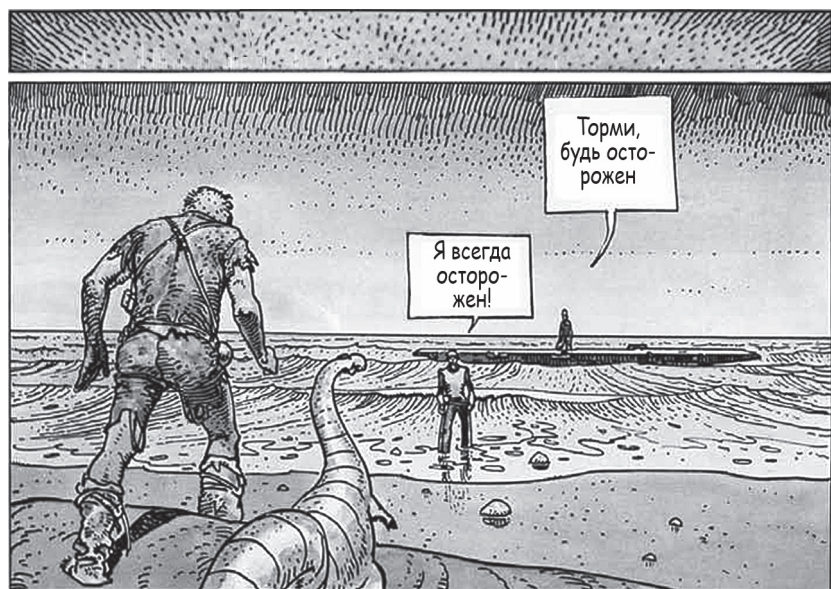
Не волнуйся. На
этой планете
нет обитателей,
лишь безбидные
рептилии. Что же
касается флоры...

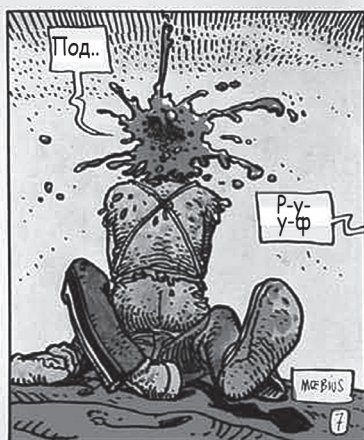
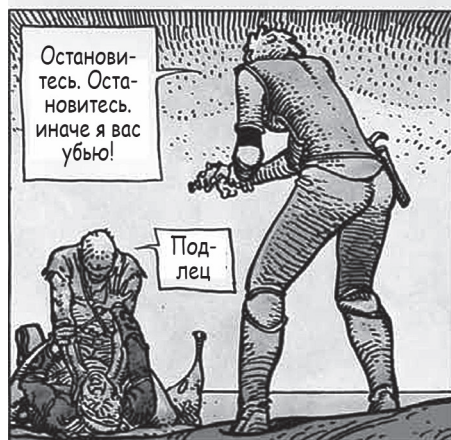
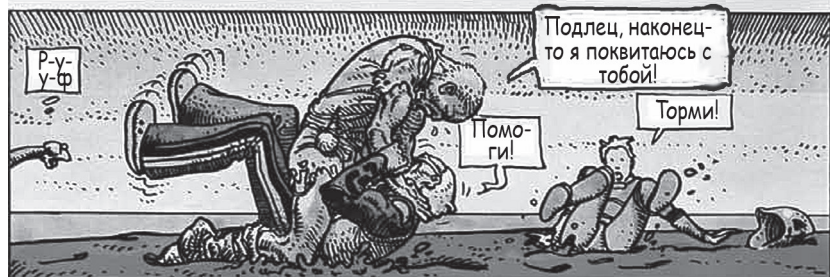

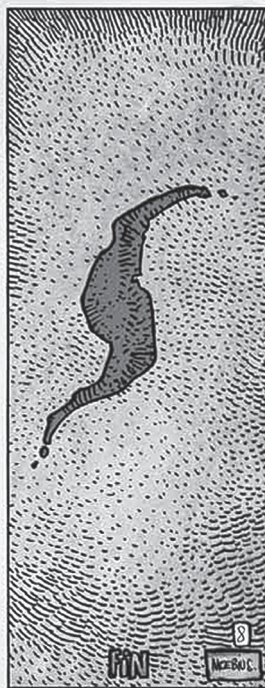
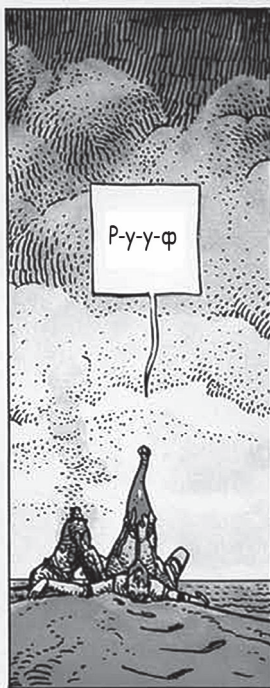
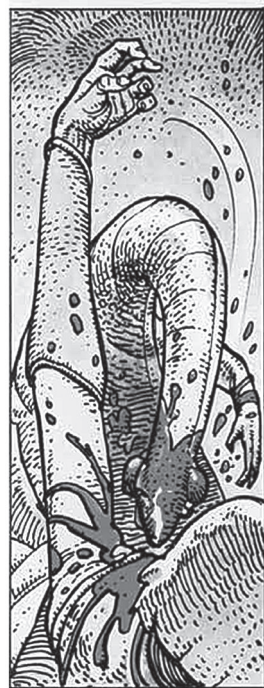
Масехис

4

ЧАСТЬ ПЯТАЯ Такие дела

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

МАЛДЕР И СКАЛЛИ ПРОТИВ КОНСЮМЕРИЗМА И ПЛУТОКРАТИИ

Рецензент, пытающийся судить о сериале по паре эпизодов (пусть их всего шесть), невольно оказывается в позиции героя басни Толстого «Царь и слоны». Не хочется спешить с выводами, но и промолчать невозможно: восемь лет этого ждали!

Первые ощущения—как от мхатовского капустаника или встречи в баре со старыми друзьями. Знакомые все лица, душевно так... Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.

Были опасения, что на продолжение перекинется хроническая усталость и сумбур заключительных сезонов исходника. И, особенно, картины «Я хочу верить» 2008-го года. Та мрачно-снежная история про экстрасенса-священника-педофила и злых славян, вдохновленных академиком Павловым и «Головой профессора Доуэля», оставила по себе очень двойственное впечатление.

Боязно было, что на новые «Икс-файлы» повлияет окружающее ремейковое безумие, и попытаются все «ускорить» и «осовременить» (ни слова о лазерной гарде Кайло Рена и заливной рыбе Хабенского!).

Но создателям удалось нащупать другой путь. Об этом недвусмысленно заявляет пролог: закадровый голос Духовны вкратце пересказывает содержание предыдущих двухсот серий, на экране тасуются архивные документы и фото, мордашки сестренки Саманты и юного Фоксика в костюме Спока сменяют рожи криптид и мутантов... Потом все занимается пламенем. Картер сжигает мосты и начинает мести по-новому.

А когда включаются классические титры и начинает играть бесмертный трек Марка Сноу... Тут уже ясно: что в итоге не получится, оно того стоило. Мальчик, ты не понял, семечек нам принеси, мы к пришельцам летим!

Прошедшие годы, безусловно, отразились на характерах.

Экс-спецагенты, сошедшиеся в 2008-м, так и не смогли обрести счастье. Теперь опять живут порознь. Скалли по-прежнему работает в католическом госпитале, Малдер живет отшельником и недавно вылез из затяжной депрессии.

Они не вместе, но электричества между ними, учитывая накопившийся опыт, стало только еще больше.

Остроумно отражено, как сильно проник во все сферы нашей жизни Интернет. Поводом к очередному воссоединению пары становится появление успешного видеоблогера (Джозель Макхейл,

главное украшение сериала «Комьюнити»), который в онлайн-борьбе с правительственным заговором заработал себе на студию, вертолет и бронированный лимузин. Макхейл в характерной инкубовской манере пытается всех очаровать, и неясно, к кому его тянет сильнее — к ней или к нему?

Годы идут, мы не молодеем. На Дэвида и Джиллиан физические законы, понятно, не распространяются. Только прически поменялись. Еще у него голос как-то охрип (много курил в «Калифорнии»?), а у нее в манерах добавилось созерцательной флегмы (до сих пор не отошла от «Краха» и «Ганнибала?»).

Скиннер до директора не дослужился, видимо поэтому отпустил бороду. Оказалось, она у него совсем седая.

Сильнее всех постарел появляющийся в сумрачном cameo Курильщик. Немудрено: при его-то нездоровом образе жизни!

Картер не пытается протянуть нити к тому, чем закончился исходник. Всех этих дурацких «суперсолдат» и «черных вертолетов» и Алана Дейла с зубочисткой будто не было, ну и слава Богу.

Зато флешбеки переносят нас к самому началу космического цикла: в Розвелл 47-го. Мы и раньше знали, где источник всех бед, но что конкретно там творилось, толком не видели. И вот, нам все показали. Истина от этого ближе не стала.

Пришельцы есть? Есть. Заговор есть? Конечно! Но ясности как не было, так и нет.

Постоянная радость узнавания. Вот вам треугольный НЛО проекта «Аврора» (первый сезон, эпизод два!). Вот невероятные каблукы Скалли. Карандашики в потолке. Раздраженный Малдер топчет канонический плакат. Скалли только собирается выпить шампанского с симпатичным мужчиной, а тут телефон звонит...

Герои выросли. Малдер уже давно не тот романтик-крестоносец, бунтовавший против Системы. Он вживую видел и чупакабру, и человека-моль, и не испугался, только еще сильнее захотел докопаться до Истины. Своей верой заразил даже скептика-напарницу (в переломном 6-м сезоне они забавно менялись местами: он разочаровался, она поверила). Но в 2016-м, когда по телеку Киммел и Обама шутят про Зону-51, он чувствует себя динозавром.

Человек прошел через болезнь, похищение НЛО, кому, похороны, воскрешение, наконец, военно-полевой трибунал... Революционная романтика осталась в прошлом. Идеализм рассеялся. К 55-ти годам Малдер, наконец, стал взрослым.

При этом мир вокруг него как будто напротив, ударился в детство. Эпоха инфоанархизма и нормкора. Кажется, разумные грибы, инопланетяне и постмодернизм заправляют тут всем. Асоциальные мизантропы превратились в ролевые модели. Паранойя стала таким же ходовым товаром, как айфоны и черничные маффины. Покинув

виргинскую избушку, Малдер попал в мир, где все устроено, как у него в голове. И почувствовал себя в нем чужим, посторонним...

Но «непрерывная правительственная шарада, призванная скрыть истину о существовании пришельцев...», про которую он как-то затирал под текилу симпатичной барменше, так никуда и не делась. Всё исправно функционирует, как убеждает героев красивая девушка Света (Аннет Махендру из «Американцев»), уверяющая, что была неоднократно похищаема и становилась предметом опытов с инопланетным ДНК.

А значит, надо снова стрелять в небеса и воевать с будущим. И гоняться с фонариком и пистолетом за зелеными человечками. Зачем? «Не уверена, что у нас есть выбор, Малдер...»

Со второго эпизода герои восстанавливаются на работе в ФБР и окончательно входят в былой ритм. Происходящее напоминает уже не дружеские посиделки, а скорее юбилейный концерт Роллинг Стоунз. А вот вам шутка про геев, а вот шутка про Сноудена. Вот инфразвук, а вот телекинез. А вот пугающие детишки-мутанты как часть закрытого проекта МинОбороны... В какой-то момент появляется Кейси Рол с огромным животом.

Своеобразно отражена рефлексия героев как несостоявшихся родителей (как мы помним, их совместного ребенка Вильяма пришлось отдать на анонимное усыновление в 2001-м). В щемящих сердце «альтернативных» кусках нам показывают, какими папой и мамой могли бы стать Фокс и Дана. Хорошими! Только от неизбежной трагической развязки все равно бы не спасло.

Картеровская социальная сатира выходит на новый уровень. Достается на орехи всем: и окончательно победившему обществу потребления, и Патриотическому Акту, и милитаризации полиции.

Высказываются авторы и про похолодание отношений с Россией. Ее герои называют возможным прикрытием для момента, когда разговор вступит в горячую фазу: ахтунг, русские идут, вводим комендантский час и талоны на интернет! Тут-то и схлопнется ловушка, которую Курильщик и Ко так долго и мучительно строили.

Основная мысль Картера не нова, и уже высказывалась в исходнике. Главный наш враг — не инопланетяне, а политические элиты. Об этом Малдер твердил и раньше, но еще никогда — с такой горячностью и убежденностью.

Пишут, что третий эпизод снял Дарин Морган (игравший Человека-Червяка и похотливого уборщика с хвостиком, автор незабываемых «Клайда Брукмана», «Розыгрыша», «Джо Чанга», «Копрофагов». Уже одного этого достаточно, чтоб сказать: перезагрузка удалась.

ДЕЛО О ПРИШЕЛЬЦАХ

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О ПОВЕСТИ

А. и Б. СТРУГАЦКИХ

«ОТЕЛЬ „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА“»

ЭТИ СТРАННЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

Одна из причин популярности повести братьев Стругацких «ОТЕЛЬ „У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА“» — это необычные, особенно для своего времени, пришельцы. Пришельцы из космоса (времени, других измерений и т. д.) это всегда сила. Добрая, злая, нейтральная... Господин же Мозес и его соратники наивны и слабы. «Примерно полтора месяца назад он попал в лапы к гангстерам. Они его шантажировали и держали на мушке. Ему еле-еле удалось вырваться и бежать сюда» (с. 176¹). Так, во всяком случае, на первый взгляд. Приглядевшись, замечаешь разительнейшие черты этой слабости.

«...Господин Мозес, у которого были достаточно веские основания скрывать от официальных лиц не только свои истинные занятия, но самый факт своего существования...» (с. 184).

Интересно, как можно, будучи миллионером, скрывать «факт своего существования»? В принципе?

Господин Мозес пытается уговорить инспектора Глебски отдать ему очень важный чемодан. Инспектор задает нейтральный вопрос: «Что вам нужно?». Ответ:

«Какие вам еще нужны доказательства? <...> Вы губите нас. Все это понимают. Все кроме вас. Что вам от нас нужно?» (с. 180).

И далее: «Что вам еще нужно?» (с. 180). «Нет! Нет! Все совсем не так» (с. 182). «Ну неужели вы не понимаете...» (там же).

То есть впадает в истерику. Господин Мозес как будто только что сообразил, что исследование неизвестного и возможно опасного мира может закончиться его гибелью. Наивный... (Кстати, если действительно «все, кроме тупоголового инспектора, всё понимают», то это же великое открытие! Планета готова к контакту! Да за такую весть, по-моему, и жизни не жалко. Радоваться вам надо, господин Мозес, а не огорчаться.)

А в чем причина этой истерики? Во-первых, Луарвик болен, ранен, почти умирает. Мозес умоляет: «Отпустите хотя бы Луарвика» (с. 181). «Пусть по крайней мере хоть он спасется...» (с. 182). «Я боюсь за Луарвика» (с. 183). А что, собственно, случилось? Луарвик же пострадал при взрыве станции пришельцев. Глебски этот взрыв слышал:

¹ Здесь и далее: Стругацкие А. и Б., Собрание сочинений. Том 6. 1969-1973. Донецк: Сталкер, СПб.: Terra Fantastica, 2001 г.

«В этот самый момент пол дрогнул под моими ногами, жалобно задребезжали стекла, и я услышал отдаленный мощный грохот» (с. 67).

По идее, господин Мозес тоже слышал этот «мощный грохот». Ну и почему сразу не помог несчастному Луарвику, за которого так беспокоился? Ведь неизвестно где больше пострадал Луарвик: при взрыве или во время тяжелейшего перехода от станции до отеля:

«Дверь отворилась, и к нашим ногам медленно сползло облепленное снегом тело. (...) Облепленный снегом человек застонал и вытянулся. Глаза его были закрыты, длинный нос побелел» (с. 71-72).

Во-вторых, пришельцы «без Олафа... совершенно беспомощны, а Олаф выключен, и вы не даете нам аккумулятор» (с. 182). Я все понимаю, но, господин Мозес, Олаф выключен больше половины суток, а вы только сейчас о нем сказали. Почему же вы за это время не попытались добыть несчастный аккумулятор (силой, хитростью или просто уговорить)?

Пока все это касается практически только одного пришельца. Теперь же рассмотрим технику этих самых пришельцев. Станции взрываются при работе в штатном режиме (ведь строились они, кажется, именно для того, чтобы принимать и отправлять корабли), прекращение подачи энергии автоматически отключает всех роботов, причем они даже сигнала об отсутствии энергии (как бесперебойник) не подают, у двух роботов «принципиально разные» аккумуляторы, у Луарвика скафандр поврежден (Неужели запасного не нашлось?) и не приспособлен для зимы, да и лексикон убог. Впридачу в момент работы станции ее робот-смотритель (тот же Олаф Андварафорс) оказывается почему-то далеко от нее. (Кстати, он вообще уходил?)

Иными словами, пришельцы не просто слабы, но на удивление наивны, инфантильны и не приспособлены к иным, нежели тепличным, условиям и тем более к исследованию неизвестных планет.

Однако все о слабости, наивности, инфантильности и т. д. пришельцев в повести Стругацких известно лишь со слов самих пришельцев, и неожиданно всплывают факты совершенно другого рода.

Как уже известно, Мозес «полтора месяца назад попал в лапы гангстерам» (с. 176). Далее «Чемпион исчез с горизонта. Впрочем, всего на месяц» (с. 184). То есть чистое время общения господина Мозеса с гангстерами длилось две недели. За это время Мозес:

1. «Сработал ... всего два дела, но зато дела были для простого человека ну никак не подъемные, и сработал он их чисто, красиво...» (с. 167).

И как «сработал»! Его робот, «госпожа Мозес», сначала «сейф в две тонны весом выворотила и несла по карнизу» (с. 168), а затем ухватила «броневик с золотом под днище» и «перевернула эту машину набок» (с. 169). Не скажешь даже, что Чемпион все разработал, а господин Мозес — простой исполнитель. Откуда Чемпиону знать о роботах и их возможностях?

2. Далее господин Мозес «еле-еле вырвался» от гангстеров. Посчитаем. За указанные две недели было подготовлено и произошло два ограбления и какое-то время Мозес жил в отеле «У погибшего альпиниста». То есть наш пришелец еле-еле вырвался максимум за неделю.

3. Еще господина Мозеса «непрерывно держали на мушке». Например, как указано в повести, Хинкус — «опасный гангстер, маньяк и садист» (с. 50), он же «настоящий ганмен в лучших чикагских традициях» (с. 165). И этот самый гангстер и ганмен менее чем за сутки был нейтрализован без видимых усилий.

4. Но опять речь об одном Мозесе, да еще о его взаимоотношениях с гангстерами, в которых я, разумеется, профан. Переходим к несчастному Луарвику. Луарвик Л. Луарвик идет от станции до отеля (явно отстоящих друг от друга на весьма большом расстоянии, дабы каждый второй лыжник-альпинист не наткнулся на загадочный объект, причем, возможно, станция находится в горах, с которых еще надо спуститься) незнакомой дорогой, ночью, по снегу, в совершенно неподходящем костюме. И сколько времени идет? Вспомним. Взрыв был в «десять часов две минуты» (стр. 67), тело Олафа нашли в «ноль часов двадцать четыре минуты» (стр. 79), минус время от появления Луарвика до обнаружения «тела» Андварафорса (то есть события почти всей седьмой главы повести). Получается около двух часов. Всего-навсего.

Причем эти сведения, в отличие от предыдущих, получены не от пришельцев, а от более или менее беспристрастных свидетелей.

Не кажется ли, что пришельцы в повести Стругацких не так уж наивны и слабы, как хотят выглядеть? Тем более что в отеле они всех мистифицируют?

Проверим.

Вот один из самых ярких эпизодов повести. «Жуткая гонка на лыжах через снежную равнину», которая и двадцать лет спустя видится Глебски, когда «при простуде у него «поднимается температура» (с. 195).

«Впереди мчалась госпожа Мозес с гигантским черным сундуком под мышкой, а на плечах ее грузно восседал сам старый Мозес. Правее и чуть отставая, ровным финским шагом несли Олаф с Луарвиком на спине. Билась по ветру широкая юбка госпожи Мозес, вился пустой рукав Луарвика, и старый Мозес, не останавливаясь ни на секунду, страшно и яростно работал многохвостовой плетью. Они мчались быстро, сверхъестественно быстро...» (стр. 190).

Превосходно, правда? Однако проверим алгеброй гармонию.

С чего все начиналось? Господин Мозес кричит «с нечеловеческой силой»: «Прощайте, люди! До встречи! До настоящей встречи!» (с. 189). И дальше, очевидно, «жуткая гонка». Практически одновременно Глебски встает, подходит к лестнице, поднимается. Инспектор ранен, каждый шаг отдается болью («На лестнице, на первых же ступеньках, мне стало дурно, и я вцепился в перила» (с. 189), иными словами, еле

движется, и путь до своего номера и дальше до крыши займет у него минуты три, не меньше. Пришельцы же мчатся «быстро, сверхъестественно быстро», то есть километра два за это время явно пробегут. Спрашивается, каким же отличным зрением обладает Глебски, который за два километра видит, что Мозес «грузно восседает», Олаф идет «ровным финским шагом», а у Луарвика «вьется пустой рукав»?

А затем прилетает вертолет, и...

«А потом вертолет повис над неподвижными телами и медленно опустился... Снег закрутился вихрем от его винтов, сверкающая белая туча горбом встала на фоне сизых отвесных скал» (с. 190).

Итак, вертолет снижается, но не садится. С него, очевидно, прыгают на землю люди Чемпиона, три-четыре человека — «не меньше трех» (с. 172).

Прикинем, сколько времени эти люди по пояс в снегу, с запорошенными глазами и, главное, не спеша (ибо спешить некуда) будут грузить на вертолет (хорошо, пусть даже грузовой) четырех «людей» плюс сундук («Он привез с собой четырех носильщиков, и бедняги измучились, затаскивая сундук в дом» (с. 126).)? По-моему, на все про все минут двадцать.

И что же за это время происходит в отеле?

«Снова послышался злобный треск пулемета, и Алек сел на корточки, закрыв глаза ладонями, а Симонэ все рыдал, все кричал мне: „Добился! Добился своего, дубина, убийца!..“

Вертолет так же медленно поднялся из снежной тучи...» (с. 190-191).

Все. Вспомним, что описание примерно же тех двадцати минут, прошедших от появления Луарвика до обнаружения «труп» Олафа, заняло у авторов 7 страниц. И что, Симонэ столько времени монотонно повторял одно и то же? Не верится. Герои застыли и простояли невесть сколько? Про это ни слова. И, кстати, почему гангстеры-победители не полетели сразу же к отелю: Хинкусу помочь и свидетелей убрать на всякий случай?..

Короче говоря, эта красивая и действительно запоминающаяся сцена похожа именно на театральное действие со снежным вихрем в роли занавеса.

Пришельцы просто морочат всем голову!

Но почему? С какой целью?

Впрочем, целей своих Мозес в общем-то не скрывает. («Я исследовал возможности контакта. Я его готовил» (с. 186).) То есть в том числе не мог не исследовать реакцию различных людей на факт контакта. И именно такое «театральное действие» прекрасно вписывается в данное исследование.

Итак, как же люди, по мнению господина Мозеса, готовы к контакту?

И с кем, собственно, контактировал господин Мозес? И тут вспоминается:

ЧЕМПИОН СРЕДИ ГАНГСТЕРОВ

Главарь гангстеров Чемпион — единственный персонаж повести, который не присутствует на ее страницах. Он только упоминается, но тем не менее роль играет очень важную.

«Слыхали про Чемпиона? Еще бы не слыхали?..» — с гордостью заявляет Хинкус (с. 167). По словам Мозеса, власть этого бандита почти беспредельна: «Он попытался переменить местожительство. Это не помогло» (с. 184). «Бежать в другой город, в другую страну не имело смысла: он уже убедился, что рука у Чемпиона не только железная, но и длинная» (с. 185).

И еще:

«Мудрый Чемпион предъявил злосчастной жертве показания восьми свидетелей (...) плюс киноплёнку, на которой была запечатлена вся процедура ограбления банка,—не только три или четыре гангстера, готовых пойти на отсидку за приличный гонорар...» (с. 185).

Честно говоря, с трудом представляю себе преступника, обладающего такой властью. Почему тогда о нем вообще знает и ищет его полиция? Это во-первых. А во-вторых, на что идет эта невероятная власть?

«В конце концов, как это всегда бывает», к Мозесу «явились и предложили полюбовную сделку. Он окажет посильное содействие в ограблении Второго Национального, ему заплатят за это молчанием. (...) Через месяц» Чемпион «объявился вновь. На этот раз шла речь о броневике с золотом» (с. 184-185).

«Послушай, зачем тебе столько денег?»

Своими дерзкими ограблениями Чемпион сразу заимел множество врагов. Это, во-первых, полиция, которая подобные дела расследует годами и не церемонится с подозреваемыми. (В порядке вещей, к примеру, похищение и пытки, не говоря уже о чудовищном давлении на свидетелей и осведомителей.) А, во-вторых, преступный мир, которому зверствующая полиция мешает спокойно обделывать темные делишки, и который, кстати, понимает, что выдав Чемпиона, искупит прошлые и будущие грехи. Так что вроде бы Чемпиону после этих ограблений стоит залечь на дно, пока все как-то не уляжется.

Но знаменитый преступник не успокаивается. Он, скорее всего, похищает вертолет и устраивает погоню за несчастным пришельцем в лучших гангстерских традициях. Мозес с соратниками явно нужны ему для новых громких злодейств. Мотив у Чемпиона может быть один. Страшнейший риск ради еще большей власти (хотя большую власть мне представить сложно). И пришельцы служат тому средством. Кстати, не пришельцы, а нечистая сила:

«Вельзевул [то есть Мозес] — он ведь не простой человек. Он — колдун, оборотень! У него власть над нечистой силой...» (с. 168).

Впрочем, это, может быть, личное мнение Хинкуса, но затем:

«Свинцовой пулей оборотня не возьмешь. Чемпион с самого начала на всякий случай подготовил серебряные бананчики, подготовил и Вельзевулу показал...» (с. 169).

«Вот тебе и первый контакт. Вот тебе и встреча двух миров» (с. 179).

НАЕМНЫЙ РАБОТНИК

Чемпиона, как уже писалось, нет в тексте повести. Зато есть, так сказать, его представитель, Хинкус. Присмотримся к нему повнимательнее.

При первом своем появлении он отчаянно ругается с таксистом из-за пяти крон:

«Да за двадцать крон я куплю тебя вместе с твоим драндулетом! <...> Выходите! Дай мне свой номер, я запишу! <...> Что за чертовы порядки в этом городишке?» (с. 34-35).

По сути Хинкус совершенно прав. Но в специфической атмосфере отеля (где, как ни странно, не принято считать денег) он раз и навсегда стал чужим. Другие постояльцы относятся к нему со сдержанной безразличностью:

«А, это такой маленький, жалкий...» (с. 90).

«Не представляю, о чем бы я мог с ним разговаривать» (с. 96).

«Давешний, закутанный до бровей в шубу человечешко...» (с. 36).

Но все это только маска. На самом деле он, повторяю:

«...настоящий гангмен в лучших чикагских традициях» (с. 165).

На допросе Хинкус делает вид, что о пришельцах (а также оборотнях и нечисти) не знает практически ничего. Только с чужих слов:

«А у него вся чародейская сила пропасть может, если он человеческую жизнь погубит. Чемпион нам так и сказал» (с. 169).

Но однажды проговаривается. Говорит о Вельзевуле (господине Мозесе):

«Я его в разных видах видал, и толстым, и тонким. Никто не знает, какой вид у него натуральный...» (с. 167).

И когда вы, милейший Хинкус, все это повидали? (Напомню, знакомство пришельцев и гангстеров длится около двух недель.) Впрочем, а всех ли гангстеров?

«Примерно два месяца назад господин Мозес <...> начал ощущать признаки назойливого и пристального внимания к своей особе. Он попытался переменить местожительство. Это не помогло. Он попытался отпугнуть преследователей. Это тоже не помогло. <...> Свидетельства агентов Чемпиона, пострадавших при столкновении с роботами...» (с. 184).

Очевидно, перед нами один из анонимных «преследователей» и «агентов». Приятно познакомиться, мистер Хинкус.

А впридачу пара косвенных улик. Мозес характеризует Хинкуса, как «опасного гангстера, маньяка и садиста» (такие яркие слова о незнакомом человеке, пусть даже бандите), а робот-Ольга легко, уверенно (и, скорее всего, не в первый раз) принимает личину Хинкуса и только Хинкуса.

В отличие от Чемпиона, самому Хинкусу явно не нужны никакие контакты с пришельцами (или как их там). Он «наемный человек» (с. 147) и только исполняет приказы.

С гангстерами разобрались. Но неужели пришельцы больше ни с кем не контактировали? Присмотримся внимательнее к отелю «У погибшего альпиниста» и его хозяину. Возможно, база пришельцев не случайно стоит рядом с ним.

Отель «У погибшего альпиниста» находится в тупике («Здесь тупик. Отсюда никуда нет дороги» (с. 31).) и связан с миром (и Мюром) лишь узким Бутылочным Горлышком и телефонными проводами (и то, и другое периодически прерывается). Одно это сводит к минимуму число случайных посетителей, кои кормят большинство отелей. Однако этого мало.

Начнем с названия отеля (который когда-то имел совершенно нейтральное имя «Шалаш»): сначала «У погибшего альпиниста», затем «У космического зомби». Мрачноватенькие, не правда ли? (Кстати, а если кто-то не обратит на это внимание, тут же появляется хозяин, который все весьма подробно объяснит.) И еще у хозяина отеля Алека Снеvara нет слуг, за исключением Кайсы:

«...Этакая кубышечка, пышечка этакая лет двадцати пяти с румянцем во всю щеку, с широко расставленными и широко раскрытыми голубыми глазами...» (с. 9).

«Была она в пестром платье в обтяжку, которое топорщилось на ней спереди и сзади, в крошечном кружевном фартуке, руки у нее были голые, сдобные, и голую сдобную шею охватывало ожерелье из крупных деревянных бусин» (с. 13).

При одном взгляде на служанку любая благопристойная дама хватает своего мужа в охапку и тащит вон.

Может, Кайса привлекает одиноких мужчин? Вспомним, как относится к ней Глебски. В начале повести: «Пышечка-кубышечка на фоне постели выглядела необычайно заманчиво. Было в ней что-то неизвестное, что-то еще не познанное» (стр. 12). И ближе к концу: «Я поздоровался с [Кайсой] отнаблюдал серию ужимок, выслушал серию хихиканий» (с. 157)... Всего за два дня Кайса успела инспектору надоесть.

Иными словами, хозяин отеля принимает исключительно завсегдатаев, а случайным посетителям дает от ворот поворот.

Как же у него обстоят дела? Посчитаем. На дворе март месяц, грязи и слякоти в помине нет, самое раздолье для любителей лыж, а в отеле «на двенадцать номеров» (с. 112) (будем пока исходить из того,

что гангстеры и пришельцы здесь случайно) налицо всего четыре наличных (и возможных) завсегдатай: дю Барнстокр, Симонэ, чадо и Глебски. Отель на две трети пуст. Неужто окупается?

И еще один фактик. На словах хозяин весьма печется об экономике.

«Передатчика у вас нет?» — «...Это мне невыгодно» (с. 134). Этим же объясняется отсутствие слуг, даже когда девять из двенадцати номеров занято и близится приезд еще минимум двух человек, а на деле сама обстановка в отеле (ни разу не упоминается ни об учете расходов, ни о плате) говорит об обратном. Учитывая расположение, в отеле должен быть большой запас продуктов (человек на десять на одну неделю), что тоже не очень-то выгодно, и, наконец, «одной только фирменной настойки», заготовленной осенью и пролежавшей полгода без движения, «сто двадцать бутылок» (та же с. 134). Нет, экономикой здесь явно и не пахнет.

Выходит, есть некий спонсор, который щедро оплачивает все расходы. А кто? Исходя из сюжета, только пришельцы, больше некому.

Проверим, есть ли «особые связи» между Сневаром и Мозесом.

СНЕВАР И ПРИШЕЛЬЦЫ

Сразу бросается в глаза, что в ходе расследования убийства Алек Сневар дважды (на с. 98 и 173) виноватится, что сказал Мозесу лишнего: сначала про убийство Олафа Андварафорса, а потом что пресловутый чемодан забрал инспектор Глебски. Но, может быть, случайность?

Вспоминаются два факта из начала повести. При первом же знакомстве (то есть в первой реплике, обращенной к инспектору) Мозес точно называет «специализацию» Глебски.

«Инспектор,—проворчал Мозес. — Фальшивые квитанции, подложные паспорта...» (с. 27).

И кто в отеле это знал? Только сам Глебски и хозяин, который спросил у инспектора (см. с. 11).

А чуть ниже инспектор болтает и сплетничает со Сневаром. Речь, конечно же, заходит о Мозесе. Глебски предполагает (не всерьез, спьяну и для поддержания разговора), что Мозес — фальшивомонетчик, и Сневар мгновенно отвечает:

«Отпадает,— с удовольствием сказал хозяин. — Билеты у него настоящие» (с. 30).

Гм, а что у (хотя бы) фальшивомонетчика все деньги (то есть билеты) фальшивые? Наивно как-то... Разговор о Мозесе и его жене продолжается. И вскоре уже Сневар уверенно заявляет:

«...А вы знаете, Петер, у меня есть довольно веские основания предполагать, что никакая она не госпожа и вовсе не Мозес. (...) По моему, Мозес ее бьет. (...) У Мозеса есть плетка. Арапник» (с. 32).

(Отметим, что первая фраза хозяина очень точно «выстроена». Это явно не экспромт, а «домашняя заготовка».) Только что защищал

и сразу наушничают? Или пикантной, но безобидной новостью отвлекает внимание от гипотетического фальшивомонетчества (и вообще мошенничества) Мозеса?

Связь очевидна. Сневар работает на пришельцев. И, быть может, именно он вступил с ними в первый контакт.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Напрашиваются кое-какие выводы.

1. Никто из землян не воспринимает «чужаков» как пришельцев из космоса. Все предпочитают более «земную» версию нечистой силы.

2. Все общение с пришельцами ведется либо из желания урвать свою большую (Чемпион) или малую (Сневар) долю выгоды, либо по служебной необходимости (Хинкус).

Выводы для нас неутешительные. Контакта нет. Вот почему, наверное, пришельцы пошли на последнюю отчаянную авантюру в «Отеле „У погибшего альпиниста“». Чтобы дать землянам еще один маленький шанс.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

Начинаются собственно события в отеле.

И в первую голову происходит проверка лиц, которые уже вступили в контакт. Кроме Чемпиона, с которым для пришельцев все ясно. Итак, вражеский наемник Хинкус. И свой помощник, хоть и наемный, Сневар.

По идее Хинкус, как лицо незаинтересованное (а его босса рядом нет), при первой же серьезной угрозе (а я с трудом поверю, что можно бояться больше, чем Хинкус боялся Вельзевула) должен сбежать. Хозяин же отеля должен оказать пришельцам настоящую, реальную помощь. Что же происходит на самом деле?

Как это ни парадоксально, именно Хинкус проявляет в этом контакте «человеческие черты». Гангстер прекрасно знает, что имеет дело с ужасной «поганью» (с. 170). И эту самую погань сторожит и не пускает из долины. И, не боюсь этого слова, с честью справляет с задачей. Даже героически выдерживает пытки:

«Как я там со страха не подох, как с ума не сошел — не понимаю. Три раза в отключку уходил, ей-богу...» (с. 168).

(Кстати, господин Мозес, это что же получается: убивать людей нельзя, а пытать и доводить до сумасшествия, а то и до смерти — запросто. Какие же вы гуманные, о пришельцы!)

Несмотря на муки, страх смерти и сумасшествия (причем неизвестно, что хуже) Хинкус не покидает свой пост. И даже придумал легенду, почему так ужасно выглядит:

«Туберкулез у меня,—сообщил он вдруг. — Врачи говорят, мне все время надо на свежем воздухе... и мясо черномойсой курицы...» (с. 57).

Понадобилась грубая неженская сила госпожи Мозес, чтобы остановить бандита. (Интересно, а ведь беднягу Хинкуса освободили практически случайно, его должны были найти не раньше следующего утра. Он что, за это время не мог помереть? Или сойти с ума?) Не знаю, как вы, но я, при всей своей нелюбви к тому, что делает Хинкус, не могу не уважать его за то, как он честно исполняет свой долг.

А что же Сневар? Хозяина отеля никто не пытается, не сводит с ума, не пугает до полусмерти. (Разве что Глебски грозит некими абстрактными «неприятностями», но несмотря на то, что Сневар сломал ему ключицу, их так и не доставляет.) Да помоги же ты пришельцам, чего тебе стоит?

Однако поступки хозяина весьма двусмысленны.

С одной стороны, он передает бразды правления в руки Глебски. А с другой—делает инспектору очень странные намеки. И даже не совсем намеки.

«Почему-то все время так получалось, что версия хозяина — единственная и безумная — все время находила подтверждение, а все мои версии — многочисленные и реалистические — нет...» (с. 148).

Но что же все-таки хочет сказать хозяина отеля?

«Надо быть разумным. Не одним законом жива совесть человеческая» (с. 188).

«Я чувствую только одно, Петер. Вы заблуждаетесь. (...) Мне кажется, что в этом деле обычные понятия вашего искусства теряют свой смысл...» (с. 122).

Это важные, но общие мысли. А в частности?

«Такое явление реального мира — мертвый человек, имеющий внешность живого и совершающий, на первый взгляд, вполне осмысленные и самостоятельные действия,—носит название зомби» (с. 125).

Что-то начинает проявляться. Хозяин намекает, что Олаф вот-вот «восстанет из мертвых». И далее:

«Вы все-таки еще не созрели, Петер (...). А вот, (...) когда я увижу, что вы готовы, тогда я вам кое-что расскажу» (с. 122).

Когда же Глебски «будет готов»? Очевидно, при виде воскресшего Олафа. И тогда хозяин кое-что ему расскажет и, главное, поможет замять это «уродливо-бессмысленное дело». Вот почему Сневар так покровительствует инспектору. Глебски дотошен, но не слишком умен и, главное, незлобив. И согласится на любую версию, лишь бы не стать объектом насмешек. Версия же будет простая: «Великий» инспектор «слегка перебрал, и ему почудилось бог знает что...» Что же касается самого воскресения Олафа Андварафорса, то Алек Сневар перекладывает ответственность за это дело исключительно на плечи Мозеса. Им, стало быть, выкручиваться, а хозяин, так и быть, «наложит окончательный глянec».

Все бы хорошо, но ситуация обостряется. Мозесу нужен чемодан, добыть который он не может без помощи Сневара. Об этих событиях повесть Стругацких умалчивает, но, в принципе, суть и так понятна. Есть одна косвенная улика:

«...И только однажды [хозяин отеля], пряча глаза, признался, что тогда его больше всего интересовала целостность отеля и жизнь клиентов. Мне кажется, потом он стыдился этих слов и жалел о своем признании» (с. 195).

С чего Алеку Сневару стыдиться? Человек исполнял свои обязанности. Но раз стыдился, значит, исполнил не все. Подвел доверившихся ему пришельцев. Скорее всего, на их просьбу о помощи хозяин, как обычно, дал уклончивый ответ. В смысле, я бы рад, но вот этот чертов инспектор полиции запрещает. Нет, он какие-то усилия, конечно, обязательно приложит.

Например, поговорит с Глебски:

«Отдайте вы им чемодан, и пусть они убираются с ним прямо в свой ад, откуда они вышли» (с. 174).

А инспектор, естественно, отмахнется в ответ. И тогда хозяин отеля решит зайти с иной стороны.

Но это уже немножко другая история.

Дитя покойного брата

Впрочем, в отеле живут и другие люди. И не все они поняли, что вступили в контакт с пришельцами. Глебски говорит о Кайсе:

«Я убежден, что вся трагедия прошла совершенно мимо ее сознания, не оставив никаких следов» (с. 194).

Но только ли мимо сознания Кайсы? Далеко не все понял и дю Барнстокр, и, быть может, его «дитя покойного брата». Впрочем, с чадом дело обстоит несколько сложнее, ведь у него есть своя особая загадка.

«Дитя неохотно выбралось из кресла и приблизилось. Волосы у него были богатые, женские, а впрочем, может быть, и не женские, а, так сказать, юношеские. Ноги, затянутые в эластик, были тощие, мальчишеские, а впрочем, может быть, совсем наоборот — стройные девичьи» (с. 19).

На протяжении доброй половины повести (со второй по десятую главу) читатели вместе с героями разгадывают эту загадку: мальчик или девочка, «жених или невеста»? Временами она волнует их гораздо больше, нежели таинственная гибель Олафа Андварафорса. Притом именно чаду достаются самые красочные и запоминающиеся монологи:

«Значит, доедаю я десерт. Тут подсаживается ко мне в дрезину бухой инспектор полиции и начинает мне вкручивать, как я ему нравлюсь и насчет немедленного обручения. При этом он то и дело

пихает меня в плечо своей лапищей и приговаривает: „А ты иди, иди, я не с тобой, а с твоей сестрой...“ (‹...› Тут, на мое счастье, (‹...› подплывает Мозесиха и хищно тащит инспектора танцевать. Они пляшут, а я смотрю, и все это похоже на портовый кабаk в Гамбурге. Потом он хватает Мозесиху пониже спины и волочет за портьеру, и это уже похоже на совсем другое заведение в Гамбурге» (с. 108).

И так далее можно цитировать целыми страницами. Вот только:

Во-первых, почему эта столь заметная, временами чуть ли не единственная сюжетобразующая героиня в повести практически не играет никакой роли? Да, конечно, она последней видела Олафа «живым», ну и что? Ничего важного она инспектору не сообщает. (И не может этого сделать в принципе.)

Во-вторых, когда она произносит свой яркий и превосходный монолог? Когда, только узнав о смерти Олафа Андварафорса, отвечает на вопросы инспектора. Тогда она либо невежа, не знающая, как вести себя (вспомним, раздраженный вопросами инспектора Симонэ тоже пытается острить, но быстро спохватывается — не время, не место), либо тварь бездушная, смеющаяся и острящая сразу же после смерти человека, который ей небезразличен (и из-за которого она «глушит» водку и проливает много слез). Но в том-то и дело, что Брюн, она же чадо, явно ни та и ни другая. И что тогда?

Тогда Брюн, скорее всего, видела больше, чем рассказывает, но не хочет об этом распространяться. Причем прежде всего перед самой собой. Причем видела, кажется, еще одну попытку контакта, и эта попытка тоже не удалась.

В доказательство есть очень маленький эпизодик. Дело происходит сразу после «воскрешения» Олафа Андварафорса. Рассказывает Глебски:

«Я медленно полз по ступенькам, цепляясь за перила, миновал Брюн, испуганно прижавшуюся к стене...» (с. 189).

Испуганно: ключевое слово. Убийство Олафа Андварафорса и последующие события для Брюн ужасны, но она пытается скрыть свой страх за внешней бравадой. И все события, противоречащие ее мировоззрению, просто выкидывает из головы. Вместе с пришельцами. Вот для чего так нужно это чадо.

Одно маленькое резюме

Интересно проследить, что же случилось с героями, которые так или иначе, но не желают вступать в контакт с пришельцами, больше, чем «им положено»: Сневаром, Хинкусом и Брюн.

«Хинкус отсиживает свою бессрочную и ежегодно пишет прошение об амнистии. В начале срока на него было сделано два покушения, он был ранен в голову, но как-то вывернулся. Говорят, он пристрастился

вырезать по дереву и неплохо прирабатывает. Тюремная администрация им довольна» (с. 193).

«Отель „У Межзвездного Зомби“ процветает — в долине теперь уже два здания, второе построено из современных материалов, изобилует электронными удобствами...» (с. 194).

«На чествовании «присутствовала очаровательная (...) Брюнхилд Канн с супругом, известным космонавтом Перри Канном» (с. 193).

Все произошло в соответствии с принципом булгаковского Воланда: «каждому по вере», точнее по своему неверию. Каждый из героев, при всей разности их судеб, «получил покой»: тихий достаток и относительную безопасность. Вот только «небо» для них закрыто. В мире Сневара, Брюн и Хинкуса пришельцев нет и быть не может.

Великий физик

А Симон Симонэ, в отличие от всех остальных, ярый приверженец контакта. Причем в контакт с пришельцами он вступает почти у нас на глазах.

Во-первых, смерть, а затем воскрешение госпожи Мозес. Естественно, никто в это не верит — та самая сакраментальная фраза: «Великий физик слегка перебрал, и ему почудилось бог знает что...» (с. 102), — но у Симонэ возникли подозрения.

Далее мелькает странная фразочка. Рассказывает Глебски:

«Я покосился на Симонэ. Симонэ косился на госпожу Мозес. В глазах его было какое-то недоверие» (с. 158).

Что-то великий физик подзревает. Но что? Жива госпожа Мозес или это призрак? Думаю, дело сложнее.

Как мы помним, именно в этот момент хозяин отеля Алек Сневар оказался перед дилеммой. Пришельцам надо помочь, но и Глебски хозяин отеля сам предоставил всю полноту власти. В силу своего характера, Сневар совершает минимально возможное воздействие, то есть вновь перекладывает ответственность и кого-то просит о помощи. А первый (и практически единственный) кандидат на роль помощника (то бишь нового начальника) — это именно Симонэ. Вот, наверное, о чем думает и чему не доверяет за завтраком великий физик.

Далее, Симонэ выслушивает допрос Хинкуса, его историю о Вельзевуле и рассказ Глебски о гибели Олафа. И тихо исчезает. «Я виновато оглянулся на Симонэ и обнаружил, что физик исчез...» (с. 171).

Куда? Он сам отвечает через несколько страниц.

«Пока вы дрыхли, инспектор, я выполнил за вас всю вашу работу» (с. 176).

То есть Алеку Сневару Симонэ сказал, что согласен, а Мозеса, скорее всего, по-простому «взял на пушку» двумя сакраментальными фразами: «мне все о вас известно» и «я готов вам помочь».

Естественно, Мозес во всем «признался». Так и произошел еще один контакт. Только к добру ли?

Я прекрасно (в здравом уме и твердой памяти) сознаю, что подавляющему большинству читателей и самим авторам Симон Симонэ очень нравится. И тем не менее... Кое-что в образе господина Симонэ смущает с самого начала. Его шуточки.

Дважды Глебски случайно слышит голос Симонэ:

«А где же инспектор? Где он, наш храбрец?» (с. 53).

«Правильно! Пусть-ка полиция наконец займется своим делом...» (с. 56).

Небог весть какие шуточки, но дело не в этом. Великий физик бросает их в спину инспектору и впридачу во второй своей шутке по сути цитирует господина Мозеса (самого богатого человека в отеле, откровенно не любящего полицию): «Инспектор, вот вам работа. Займитесь на досуге. Все равно вы здесь бездельничаете» (с. 28). Порядочно как-то. Да еще его отзыв о покойном Олафе Андварафорсе: «экая дубина» (с. 98). (Кстати, Симонэ же великий ученый, человек очень умный, и, видимо, все простые смертные должны казаться ему «дубинами». Или не все?) Впрочем, пока это весьма субъективно и вполне может быть случайным совпадением. Но в последней главе повести именно Симон Симонэ, характер и борец за права пришельцев, выходит на первый план.

Итак, надо упросить инспектора отдать чемодан с важным для инопланетян прибором. Это надо пришельцам и, в какой-то степени, самому великому физiku, но никак не инспектору Глебски. Спрашивается, как себя вести? Очевидно, очень вежливо и по-доброму, как вел себя, к примеру, сам Симонэ, когда боялся обвинения в убийстве:

«Думайте, что хотите, Петер, но я вам клянусь: я не убивал ее. (...) Вы же меня знаете, Петер! Посмотрите на меня: разве я похож на убийцу? (...) Вы должны поверить мне, Петер. Все, что я расскажу, будет истинная правда, и только правда. (...) Я клянусь вам, Петер, поверьте честному человеку...» (с. 92-93).

Но это раньше. Что же великий физик говорит теперь?

«А вы, однако, порядочная дубина, Глебски (...) А ведь пожалеете об этом, Глебски. Вам будет стыдно, очень стыдно» (с. 179).

Кстати, а почему, собственно, дубина? Какие аргументы приводит великий физик в доказательство того, что Мозеса и К⁰ надо не арестовывать, а, наоборот, им помогать. Я лично усмотрел три аргумента.

Первый:

«Черт возьми,—сказал Симонэ. — Вы что, не понимаете? Его запугали! Его шантажом втянули в банду! У него не было никакого выхода!» (с. 178).

Тогда почему бы, поверив Симонэ, не выпустить из тюрьмы всех бандитов, кроме преступников-одиночек? У них же тоже «не было никакого выхода». Аргумент ниже всякой критики.

Второй:

«Все это очень легко проверить. Отдайте им аккумулятор, и они в вашем присутствии снова включат Олафа. Ведь хотите же вы, чтобы Олаф снова был жив...» (с. 177).

Ага. Отдайте сравнительно небольшие (по меркам бюджета страны) денежки господину Гробовому. И он оживит всех погибших детишек. Хотите же вы, чтобы они снова были живы... Не вижу разницы между этими словами. И значит, снова ниже всякой критики.

И, наконец, третий, сразивший через годы инспектора:

«Симонэ покусал губу.

— Вот тебе и первый контакт,—пробормотал он. — Вот тебе и встреча двух миров» (с. 179).

Пожалуй, единственный стоящий аргумент. По гипотезе Ефремова (которую, очевидно, разделяет и Симонэ), пришельцы могут быть только благими и добрыми существами. Для меня она также достаточно убедительна. Но не для Глебски. Он имеет полное право ничего не знать об Иване Антоновиче и его гипотезе, к тому же сейчас, например, она весьма не в моде, а в моде как раз произведения о «пришельцах великих, страшных и ужасных».

Иными словами, Глебски «дубина» просто потому, что не согласился с Симонэ. Высокого же вы о себе мнения, господин физик!

Это концовка их спора. Однако начало не намного вежливее:

«Сейчас не время спать. <...> И совершенно напрасно: никто на вас не собирается нападать. <...> Пока вы дрыхли, инспектор, я выполнил за вас всю вашу работу. <...> Отдайте им аккумулятор, Петер...» (с. 175-177).

И наконец, когда инспектор задумался (а ведь думать, особенно для ученых, «не развлечение, а обязанность»):

«Ну, что же вы молчите? — сказал Симонэ. — Сказать нечего?» (с. 178).

Да разве так просят?

И еще одна сентенция Симонэ, нравящаяся большинству читателей (чтобы был понятен контекст даю маленький кусочек его диалога с Глебски):

«— Если гангстеры поспеют сюда раньше полиции, они их [пришельцев] убьют.

— Нас тоже,—сказал я.

— Возможно,—согласился он. — Но это наше, земное дело. А если мы допустим убийство инопланетников, это будет позор» (с. 176).

Господин Симонэ, вы действительно готовы пожертвовать не только собой, но и Брюн, и Кайсой ради пришельцев? Впрочем, это все можно было бы как-то понять, если бы не еще один факт.

«Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии, писал в газеты и журналы, выступал

по телевидению. <...> Симонэ <...> с кучкой энтузиастов <...> совершили несколько восхождений на скалы в районе Бутылочного Горлышка, пытаясь обнаружить остатки разрушенной станции» (с. 193).

Так-то вот! Притом, что Мозес (за которого так страстно ратовал великий физик) отчаянно предостерегал против преждевременного контакта:

«Неподготовленный контакт может иметь и для вашего, и для нашего мира самые ужасные последствия...» (с. 183).

Теперь я могу сказать, что я думаю о вас, господин Симонэ. Никакой вы не великий физик, а зауряднейший научный карьерист. Чего вы хотели? Для начала, самому вручить пришельцам злосчастный чемодан. Они же, полагали вы, в долгу не останутся.

Причем большинство людей, узнав о споре ученого с полицейским, безоговорочно признают правоту ученого. Поэтому с Глебски вы ведете себя дерзко, провоцируя его. Чем резче он поведет себя, тем больше у вас аргументов. А потом вы заявили, что инспектор совсем спятил и чемодан ни за что не отдаст. И довели несчастного Мозеса до истерики. («Вы губите нас. Все это понимают. Все, кроме вас. Что вам от нас нужно?») Тем не менее Глебски с Мозесом о чем-то договариваются. Но вам не нужны договоры. Вы с хозяином отеля приходите. Но хозяин молчит, а говорите только вы. И что же говорите?

Вначале свысока интересуетесь:

«Ну, что вы надумали инспектор?» (с. 187).

И после нейтрального ответа Глебски («Где Луарвик?») пошло-поехало.

«...Это будет скотский поступок. <...> Никак не мог ожидать, что вы окажетесь чучелом с золотыми пуговицами. <...> Бляху лишнюю захотелось на мундир? <...> Вы мелкая полицейская сошка. <...> Ведете себя, как распоследний тупоголовый... (с. 187).

Хороша вежливая просьба о помощи!

Наконец, пока хозяин держит инспектора, вы вытаскиваете из его кармана ключи и передаете их Мозесу. (Кстати, интересно, что вы при этом сказали. Ведь у Мозеса была договоренность. Наверное, что убедили-таки Глебски отдать чемодан без условий. То есть врите.)

Но, увы, побег пришельцев не удался. И кто виноват? Все тот же инспектор Глебски:

«А Симонэ все рыдал, все кричал мне: «Добился! Добился своего, дубина, убийца!..» (с. 191).

Полицию легко обвинять во всех грехах. Все ее обычно недолюбливают.

Что было дальше, я уже немного написал выше («Симонэ сделался тогда главным специалистом по этому вопросу. Он создавал какие-то комиссии...»)

Доверчивый Глебски переживает за вас:

«Оказалось, он и в самом деле был крупным физиком, но это несколько ему не помогло. Ни огромный авторитет не помог, ни прошлые заслуги. Не знаю, что о нем говорили в научных кругах, но никакой поддержки там он, по-моему, не получил» (с. 193).

Вот только не нужна Симонэ была эта поддержка. Получи он ее, была бы организована комплексная экспедиция во главе с каким-нибудь замшелым (или наоборот блестящим) академиком. И — прощай слава первооткрывателя. Ему нужна была роль «непризнанного гения», и Симонэ ее получил.

И вот он с «кучкой энтузиастов — молодых ученых и студентов» ищет станцию пришельцев. Иными словами, шантажирует их: или я вступлю-таки в такой для вас опасный преждевременный контакт или...

Знаете, на кого вы, Симонэ, похожи? Есть тут еще один специалист по шантажу пришельцев. Зовут его Чемпионом.

Что ж, да будет вам по вере.

«Во время одного из ⟨...⟩ восхождений Симонэ погиб. Найти так ничего и не удалось» (с. 193).

А что Чемпион?

«Чемпион, по-видимому, погиб, во всяком случае на уголовной сцене он больше не появлялся» (с. 192).

Похоже, не правда ли?

СТРАННЫЙ ИНСПЕКТОР

Итак, остается инспектор Глебски. Наверное, самый скучный персонаж в повести.

«У меня скучная специальность, — ответил я» (с. 11).

«По натуре я человек не злорадный, я только люблю справедливость. Во всем» (с. 38).

«Я оставил их поразмыслить над этими сокровищами полицейской мудрости...» (с. 133).

«...Всегда лучше выглядеть добросовестным болваном, чем блестящим, но хватающим вершки талантом» (с. 134).

Инспектор всегда проигрывает. На лыжах — Олафу, на бильярде — Симонэ, в рукопашной схватке — Хинкусу. И умом тоже не блещет. Чего стоит только сентенция, до которой инспектор дошел после долгого размышления:

«Наверно, они все-таки действительно были пришельцами. ⟨...⟩ Просто невозможно придумать другую версию, которые объясняла бы все темные места этой истории» (с. 195).

Простите, любезный Петер, кому «невозможно придумать другую версию»? Вам, вашей жене, Алеку Сневару и Згуту? (Больше вы, кажется, ни с кем о пришельцах не разговаривали.) И, значит, если

вам четверым это не под силу, то и человечество потерпело фиаско. Не смешно...

Это логика Глебски. А вот его эрудиция:

«...Как сказал какой-то писатель, потусторонний мир — это ведомство церкви, а не полиции...» (с. 148).

Полицейский, а классика детектива Конан Дойля не знает!

Вот только о серости Глебски мы узнаем от самого же инспектора. Не кажется ли, что он просто валяет дурака? И эта первая его отличительная черта.

И тем не менее, как и практически у всех персонажей этой повести, у инспектора есть тайна. Однажды он все-таки проговаривается:

«Сейф из Второго Национального и в самом деле исчез удивительно <...> — „растворился в воздухе“, разводили руками эксперты, и единственные следы <...> вели как раз на карниз. А свидетели ограбления броневика, словно сговорившись, упорно твердили под присягой, будто все началось с того, что какой-то человек ухватил броневик под днище и перевернул эту махину набок...» (с. 169).

Итак, два громких дела, которые практически невозможно раскрыть. Очевидно, люди, занимающиеся этими преступлениями, не будут о них рассказывать. Во-первых, в своей слабости не охота признаваться, во-вторых, есть в этих делах душок мистики, опасный для их карьеры. То есть никто посторонний об этих делах знать не может. А вот Глебски знает. И не только факты, но и наглядные мелочи, что эксперты «разводили руками», а свидетели, «словно сговорившись, упорно твердили под присягой». И притом на злостного выдумщика инспектор не похож. Зато очень он любит повторять за другими. И здесь, видимо, повторяет. И за кем же?

«Згуту я рассказал больше, чем другим» (с. 195).

У инспектора Згута «специальность — так называемые медвежатники», то есть те, кто грабит банки. И первое, и с, некоторое натяжкой, второе преступление подпадают под эту квалификацию. А не Згут ли направил Глебски в этот отель? То есть, конечно же, направил, этого инспектор и не скрывает, вот только ли для отдыха?

Смотрим текст еще раз. По особой связи Глебски и Згута почти ничего. Разве что...

«...Молодец, Згут, умница, Згут, спасибо тебе, Згут, хоть ты и лупишь, говорят, своих «медвежатников» по мордам во время допросов...» (с. 17).

Одно из двух: либо Глебски не такой уж и друг Згуту (раз собирает о нем слухи и сплети), либо... специально собирает, чтобы помочь своему другу, найти его врагов (в том числе «кротов» в полиции). Впрочем, это может быть и случайно. Но другое, по-моему, точно не случайно. Глебски явно не доверяет полиции.

«Вот что мне надо было сделать: <...> добраться до Мюра и вернуться

сюда с ребятами из отдела убийств. (...) Хороший, конечно, это был выход, но уж больно плохой» (с. 80).

Итак, от идеи вызвать полицию сразу после смерти Олафа Андварфорса инспектор отказывается. А почему, не говорит. Вернее, говорит, но больно неубедительно (врать, видимо, не умеет). Первое. «Дать убийце время и разные возможности». Интересно, а как инспектор намерен (и может) хоть чему-то помешать? Второе. «Да и как я переберусь через завал?» Если не попытаться, то однозначно — никак.

Впрочем, здесь есть хотя бы формальные трудности. Но это не первый отказ инспектора от помощи. Чуть раньше он получает анонимку об «опасном гангстере, маньяке и садисте». И что? Глебски не звонит в полицию, не просит проверить по описанию, по кличке, не вызывает специалистов, не снимает отпечатки пальцев. Он крадучись проникает в номер Хинкуса и устраивает совершенно бессмысленный обыск. (Даже если нашелся бы пистолет, разве из этого следовало, что Хинкус — гангстер? Может, частный детектив или просто носит оружие для самообороны. Или коллекционер оружия.) И почему же?

«Но я чувствовал, что это необходимо сделать, иначе я не смогу спокойно спать и вообще жить в ближайшее время» (с. 52).

Это что, объяснение такое? Не похоже. В другом дело. Не доверяет Глебски полиции. И не без основания. Полиции в целом не доверяет, а другу своему Згугу доверяет. И пользуется его доверием. Инспектор не просто отдыхает, но и пытается присмотреться к обстановке, понять, какая тайна скрывается в отеле «У погибшего альпиниста». Но тайна эта — пришельцы — инспектору (и вряд ли только ему) не по зубам. Он часто ошибается, набивает шишки, получает множество благих, но почти бесполезных советов («Надо быть разумным. Не одним законом жива совесть человеческая») и клеймо на всю жизнь («дубина, убийца»). Но...

Глебски, кажется, единственный из героев повести, думает. Спотыкается, ошибается, но все равно думает. Seriously размышляет о контакте и его возможности (или невозможности). И притом меняет свою точку зрения, начинает верить в пришельцев. И мучается. Даже двадцать лет спустя у него болит совесть, а иногда инспектору (то есть старшему инспектору в отставке) «становится совсем уж плохо».

Формально у Глебски, как и у почти всех героев повести, все хорошо. Но инспектор не теряет из виду звезд, не бросает мыслей о них. Мучается, но думает. И — единственный — оставляет слабую надежду, что когда-нибудь (пусть в очень далеком будущем) люди увидят «встречу двух миров».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Делишки

АСТРА-БЛОК

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЕЖЕМЕСЯЧНОГО КОНКУРСА-ТРЕНИНГА

АСТРА-БЛИЦ

проводимого каждые последние выходные месяца по адресу

<http://astranova.livejournal.com/>

КОНКУРС-ТРЕНИНГ ОТКРЫТ ДЛЯ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ!

МАРИЯ АКИМОВА

ТАКАЯ РАБОТА

— Ни с места, сэр! Вы арестованы!

— Эта кто щас сказал? — громила свирепо вскочил.

Вернее, он хотел бы вскочить и дать волю кулакам, но пиво подвело здоровья. А ведь он пиво никогда еще не подводил.

Грюндельт тяжело сполз со стула и осоловелым взглядом окинул полутемный бар.

— Вы арестованы, сэр! — снова раздалось за спиной.

Ну, уже дудки! Ни одна полицейская ищейка не может безнаказанно подкрадываться к нему. Грюндельт резко обернулся и повалился на стойку, будто пол попытался ускользнуть из-под ног.

— Полиция Лорбрульгруда! — прямо перед его носом, на бирдекеле стоял крошечный человечек с едва различимым жетоном в руке.

Громила от удивления икнул, крохотуля скривился от запаха, пригладил вздыбившиеся волосы и строго пискнул:

— Не советую сопротивляться.

— Эх, я напился, — ухмыльнулся Грюндельт бармену, — Мне микрокоп мерещится.

Хозяин заведения философски пожал плечами. Не такое, мол, бывает. После он почему-то убрал подальше все, что могло разбиться, и неспешно произнес:

— Завязывал бы ты, приятель. Кстати, я тоже его вижу. Добрый день, мистер Гу, у нас тут тихо сегодня.

— Хорошо бы так и оставалось, — кивнул человечек. — Грюндельт я успел изучить грязь на ваших подошвах, она идентична той, что найдена на месте ограбления, и вы...

Каждое слово гулко отдавалось в затуманенном мозгу громилы, мысли путались и скакали. Лидерами забега стали две: «Арест!» и «Бежать!» Но букашка продолжал свой нудный писк, и настолько смешно выглядел... Да прихлопнуть его, и вся недолга.

— Сам ты — грязь на моих подошвах! — огромный кулак обрушился на копа. Злорадно посмеиваясь, Грюндельт для верности навалился сверху всем телом. Чтобы мокрого места...

— Нападение при исполнении, — прозвучало возле самого его уха. — Беда с вами, верзилами. Неповоротливые вы.

Полицейский стоял прямо на плече. Громила размахнулся и двинул по тому месту... где человечка снова уже не было. Зато самому себе отвесил знатную оплеуху.

— А еще туповаты, — услышал он сквозь звон в голове, и кто-то сильно дернул его за волосы на темени.

— Да я ж тебя! — взревел Грюндельт, хватая табурет.

Великан-напарник вошел в бар, как договаривались, через пять минут. Подозреваемый валялся на полу с явными следами побоев.

— Гу, ты опять?

— Пальцем не тронул. — микрокоп прохаживался по спине поверженного громилы, будто по центральной площади города. Очень маленького города, себе по размеру.

— И как тебе удастся их вязать так быстро, грильдриг?

— Призвание, — пискнул кроха, — И не называй меня грильдригом, не люблю.

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА (СЫЧЕВА)

ВЕРА

Наверное, эту женщину можно было назвать красивой, но у доктора она не вызывала никаких чувств, кроме острой неприязни.

— Я что, не имею права видеть собственную дочь? — почти выкрикнула она, а её муж посмотрел на доктора и виновато улыбнулся.

— Безусловно, имеете. Но сейчас у Веры процедуры. Вам придётся подождать.

Классическая картина. Дочь-подросток, тряпка-отец и авторитарная мать, задавившая ребёнка своей яростной, истерической любовью и неусыпным контролем. Хорошо, что не дошло до суицида.

Почему до сих пор никто не замечал проблемы? Куда смотрел школьный психолог? Хотя что с этих психологов возьмёшь — из них профессионалов один на сотню, а остальные просто балаболы. А в этом случае, как видно, оказался как раз балабол. С девочкой давно нужно было начать работать, и с родителями тоже. А сейчас психологам здесь делать уже нечего, время упущено. Всё — теперь уже госпитализация, медикаменты. Хоть бы не было рецидивов! Случай оказался очень серьёзным. Девочка искренне верила в свой бред.

«Они не имеют права мне указывать. Она говорит, что родила меня на свет, и я ей обязана. А всё наоборот. Это я их создала, а не они меня».

Верина мать вдруг зарыдала и покачнулась. Муж схватил её за локоть.

— Вы присядьте, — нехотя сказал доктор, и Верины родители нехотя по походке приблизились к его столу и сели напротив.

— Ничто не предвещало, ничто! — всхлинула мать, и доктор только скептически усмехнулся. — Тринадцать лет всё было хорошо, такая была послушная девочка, и вдруг как подменили!

Доктор лучше всех знал, что такие послушные и входят в группу риска, когда начинают взрослеть и бушующие гормоны рвут пружину,

которая сжималась столько лет подряд.

«Мне было так одиноко... И я их создала. Слепила из глины».

«А как оживила? Волшебством?»

«Нет. Я просто стала в них верить. Потом и сама поверила во всё это. А теперь вспомнила. Мне страшно. Она всё делает для того, чтобы я перестала в них верить. А тогда...»

— Когда мы выпишем Веру, вам необходимо вместе с ней посещать психолога. Я знаю хорошего специалиста. Где-то была визитка... Секунду...

Доктор пошарил на столе, потом нагнулся и выдвинул ящик. Верина мать продолжала тихонько всхлипывать, её муж вполголоса бормотал что-то утешительное.

Карточка нашлась в ящике, под записной книжкой. Вдруг, словно кто-то выключил радио, голоса Вериных родителей смолкли. Доктор поднял голову.

По другую сторону стола никого не было. Он оглядел кабинет. Пусто. С какой стати они ушли, ни слова не сказав? Стресс стрессом, но элементарную вежливость никто не отменял.

Доктор раздражённо бросил визитку на стол, встал и направился к двери, чтобы узнать, в чём дело.

Его взгляд упал на пустые стулья. Там, где недавно сидели Верины родители, лежали две пригоршни сухой глиняной пыли.

«Понимаете... Все думают, что люди должны верить в богов. А всё наоборот. Люди живы, только пока боги в них верят».

Доктор взялся за дверную ручку и, словно со стороны, увидел, как дрожат его пальцы.

ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА

ОТЛИЧНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ПРОГУЛКИ

— Да, пап, скульптор из тебя тот ещё,—Стас скептически оглядел новое творение. — Чего это у неё такой живот? Беременная?

— Символ плодородия,—пояснил отец. — А скульптор из меня — член Союза художников,—пояснил отец. — А скульптор из меня — член Союза художников,—пояснил отец.

— Шучу. Помню, как же: твои руки оживляют даже камень! Дашь ключи от джипа? А ты возьми мою...

— Не надо,—мотнул головой, не отводя глаз от приземистой глиняной женщины с большим животом и растянутыми грудями. — Пешком пройду. Отличная погода для прогулки.

На Москву быстро опускалась влажная, бархатная темнота, но Большая Никитская, казалось, не знала такого понятия, как «ночь». Каждый дом её сиял и фонарями, и огнями, и вывесками, похожими

на праздничную иллюминацию. Скульптор шел медленно, глубоко дыша и воображая, что он курит. Городской воздух, насыщенный запахами живыми и мёртвыми, и правда, напоминал дым причудливой роскошной сигариллы. Вокруг спешили парочки, они пронеслись мимо, задевая его шлейфами духов и шарфов. Улица текла, как река, унося каждого прохожего по делам его жизни.

Но у бульвара скульптор почувствовал препятствие: у стены дома, нелепо схватившись обеими руками за низкую оконную решетку, стояла женщина. Из-за огромного живота она казалась валуном, запрудившим реку; праздничные люди немного испуганно обегали её, стараясь не задеть и не заметить. Она не плакала, только низко, утробно рычала, прижав лицо к побелевшим костяшкам пальцев.

— Скорую вызвали? — спросил скульптор, нежно обняв её одной рукой, а второй — отдирая пальцы от решетки. Осмотрелся — рядом были ступеньки банка. Хорошие, чистые. — Вам надо сесть. Пойдемте, пойдемте.

— Он умер, — женщина повернула к нему безумное лицо. — Не шевелится. Я не чувствую!

— Позвольте, — скульптор положил ладонь на живот и прислушался. Так он слушал глину и камень, узнавая очертания спрятанных в них существ. Так он слушал дерево, стекло и металл.

В глубине женщины было маленькое неподвижное тельце.

— Это ничего, — сказал он сам себе. — В камне они тоже сперва не двигаться. Надо немного подождать.

Рядом взвыла «скорая», женщину оторвали от него, понесли прочь. Откуда-то набежала толпа сочувствующих: они толкались, лезли к машине, жадно вытягивая длинные шеи. Он тоже полез. Врач со стетоскопом повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Есть сердцебиение, — сказала она.

Дверца захлопнулась, машина тявкнула, разворачиваясь против потока, и всё неспешно поплыло дальше.

Через пару часов дверь мастерской распахнулась, и в неё ввалился Стас, крепко прижимая к себе скользкую от гладких одежек добычу. Добыча пьяно хохотала и вертелась, выскальзывая из объятий. Не устояв на ногах, они оба шлепнулись на застонавшую от ужаса тахту.

— Ща, презики, презики найду, — бормотал Николай, шурша в карманах. — А то будешь потом... как эта... плодородие...

Его взгляд упал на новую скульптуру. На руках у женщины, на большом животе покоился маленький ребенок, прижавшись лицом к одной из грудей.

— Во отец, когда успел?

Глиняная женщина открыла глаза.

ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ДИНАСТИИ ЧАО

Я рассекретился. Провалил всю тщательно подготовленную операцию. Не видать теперь династии Чао бериллового трона, а мне — спокойной старости. И турбулентность с ними. Того землянина, который сказал, что истина дороже друзей, я бы сослал на самый дальний астероид. Пожизненно. Без права пользоваться социальными сетями.

А как еще я мог его вытащить из-под зета-лучей? Уточняю — лучшего друга. Только задействовав скачковый режим. И тем раскрыв себя окончательно. Перед другом, кстати говоря, тоже.

Я загубил всю служебную карьеру. Сразу. Одним махом. Династии Чао не видать бериллового трона, а мне — титановых шевронов. И турбулентность с ними. Он меня из-под зета-лучей вытащил. Раскрылся, загубил всю свою конспирацию. Мог я после такого его арестовать? Хотя зря это он: я на целых десять наносекунд раньше создал защитный купол. На двоих. Усиленной прочности, такие только нашему ведомству положены. Демаскировался, воспользовался служебным положением. И что с того? Бывают вещи и поважнее.

А того землянина, который сказал, что истина дороже друзей, я бы... ну, в общем, вы поняли.

АЛЕКСАНДР ЛЫЧЕВ

ЛЕКЦИЯ

Воздух — холодный, пронизывающе-ледяной... Пахнет землёй... древностью... но вовсе не гробницей! Будто насыщен озоном, как после грозы... но ощущение скорее не свежести, а сладости. И в то же время атмосфера кажется полной скрытой энергии, как... молоко матери? Никак не привыкну, что теперь помню его вкус!

«Пол» под ногами — или земля? небо? — слегка пружинит. Серая, как пасмурный день, поверхность где-то там, вдали, сливается с «потолком». Небо? Облака? Или... Впрочем, неважно. Важны лишь ОНИ — сидящие напротив меня... вернее — висящие на том же сером ничто.

Похожи на старые, покрытые пылью времён каменные статуи, монументы-идолы самим себе... и в то же время — ОНИ живые. Их взгляды неотрывно следят за мной, расхаживающим перед ними по старой преподавательской привычке...

Все — тут. Большинство я не могу даже опознать: лазуритовое ожерелье — видимо, Инанна-Иштар... Похожа на неё, но без ожерелья и мрачная — Эрешкигаль... Рядом с ней, с серповидным мечом — Нергал... Длиннобородый старец в тюрбане — Шамаш... Рядом с ним — Энлиль... Скипетр с двумя львиными головами — бог-воин Нинурта... Чуть в стороне — несомненно, Гор с головой сокола... С египтянами проще: Озирис, Анубис, Амон-Ра... Не ошибёшься!

Боюсь, моя лекция о сути христианства и об изменениях в мире Духа, произошедших с момента засыпания Древних, не пользуется особым успехом. Не похоже, чтоб насылатель на Месопотамию чумы и засухи особенно проникся словами, что Бог пришёл на Землю и принял смерть за людей. А вот эта мучительница и убийца своей сестры — что Бог есть Любовь... О реакции членов ацтекского пантеона не хочется даже думать...

Во взгляде Энлиля читается очевидный когнитивный диссонанс. Эрешкигаль смотрит на меня с неприязненным недоверием. Кажется, фразу «Смерть! Где твоё жало?» она приняла на свой счёт... Нергал — с явным непониманием. Инанна-Иштар — с нескрываемым подозрением... и опаской. Она выглядит наименее самоуверенной из всех — с момента рассказа о воскресении Лазаря...

Ну, похоже, всё, что от меня зависит, я сделал. Предложить слушателям задавать вопросы? Или...

Будто кто-то иронично хмыкнул мне в ухо. Что ж — теперь время Пославшего меня!

Отхожу в сторону, и на месте моей «кафедры» из серого ничто сформировался столб света... Будто колонна, снизу и сверху упирающаяся в бесконечность.

Древние пришли в движение — будто заворочались на своих местах. Реакция на их лицах читалась самая разная — от открытого ужаса до напряжённого внимания. Эрешкигаль откровенно слотнула слюну. У Энлиля глаза просто-таки полезли на лоб. Подозрение на лице Инанны стало уже каким-то совершенно отчаянным...

В световом столбе оформилась человеческая фигура — и Иисус Назаретянин улыбнулся Древним Богам. Кажется, на этот раз он выглядел как-то иначе... Значительно выше ростом. Шире в плечах... И борода какого-то другого фасона. Ответом Ему стало лишь поражённое молчание. А Инанна только обречённо улыбнулась в ответ — и пробормотала:

— На этот раз у тебя получилось, Гильгамеш...

НАПАРНИК

Это — будильник. Нет ничего противней во всей Вселенной, чем прерывистый визг, заставляющий из обители грёз вернуться в густую реальность. Сейчас мама поцелует в щёку и скажет: «вставай, пора в школу».

— Внимание! Опасность! Запас кислорода — на десять минут. Немедленно вернитесь в капсулу.

Нет, не будильник. Ян чертыхнулся и открыл глаза. Ледяные клыки грызли чёрное небо.

Это они распороли брюхо шлюпке. И разбили блистер кабины. Теперь Ян вспомнил всё: рёв сирены, сумасшедший забег на спасательную палубу, вспышку взрыва. Короткий, как кошмар, полёт к планете и внезапно бросившиеся в лицо глыбы замёрзшего метана.

— Внимание! Опасность!

Главное — не паниковать. Запустить реактор и подключиться к бортовой системе жизнеобеспечения. Потом шлюпка сама зарастит пробоины и вызовет спасателей. Снять крышку смотрового окна — две минуты. Крутя ручку механического привода, поднять приёмник — две минуты. Ян выдохнул. Теперь — ерунда. Манипулятором опустить топливный элемент в гнездо — и жизнь вернётся в шлюпку... Механическая рука разогнулась, повисла на оборванном проводе и рухнула на дно камеры.

Ян завыл. Замолотил кулаком по толстому стеклу.

Сел на грунт. Всего полметра — протяни пальцы, возьми тяжёлый шарик и затолкай в отверстие. И будешь жить.

Но это — полметра корабельной брони.

Смерть от удушья начинается с галлюцинаций. Поэтому, когда рядом опустился комок синего тумана, невозможного на этой безатмосферной планете, Ян усмехнулся и сказал:

— Присаживайся, приятель. Теперь мне спешить некуда.

Море шипело, впитываясь в песок. На соседнем шезлонге синий краб аплодировал солнцу.

— Странная конструкция — заметил краб, разглядывая клешни.

— Спасибо за это, — Ян кивнул на море, — для последнего впечатления то, что надо.

Краб вырастил плечи, чтобы пожать ими.

— Это из твоих воспоминаний, у нас нет ничего подобного. Мы вообще стараемся держаться подальше от планет.

— Тогда что ты делал там, у шлюпки?

— У меня экзамен. Строил пирамиду красоты из ледяных обломков. Если сдам — получу право на создание новой звезды. Знаешь, хочу сделать сиреневую. Есть у нас одна, ну... Девчонка, по-вашему. Такого же необычного цвета.

У краба появились щёки и порозовели от смущения.

— Только не сдам. Там надо тетраэдр наверх водрузить. А я прогулял занятия, когда тетраэдры. Эх. Вам-то хорошо, у вас конечности есть, и не воображаемые, как эти клешни. А мы — только силой мысли.

— А шары, — Ян сглотнул слюну, — шары ты умеешь перемещать?

— Ну да. За шары у меня «отлично» — похвастался краб и от удовольствия вернулся в состояние тумана.

— Давай, ты мне — шар, а я тебе — тетраэдр.

— Нет, это поразительно, — командир спасательной бригады покачал головой, — как ты ухитрился перезапустить реактор?

— Напарник помог.

— Что?! Тут есть кто-то второй?

— Шучу. Я был один, конечно.

— Ладно. Пора сматываться отсюда, астрослужба предупредила о взрыве сверхновой.

— Знаю, — улыбнулся Ян, — и она — удивительного сиреневого цвета.

ИРИНА ОРЛОВА

ВЗОЙДИ НА КОСТЕР

— Сже-е-е-чь!

Нарушители традиции должны сгореть. Чтоб другим неповадно. Они стояли, переплетая пальцы. У столба на просмолённых брёвнах. Ноги их — босы. Такова традиция.

А ветер с моря раздувал пламя на факелах, что держали стражники.

Город во всём следовал традициям. Двое нарушили одну из них. Не мог охотник любить дочь морского торговца. Не могла девочка из городской гильдии стать женой простого охотника. Сегодня они сгорят во имя традиции. Или сгорит она.

Мэр и глава ганзейских купцов стояли на балконе здания Мэрии, а внизу шумела заполненная народом площадь.

— Поджигаем? — с сомнением в голосе спросил мэр.

— Подождём чуток. Не может такого быть, чтобы ещё отступников не нашлось.

— Стойте! — через толпу пробивался парень в богатой одежде, таща следом за собой девушку, почти девочку, в простом заношенном

платье. Перед помостом парень отстегнул кинжал и сбросил сапоги, а девчонка и так была босая. Восемь рук сплелось в последнем рукопожатии.

— Подождите нас!

На площадь из переулка выскочила ещё одна пара. Дорогу пробивала девушка в военной форме. Герду-лучницу узнали все и загомонили:

— Лекаря жалко! Что он в ней нашёл?!

Спутником девушки был новый лекарь, который смог вылечить старые болячки. Не то что его предшественник.

— Пожалуйста, дайте пройти, — раздалось под балконом. Перегнувшись через парапет, мэр увидел вихрастого мальчишку и не сдержал крепких выражений.

Его сын с рыжей дочкой кузнеца и лекарь с Гердой добрались до костра одновременно. Помогая друг другу, они присоединились к четвёрке.

Стрелки сошлись на двенадцати. Пальцы мэра впились в холодный камень. Время отдать приказ.

— Довольно терпеть! Сильвия! Ты со мной?

Одна из монахинь рванулась к костру, а навстречу ей от церкви бежал настоятель монастыря. Они встретились у покрытых смолой брёвен.

— Чтобы ты не сбежала со мной, родители отдали тебя в монастырь. А я пошёл за тобой, — голос настоятеля гремел над толпой как с амвона во время проповеди. — Пойдёшь ли ты сейчас за мной на костёр?

Тихое «Да!» услышала вся площадь.

Первый удар колокола возвестил наступление полудня. Второй удар заглушило пение. Перед этой парой толпа расступалась сама. А стражники помогли подняться на костёр хозяйке городского Дома свиданий и слепому скальду Олафу.

Последний аккорд арфы и последний удар колокола слились в одной ноте. Над площадью повисла тишина.

И в ней отчётливо прозвучал приказ мэра:

— Поджигай второй!

Четыре факела одновременно коснулись вязанок хвороста. Пламя охватило просмоленные брёвна и взметнулось к небу. А над площадью ширился крик:

— Их двенадцать! Сжечь традицию!

Огонь охватил женское тело, привязанное к столбу.

— Мы успели? — спросил скальд, и его ноздри затрепетали, ловя запах дыма.

Пламя бушевало на краю площади. Скоро от костра и соломенного тела в чёрном с золотом платье остался только пепел.

Традиция сгорела.

— Мы сожгли старую традицию и породили новую, — произнёс ганзеец.

— Никому не нужны традиции надо жечь, а пепел развеивать по ветру, — мэр с усмешкой наблюдал, как его жена собирает пепел в кувшинчик. Женщины! Зачем ей коллекция пепла?

— Мам! А мам? — долетел снизу звонкий голосок. — А какую традицию будут жечь завтра?

— Наказание за хулиганство не сожгут!

Мэр и купец переглянулись. И рассмеялись.

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ

ДУХ РОЖДЕСТВА

Перед Рождеством к Лерою пришёл незнакомый старик. Похожий на Санту, но странный какой-то. Потрёпанный на вид, с серым измождённым лицом, неаккуратно подстриженной бородой и грустными как у Бладхаунда глазами. Замызанная красная куртка висела на старике как на вешалке. А грязный колпак на голове выглядел и вовсе нелепо.

— Слушай, чувак, я тебя не знаю, — голос Лероя, усиленный динамиком, громко прозвучал в кабинке для свиданий. Старик не ответил и продолжал смотреть на парня через толстое стекло.

Лерой почувствовал, что злится. Всё плохое в его жизни начиналось с этого чувства.

— Знаешь, если это шутка, то неудачная. После Рождества меня ждёт электрический стул, и я бы не хотел видеть здесь тебя.

Старик молчал.

— Эй, да ты издеваешься! — Лерой помахал рукой перед объективом камеры наблюдения. — Выведите меня отсюда!

В этот момент старик заговорил. Его грубый и низкий голос отдавал силой, он как будто пробился через стекло и звучал у Лероя в голове.

— У меня есть для тебя предложение, парень. Я долго искал подходящего. Такого, который ещё не совсем сгнил изнутри. Такого, кто натворил глупостей просто по ошибке и готов исправиться.

— Кто ты? — Лерой почему-то перестал злиться, будто что-то еле ощутимое прокралось в его душу и успокоило его.

— Я дух Рождества.

Лерой усмехнулся.

— Да, конечно, а я эльф. Эй, старик, я давно не верю в эту чепуху. Лучше скажи: кто решил разыграть ниггера перед смертью? Скажи и проваливай!

— Слушай меня внимательно, Лерой, — голос в голове звучал набатом, а взгляд старика стал жёстким. Лерой умел подчиняться сильным. Он стал слушать.

— Раньше я тоже творил нехорошие дела. Я воровал и обманывал. И даже, как и ты, убил человека. Меня приговорили к смерти. Я ждал своей участи в темной камере и молился. Однажды меня посетил дух Рождества. Он предложил мне сделку. Я поменялся с ним местами и стал творить добро. Я лечил смертельно больных, предотвращал убийства. Чем больше добрых дел я делал, тем больше меня это угнетало. Творить добро стало мне не в радость. И я понял, что делаю это просто ради долга, ради искупления, наверное. А ещё я понял, Лерой, что не смог победить тьму в своей душе. Я больше не хочу заниматься добрыми делами, просто отдавая долг. Я по-прежнему плохой, наверное. Но, кто знает, может, ты изменишься по-настоящему. Поменяешься со мной местами? Я приму твой облик, и тюремщики ничего не заметят, а ты временно примешь мой, чтобы покинуть тюрьму.

Много слов промелькнуло у парня в голове, но он отбросил все лишние, как ненужную шелуху. Оставалось только два, действительно важных.

— Я согласен.

— Папа, смотри! Чернокожий Санта! — Луиза весело рассмеялась. Её отец замотал головой, но успел увидеть лишь спину уходящего от них человека в костюме Санта Клауса.

— Он потрепал меня по голове! — девочка улыбалась, не чувствуя, как в её мозгу пропадает что-то смертельное, затаившееся там, чтобы убить её через несколько месяцев.

Лерой тоже улыбнулся. Пока ему нравилось творить добро.

ВЛАДИМИР СЕМЕНЯКИН

ИЗОЛЯЦИЯ

— Всё. Сегодня я срежу ниточки кукловодов, — сообщил мне батя. Знаете, есть книжки вроде «Тайны секретных орденов» или «Инопланетяне среди нас»? Честное слово — сжёг бы, вместе с авторами. Это из-за них мой отец стал таким.

Паранойя. Совсем не смешной диагноз. Честное слово, не смешной. Если вам смешно, то вы не знаете, что это такое.

Батя скалился из спутанной бороды. Постучал по листу жести:

— Не пропускает вообще ничего! В «Бегстве от соглядатаев» прочитал. От зелёных защищает... Только не думай об этом, слышишь! Сотри! Повторяй «тумб-тумб» про себя.

Я не мог смотреть на него во время приступов — хотелось сдаться.

Из мебели в комнате бати стояла лишь раскладушка. Пол, уложенный листами жести, завален грязными тарелками, стены и потолок

затянуты слоями жестяных листов, густо натёртых «экраном» — бурдой, которую батя варил из бытовой химии.

— Не будут ковыряться в моей черепушке, — батя крепил очередной лист, — ухожу в изоляцию. Ты сам решай. Можешь оставаться чёртовой куклой.

Его голос дрогнул:

— Но лучше бы тоже ушёл. Всё-таки ты мой сын.

Он вкручивал шуруп.

Мимо моей ноги проскользнула машинка на радиоуправлении. Её мотор тут же отключился. Она прокатилась до раскладушки и ткнулась в железную ножку.

Замерла.

— Не работает! — крикнул Петька, вбегая в комнату. Он остановился на пороге.

— Пап, а что деда делает?

Я ответил прокашлялся и ответил:

— Сколько раз тебе говорить, в комнате деда играть нельзя.

Петька сдвинул рычажок на пульте. Машинка дёрнулась.

— О, так работает! — воскликнул Петька, заливаясь смехом.

— Петь... — начал я.

— Внук, а выйди-ка и нажми ещё раз, — батя оглянулся через плечо.

— Батя... — сказал я устало.

Но Петька уже выскочил из комнаты.

— Я нажал! Что, не едет?

Батя смотрел на машинку вытаращенными глазами.

— Вот так вот... — пробормотал он, — вот как может быть...

Он глянул на меня.

— Не надо со мной в изоляцию, — сказал он, — я вначале сам всё проверю.

Он продолжил работать отвёрткой.

— Давай, уходи, — сказала Петьке, — деду пора принимать лекарства.

Я нашёл батю с утра у дверей в комнате. Батя был жив, но ни на что не реагировал. Я вызвал врача.

— Нужно везти в клинику, — сказал врач и добавил, — не люблю темнить: готовьтесь к худшему.

Я взял отгул и занялся больницей.

Вечером пришёл убираться в комнате. Открыл окно, пуская в комнату свежий воздух. Потом сложил тарелки, потом бил их и сидел на полу, глядя перед собой.

Потом заметил записку у двери. Разобрал корявый почерк: «Не закрывай дверь». Я выругался, подскочил и захлопнул эту чёртову дверь, обшитую изолирующей жёстью.

И тут меня отрубило. Я упал на пол со звенящей пустотой в голове. Чувство было словно мозг выскребли и голову набили ватой. К моему счастью, сквозняк распахнул дверь и мысли вернулись.

Я долго приходил в себя. Машинка... Изоляция... Возможно, это было совпадение. Но повторять эксперимент совсем не хотелось.

Эта фраза крутилась у меня в голове. «Сегодня я срежу ниточки кукловодов».

Потом я спустился в подвал и достал из дальнего угла ящик с книгами бати.

АЛЕКСЕЙ СЕМЯШКИН ПАСУЩИЕ ПОРОСЯТ

Майкл Лоун, Президент США: Когда иварианцы выдвинули свои безумные требования, мы, как ведущая мировая держава, ответили твердым отказом. Сплоченность нашей нации вызывает чувство неподдельной гордости. Да. Но мы оказались не в силах противостоять их технологиям, их древним знаниям в данных областях. Тысячи наших солдат погибли, защищая свою страну. Мы скорбим о них. Да. Я откровенно заявляю, что также приставлен к поросенку, и с прискорбием жду своего часа, как и каждый житель нашей, некогда могучей страны...

Вернер Штрангер, доктор биологических наук, Мюнхенский Исследовательский Институт: Привнеся свои представления о эволюции иварианцы поставили нас перед выбором: приматы или парнокопытные. Эта раса искренне считает, что наша ветвь изначально являлась тупиковой. И для выхода на следующую — высшую стадию, землянам необходимо изменить эволюционную парадигму. Мы, ученое сообщество, понимаем, что это безумие, но вынуждены идти на поводу у этих агрессивных существ...

Вивьен Жюли, актриса, Франция: А по-моему он очень милый! Такой весь розовый. Розовый мой любимый цвет. Я повязала ему голубой бант и ему очень идет. Я всегда хотела завести поросеночка. Только я не понимаю, зачем все это. Моя подружка Луиза говорит, что так велят пришельцы и что мы не должны были произойти от обезьянок. И что теперь всё будет так как надо...

Семен Бобров, безработный, Россия: Да пошли они нахрен! Я своего через неделю съел. Он даже жир нагулять не успел, зараза. Под водочку ух как пошел! Колян своего держит пока. Кормит ботвой всякой и объедками. Но мы его тоже того. Съедем. А инопланетянам, долбанным, покажем...

Цюй Чен, студент, Китай: Моя семья была недовольна решением правительства. Но мы понимаем, что грозит человечеству в случае отказа. Мне и моей сестре Ликин совсем не хочется перерождаться

в этих поросят. Хотя мы к ним уже привыкли. Они такие смешные! Мой залез вчера в ящик с песком и устроил настоящий цирк...

Тарас Окопенко, пациент, Украина: Они сказали я стану поросенком! Это ваше круто! Я уже был Луковкой, Дракончиком, Каштанчиком и ЭВМ. А теперь по-ро-сен-ком! По-настоящему! Без моих любимых «колесиков» и «грибочков». Я всегда знал, что буду поросенком! Но мне никто не верил! Он часто приходил ко мне в моих снах и говорил: Тарас, давай любоваться вон тем цветком! А я говорил: Давай, брат!...

Камал Дикшит, Институт философии, Западная Бенгалия: Не надо этого бояться! Это всего лишь очередное перерождение. Одно из бесконечного множества. Иварианцы назначили мне деэволюционную перекачку на завтра. Думаете, я волнуюсь? Нисколько!

Фархад Наджар, повстанец, Ирак: Мы не сложим оружия, ни при каких условиях! Мы готовы умереть прямо сейчас!

Лтзззр, ведущий вноситель истинно верной ДНК, Ивариан, Созвездие Скорпиона: Вы, Земляне, суть внутри поросенки! Не обезьянки! Поросенки! Мы только подтолкнем вас к истине, к тому, что должно быть! В этом мудрость Вселенной! Мы знаем как лучше для вас!

№ 457789: Хрю...

МАКСИМ ТИХОМИРОВ МИРЫ ПОД НОГАМИ

Внутри хрустального шара бушевала метель.

Крошечные фигурки брели сквозь снегопад к городским огням. Розов подкрутил верньеры. Проступили детали. Семья: мужчина, женщина, двое малышей. Все закутаны в меха до самых глаз.

Растянувшись цепью, человечков преследовала стая животных, похожих на волков. Клубы пара из пастей хищников благородной сединой оседали на шкурах.

Климатизатор, выставленный на зиму, выдавал минус пятнадцать. Температура тамошнего среднезимья.

— Прекрасный уголок эргейской природы.

Продавец подошел неслышно. Этого Розов не любил.

— Верно, — ответил, не оборачиваясь.

— Аутентичная атмосфера. Грунт идентичен по составу лесным почвам умеренного пояса планеты. Флора и фауна...

— Да, да. Я знаю. Аборигенные.

— Именно.

Аборигенная фауна догнала человечков на пороге утонувшего в снегу дома. Розов качнул шар. С крыши сошла лавина, засыпав волков. Дверь закрылась, отсекая опасность.

— Осторожнее, пожалуйста.

Советов Розов тоже не любил. Сдвинул термостат на несколько делений к весне.

— Рекомендовал бы избегать резкой смены сезонов.

Розов поморщился. Деликатную вкрадчивость он любил еще меньше. Вслух сказал:

— Я знаю инструкцию.

— Сударь коллекционер?

Не ваше дело, хотел ответить Розов. Не. Ваше. Дело.

Обернулся. Продавец исчез в тених среди стеллажей.

Вокруг в сотнях шаров снег засыпал города, в сотнях — расцветали деревья в садах и парках.

Я, это я нашел вас, думал Розов. Когда два десятилетия назад «Стрижи» пробили барьер за Плутоном и ушли к звездам. Когда оказалось, что Вселенная куда меньше, чем казалось с Земли, потому что стенки хрустального шара, пленившего Солнечную систему, огромной линзой кривили пространство, искажая масштаб мироздания.

Вместо россыпей звезд нас встретили тусклые искры. Угли под ногами. Реквизит странствующего факира.

Вместо гигантов-экзопланет — крошечные, на один зубок для горнодобывающей машинерии, планетки. Нелепые и смешные — совсем как в сказке про Маленького Принца. На каждой — своя игрушечная жизнь, свои мелкие боги и никчемные герои.

Космос населяли ничтожества.

Ни на что не годные миры, бесчисленные, похожие как капли воды, идущие с молотка за бесценок. Любой мог стать хозяином целой планеты и делать со своей собственностью все, что угодно.

Например, торговать сувенирами со звезд. Кусочками Вселенной, заключенными в хрустальные сферы.

Розов рассчитался кредиткой. На пороге остановился.

— А ведь я там был, — сказал он.

Звякнула колокольчиком дверь, отсекая непонимание на лице продавца.

Дома Розов аккуратно пробил шар геологическим молотком и некоторое время вдыхал запах снега, вслушиваясь в свист утекающей сквозь дыру эргейской атмосферы. Потом запустил внутрь телеглаз и рой микроботов. Долго рассматривал их улов.

На аукцион Розов выставил всего одну вещь.

Детскую куклу.

Чтобы рассмотреть ее в деталях, нужен был по-настоящему мощный микроскоп. Такой не каждому по карману.

Подумав, Розов добавил к цене лота еще один ноль.

РИТУАЛ

Внук лесника, Алеша, сунул за пояс топор, снял со стены двустволку и направился к дверям сторожки.

— Топтыга! Хватит валяться, пошли.

Медведь поднял тяжелую башку и посмотрел недоверчиво.

— Пошли, говорю, — проворчал Алеша. Колдун велел разговаривать. Каждый день. Хоть с Топтыгой, хоть с самим собой. Еще колдун велел читать, но на это времени хватало не всегда.

Алеша вышел на крыльцо — с некоторых пор ему приходилось пригибать голову под притолоку. И дверь теперь казалась узкой, едва не задевала косяками плечи.

Топтыга нехотя встал и поплелся сзади.

Рыжая осень тронула тайгу заморозком, между сопок лежал туман, а на их вершинах — неровные полосы снега. Алеша старался не смотреть на могилу колдуна — не теперь, растравить себе душу можно и в другой раз.

— В город пойдем, — сказал он медведю, ощущая радостное волнение — всегда немного волновался перед Ритуалом. И ходил бы в город чаще, но колдун не велел, говорил, это вредно.

Спешить было некуда, но волнение толкало Алешу вперед, и он оглядывался.

— Топтыга! Быстрей давай!

Холодное солнце вылезло из-за сопок, когда послышался шум гэса. Колдун велел расчищать лес по обеим его сторонам, чтобы корни не взломали бетон. Еще иногда весной Алеша взрывал ледяные заторы. Первое в Ритуале — запустить турбину. Колдун велел каждый раз пускать разные турбины и останавливать на обратном пути, чтобы они не изнашивались.

Гэс пугал Топтыгу, и он ступал на бетонную спину плотины с оглядкой на Алешу.

— Иди-иди, — ворчал тот, сдвинув брови — как колдун.

Бетонку, ведущую от гэса в город, тайга слопала, но двигаться по ней было проще — не заблудишься. И косую телевышку Алеша заметил задолго до заката. Еще предстояло очистить Стекланный Купол, а деревья, которые прорастали в опасной близости от обсерватории, Алеша вырубал обычно утром, перед тем как отправиться домой. Или даже приходил в город нарочно, по дороге расчищая от поросли лэпы и Подстанцию, с которой зажигался Купол.

Это было настоящее волшебство. Когда колдун был жив, Алеша не верил, что сможет когда-нибудь сам его зажечь...

Стемнело. Топтыгу он оставил снаружи — нечего медведю делать на

Подстанции. Зашел в Зал, надел перчатки колдуна, встал на резиновый коврик и взялся за рубильник. Когда-то приходилось вставать на цыпочки, чтобы до него дотянуться, теперь же рубильник находился на уровне лица. Алеша перевел дыхание и дернул его вверх — в небо из Стеклянного Купола ударил волшебный свет!

Теперь поднять рубильник три раза коротко, три раза — на подольше, еще три раза коротко. Подождать. Повторить. И так — несколько раз за ночь. Очень просто, даже Топтыга запомнит. Колдун сказал, что если Алеша все будет делать правильно, рано или поздно за ним спустится корабль и заберет с собой на небо.

Беспилотная военная база Великой Галактической Империи, расположенная на четвертой планете системы желтого карлика 82-415, снова приняла световое сообщение с третьей планеты, некогда интерпретированное как сигнал опасности. Некоторые трактовали его как попытку аборигенов напугать противника и посмеивались, некоторые полагали, что сигнал предупреждает находящихся в космосе соплеменников. В любом случае, столь мощный световой поток был неоспоримым свидетельством разумной жизни на третьей планете, а потому давно подготовленная колонизация опять откладывалась.

ЛАРИСА ТИХОНОВА

РАДИКАЛЬНАЯ МЕРА

Анатолия укусил вампир. Столь жуткое событие произошло не в какой-нибудь заморской Трансильвании, а в родной деревне, куда он прибыл на отдых вместе с женой. До этого лет двадцать не был, а тут вдруг вспомнил о двоюродной сестре Наталье и заявился, о чём вскоре пожалел.

Нет, и речка, и ромашковые поля были точь в точь как из детства, вот только жителей не осталось, а разрушающиеся дома выглядели как осколки гнилых бубов.

— Куда это все подевались! — раздражённо вопрошал Анатолий, застрявший за порогом на самом солнцепёке.

— Кто куда, — прошелестело тощее бледное создание, пятясь поглубже в сени и отворачиваясь от яркого света.

— Ну, а ты чего такая квёлая? Болеешь? — продолжал выспрашивать брат.

— Проблемы замучили, — вздохнуло создание, бывшее когда-то озорной смешливой сестрицей. — Хорошо, что приехал. Погреб совсем обвалился, так ты или старый поправь, или новый выкопай.

— Да мы ведь... э-ээ... ненадолго! День-другой и обратно, про отпуск я пошутил,—выкрутился Анатолий, не собиравшийся корячиться.

— Тогда прошу к столу. Собрала что могла, совсем беда без погребца...

Деревенские разносолы и впрямь были выставлены не в изобилии. Тем не менее, привезённую с собой литровку Анатолий под них угорворил. А когда проснулся гнусным похмельным утром, обнаружил у себя на руке большой кровоподтёк с двумя дырочками по центру, как от большой иглы..

Ехидно улыбающаяся сестра опять завела разговор о необходимости побыстрее выкопать погреб и жена её отчего-то поддержала. Правда, сперва велела отлежаться, дескать—после вчерашнего возлияния выглядишь как мертвец.

Анатолию действительно было плохо: рука болела, по телу разлилась слабость, вид еды вызывал отвращение. Но к ночи стало лучше, и он крепко уснул, а проснулся на полу и связанный. Через грязные окна брезжило утро, обе женщины сидели неподалёку и настороженно за ним наблюдали.

Анатолий дёрнулся и разразился бранью, жена облегченно заплакала, а хмурая Наталья поднесла к носу его же сотовый телефон и продемонстрировала странные снимки. На одном он, неожиданно красноглазый и клыкастый, зловеще склоняется над спящей женой. На втором зубасто усмехается над трупом растерзанного щенка.

— Ты спрашивал, куда все подевались? — произнесла сестра. — По погребам сидят, солнечный свет им теперь не в радость. И тебя, нежить, к сырой земле скоро потянет. Так пойдёшь погреб копать?

— Никаких клыков нет! — не поверил Анатолий, проведя языком во рту.

— Потому что сыт, -отрезала сестра. — Да ещё и неполная трансформация. После полной в дом я тебя не пущу.

— Всё-таки заставили. Представляю, какой будет скандал, когда раскроется наша афера,—вдохнула жена Анатолия, наблюдая через окно за мелькающей лопатой и летящими комьями земли. — Втянула ты меня, Наталья... ещё снимки эти, будто бы он вампир... Фотомонтаж? Вот уж не думала, что умеешь.

— А как с этим лентяем по-другому? Сама же я слишком ослабла, чтоб лопатой махать. И мы, моя сладкая, никакие не вампиры. Мы — добрые старые упыри.

СОПРОМАТ

Велик и ужасен профессор физтеха Сан Саныч, когда мощным ледоколом идет он по фарватеру универского коридора или с высоты кафедры громит нерадивых, воздев к потолку аудитории карающую длань:

— Учите царицу наук, сукины дети! Учите, или не будет вам в жизни счастья!

Его жилет безукоризнен, познания чудовищны, язык остр и ядовит, бритая макушка ослепительна, ехидные реплики доводят студентов до дрожи. Но куда страшнее профессорское молчание, когда смотрит он с жалостью и только вздыхает — ибо о чем можно говорить с человеком, не способным вычислить площадь поверхности оксодододекаэдра по заданной длине грани?

О бесстрашии и неуязвимости профессора ходят легенды, не пугает его ни разнос декана, ни зазубренный орочий меч. Одинаково элегантно и уместно выглядит он как в стенах родного вуза, облаченный в итальянский пиджак с искрой и затейливой вязью китайских иероглифов, так и в относительно диких лесах, полных безусловно диких орков и не менее диких эльфов, облаченный в кирасу с затейливой вязью чеканки.

Доспех на Игру мастер Санэк Сан делает собственноручно, ибо только таков путь истинного мастера. Из любого подручного материала, в ход идут выпотрошенные волейбольные мячи, брошенные туристами мангалы или куски водосточных труб. Мелькает в огромных пальцах молоточек, ползет из-под чекана спиральное кружево узора. А если кто из новичков позволит себе хихикнуть — жестянка же! какая с нее защита? так, бутафория, да и невместно мастеру столь высокого ранга заниматься таким баловством — то ничего не ответит мастер Сан, только посмотрит сочувственно. Ибо лишь искреннего сочувствия достоин человек, не способный сложить два и два в шестнадцатой степени.

— Учите матчасть, идиоты! Учите! Может, сойдете за умных.

Велик и страшен мастер во время батальных сцен, когда непоколебимым утесом возвышается он над полем боя, скрестив на мощной груди не менее мощные руки. Махать мечом мастер Сан почитает ниже своего достоинства — и других идиотов полно. Но доспехами не пренебрегает никогда — ибо хотя дураков вокруг и полно, но зачем же уподобляться одному из них?

И когда при виде монументально неподвижной фигуры профессора, о которую, как об утес, разбиваются волны сражающихся, очередному эльфу или троллю, одуревшему от адреналина почти

настоящей битвы, вдруг ударяет в голову то, что обычно туда ударять не должно, и, вспомнив о незаслуженной паре, наносит он своим почти настоящим мечом совсем настоящий удар — ничего не говорит ему профессор. Смотрит только чуть снисходительно да кривит губы в саркастической ухмылке. Ибо о чем можно говорить с человеком, неспособным вычислить по двум точкам угол поворота системы координат?

И лишь потом, после боя фиксируя оппонентам многочисленные треснутые ребра и сломанные ключицы, ругается мастер Сан по-черному:

— Учите сопромат, идиоты! Учите! И не ленитесь пробивать на доспехах ребра жесткости, а то не будет вам в жизни счастья. Да и самой жизни, возможно, тоже.

ДЕНИС ФОМИН ТРИСТА СЕКУНД

— Инструкция, Лёш...—Эдик старается не смотреть мне в глаза, мнется, но, похоже, уже все для себя решил. Сделал шаг за определенную черту, спрятался в скорлупу формальности от моего напряженного взгляда. Ну и черт с тобой.

Мысленно сплюнув, герметизирую шлем и лезу в шлюз.

— Леха! — скрипит в ушах голос пилота.

— Дементьев, стоять!

Я уже на палубе, бреду вдоль переборки, свет фонаря вязнет в дыму. Гравитация сбоит, норовя отправить в нечаянный полет, а потом приложить лицевым щитком о комингс.

— Мичман Дементьев, я вынужден буду подать рапорт! Инструкция обязывает нас отшвартовываться прямо сейчас!

— Эдька...—зубы скрипят, но я заставил себя говорить мягко:—Пять минут мне дай, я его вытащу.

Он мнется бесконечные секунды, потом слышится неохотное:

— Минус двести девяносто...

Минус двадцать! Успел! То буксируя, то волоча за собой по палубе гроб аварийного комплекта с перепуганным парнишкой внутри, я выворачиваю к шлюзу, хлопаю по кнопке почему-то закрытого люка (это ж лишних пять секунд, Эдька, что ж ты делаешь, ну задымил бы модуль, ничего страшного), и тут до меня доходит, что означали слова, прозвучавшие в шлеме минуту назад, после того, как корабль ощутимо тряхнуло и аварийка вырубилась окончательно. Не выдержала тонкая душевная организация лейтенанта Захарова, не смогла

противиться букве инструкций в такой обстановке, когда нависшая над головой махина в любой момент может рвануть. Не досчитал до трехсот. Еще и выдал напоследок, что инструкции кровью писаны, и я сам себе виноват, что нарушил. Эх, друг Эдька...

Вообще, это чудо, без дураков. То, что вижу сейчас над собой потолок палаты, слышу журчащий голосок медсестры, и даже не отморозил себе ничего, крутясь между звезд в легком скафандре, организм на все правильно реагирует. Только что звонили родители пацанёнка. Ну, как — звонили, послушал их записанное двадцать пять минут назад трогательное сообщение, смущенно проямлил что-то в ответ, через двадцать пять минут они услышат. Героем считают... А я просто пристегнул к себе импровизированный саркофаг, да шагнул в пустоту, отчаянно матерясь на всех частотах, светя вспышками и выжимая все возможное из маневрового пистолета. Молясь, чтобы корабль не рванул прямо сейчас. Молясь, чтобы мои сигналы были услышаны прежде, чем мы успеем затеряться в пространстве. Прежде чем ледяное дыхание космоса вытянет остатки тепла из наших хрупких скорлупок. Шансов на это было мало, мягко говоря. Исчезающе мало. Но ничего, лежу вот, живой и до сих пор в этот факт до конца не поверивший. Герой. Полные штаны героизма.

— К вам друг,—шебечет сестричка, слегка зардевшись. Как же, сразу аж два героя, покорителя космоса. Да и виден собой лейтенант Захаров. Брав, подтянут, молодецват, излучает уверенность и надежность. От улыбки прикуривать можно.

— Был друг. До трехсот не сумел досчитать...

ЛЕСЯ ЯРОВА ПОСЛУШАЙ, СТАРИК

Планета была довольно уютным местечком. Большая часть покрыта водой, остальная — один вытянутый вдоль экватора материк. Вдоль океанского берега узкая полоска песка, остальное — лес. Флора экзотическая, любопытная донельзя, фауна редкая и миролюбивая, в основном ящеры размером с корову, комаров-мошки-гнуся и вовсе нет. Исследователи в очереди стояли дежурить на таких станциях: загорай, купайся, в бассейне, конечно, исследую многочисленные образцы — чем не рай?

Только в этом конкретном раю случилось неладное.

Я спустился первым, первым и увидел развалины станции, по которым бродили, издавая тоскливый рёв, одуревшие от запаха тухлой человечины тихозавры. Поначалу мне показалось, что они

едят разбросанные там и тут смердящие трупы, затянутые в светлые комбинезоны, но они просто тыкались мордами в неподвижные тела и поднимали на нас печальные глаза с доброе блюдце. Разбудить, что-ли, пытались?

Я оставил ребят внутри, свистнул напарнику и пошёл вдоль разрушенного забора, пытаюсь понять, что здесь случилось и почему не сработало защитное поле, когда мне в лицо бросилась ветка похожего на хвойное дерево, скользнула по стеклу скафандра, продемонстрировав десяток усеянных острыми зубами ртов-присосок. Всё понятно, хищные заросли. Судя по звукам стрельбы, доносившимся с развалин станции, ребята тоже успели понять и даже осознать, так что мы с напарником тихонько отступили.

Очистить развалины станции и запустить силовое поле оставалось делом техники, и я принялся за журнал наблюдений. Меня ждали два открытия. Во-первых, защитное поле отключили в силу полной безобидности планеты. Во-вторых, в лазарете находилась на лечении подхватившая космическую лучёвку капитан Анна Бейтс, моя Анна, пропавшая с радаров несколько дней назад. Я-то надеялся, что она скачет из гипервоя в гипер, а она здесь, на «мирной» планете! Борясь с желанием разнести планетку на мелкие астероиды, я приказал собрать трупы. Чёрта с два я позволю закопать её в эту проклятую землю!

Среди трупов Анны не было.

Я не молюсь. Я никогда, даже на экзамене, даже перед самым сложным гиперпрыжком не молюсь. Глупо молиться, когда ты служишь в космозачистке и командуешь подразделением, способным стереть в пыль пару-тройку миров зараза! Но тогда я опустил на колени где стоял, сложил руки, как когда-то учила меня мать, и, как умел, попросил бога.

— Послушай, старик,—сказал я.—Я не умею к тебе обращаться, да и мало кто умеет, но сейчас мне очень надо, понимаешь, больше всего надо, чтобы она нашлась. Пожалуйста! Прошу тебя. Не будь ты сволочью, старик, а?

А потом встал, взял эхолот и обошёл разрушенную станцию, выслушивая каждый закуток, каждый угол, каждый шкаф...

Анна сидела в серебристой тумбочке, неловко свернувшись и почти задохнувшись — в её баллоне оставалось воздуха на несколько минут.

— Спасибо, старик!—прошептал я, вынимая её, лёгкую, почти невесомую, такую родную.

Тихо прошептал, так, чтобы ребята не услышали.

НОВЫЙ СОСЕД

— В каком это смысле? — спросил Олег, поливая сковороду маслом из пластиковой бутылки.

— В самом прямом, — ответил топчущийся у порога парень. — Фамилия такая. Бог.

— Ну, нифига ж себе! — восхитился Олег. — А имечко, надеюсь, тоже подстать? Ярила там или Вицлипуцли?

— Леонидом зовут, — поведал парень, ничуть не смущаясь. — Меня комендант прислал. На подселение.

У него были коротко стриженные тёмные волосы, карие глаза и фигура профессионального качка.

Олег шлёпнул на сковороду котлетный фарш и принялся его жарить.

— Проходи, не стой в дверях, — сказал он. — Как же ты живёшь с такой фамилией? Ключот ведь небось?..

Парень пожал плечами.

— А у тебя лучше?

— У меня Иванов, — гордо сказал Олег. — Нипочём не забудешь.

— Моя тоже сразу запоминается, — сказал Леонид и театрально поиграл бицепсами.

Олег улыбнулся и левой рукой поскрёб затылок.

— Бог послан комендантом.

— Ниспослан, — привычно поправил Леонид.

Олег ловко перевернул подрумянившуюся котлету.

— А ты в порядке, — сообщил он. — Снюхаемся. Ты уверен, что ничего такого не умеешь?

Леонид снова пожал плечами. Кинул спортивную сумку на свободную кровать.

— Ты о чём?

— Ну там розу из пепла воссоздать. Или свет и тьму движением бровей развести...

— А-а... Нет. Я ж не Парацельс.

— Жаль! — сказал Олег. — Очень бы пригодилось. Сумарокову диффуры с первого захода мало кто сдаёт. Водки опять же вечно не хватает. Да и Танька из двести второй не даёт.

— Что не даёт? — не понял Леонид.

— В том-то и дело, что вообще ничего, — сказал Олег. — И никому. А ведь я писатель. Фантаст. Творец! Два романа уже наваял. Могла бы сделать исключение.

— Таньки, они такие, — сказал Леонид задумчиво. — К ним подход нужен.

— Да ну её! Она книжки не читает. Чёрт её разберёт, что ей нужно!

— Ты бы не чертыхался попусту, — осторожно попросил Леонид. Олег хохотнул.

— Ноблесс оближ? Макароны будешь с котлетами, господи? Или ты скоромного не употребляешь?

— Я всеяден, — сообщил Леонид. — А к мясу люблю приправы.

— Я тоже люблю, — сказал Олег. — Горчица, кетчуп есть. Душа просит маринованного имбиря, но увы.

— Ну, это дело поправимое. Подождёшь пять минут? Я мигом.

Леонид выскочил в коридор и в три прыжка достиг лестничной площадки. Завернул за угол. Дверь в комнату отсюда была не видна, а значит, и его не могли увидеть. Он склонил голову на бок, послушал, нет ли шагов на лестнице, затем быстро перекрестился и вытянул руку ладонью вверх. Раздался лёгкий хлопок, и на ладони у него появилась одноразовая пластиковая тарелка с горкой розовых имбирных кусочков. Он дёрнул один сверху и быстро сунул его в рот на пробу. Довольно сощурился, медленно посчитал про себя до тридцати и пошёл назад в комнату. Надо будет завтра где-нибудь по-соседству с общагой материализовать суши-бар или магазинчик, торгующий китайскими соленьями. Реальность, сформированная юным творцом романов, пока ещё кособока и насквозь дырява, но парень способный, и плотность постепенно нарастёт. А выправлять эту реальность отчего-то — тьфу! тьфу! тьфу! — черто-овски приятно!

Евгения Халь

УМЕТЬ РОДИТЬСЯ

Не может этого быть, чтобы все они сумели так правильно родиться!

Глеб оглядел приёмную. Народу — море, а вакантное место всего одно. Конкуренты проглядывали профчипы, в воздухе плавали голограммы генетических профрезюме.

Особенно Глеба раздражал этот маленький и лысый, что напротив пыхтел. Сморчок-сморчком, а так много умеет! И самолётами управлять — дед бы лётчиком. И деликатесы готовить — бабка — шеф-повар. И хотя для работы в крупном банке это все не пригодится, но вдруг начальству захочется вкусно поесть или на частном самолёте прокатиться?

Никто не знает, на какую должность человека ищут. Увидев в голограмме сморчка двоюродного прапрапрадеда-экономиста, который с самим Карлом Марксом дружил, Глеб пригорюнился.

С тех пор, как придумали способ выуживать из генной памяти нужные умения и знания, собственные навыки совсем обесценились.

Что проку всю жизнь учиться, если есть чип, который за десять минут научит внука хирурга пересаживать сердце.

Оттого и безработица началась — спецов развелось немеряно. Можно купить фальшивую профпамять, но она работает только пару недель, поэтому потом нужно купить другую, а это дорого. Еще необходимо пройти текст на подлинность генов. Тут уж как повезет: никто ведь не знает, какая из бабушек с кем развлекалась. А вдруг у нее сосед-дантист был, а правнуки и не знают, что могут зубы лечить? Купят они фальшивую профпамять стоматолога, а тест на подлинность пройдут, потому что бабуля заранее побеспокоилась, сама того не зная.

Дверь кабинета распахнулась. В приемную вылетел очередной отвергнутый кандидат.

Его немедленно окружили.

— Кто им нужен? Какая профессия?

— Да черт их знает! — отмахнулся неудачник, вытирая красное от негодования лицо. — Так и не сказали. Просто выгнали.

— Не меньше как в совет директоров набирают, оттого и тихушничают, — взвизгнул радостно сморчок, вспомнив прадеда-экономиста. — Чтобы фальшивку нужную заранее купить нельзя было.

— Ага, так всем советом и сидят, психи! — прошипел краснолицый. — Вернее, бегают по кабинету туда-сюда, глаза на лбу, злые, как черти. На профчип впорглаз глянули и выперли. Психиатр им всем нужен. У меня прадед замминистра финансов был, а им хоть бы хны!

Глеб с досады чуть не сплюнул и решительно двинулся к выходу. И куда поперся? Сам он на бухгалтера выучился, единственный из семьи. Но родня-то! Деда рабочие, бабки доярки, отец вообще сантехник.

Секретарша выкрикнула его фамилию, и Глеб повернул назад. Ладно, зря, что ли, полдня в очереди стоял?

Глеб нерешительно зашел в кабинет, положил профчип на стол перед директором банка. Половина совета директоров и вправду нервно расхаживала по кабинету, один из них даже подпрыгивал возле окна.

Директор банка развернул профчип, поднял руки к небу и мысленно поблагодарил всевышнего. Наконец-то после многих недель мучений небеса послали ему обычного сына сантехника! Что за дурацкие времена: по пять академиков на квадратный метр, а уборную некому починить.

СЕКРЕТ КУКОЛЬНОГО МАСТЕРСТВА

Кукла удалась на славу — тонкие черты лица, нарядное красное платье с кружевами, в косы вплетены яркие ленты, туловище аккуратно набито соломой.

Довольный своей работой, Кукольник усадил её на угол стола, рядом с другой куклой — рыжеволосой и чуть курносой, в белом платье в синий горошек. Новая кукла была совсем как живая; рядом с ней старая смотрелась обычной красивой игрушкой.

Увидев это, Кукольник небрежно смахнул рыжую куклу со стола, и та упала в корзину с разноцветными обрезками и лоскутками.

— Почему вы её выбросили? — раздался женский голос, и Кукольник вздрогнул — он так увлёкся работой, что не заметил, как в лавку игрушек вошла посетительница, молодая вдова, что жила в доме напротив.

— Она мне не удалась, — рассеянно пояснил он, не отводя глаз от своей новой куклы.

— О чём вы говорите? — воскликнула вдова, доставая забракованную куклу из мусорной корзины и осторожно её отряхивая. — Она такая красивая!

— Хотите — забирайте её, — нетерпеливо предложил Кукольник. — Она мне не нужна.

Выпроводив за двери вдову, любовно несшую в руках рыжеволосую куклу, он запер лавку и отправился спать, уверенный, что уж с такой прекрасной новой куклой, которую он смастерил сегодня, утром его обязательно встретит долгожданное чудо.

Однако чуда не случилось — утром красавица-кукла по-прежнему сидела на столе.

Кукольник с досадой саданул кулаком по стене. Как же так? Простой столяр выстругал из полена мальчишку — и тот ожил. Скульптор изваял статую, и та превратилась в женщину. Отчаявшаяся пожилая пара и вовсе слепила снеговика, и тот обернулся девочкой! В чём же секрет? Почему не оживают его прекрасные, совершенные куклы? Из них могли бы получаться такие симпатичные дети, и бездетные горожане заплатили бы за них хорошие деньги! Да вот хоть та же молодая вдова из дома напротив; потеряв два года назад мужа, она явно тяготилась одиночеством и наверняка мечтала о ребёнке.

А уж как бы он на этом деле разбогател!

Но вот беда — его прекрасные, совершенные куклы всё никак не оживали...

Кукольник вздохнул — и сел за новую куклу. Может, если сделать глаза поярче, а туловище набить не соломой, а конским волосом, всё получится?

Скрипнула входная дверь, в лавку вошла молодая вдова. За руку она держала маленькую рыжеволосую девочку. Кукольник нахмурился — что-то в ребёнке казалось ему неумовимо знакомым. То ли белое платье в синий горошек, то ли немного курносый нос...

— Но почему? — в отчаянии воскликнул Кукольник мгновение спустя. — Почему она не ожила у меня?

Вдова его не услышала. Она поцеловала девочку в щёчку, нежно погладила по рыжим волосам и с любовью спросила:

— Доченька, хочешь, купим тебе куклу?

Виталий Придатко ПРИШИВАЮ КРАЙНИЙ КАРМАН

— У меня нет карманов,—словно недоумку, повторяет мальчишка; сопли засохли серыми разводами на смуглой щеке, переднего зуба не хватает, бровь пересекает толстый короткий шрам.

— Вижу.

— То есть мне ты карман не пришьешь,—подначивает пацан, оглянувшись на дружков, хищно подкрадывающихся со спины. Хорошая все же штука — зеркальце под прилавком разболтанной скрипучей тележки. Удобная.

— Задаром — не пришью,—лениво соглашаюсь, осторожно разминая пальцы левой руки. После Дарданелл им случается вести себя... своеобразно. Но сияний не случилось уже недели с две, большой грозе пока не время, да и миротворцы не показывались давненько — и пальцы послушно щелкают, сжимаясь и разжимаясь. Третье поколение, увесистое и неуклюжее, хлопотное в обиходе; зато — никакого контроля и никакой подчиненности.

— А как это — крайний? — интересуется пацан, украдкой поглядывая мне за спину.

— Ты чего-нибудь по карманам распахивал когда? — спрашиваю, подавая сигнал легким импульсникам. Шорох в тележке — значит, все готово. Стайка мальцов тоже вот-вот изготовится налететь: возможно, просто избить — а то чего это полумех делает в их благословенном святой Коррупцией городке; но скорее, думаю, просто пограбить. Ибо объявление неизменно наводит на мысль, что я — или юродивый, или просто косноязычный чужеземный никто.

— Ну.

— А забывал, где что лежит, да так, чтобы пришлось искать, а найти уже в самом последнем кармане?

Пацан делает вид, что задумался, оттягивает пальцами нижнюю губу. Я мгновенно разворачиваюсь, перекидываю импульсник

в правую руку и нацеливаю на рванувших было с места беспризорников. Качаю головой — и они мгновенно разлетаются в разные стороны: каждый за себя, иначе не выжить.

Тот, что затеял разговор, молча стоит: механическая рука нацелила ему в лоб второй импульсник, и промазать с такого расстояния не получится. Даже у лоха или юродивого.

— Так забывал?

Кивок.

— Я пришиваю такой карман, где в наибольшей нужде ты найдешь то, что тебе нужно. Понял? Он может быть вторым, пятым, сороковым... или единственным. Но с ним... ты будешь готов.

— Как с пушками, да? — бормочет мальчишка, и я удивленно вскидываю бровь.

— Не совсем... но что-то вроде.

— Понятно,—говорит он, и вдруг отворачивается от меня и молча бредет прочь.

Я замираю, не в силах поверить. В левой руке гудят сервомоторы.

— Так что с карманом?! — окликаю пацана, когда тот уже почти дошагал до угла.

— Кому другому пригодится,—дергает пацан плечом. — Мне уже поздно. Надо было... надо было раньше.

Он останавливается и некоторое время молча горбится под уцелевшим уличным фонарем. Ежится. Вздрагивает — хотя стоит теплынь и ветра нет совсем.

Я осторожно достаю иголку живой рукой и внимательно на нее смотрю. Не знаю, что ею надо пришивать или штопать — нынче в мире исключительно много прорех; знаю — что мальчишка вот-вот кинется на меня с кулаками, захлебываясь бедой, которая все еще саднит.

Это правильно. Шьют только такие.

Остальные предпочитают рвать.

Примечание редколлегии

На тему СИКРЕТ СЕРВИС было прислано и отобрано так много хороших рассказов, что пришлось поделить их на два номера под условными названиями - собственно СИКРЕТ СЕРВИС и КОЗА НОСТРА. В этот номер вошли рассказы, в сюжетах которых меньше секретности, но больше личной ответственности героев, меньше сервиса, но больше дел. Впрочем, это мнение правое только с точки зрения редакции – у читателей может сложиться совершенно противоположное. И оно тоже будет правым – с их точки зрения.

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*

Евгения Халь, Александр Тишинин

Литературные редакторы: *Анна Райнова и Григорий Панченко*

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Светлана Тулина, Ольга Маковская,*

Елена Нестерова, Ильмир Амиров

Подписано в печать 17.10.2016

Формат 60×84 1/16. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 17,90. Уч.-изд. л. 16,93.

Заказ книг
fanni.old-land.ru
sz-izdat.ru